ПАМЯТНИКИ
ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА

ЭВЕНКИЙСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

НИМҢАКАР

СӨ БЭЕ СӨДӘНӢ МӘТӘ

ИҺӘРДАН-ДЭВЭРДЭН ТЭТЫЛКЭН ДЭГИЛТЭР СӨҢКУ ДЭВЭЛЧЭН

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

ЭВЕНКИЙСКИЕ
ГЕРОИЧЕСКИЕ
СКАЗАНИЯ

ХРАБРЫЙ СОДАНИ-БОГАТЫРЬ

ВСЕСИЛЬНЫЙ БОГАТЫРЬ ДЭВЭЛЧЭН В РАСШИТОЙ-РАЗУКРАШЕННОЙ ОДЕЖДЕ

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»,
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

В ПОДГОТОВКЕ СЕРИИ УЧАСТВУЮТ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ФОЛЬКЛОРУ

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
(ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ЯКУТСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

●

ИНСТИТУТЫ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК И ОБЛАСТЕЙ

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ТУВИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

●

СОВЕТСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ

●

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР

ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОЗНАНИЯ

СОЮЗ КОМПОЗИТОРОВ СССР

ВСЕСОЮЗНАЯ КОМИССИЯ ПО НАРОДНОМУ МУЗЫКАЛЬНОМУ ТВОРЧЕСТВУ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР

ИНСТИТУТ ТЕАТРА, МУЗЫКИ И КИНЕМАТОГРАФИИ им. Н. К. ЧЕРКАСОВА

НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ им. М. И. ГЛИНКИ

СОЮЗ КОМПОЗИТОРОВ РСФСР

КОМИССИЯ МУЗЫКОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРА

ВСЕСОЮЗНОЕ ТВОРЧЕСКО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ФИРМА МЕЛОДИЯ»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Н. А. Алексеев, Э. Е. Алексеев, В. М. Гацак (зам. главного редактора), *А. П. Деревянко* (главный редактор), *Н. В. Емельянов, И. И. Земцовский, Х. Г. Короглы, А. И. Крушанов, Е. Н. Кузьмина* (отв. секретарь), *Д. С. Лихачев, Ю. С. Мелентьев, Б. Н. Путилов, В. М. Санги, Ю. И. Смирнов, А. Б. Соктоев* (зам. главного редактора), *М. И. Тулохонов, Е. И. Убрятова, Ю. И. Шейкин.*

Художественное оформление серии
А. А. Рюмина

В ПОДГОТОВКЕ ТОМА УЧАСТВОВАЛИ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ СО АН СССР
ЯКУТСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ СО АН СССР
ВСЕСОЮЗНАЯ КОМИССИЯ ПО НАРОДНОМУ МУЗЫКАЛЬНОМУ ТВОРЧЕСТВУ
СОЮЗА КОМПОЗИТОРОВ СССР
КОМИССИЯ МУЗЫКОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРА СОЮЗА КОМПОЗИТОРОВ РСФСР
НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ им. М. И. ГЛИНКИ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РСФСР

Сказитель
Н. Г. Трофимов

Вступительная статья, подготовка текстов, перевод,
комментарии и словари
А. Н. Мыреевой

Редактор перевода
А. Е. Аникин

Музыковедческая статья
А. М. Айзенштадта, Ю. И. Шейкина

Нотные записи
Ю. И. Шейкина

Фотоиллюстрации
В. Т. Новикова

ББК 82.3 Сиб+82.3Э
Э 15

Рецензенты

кандидат филологических наук *Б. В. Болдырев*
кандидат исторических наук *Ю. А. Сем*

Утверждено к печати
Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР

Ответственные редакторы тома
кандидаты филологических наук
Н. В. Емельянов, Е. П. Лебедева

Эвенкийские героические сказания / Сост. А. Н. Мыреева. —
Э 15 Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. — 392 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
ISBN 5—02—029389—X.

Книга открывает серию «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Вступительная статья к серии характеризует ее концепцию, историко-культурный контекст и новизну. В томе впервые публикуются два уникальных эвенкийских нимнгакана (героические сказания) — о богатырях Содани и Дэвэлчэне — в исполнении крупнейшего рапсода Н. Г. Трофимова (1915—1971), открытие которого стало научной сенсацией. Тексты даются с параллельным русским переводом. Оригинальность поэтики сказаний, их музыкального строя и стиля, этнографические реалии раскрываются в статьях, нотных записях и комментариях к тому. Прилагается грампластинка, запечатлевшая «личные» песни персонажей.

Издание рассчитано на фольклористов, литературоведов, этнографов, широкий круг читателей.

Э $\frac{4702000000-039}{042(02)-90}$ 718—90 II полугодие

ББК 82.3 Сиб+82.3Э

ISBN 5—02—029389—X

© Издательство «Наука», 1990

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Основная цель серии — научное издание выдающихся в художественном отношении фольклорных произведений народов Сибири и Дальнего Востока. Данное издание — не свод национального фольклора и не простой набор фольклорных текстов, оно ориентировано на публикацию избранных памятников, представляющих вершинные достижения устно-поэтического творчества каждого народа Сибирско-Дальневосточного региона, т. е. произведений памятных и значимых и для истории, и для современности. В совокупности фольклорная классика этого обширного края, отличающаяся яркой самобытностью, предстанет в серии как богатая и неотъемлемая часть общего культурного достояния народов нашей страны.

Отправным критерием при отборе текстов служат художественное совершенство и историко-познавательная ценность произведения. Выбор текста — итог изучения всей совокупности произведений и вариантов.

Одна из задач серии — широкое введение в научный оборот неизданных материалов (инедитов). При наличии старой (опубликованной) и новой (неизданной), равноценной ей, а тем более лучшей по качеству, используется второй вариант. Огромное число вариантов, версий, произведений публикуется впервые. Это придает серии уникальную новизну.

Тексты воспроизводятся без каких-либо искажений и литературного вмешательства, с обязательным сохранением подлинной народной речи, диалектных форм языка (но без применения диакритических знаков, которыми пользуются лингвисты, т. е. оставаясь в пределах современных алфавитов каждого языка).

Серия носит двуязычный характер.

Национальные тексты (за исключением, разумеется, русских) сопровождаются параллельным переводом на русский язык. Исходя из фольклористических принципов, переводчики стремятся точно уловить и передать по-русски в наиболее соответствующем оригиналу словесном оформлении суть поэтической мысли. Обязательное требование к переводу — сочетание точности с доступностью для широкого круга читателей. При необходимости вносятся пояснительные слова в квадратных скобках. Поэтические образы, этнобытовые и другие реалии специфического характера поясняются в комментариях и словарях.

Подача национального текста и русского перевода координируется посредством нумерации стихов или частей (смысловых блоков).

Серии в значительной мере придается комплексный характер, с особым акцентом на сочетании филологического, музыковедческого, этнографического подходов.

Вступительные статьи к каждому тому характеризуют место издаваемых произведений в традиционной фольклорной культуре соответствующего народа, их поэтические и музыкальные особенности, синкретическое искусство исполнителей. Комментарии призваны точно документировать публикацию, снабдить текст и перевод необходимым фольклористическим, филологическим, этнографическим толкованием.

Нотации приводятся в соответствии с требованиями фольклористической точности и необходимой доступности для воспроизведения. Они размещаются в зависимости от характера тома: либо вместе с публикуемым текстом (а также в музыковедческой статье), либо в особом приложении. Все специальные условные обозначения оговариваются в конце музыковедческой статьи. В нотных записях фиксируются все основные музыкальные элементы исполнительского варианта, а также систематические или характерные отклонения от них, имеющие смысловое значение.

Не поддающиеся нотированию особо специфические элементы интонирования (тембр и т. п.) оговариваются в комментариях.

К каждому тому прилагается грампластинка с образцами публикуемых вариантов произведений. Но бывают случаи, когда их фонограмм не существует (это относится, например, к ряду эпических сказаний, зафиксированных в свое время только в вербальной записи). В таких ситуациях сочтено целесообразным давать для ориентации фрагменты другой звукозаписи, запечатлевшей то же самое произведение или, по крайней мере, ту же самую местную традицию. Музыковедческий анализ позволяет представить путем неизбежно гипотетической экстраполяции, какие черты звучания могли быть свойственны и публикуемому варианту.

Грампластинки иллюстрируют самые разные жанры фольклора (не только словесно-музыкальные, но и прозаические) в их естественном бытовании. Можно услышать звучание текстов на редчайших языках в исполнении талантливых певцов и сказителей.

Тома серии иллюстрируются ценным документальным материалом.

Книги серии печатаются фотонаборным способом. На единой основе — гарнитуре Лазурского — созданы комплекты универсальных шрифтоносителей, отвечающие потребностям многоязычной серии.

Сектором фольклора народов Сибири Института истории, филологии и философии СО АН СССР в сотрудничестве с коллективами специалистов-лингвистов решалась задача создания — первоначально в порядке рабочего научного эксперимента — национального алфавита и шрифтов для ряда бесписьменных языков Сибири и Дальнего Востока (долганского, тофаларского, удэгейского, юкагирского и др.).

Авторские коллективы томов серии опирались на традиции отечественной академической школы, использовали опыт лучших изданий советского времени (в том числе — двуязычной академической серии «Эпос народов СССР», выпускаемой Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР) и зарубежных публикаций.

В состав серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» входят следующие книги (названия могут уточняться в процессе подготовки издания):

Алтайский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Бурятский фольклор (в 7 т.)
«Аламжи Мэргэн». Героический эпос
«Осодор Мэргэн». Героический эпос
Волшебные сказки
Сказки о животных и бытовые
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Нанайский фольклор (в 2 т.)
Нингман, сиохор, тэлунгу
Песни и обрядовая поэзия

Нивхский фольклор (в 2 т.)
Героический эпос и народные песни
Мифы и предания

Русский фольклор Сибири и Дальнего Востока (в 6 т.)
Эпическая поэзия
Сказки волшебные и о животных
Сказки легендарные и бытовые
Лирическая поэзия
Обрядовая поэзия
Несказочная проза

Тувинский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Хакасский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Эвенский фольклор (в 2 т.)
Героический эпос и песни
Сказки, легенды и предания

Эвенкийский фольклор (в 3 т.)
Героический эпос
Сказки, легенды и предания
Песни и обрядовая поэзия

Якутский фольклор (в 6 т.)
«Кыыс Дэбилийэ». Героический эпос
«Модун Эр Соготох». Героический эпос
Сказки
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Фольклор (по одному тому)
Белорусский
Долганский
Еврейский
Ительменский
Керекский
Кетский
Корякский
Мансийский
Нганасанский

Негидальский
Ненецкий
Селькупский
Сибирских татар
Тофаларский
Удэгейский
Украинский
Ульчский
Хантыйский
Чукотский
Шорский
Энецкий
Азиатских эскимосов
Юкагирский

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

1990 г.

Бурятский героический эпос. «Аламжи Мэргэн».

1991 г.

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока.
«Кыыс Дэбилийэ». Якутский героический эпос.
Бурятские волшебные сказки.

1992 г.

Нанайский фольклор: нингманы, сиохор, тэлунгу.
Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных.
Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые.
Тувинские сказки.
Бурятские новеллистические сказки.

ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ИСТОКИ И ТРАДИЦИИ[1]

I

Сибирь и Дальний Восток — обширный удивительный край нашей страны, край настоящего и будущего. В нем имеются не только минеральные и природные ресурсы, не только бурно развивающаяся экономика, но есть и еще одно необыкновенное богатство: культурное и историческое наследие народов, в нем проживающих.

Сибирь и Дальний Восток населяют десятки народов, говорящих на разных языках. Все они имеют богатейшую историю, удивительное по богатству и разнообразию культурное наследие, истоки которого уходят в давность, исчисляемую тысячелетиями [2].

Далекое прошлое Сибири и Дальнего Востока, его историческая глубина постепенно раскрываются во всей своей огромности и неустранимом воздействии на последующие эпохи и времена. Предысторию и преемственность фольклорного развития двух регионов невозможно представить себе без учета этой впервые возникающей археологической ретроспективы. Обычно она почти не принимается во внимание. Однако в данном случае «стыкование» с археологией насущно необходимо и принципиально значимо, поскольку сразу создает представление о масштабности времени и пространства истории.

* * *

. . .В 1871 г. при строительстве военного госпиталя в Иркутске была открыта палеолитическая стоянка, которая оказалась первой не только в Сибири, но и в России. Примечательно, что в слое вместе с костями давно вымерших животных, каменными орудиями найдены предметы искусства и украшения. Известный исследователь Восточной Сибири И. Д. Черский, изучавший культурные отложения стоянки, высказал идею о том, что предметы искусства и украшения сделаны человеком постплиоценового времени (так в то время называли плейстоцен) с помощью каменных орудий. В условиях, когда археология не только в России, но и в мире делала свои первые шаги, это была смелая и неожиданная догадка, поскольку речь шла не о Франции, Средиземноморье, а о Сибири, и не о человеке недавнего прошлого, а жившем 15—20 тыс. лет назад.

---

[1] Авторы разделов I — А. П. Деревянко, II — В. М. Гацак, III — А. Б. Соктоев.

[2] *История* Сибири. — Л., 1968. — Т. 1.

В 1880-е гг. большую серию палеолитических стоянок удалось открыть на Енисее жителю г. Красноярска И. Т. Савенкову. В конце XIX в. эти стоянки посетил известный французский археолог Ж. де Бай, который сделал несколько докладов об открытиях в Сибири во Французской академии и Парижском географическом обществе. Еще одно неожиданное открытие было сделано в 1896 г. в Томске. Оно связано с работами профессора Н. Ф. Кащенко. Им были найдены скопления костей мамонта, а рядом с ними — остатки кострищ, каменные орудия. В коллекции с этой стоянки совсем недавно обнаружена пробирка с углем, который Н. Ф. Кащенко собрал с кострищ. Он, конечно, не предполагал, что более чем через полвека будет разработан метод радиоуглеродного датирования, но интуитивно чувствовал, что мельчайшая деталь, любая находка, связанная с жизнью древнего человека, представляет величайшую ценность, и благодаря его стремлению все сохранить и зафиксировать по этому углю удалось установить возраст стоянки — 18300 ± 1000 лет.

Открытия в Сибири, видимо, не остались незамеченными. В конце XIX в. в Европе стала достаточно широко известна гипотеза о североазиатско-европейской прародине человека[3]. Она была высказана австрийским ученым М. Вагнером и французскими исследователями А. Катрфажем и Э. Картальяком. Кратко суть идеи сводилась к тому, что впервые человек сформировался в северных широтах, где быстрее всего наступило похолодание, а затем расселился и в более южных районах. При всей возможной привлекательности этой гипотезы она, конечно, не имела сколько-нибудь серьезного научного обоснования: к началу XX в. палеолитических стоянок в Сибири было известно мало, исследовались они лишь частично и возраст их не превышал 20 тыс. лет.

Немало крупных находок выпало на долю исследователей в первой половине XX в., но стоянок древнее 25 тыс. лет в Северной Азии так и не было обнаружено. Большинство ученых считало, что древнее этого времени, вследствие суровости климата в плейстоцене и низкого уровня культуры человека, стоянок в Сибири не будет открыто.

Однако в 1961 г. на Алтае (в г. Горно-Алтайске на р. Улалинке) и на Дальнем Востоке (у с. Филимошки на р. Зее) А. П. Окладников впервые нашел очень древние орудия труда. Возраст открытых здесь стоянок превышал 200—300 тыс. лет.

Длительное время большинство исследователей отвергало идею о столь раннем заселении Северной Азии человеком. Многие продолжали считать Сибирь далекой окраиной человеческой культуры и цивилизации. Но продолжались напряженные поиски, накапливались новые факты о древности культуры человека в Сибири. Еще в 1968 г. во Владивостоке один из крупнейших советских антропологов — профессор Г. Ф. Дебец, просматривая коллекцию каменных орудий, собранную на ряде древнейших местонахождений юга советского Дальнего Востока, заметил: «Если будут найдены серии артефактов, то я признаю ранний палеолит Дальнего Востока». Проходили годы. . . Археологи открывали новые стоянки, и в настоящее время уже нет сомнений в том, что человек впервые заселил Северную Азию в раннем палеолите, т. е. более 300 тыс. лет назад.

---

[3] *Ларичев В. Е.* Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. — Новосибирск, 1969. — Ч. 1. — С. 17—66.

А. П. Окладников в течение ряда лет проводил раскопки на Улалинке[4]. На этой стоянке-мастерской собран огромный материал, насчитывающий несколько тысяч изделий. По древности каменного инвентаря стоянка-мастерская на речке Улалинке — уникальный памятник ярко выраженной галечной культуры, в нем обнаружены обработанные человеком кварцитовые желваки и примитивные орудия из галек. Это местонахождение представляет целую эпоху в истории каменного века Северной Азии. Его возраст, видимо, не менее 300—400 тыс. лет. В 1960-е гг. раннепалеолитические комплексы исследовались А. П. Окладниковым и А. П. Деревянко на Дальнем Востоке[5].

Важное значение имеет открытие в конце 60—70-х гг. Г. И. Медведевым и другими иркутскими археологами стоянок на Братском водохранилище. Благодаря их целенаправленной работе удалось собрать обширный сравнительный материал для характеристики верхне- и среднеплейстоценовых разрезов и, что особенно важно, найти каменные орудия в слое.

Нужно отдать должное иркутским археологам: они не спешили с выводами, а постоянно накапливали материал, прокладывали десятки шурфов по нескольку метров глубиной каждый, чтобы получить хорошие стратиграфические разрезы, а главное — вели поиск каменных орудий непосредственно в слое, что позволяло точно установить время находок. Терпение и упорство были вознаграждены блестящими открытиями. В настоящее время нет сомнений в том, что 200—300 тыс. лет назад и в Приангарье расселялся древний человек[6].

Совсем неожиданными, в прямом смысле сенсационными, стали находки якутских археологов под руководством Ю. А. Мочанова в местности Дюринг-Юрях на Лене, в 120 км выше Якутска. С 1983 г. он и его сотрудники ведут раскопки на этом местонахождении, вскрыто несколько тысяч квадратных метров площади. Найдено около двух тысяч изделий. Они очень грубы и примитивны. Ученым предстоит еще многое сделать, чтобы по достоинству оценить открытие в Якутии. Результаты исследования флоры и другие данные свидетельствуют о том, что в то время в этих районах было холоднее, чем в настоящее время. У ученых справедливо возникает много вопросов, в том числе вопрос о датировке. Но несомненно, что находки очень древние, и это открытие одно из интереснейших в Сибири.

Столь древние комплексы на юге Сибири и Дальнего Востока ставят перед учеными важные вопросы, на которые необходимо найти ответ: откуда и когда пришел первый человек в Сибирь? Кто он был, этот первопроходец Северной Азии? Какова последующая его судьба?

Многие исследователи убеждены, что человек впервые заселил юг Сибири в раннем палеолите. Наиболее вероятным районом, откуда происходила инфильтрация древнейших популяций в Сибирь, могла быть Монголия. Только за 1983—1988 гг. археологами Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (ИИФиФ СО АН СССР) в Монгольском

---

[4] *Окладников А. П.* Улалинка — древнепалеолитический памятник Сибири // Палеолит и неолит СССР. — Л., 1972. — Т. 7. — С. 7—19.

[5] *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. — Владивосток, 1973; *Деревянко А. П.* Палеолит Дальнего Востока и Кореи. — Новосибирск, 1983.

[6] *Медведев Г. И.* Палеолитические обитатели юга Сибирского плоскогорья и древние культуры Северной Америки // Позднеплейстоценовые культурные связи Азии и Америки. — Новосибирск, 1983. — С. 36—41.

и Гобийском Алтае открыто более 20 раннепалеолитических комплексов. Некоторые из них могут быть отнесены к древнейшим в Азии.

Появление первого человека в Сибири в раннем палеолите еще не решает всей проблемы заселения этой территории человеком. Стоянки раннего палеолита оставлены нашим далеким предком, так называемым архантропом. В связи с этим встает еще одна не менее важная и увлекательная проблема — дальнейшее развитие культуры и самого человека в Сибири. Здесь возможны два варианта решения: или в период максимального, среднеплейстоценового оледенения он вынужден был уйти на юг, или, расселяясь в наиболее благоприятных экологических нишах, продолжал обитать на юге Сибири в среднем и верхнем палеолите, совершенствуясь сам и совершенствуя свою культуру.

Человек современного физического типа, как традиционно считается, появился в верхнем палеолите. Сибирь до недавнего времени исключалась из районов, где происходило его формирование. Исследования последних лет внесли существенные коррективы и в решение этой проблемы. Особенно важные открытия сделаны археологами ИИФиФ СО АН СССР на Алтае [7].

Ануй — одна из многих алтайских рек, которые питают бассейн Оби. На Ануе на небольшом расстоянии друг от друга раскапываются три уникальные пещеры: Каминная, Денисовая и имени академика Окладникова. В Каминной и Денисовой пещерах выявлены мощные (до 4—5 м) культурные отложения. В Денисовой хорошо фиксируются 13 культурных горизонтов, относящихся к плейстоцену. Различные орудия труда, обнаруженные во всех этих горизонтах, позволяют проследить последовательность изменения форм и техники обработки каменных орудий на протяжении нескольких десятков тысяч лет. Наиболее ранние предметы относятся к мустьерскому времени и сделаны палеоантропами или неандертальцами — нашими непосредственными предками.

Самые интересные находки, пожалуй, связаны с пещерой им. академика Окладникова. Пещера обнаружена в 1984 г. Расположена на северо-западной окраине с. Сибирячиха. Открывается она гротом небольших размеров, от которого в глубь пещеры ведет узкий и низкий ход — галерея. Работы в пещере начались раскопками в гроте, где удалось определить три культурных горизонта. Два из них — мустьерские. Несмотря на небольшую площадь (около 24 $м^2$), при раскопках найдено большое количество мустьерских скребел, встречались остроконечники, скребки, ядрища и другие изделия. Из неожиданных находок — зубы и другие остатки самого обитателя этой пещеры, как оказалось, неандертальца. Это первые находки останков столь древнего человека в Северной и Центральной Азии. Пещера была безымянной, и археологи по согласованию с местными руководителями, которые постоянно помогали в работе, назвали ее именем одного из выдающихся исследователей древних культур Азии — академика Окладникова.

Бассейн Ануя интересен не только уникальными пещерами, но и открытыми стоянками. На левом берегу реки, почти напротив Денисовой пещеры, обнаружена многослойная стоянка на мысу с очень сложной стратиграфией. При раскопках найдены большое количество орудий труда, кости плейстоценовых животных. В среднем слое открыты кострища, угольки из них позволили

---

[7] *Деревянко А. П., Молодин В. И., Маркин С. В.* Археологические исследования на Алтае. — Новосибирск, 1987.

установить, что слой древнее 31 тыс. лет. Для стоянки характерно наличие таких принципиально важных типов изделий, как крупные и небольших размеров двусторонне обработанные изделия — бифасы; ядрища, близкие к торцовым, с пластинчатыми негативами снятия; пластины, обработанные крутой ретушью, похожей на мальтинскую. В нижележащем, более древнем горизонте также найдены двусторонне обработанные изделия, леваллуазские пластины и острия. На Ануе известны и другие пещерные и открытые стоянки, которые пока не раскапываются.

Что же дали исследования последних лет в бассейне р. Ануй? Впервые в Северной и Центральной Азии получен массовый материал из хорошо стратифицированных многослойных пещерных комплексов и открытых стоянок. Тщательный анализ артефактов позволил выработать эталонную типологию основных категорий каменных орудий, установить технику их первичного расщепления и вторичного оформления. Важно, что стоянки разного типа сконцентрированы в одном районе. Материалы их заполнят имеющиеся хронологические лакуны, а также дополнят друг друга, потому что при разных типах заселения — в пещерах и открытых стоянках, даже относящихся к одному и тому же времени, наблюдается преобладание разных типов и категорий каменных орудий.

Наиболее ранние комплексы, открытые на Ануе, древнее 50 тыс. лет. В ранних и более поздних слоях хорошо прослеживается преемственность в типологии и технике обработки каменных орудий. Такая преемственность фиксируется вплоть до комплексов верхнего палеолита, оставленных уже человеком современного физического типа. Все это свидетельствует о непрерывности в развитии культуры человека в позднемустьерскую эпоху и в верхнем палеолите. А это является основанием для утверждения, что в Горном Алтае расселялись популяции неандертальцев с хорошо выраженными сапиентными чертами, тех самых неандертальцев, которые «вышли в люди». Причем этот процесс хорошо прослеживается на материалах раскопок в бассейне Ануя. Таким образом, мы с полным основанием можем включить и южные районы Сибири в регион формирования человека разумного.

Традиционно считалось, что человек современного физического типа сформировался 35—38 тыс. лет назад. Однако, сжав переходный период от неандертальцев к Homo sapiens до нескольких тысяч лет, специалистам трудно ответить на многие вопросы. И один из главных — причины, которые привели к такому качественному скачку: от неандертальца — к человеку разумному. Называются многие причины, в том числе и мутации, происходившие под влиянием более активного в то время радиационного излучения. Сейчас среди антропологов и археологов все чаще стала обсуждаться точка зрения о том, что человек разумный формировался в течение гораздо более продолжительного времени. Нам представляется, что вообще не следует проводить резкой границы между физическим типом неандертальцев и физическим типом ныне живущих людей. Различия в особенностях физического типа (как и в орудийном наборе) неандертальцев и человека верхнего палеолита объясняются малочисленностью и палеоантропологического материала, и исследованных стоянок, особенно относящихся к так называемому переходному периоду. Проблема эта сложная и многоаспектная, но имеющиеся в настоящее время факты, в том числе и полученные на Алтае, позволяют утверждать, что основные типы каменных орудий, технические приемы их обработки, характерные для верхнего палеолита, оформились более

40 тыс. лет назад. Продолжение раскопок в бассейне Ануя позволит получить новые материалы, которые будут способствовать решению не только названных, но и целого ряда других проблем.

Исследования на Алтае привлекают большое внимание наших зарубежных коллег. Только в 1986 г. в раскопках принимали участие японские, американские, кубинские, канадские археологи. Был проведен советско-канадско-американский симпозиум, посвященный проблеме первых американцев. И это не случайно. Открытия на Алтае дают обширный фактический материал для дальнейшей разработки проблемы первоначального заселения человеком Нового Света. Специалистов, занимающихся этими вопросами, можно разделить на оптимистов и пессимистов. Оптимисты полагают, что первый человек пришел из Азии в Новый Свет ранее 20—30 тыс. лет. А пессимисты считают самой древней стадию наконечников, памятники которой появились не ранее 14 тыс. лет назад.

Открытие на Алтае мустьерских и верхнепалеолитических комплексов, тесно связанных генетически, не исключает расселения прогрессивного типа неандертальцев в северных районах Сибири и даже возможности миграции их по сухопутному мосту древней Берингии, из Азии в Америку. Отмечая возможные параллели и связи древних культур Сибири и Нового Света, следует отметить находки двусторонне обработанных изделий в среднем слое стоянки Усть-Каракол, датируемой с помощью радиоуглеродного метода временем древнее 31 тыс. лет. Бифасы также обнаружены в нижележащем, древнем горизонте Усть-Каракола, что предполагает их дальнейшее распространение в Сибири и даже в Америке.

Полученные в процессе раскопок на Алтае материалы позволят решить целый ряд других проблем, которые в течение длительного времени волнуют археологов, занимающихся изучением древних культур Северной Азии и Тихоокеанского бассейна.

Человек современного физического типа имел, бесспорно, более высокую и развитую культуру, что позволило ему неудержимо двигаться вслед за стадами диких животных. Люди шли все дальше, в новые области, богатые дичью. Одной из таких областей, наиболее удобных для расселения охотничьих племен, были долины Лены, Алдана, Зеи, Амура.

Совсем недавно палеолитические поселения были известны ученым только в южных районах Сибири — у Томска, на Алтае, в долине Енисея у Красноярска, на Ангаре вблизи Иркутска и за Байкалом — в долине Селенги. Уже в отдаленном прошлом, по крайней мере 35—30 тыс. лет назад, древние охотничьи племена начали осваивать север, спускаясь по долине Лены все дальше на север, к Ледовитому океану.

Историческая заслуга первых обитателей Сибири бесспорна. Именно они — пионеры Севера — в погоне за мамонтами и носорогами, за стадами северных оленей и быков открыли эту совершенно новую для человека страну, заложив основу для дальнейшего развития культуры и завоевания человеком необозримых пространств Севера.

В 1928 г. у с. Мальта, расположенного на левом берегу р. Белой при впадении ее в Ангару, молодой археолог и антрополог М. М. Герасимов начинает длительные раскопки палеолитического поселения[8]. По своему значению Мальта не

[8] *Герасимов М. М.* Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта // Палеолит СССР: Материалы по истории дородового общества. — М.; Л., 1935. — С. 93—100.

уступает крупнейшим мировым памятникам позднего палеолита. Здесь обнаружена богатая фауна — кости северного оленя, шерстистого носорога, мамонта и др. На поселении найдены несколько тысяч обработанных камней, остатки жилищ, которые позволили М. М. Герасимову выделить три типа сооружений. Инвентарь стоянки дал ученому возможность реконструировать технику и приемы обработки кости в период палеолита. Чрезвычайно обильно представлены здесь разнообразные украшения и типы орнамента. Раскопки поселения Мальта имели исключительное значение для сибирской археологии.

Раскопки Мальты только разворачивались, когда на небольшом расстоянии от нее, у с. Нижняя Буреть на Ангаре, А. П. Окладников обнаружил второе поселение древнего человека, столь же яркое и уникальное[9].

Мальта и Буреть дают наиболее полное представление о жизни и быте человека, жившего в Сибири 20—25 тыс. лет назад. Их древние обитатели, подобно эскимосам, строили постоянные или сезонные деревни вдоль берегов Ангары. Так же как эскимосы и чукчи, они сооружали большие дома из костей гигантских животных — мамонтов и носорогов, которые водились здесь в те отдаленные времена. Подобно современным эскимосам, жилища их имели углубленные в землю основания, а сверху были покрыты куполообразной легкой крышей, опирающейся на эластичный каркас из жердей и оленьих рогов.

Обитатели Мальты и Бурети создали не только оригинальную культуру охотников на мамонта и северного оленя, но и оставили после себя первоклассные образцы первобытного искусства. При раскопках на Ангаре были обнаружены удивительные скульптурные и резные изображения животных, змей, птиц, а также скульптурки женщин и украшения, которые поражают мастерством и живостью исполнения.

Чтобы в полной мере оценить впечатление, произведенное на ученых вновь открытыми в глубине Сибири художественными сокровищами людей ледникового времени, достаточно сказать, что Мальта и Буреть дали более 20 женских статуэток — почти половину «мирового запаса» этих изделий палеолитических скульпторов. Стало ясно, что в Сибири того времени, на берегах Ангары и Байкала, существовал мощный очаг первоначальной художественной культуры. Культура эта находилась на том же уровне, что и синхронные центры палеолитического искусства в Западной Европе.

Искусство палеолитического населения Сибири, судя по его образцам, найденным в Мальте и Бурети, было в основе реалистическим, наполненным отзвуками реальной жизни. Богатство находок по искусству древних обитателей Мальты и Бурети связано с реальной жизнью людей того времени. Так же как эскимосы, оседлые чукчи и коряки недавнего прошлого, древние обитатели Мальты и Бурети, жившие в условиях арктической природы, имели, как считал А. П. Окладников, достаточно пищи зимой и свободного времени, чтобы тратить его на художественную резьбу. В зимнее время, когда кругом бушевала пурга и лежали горы снега, эта работа могла служить им развлечением и отдыхом. Кроме того, в их распоряжении в изобилии был первоклассный материал для резьбы: бивни мамонтов и кости животных, а также мягкий камень, который сам «просился» в руки мастеров. По-видимому, именно поэтому здесь так пышно

[9] *Окладников А. П.* Палеолитические жилища в Бурети (по раскопкам 1939—1940 гг.) // Краткие сообщ. Ин-та истории матер. культуры. — 1941. — Вып. 10. — С. 16—31.

развивалась пластика, так многочисленные антропоморфные изображения животных и птиц[10].

Древние обитатели таежных просторов Сибири были не только прекрасными скульпторами, но и графиками-живописцами. Замечательные открытия искусства каменного века связаны с исследованием писаных скал у старинного русского села Шишкино на Лене.

Рисунки на скалах у с. Шишкино стали известны благодаря участнику первой Камчатской экспедиции XVII в. живописцу Й.-В. Люрсениусу, который по поручению руководителя экспедиции академика Г. Ф. Миллера сделал с этих рисунков несколько копий.

В 1929 г. А. П. Окладников обследовал эти петроглифы и скопировал десятки великолепных рисунков неолитической эпохи возрастом 5—6 тыс. лет. Позднее в 1941 г., во время второй своей экспедиции на Шишкинские скалы, проходя в очередной раз мимо скал, А. П. Окладников вдруг заметил на потрескавшейся и побелевшей от времени одной плоскости еле видимую под косыми лучами заходящего солнца полосу красной краски. Краска от времени, дождей и снега настолько выцвела, что почти сливалась с фоном скалы и ее мог обнаружить только опытный глаз, да и то при определенном освещении. А. П. Окладников, сдерживая волнение, подошел к скале. На смоченном водой месте показалась линия рисунка, и он увидел широкий, слегка волнистый лошадиный хвост. Сомнений не было — это рисунок, причем выполненный, судя по его сохранности, гораздо раньше, чем все другие рисунки на Шишкинских скалах.

Долго пришлось «колдовать» у этого рисунка, прежде чем вся композиция, нанесенная много тысяч лет назад, была восстановлена полностью. Перед археологами, освещенное ярким июльским солнцем, предстало уникальное и, вероятно, самое древнее изображение лошади на всем протяжении Шишкинских скал. Опытная рука художника смело и уверенно одной размашистой контурной линией передала реальные черты дикой лошади: ее тяжелое, почти квадратное туловище, голову с характерным горбатым носом, массивное отвислое брюхо, короткие толстые ноги, покрытые длинной густой шерстью, и длинный пышный хвост. Так могла выглядеть только знаменитая лошадь Пржевальского, чудом дожившая в глубинах Центральной Азии вплоть до XX в.

Изображение лошади по своей реалистической манере напоминало доисторические рисунки лошадей из знаменитых палеолитических пещер Западной Европы. Сравнивая шишкинский рисунок дикой лошади с другими доисторическими рисунками, можно отчетливо видеть поразительное сходство с изображениями лошадей Пиндаля и Костильо (Испания), Фон-де-Гом и Ляско (Франция). О древности этого изображения свидетельствовали реалистичность рисунка и манера исполнения. Древний художник сделал изображение лошади почти в натуральную величину, скупой контурной линией, точно так же, как делали подобные рисунки палеолитические художники Испании и Франции в ледниковом периоде. Все другие изображения лошадей на Шишкинских скалах, относящиеся к более позднему периоду, выполнены в совершенно другой манере. Глубокую древность рисунка подтверждало и то, что поверхность скалы с изображением очень сильно выветрилась и пострадала от времени — побелела и вздулась пузырями. Сама скала треснула, а нижняя ее часть осела, отчего смести-

[10] *История* Сибири. — Т. 1. — С. 49.

лись линии самого рисунка. Изображение было выполнено светло-красной краской, сильно вылинявшей. Позднее этот вывод о древности рисунка был подтвержден новыми открытиями.

Прошло шесть лет, и в ближайшем соседстве с первым изображением при тщательном обследовании скалы археологам удалось обнаружить еще один рисунок лошади. Он был выполнен в той же манере и по сути являлся как бы копией первого изображения. Краска настолько выцвела и сливалась с фоном скалы, что пришлось потратить много усилий, прежде чем удалось проследить всю композицию [11].

В том же, 1936 г., Шишкинские скалы подарили ученым еще один рисунок такого же стиля и той же глубокой древности. На одной из плоскостей вначале была обнаружена косая линия выветрившейся и выцветшей красной краски. При тщательной промывке скалы на конце этой полосы обнаружилась отчетливо прорисованная широкая кисточка. Затем появилось туловище зверя, ноги и голова. Из глубины скалы так же неожиданно, как два первых рисунка лошадей, выступил еще один новый представитель исчезнувшего животного мира далеких эпох. На этот раз перед исследователями предстал дикий бык, изображенный в такой же стилистической манере и такими же техническими приемами, как и первые палеолитические фигуры лошадей. Древнему художнику удалось талантливо передать не только общий вид массивной фигуры животного, но и его характерную позу. Рисунок насыщен первозданной мощью. Вытянутый хвост, опущенная вниз голова и крутой горб при переходе от шеи к спине усиливают это впечатление. Животное полно неудержимой внутренней энергии и стремления вперед. Этот рисунок также имел много общих черт с известными древними изображениями быков в Испании. Бык из Шишкино такой же далекий северный собрат замечательных быков Альтамиры в Испании, как лошади Шишкино — двойники лошадей пещерных росписей франко-кантабриской области древнекаменного века. Интересно, что, несмотря на колоссальные пространства, разделяющие долину р. Лены и Пиринеи, может быть установлено не только самое общее соответствие между памятниками палеолитического искусства, но и некоторые более близкие совпадения.

Открытие рисунков ледникового периода на Лене совершенно по-новому осветило историю искусства Сибири. Оказалось, что глубинные районы Сибири были заселены человеком в неожиданно раннее время и что древним людям, расселявшимся в тайге и лесотундре, было свойственно чувство прекрасного. Они оставили после себя неповторимые шедевры первобытного искусства, внесли свой вклад в мировое искусство на заре человечества. Находки в Мальте, Бурети, рисунки в Шишкино еще раз подтвердили важную мысль, что для человеческого общества были характерны одни и те же законы развития мышления и сознания независимо от того, где расселялись коллективы: в степях и лесостепях Испании или Франции, на необозримых просторах Центральной Азии или в Сибири. Человек, оторвавшийся от животного мира, медленно, постепенно, но уверенно делал первые шаги в искусстве, которые затем воплотились в бессмертные шедевры эллинского искусства, Возрождения и нашего сегодняшнего дня.

Искусство первых сибиряков характеризуется еще одной важной особен-

---

[11] *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Ленские писаницы. — М.; Л., 1959; *Окладников А. П.* Петроглифы верхней Лены. — Л., 1977.

ностью, на которую обратил внимание еще в 1960-е гг. Б. А. Фролов[12]. Изучая орнаментальные мотивы из Мальты и со стоянки Мезин на Десне, он пришел к выводу, что в ритме их построения и нанесения на предмет имеются определенные закономерности, которые выражались в повторении деталей орнамента одинаковое число раз. Чтобы выяснить, насколько закономерно присутствие числовых ритмов в искусстве палеолита, он стал рассматривать орнаментальные мотивы, встречающиеся на предметах искусства и из других палеолитических памятников. Им была разработана специальная методика анализа, исключающая возможность субъективных или случайных суждений о ритмическом «каркасе» орнаментов. Б. А. Фролов проверил и выразил статистически все способы чередования орнаментальных элементов в коллекциях палеолитической графики, собранной в СССР, прежде всего в таких крупнейших комплексах, как Мальта и Буреть в Сибири, Костенки, Авдеево, Мезин на Русской равнине. Результаты оказались во многом неожиданными и заставили предполагать не только начатки системы счета у доисторических мастеров — создателей орнамента, но и применение ими счета в простейших наблюдениях за циклическими процессами в природе.

В палеолите возникают также геометрические представления о таких, например, формах, как круг, шар, квадрат, прямоугольник, меандр, спираль и т. д., которые были известны людям той эпохи. Все это приводит к выводу, что еще в глубокой древности люди, осваивая природу, вплотную приближались к тому уровню, с которого начинаются математика и другие науки в более позднее время в земледельческих цивилизациях древнего мира.

Истоки древних культур уходят в глубокое прошлое. Но и в последующее время не оборвалась связь времен. Начальный фундамент культуры, заложенный далекими поколениями, продолжал развиваться и совершенствоваться.

В неолитическое время в Сибири и на Дальнем Востоке происходит формирование многих обширных культурно-исторических центров, где прослеживаются десятки культур с особой индустрией каменных и костяных орудий, отличительными особенностями в хозяйстве, искусстве, образе жизни.

Особый интерес представляют два наиболее характерных района развития неолитических культур: Приангарье и юг Дальнего Востока. В Приангарье продолжает развиваться образ жизни охотников и рыболовов — номадов сибирской тайги, характерный для более древних этапов[13]. На Амуре племена, оставаясь рыболовами и охотниками, рано переходят к оседлому образу жизни и создают свою оригинальную и самобытную культуру ихтиофагов, многие элементы которой прослеживаются вплоть до XX в.

В исаковское время (VI—V тыс. до н. э.) складывается вполне зрелый культурный комплекс прибайкальского и сибирского неолита. Появляются локальные формы шлифованных тесел, треугольных и трапециевидных в поперечнике. Сосуды параболоидные в вертикальном разрезе, покрытые снаружи отпечатками

---

[12] *Фролов Б. А.* О чем рассказала сибирская мадонна. — М., 1981. — 111 с.; *Он же.* Числа в графике палеолита. — Новосибирск, 1974. — 239 с.

[13] *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование // Мат-лы и исследования по археологии СССР. — 1950. — № 18; *Он же.* Неолитические памятники Ангары. — Новосибирск, 1974; *Он же.* Неолитические памятники средней Ангары. — Новосибирск, 1975; *Он же.* Неолитические памятники нижней Ангары. — Новосибирск, 1976.

сетки-плетенки. Двусторонне ретушированные наконечники стрел с асимметричными жальцами и основанием в виде хвоста ласточки. Такие элементы этого комплекса, как крупные полулунные скребла, большие вкладышевые наконечники и ножи, а также явная любовь к мамонтовой кости как материалу для изготовления охотничьего вооружения свидетельствуют о сильных палеолитических традициях.

Дальнейшим развитием той же в основе культуры отмечен следующий, серовский этап. Формы сосудов становятся более разнообразными, обогащается орнамент. Вместо простого горизонтального пояска из ямок под венчиками сосуды украшаются поясками из параллельных линий, выполненных гребенчато-пунктирным штампом или зигзагообразным пояском.

На китойском этапе находят распространение погребения без каменных кладок, с обильной засыпкой костяков охрой, символизирующей жизненное начало, «кровь ушедших в иной мир». Основная типологическая форма инвентаря китойских захоронений — оригинальные стерженьки для рыболовных крючков с полулунными выступами на обоих концах. Широко представлены также нефритовые тесла, линзовидные в сечении, треугольные ножи-острия из нефрита, плоские ножи из плиток аргиллита, поверхность которых уплощена широкими диагональными фасетками отжимной ретуши, а также песчаниковые «выпрямители» древков стрел — лощила, каменные круглые плитки-палетки и другие характерные вещи. Среди украшений выделяются кольца из белого мрамора.

Продолжает развиваться реалистическое искусство, анималистическое в основе. В китойских захоронениях встречены изображения рыб, в том числе плоские костяные, вероятно служившие шаманскими амулетами. Имеются и изображения лосиных головок, вероятно представляющие собой навершия шаманских жезлов-тростей типа бурятских шаманских конных тростей. Появляются антропоморфные скульптурки, предшественницы скульптур человека, характерных для глазковской культуры (конец III тыс. до н. э.). Одно из лучших произведений китойских скульпторов — высеченная из белого мрамора голова бородатого мужчины с тщательно и умело моделированным лицом: у него небольшой узкий лоб, длинный прямой нос с хорошо выраженной переносицей, глубокие впадины глаз и короткая треугольная борода. Черты этого лица более европеоидны, чем у неолитического населения Прибайкалья.

Но наиболее многочисленные памятники искусства, оставленные древними племенами ангарской и ленской тайги, — петроглифы. Крупный вклад в изучение наскальных изображений Сибири внес А. П. Окладников.

Наиболее ярко и полно искусство неолитического периода представлено на Ангаре, знаменитых Каменных островах, открытых еще в прошлом веке Н. И. Витковским. Исследование этой замечательной галереи каменного века начал А. П. Окладников в 1935 г.[14]

На всех трех Каменных островах сотни прекрасных рисунков. Одни выбиты искусной рукой мастера, другие прорисованы краской — то темной, густого тона, то светлой, нежной. Рядом с изображениями животных видны как бы эскизные наброски, по какой-то причине так и оставшиеся незаконченными. Вероятно, древнему художнику достаточно было нанести часть рисунка, чтобы

[14] *Окладников А. П.* Петроглифы Ангары. — М.; Л., 1966.

мысленно представить всю композицию. Многие рисунки можно рассмотреть при определенном освещении. Особенно четко и рельефно они выступали при восходе солнца, когда его первые лучи, прорываясь из-за горизонта, высвечивали композиции, выполненные древними художниками несколько тысяч лет назад, а также при закате, когда под косыми лучами из глубины скал как бы выплывали четко очерченные изображения животных.

Удивительно богатым был внутренний мир древних художников. Вот задумчиво стоит красавец лось. Тяжелая голова его низко опущена. Несколько шагов вперед вдоль скалы — и новая композиция. Вверх по склону бесшумно «мчится» группа лосей, целое стадо. «Бег» их мощный и стремительный. Сколько экспрессии в этом непреодолимом движении вперед! А рядом уникальное изображение — любовно очерченный контур головки самки лося. Длинные уши напряжены, они словно живые, и создается впечатление, что она сейчас неторопливо переберет ими, чутко прислушиваясь к лесным шорохам. Широко раздуты ноздри, четко очерчена губа. Но самое удивительное — глаза. Они внимательно и настороженно смотрят на мир сквозь тысячелетия. Недаром этот рисунок был назван «Лесная мадонна».

На скалах Каменных островов много рисунков своеобразно стилизованных антропоморфных фигур, изображений рыб, загадочных фантастических знаков. На десятки метров тянется эта удивительная картинная галерея каменного века. Нередко одни рисунки налегают на другие. Конечно же, наскальные изображения Каменных островов созданы не одним художником и даже не одним племенем или народом. Десятки поколений древних людей сменялись у этих скал и оставляли своим потомкам все новые рисунки.

Однако писаные скалы — это не просто «картинная галерея». В древних безмолвных рисунках как бы застыли молитвы охотников тайги, обращенные к неведомым грозным силам природы. Писаницы — своего рода священная книга тысячелетий. Прочтению этой книги помогают легенды и сказки лесных племен.

У эвенков вплоть до недавнего времени существовал особый обряд, «шингкэлавун», который, как считалось, приносил охотникам счастье, удачу. Он совершался всем родом сообща в течение многих дней у священных мест — скал, камней, деревьев, носивших древнее имя — бугады. Ряженные в оленьи шкуры, с рогами на голове, охотники тайги исполняли здесь колдовские танцы, которые якобы должны были приманить, зачаровать лесных зверей.

Среди наскальных изображений Лены, Ангары и в других местах Сибири имеется много композиций магических мистерий каменного века. Это и изображения лосей во время гона, и сцены, символизирующие размножение, а на писанице в устье р. Синей, притока Лены, — композиция, символизирующая охоту на лося людей, вооруженных луками.

В писаницах нашли отражение не только обряды, связанные с охотой на дикого зверя, но и космогонические представления древних людей. Это подтверждается изображениями «солнечного» лося, змей и другими рисунками, которые хорошо расшифровываются на основании легенд и преданий коренных народов Сибири. Племена каменного века также пытались понять тайны окружающей природы, заглянуть в будущее.

Наскальные изображения представляют собой в высшей степени интересный, хотя столь же трудный для понимания материал. Не будет преувеличением

сказать, что это окно в исчезнувший мир, через которое можно видеть древнюю культуру человечества в самых сокровенных ее проявлениях. Неудивительно поэтому, что к наскальным изображениям прошлого постоянно обращались и обращаются все, кто хочет как бы заглянуть в самую душу древнего человека, понять его мировоззрение, его искусство — эстетические представления и этические «нормы», его взгляд на себя самого и на окружающий мир. Обо всем этом петроглифы могут рассказать исследователю полнее и ярче, чем какой-либо другой археологический документальный источник — свидетель прошлого.

В Сибири известно множество подобных рисунков в самых различных местах: по утесистым крутым берегам таежных рек, начиная от предгорий Урала и до Амура, в бескрайних степях Забайкалья, Тувы и Минусинской котловины, на Алтае, а также на скалах вдоль «внутреннего моря» глубинной Азии — Байкала.

Так открылась неожиданно яркая страница истории народов Сибири в каменном веке — номадов тайги — охотников и рыболовов, художников и философов.

Не менее самобытные культуры каменного века открыты на Дальнем Востоке в бассейне Амура [15]. Древние народы, жившие здесь 5—6 тыс. лет назад, оставили глубокий след во всей дальнейшей нашей истории народов Северной Азии.

Еще в 1854—1865 гг. академик Л. И. Шренк собрал коллекцию различных предметов изобразительного искусства малых народов Амура. Это искусство глубоко поразило ученого. Он был удивлен, что у нанайцев, орочей и нивхов, затерянных на крайнем востоке, такое высокое чувство прекрасного, выразившееся в орнаменте на одежде, обуви, изделиях из бересты, дерева, кости.

Л. И. Шренк обратил внимание на часто встречающиеся «изображения человеческого лица». Они выполнены в стилизованной манере и скорее всего напоминали маски, от которых веяло какой-то грозной силой. Нередко они выполнялись как бы одной непрерывно раскручивающейся спиралью. Такая спираль встречается очень часто у нанайцев и других жителей Амура на халатах из рыбьей кожи, на обуви, изделиях из бересты.

Тогда же ученый подметил одну особенность: «. . .вкус к орнаментике и развитие ее в Амурском крае. . . возрастает по мере удаления от китайцев. . .» [16].

Позднее, в 1899—1902 гг., на Амуре работал крупный американский ученый Б. Лауфер в составе Северо-Тихоокеанской экспедиции. Его внимание также привлекло богатое по содержанию и оригинальное по исполнению искусство амурских народов. Но в отличие от Л. И. Шренка истоки этого искусства он видел в Китае.

Два крупных ученых пользовались, по существу, одними и теми же источниками, но пришли к совершенно противоположным выводам. Кто же прав? Ответ на этот вопрос, возможно, мы найдем в одной из старинных легенд, услышанной нами от старика нанайца.

«Это было давно, давно. В начале Света жили три человека. И было три лебедя-ныряльщика. Однажды послали люди трех лебедей-ныряльщиков на дно реки достать для Земли камней и песка. Птицы нырнули. Семь дней были под

---

[15] *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья.

[16] *Laufer B.* Petrogliphs on the Amoor / Anthropologist. N. s. 1. — 1899. — P. 754.

водой. Вышли, смотрят: земля ковром цветет, в реке Амур рыба плывет, тогда три человека сделали человека по имени Кадо и женщину Джулчу. Потом деву по имени Мамилджи. Народ размножался и заселял всю землю по Амуру».

Старый нанаец глубоко затянулся дымом из коротенькой трубочки и надолго замолчал. . . Нет, он вспоминал не легенду, потому что много раз рассказывал ее своим детям и внукам. Он думал о своем маленьком народе, о его прошлом и настоящем.

Постучав трубочкой о бревно и выбив остатки табака, рассказчик продолжал:

«Кадо сказал: „Есть три солнца на небе. Жить слишком горячо. Я хочу застрелить два солнца!» И он пошел к восходу. Вырыл яму, спрятался в ней. Увидел, как взошло первое солнце, и застрелил его. Выстрелил во второе солнце, но мимо. Третье — убил. Одно среднее осталось.

Вода кипела — горой стала. Гора кипела — речкой стала. А пока камни не остыли, Мамилджи нарисовала на них птиц и зверей. Потом камни стали твердыми. . .»[17].

Так вечным памятником о великих делах первого охотника остались древние рисунки, застывшие на гранитных валунах и скалах у нанайского села Сакачи-Алян, раскинувшегося в 60 км от Хабаровска ниже по Амуру. В этой нанайской легенде сделана попытка объяснить происхождение «писаных» камней, как их называют в народе, или петроглифов.

Скалы, подмытые водами Амура, рухнули вниз, и «писаные» камни лежат на берегу. Некоторые из них можно увидеть только весной и осенью, когда падает уровень воды и седой Амур на короткое время отдает их в распоряжение археологов.

А ранним утром, когда первые лучи солнца позолотили верхушки сосен, старый нанаец на узкой лодке-оморочке, сшитой из коры деревьев, привез нас к тому месту, которое многие сотни лет считалось священным.

Здесь на берегу могучего Амура-батюшки громоздились глыбы черного базальта [18]. С одного из базальтовых валунов на путешественников «взирало» чудище. Казалось, что с илистого дна реки, из мутной воды всплывает само подводное страшилище, властитель Амура Черный дракон. Его узкие, по-монгольски раскосые глаза смотрели на пришельцев с немой угрозой. Образ чудища, выбитый на сакачи-алянском камне, как будто рожден самой матерью землей, создан ее стихийной силой, той самой, что гонит из глубин весенние буйные соки и дает начало всему живому на свете.

На каменных глыбах имелось много различных рисунков: изображения масок-личин, змей, животных, птиц. Они поражали необычностью сюжетов, смелостью и точностью линий, хотя все изображения выбиты на прочном и твердом базальте. Особенно выразительны антропоморфные маски-личины. Широкая верхняя часть, огромные круглые глаза, раскрытая пасть с двумя рядами больших острых зубов и непропорционально узкий округлый подбородок — все это обладало демонической притягательностью. В верхней части некоторые маски окружены ореолом расходящихся лучей.

---

[17] *Деревянко А. П.* Ожившие древности. — М., 1986. — С. 149.
[18] *Окладников А. П.* Петроглифы нижнего Амура. — Л., 1971.

На одном из камней друг под другом изображены две антропоморфные маски-личины.

Память подсказывает: маски на изделиях из бересты, на одежде, обуви нанайцев и ульчей нижнего Амура удивительно похожи на эти изображения.

На самой скале выбита фигура змеи в виде широкого зигзага, заполненного внутри тончайшей редкой сеткой. Нанайцы объяснили, что это изображение гигантской змеи или дракона — мудура. Мудур в нанайских преданиях — могущественное существо, то благодетельное, то страшное, — непременный персонаж шаманских мистерий. Неудивительно поэтому, что этот божественный змей Сакачи-Аляна рядом с масками-личинами грозных шаманских духов. Мифический змей высечен в таком месте, куда можно было добраться лишь по воде, на легкой нанайской лодке.

Среди изображений животных особенно поражает удивительной экспрессией и тонкостью исполнения образ космического лося. На большом камне, который наполовину затоплен водами Амура, а во время высокой воды камень совсем скрывается под водой, выбит лось. Вытянутое туловище, ноги, длинная шея и маленькая голова с роскошными рогами — все устремлено вперед, готово к стремительному бегу. На туловище выбито несколько концентрических кругов, знаков, связанных с солнцем. Это не простой лось, а небесный, живущий в легендах и преданиях многих народов, охотившихся на лося и северного оленя. С этим лосем связывали свое благополучие, обилие стад и хорошую охоту. Несомненный культовый смысл имели и маски-личины. Не потому ли изображения в Сакачи-Аляне находятся на берегу Амура в месте, окруженном густым лесом?

Конечно, сейчас трудно установить, какое имело значение каждое из этих изображений, но одно остается неизменным: все фигуры сделаны очень талантливой рукой мастера. Но когда? Легенды рассказывают, что это было очень давно, в назапамятные времена, когда на «небе было три солнца» и на земле жило три мифических существа.

Многие изображения птиц и животных, масок-личин часто встречаются в изобразительном искусстве народов нижнего Амура, что отмечали в свое время и Л. И. Шренк и Б. Лауфер. Значит, источники этого искусства не в Китае, как традиционно считалось, а в далекой древности народностей Амура.

Рядом с петроглифами археологи находят каменные долота (с помощью которых выбивали рисунки), фрагменты сосудов неолитического времени и другие предметы людей, живших 5—6 тыс. лет назад.

Несколько лет А. П. Окладников с сотрудниками вел раскопки большого неолитического поселения в с. Кондон, раскинувшемся на быстрой речке Девятке. Над селом, по левому берегу Девятки, стоит высокая скала, круто обрывающаяся к реке. В старинной нанайской легенде рассказывается, что один охотник из рода Самар долго гнал раненого оленя. Он зашел так далеко, что не знал, как найти дорогу обратно. Вокруг шумела тайга, и солнце еле-еле проглядывало сквозь стену деревьев. И вдруг он вышел на эту скалу, и перед ним раскрылась чудесная залитая солнцем долина. На это место охотник привел своих родственников. Так возник здесь поселок. И действительно, в селе — все Самары. Народ приветливый и дружный. Они постоянно оказывали археологам во время раскопок неоценимую помощь.

Древний поселок каменного века располагается в центре нынешнего нанай-

ского села на берегу холодного и чистого ручья. Здесь раскопками было вскрыто несколько жилищ, рассказавших ученым много интересного и волнующего из жизни, быта и культуры племен в этот период. Как в заполнении котлована, так и на полу, особенно на дне ям и около стен, встречались при раскопках многочисленные каменные изделия и обломки сосудов.

Изделия из камня поражают удивительно тщательной отделкой. Ножи и наконечники копий с большой, поистине ювелирной, точностью выстружены тончайшей ретушью. Большие массивные топоры, использовавшиеся для рубки деревьев, строительства лодок и других хозяйственных целей, зашлифованы и отполированы до блеска. Наконечники стрел, проколки, скребочки и другой мелкий каменный инвентарь обработаны особенно тщательно на специальных подставках — крупных гальках или массивных плитах песчаника. На этих наковальнях каменные орудия обрабатывались отбойниками и отжимниками с изумительной ловкостью и изяществом. Некоторые орудия труда, особенно совершенные по отделке, применялись, по-видимому, для различных ритуальных целей.

Из нефрита древние амурские мастера делали различные украшения. Из него изготовлены и блесны нежного беловатого цвета со светло-зелеными прожилками.

Нигде в мире на неолитических стоянках, возраст которых более 4 тыс. лет, не найдено блесен. Оказывается, блесны изобретены в каменном веке на Амуре. Это и неудивительно, если учесть, что главным занятием нижнеамурских племен в неолите было рыболовство. Его развитие в полной мере компенсировало здесь отсутствие земледелия. Рыба была основной пищей, а рыболовство — основным источником существования местного населения, особенно вблизи моря и вдоль крупных рек.

При раскопках в Кондоне рядом с целой группой сосудов, украшенных спиральным орнаментом, найдена скульптурка молодой женщины. По совершенству техники исполнения и выразительности она является одним из ярчайших образцов искусства каменного века. Заметим, что почти все женские скульптуры того времени в Европе, Средней Азии передавали в основном отличительные признаки женского пола. Эти скульптуры связывали с культом плодородия. Совсем по-иному выполнена скульптурка из Кондона. Главное внимание художник уделил лицу, черты его вылеплены тщательно и любовно. Нежная красота, юность, спокойствие и строгость запечатлены искусной рукой древнего мастера в небольшом портрете. Это, скорее всего, индивидуальный портрет. Трудно даже предположить, что древние мастера могли одновременно создавать и наводящую ужас маску божества, и образ совсем земной, обаятельной женщины.

Не только думы о завтрашнем дне, о пище и крове беспокоили народы Амура 5 тыс. лет назад. Чувствуя прекрасное, они могли выразить это чувство, оставив нам яркие рисунки на камнях, своеобразный орнамент на сосудах и, наконец, воплощение идеала красоты в образе женской фигуры.

Облик скульптурки из неолитического поселения в Кондоне удивительно напоминает лица нанайских девушек, работавших на раскопе. Но не только внешнее сходство сближает племена, жившие на Амуре 5 тыс. лет тому назад, и современных нанайцев и ульчей. В одежде, на резных украшениях из березы и бересты — всюду можно увидеть спирали, нижнеамурскую плетенку и орнамент, напоминающий маски-личины Сакачи-Аляна и сосуды из Вознесенского.

Десятки и даже сотни тысяч поколений сменяли друг друга, развивая и совершенствуя свою материальную и духовную культуру на нижнем Амуре. Истоки культуры нанайцев, ульчей и других народов нижнего Амура уходят в глубокую древность — каменный век. Именно тогда шло вызревание интереснейших, очень ярких и самобытных традиций в искусстве, преданиях и верованиях. Уже в неолите произошло формирование своеобразного этнического мира бассейна нижнего Амура. Там зародилась его богатая и самобытная культура, которая привлекла внимание Леопольда Шренка и Бартольда Лауфера и дошла до наших дней.

Выявить историческую специфику развития древних культур Амура, проследить исторический путь носителей этих культур — задача увлекательная и захватывающая. Работами археологов было установлено, что на Амуре издавна кипела собственная культурная жизнь, шел процесс развития местной, по-своему богатой и оригинальной культуры. Раскрылся новый художественный мир, настолько своеобразный, полный такой могучей творческой силы, что отныне уже нельзя сомневаться в его самостоятельности, в его собственных исторических корнях.

* * *

В начале III тысячелетия до н. э. древние племена Южной Сибири познакомились с металлом и у них стал складываться новый тип хозяйства — скотоводство. В Сибири и на Дальнем Востоке выделены десятки культур бронзового века, каждая из которых отличалась оригинальностью и самобытностью. Одни из этих культур стали широко известны еще в XIX в., другие — в начале XX в., а многие открыты совсем недавно, и их изучение интенсивно продолжается.

Начинается эпоха металла в южных районах Сибири с афанасьевской культуры, а в Прибайкалье — с глазковской. На примере этих двух культур, которые разделяет почти тысяча лет, можно проследить, насколько самобытно шло развитие всего многообразного жизненного уклада и быта племен Сибири.

Афанасьевцы занимались скотоводством, но в их хозяйстве прослеживаются и зачатки земледелия. Жили они в небольших поселках в жилищах двух видов — землянках и срубных. Хорошо было развито и домашнее производство: гончарное, резьба по дереву и кости, прядение, выделка кожи. Сложным был у них обряд захоронений.

Глазковцы продолжали вести традиционный кочевой образ жизни охотников, рыболовов и собирателей даров тайги. Жили они в легких переносных жилищах типа чумов. Большого совершенства у них достигают орудия лова: крючки, гарпуны, имитации рыб для подледного лова, широко используются сети. Раскопки могильников позволили восстановить костюм глазковцев. Характерной и наиболее яркой деталью его является передник, украшенный кольцами и кружками из нефрита и бусами. Ближайшие аналоги такому переднику встречаются у эвенков, на что неоднократно обращали внимание многие исследователи. В глазковское время появляются бесспорные доказательства зарождения шаманизма у народов Сибири. В некоторых погребениях исследователи находят антропоморфные изображения из рога или мамонтовой кости, амулеты из челюстей щуки или клюва крупной птицы и даже колотушки из рога, которые применялись шаманами при камлании.

Глазковцы и афанасьевцы отличались не только по многим элементам материальной и духовной культуры, но и антропологически. Первые были монголоиды, вторые — европеоиды.

В последние годы предприняты попытки исследовать не отдельные памятники бронзового века, а вести раскопки на больших площадях. Получил известность комплекс погребений, объединенный под общим названием Сопка-2, который исследуется членом-корреспондентом АН СССР В. И. Молодиным в Венгеровском районе Новосибирской области на высоком останце надпойменной террасы в месте впадения р. Тартас в Обь [19]. Раскопки первых курганов показали, что насыпи не всегда возводились строго над могилами, и это, видимо, связано с особенностями погребального обряда. По этой причине изучение памятника ведется на сплошных участках, включая как курганы, так и межкурганные пространства. В настоящее время вскрыта площадь свыше 70 тыс. $м^2$. Исследовано 700 захоронений, 60 курганов, относящихся практически ко всем историческим периодам западно-сибирской археологии — от эпохи неолита до II тысячелетия н. э. Основную часть памятника составляют захоронения кротовской культуры (середина II тыс. н. э., развитая бронза).

Актуальность изучения погребений кротовской культуры заключается прежде всего в том, что погребальный обряд этого времени на территории Сибири известен очень плохо. Выяснилось,что погребальный обряд данной культуры чрезвычайно богат и многообразен. Умершего хоронили в вытянутом положении на спине, с подогнутыми вверх коленями, реже — в сидячем положении или в скорченном на боку. Все погребенные ориентированы головой на северовосток. Встречаются ярусные, коллективные (от двух до восьми человек), вторичные захоронения, погребения голов или черепов; отмечено несколько случаев частичной кремации трупа в могильнике. Важно отметить, что нередко в одной могиле сочетались различные виды обрядов. Чаще костяки посыпали охрой. Инвентарь могил богат и разнообразен — это каменные и костяные наконечники стрел, гарпуны, бронзовые ножи и кинжалы, шилья, иглы, костяные проколки, украшения из бронзы, серебра и золота (височные подвески), браслеты, серьги, пронизки, разнообразные бляхи, подвески, в том числе с орнаментом, выполненным гравировкой и чеканкой.

Особо следует отметить находки захоронений литейщиков с набором литейных форм для изготовления бронз саймински-турбинского типа (кельты, копья, дротики), льячек, тиглей. В ряде погребений найдены впечатляющие произведения искусства: скульптурные изображения птиц, животных, змей и т. д.

Андроновские захоронения (эпоха развитой бронзы) характеризуются стандартным для этой культуры погребальным обрядом и инвентарем.

Исследовано несколько курганов скифо-сарматского времени с могильными ямами больших размеров, где совершались явно коллективные захоронения. Обнаружены глиняные жертвенники, серебряные серьги, бусы, поделки из бронзы, железный меч с бронзовой рукоятью.

Еще одно крупное открытие сделано в последние годы при раскопках могильника бронзового века у с. Каракол в Онгудайском районе в Горном

---

[19] *Молодин В. И.* Раскопки могильника Сопка близ Новосибирска // Археологические открытия 1985 г. — М., 1987. — С. 270—271; *Он же.* О соотношении кротовской и окуневской культур // Некоторые проблемы сибирской археологии. — М., 1988. — С. 6—15.

Алтае[20]. При раскопках могильника В. Д. Кубаревым выявлен особый обряд захоронения. Необычны и многие предметы, положенные в могилу вместе с умершими. Особое внимание исследователей привлекли рисунки на крупных каменных плитах, из которых выкладывался саркофаг для погребенного.

Каракольские рисунки удивительно самобытны и в то же время просты и прекрасны. Они источник не только научных сведений, но и представлений об эстетических вкусах и даже мировоззрении первобытных людей.

Рисункам с небольшой горной речушки Урсул — этим современникам египетских пирамид — более 40 веков. Скрытые толщей земли, они прекрасно сохранились до наших дней. Поражает необычайная свежесть красок. Фантастическим фигурам, выполненным сочной красной охрой, противопоставлены не менее таинственные изображения, нанесенные густой черной краской. Имеются и полихромные фрески, сочетающие черную, белую и красную минеральные краски. Ничего подобного на Алтае, да и в Сибири до сих пор не было известно.

Кто же эти фантастические существа? Древние колдуны или шаманы в звериных шкурах и масках? А может быть, это древнейшие антропоморфные божества? Особенно часто на каменных плитах Каракола повторяется рисунок человека-солнца. Эти солнцеголовые существа похожи друг на друга, различны только их размеры и отдельные детали. Они изображены с головой в виде сплошного диска или овала, от которых отходят радиальные лучи-перья, иногда заканчивающиеся круглыми углубленными ямками.

Известно, что традиция изображать солнце в виде фигуры человека сложилась в глубокой древности. В те времена почиталось солнечное божество, дарующее человеку тепло и жизнь на земле. Таким же его представляли себе древние индийцы. В их священной книге «Ригведа», датируемой второй половиной II тыс. до н. э., солнечный бог Сурья наделен эпитетами: «Владыка лучей», «Лучащийся блеском», «Лучезарный». И не случайно на голове одного из солнцеголовых персонажей Каракола изображено 12 лучей. Вероятно, они символизируют двенадцать месяцев года. Это число часто фигурирует в древнейших верованиях, связанных с солнцем. Так, в русских сказках солнце владеет двенадцатью царствами.

Необычайно любопытны человеческие фигурки, костюм которых украшен птичьими перьями. Одни из них держат в руках сложенные и опущенные вниз крылья птицы. Другие показаны с широко раскинутыми в стороны руками-крыльями. Перья отходят также от туловища человека и его ног, у которых вместо ступней — птичьи когти.

Для расшифровки идейного содержания этих редчайших рисунков особый интерес представляют сохранившиеся в алтайском шаманстве мифологические понятия о хищных птицах — орлах и беркутах, которые были спутниками и помощниками шаманов.

Совпадение древних рисунков с фольклорными описаниями образа хищной птицы не случайно. Оно свидетельствует о глубоких культурных традициях у многих народов Сибири. Одной из древнейших черт такой традиции и является широкое распространение культа орла. Так, у тюркоязычных якутов орел — хозяин и повелитель солнца; возродитель природы. Но чаще всего он — перво-

---

[20] *Кубарев В. Д.* Древние росписи Каракола. — М., 1988.

учитель шамана, помощник в его действах и призывании духов.

Отсюда легко объяснить и ту роль, которую играют фигурки людей, как телохранители, окружающие со всех сторон погребение мужчины из Каракола. Это, несомненно, изображения духов-предков, хранителей и защитников от сил зла. Они, по воззрениям древних, должны были в таком необычном облике принимать участие в погребальной церемонии вместе с живыми. Ведь, покидая мир живых, умерший уходил в иной, потусторонний мир — страну предков. А путь туда был полон опасностей, поэтому сын племени Орла нуждался больше всего в помощи и поддержке своих предков-проводников.

Бурные события, которые происходили на обширной территории Великого пояса степей — от Венгрии на западе до Ордоса на востоке, оставили заметный след и в истории народов Сибири. С этим связано распространение пазырыкской культуры, памятников гуннской эпохи, начало формирования первых государственных объединений в Сибири и на Дальнем Востоке.

* * *

Большую известность во всем мире получила пазырыкская культура скифского времени. Раскопки ее курганов на Алтае и в Туве привели к открытиям мирового значения. Все крупные курганы, которые изучались С. И. Руденко, М. П. Грязновым и другими исследователями, оказались ограбленными еще в древности. Но даже в грабленых захоронениях найдены уникальные вещи, ныне относящиеся к выдающимся экспонатам Эрмитажа. Они свидетельствуют о широких культурных связях народов Алтая, о преемственности в культуре древнего и аборигенного населения.

Раскопки позволили установить, что Алтай в VII—III вв. до н. э. заселяли племена, культура которых имела много общего с хорошо известной культурой скифских племен юга Восточной Европы. Курганы, где были захоронены племенные вожди и знать, поражают исследователей огромными размерами [21]. По подсчетам М. П. Грязнова, на сооружение первого Пазырыкского кургана потребовалось заготовить 1800 $м^3$ камня для насыпи, около 500 бревен для монтажа камеры и перекрывавшего ее наката, вырыть могильную яму объемом 196 $м^3$. На это ушло не менее 2500—3000 человеко-дней. Каменные насыпи в условиях высокогорья создавали особые климатические микроусловия, которые способствовали образованию под курганом вечной мерзлоты, сохранившей до наших дней удивительные произведения искусства. В курганах археологи находили ткани и ковры умельцев Востока, украшенные сложнейшими узорами и сюжетами из героических преданий и мифологических сюжетов, ювелирные изделия из золота, изумительную резьбу по дереву, вооружение и предметы мирного труда. Вместе с воинами в могильных камерах были погребены лошади, лежали седла, крытые войлоком, украшенные аппликациями и изделиями из золота и других благородных металлов. В пятом Пазырыкском кургане найдены парадная четырехколесная повозка и четыре лошади, которые в нее запрягались.

Много лет археолог В. Д. Кубарев в урочище Улындрык и в других местах на Алтае ведет раскопки небольших курганов, в которых производились захоро-

---

[21] *Грязнов М. П.* Первый Пазырыкский курган. — Л., 1950.

нения простых общинников. В массивных лиственничных срубах Уландрыка, заполненных древним льдом, обнаружены нерабленые погребения пазырыкской культуры. Благодаря особым условиям в них сохранились самые разнообразные предметы: деревянные блюда на четырех ножках, деревянные ковши, бронзовые кинжалы в деревянных ножнах, чеканы с деревянными рукоятями, детали луков и стрел, ткани и изображения из золотой фольги. Совершенно уникальным можно назвать украшения сакральных головных уборов, которые входили в состав погребальной одежды. Среди изображений различных мифических персонажей, выполненных из дерева и помещенных на головных уборах, главное место занимают образы оленя и коня. В набор деревянных фигурок входили и другие популярные персонажи алтайского «звериного» стиля. Это фантастические грифоны, петухи, орлы.

Головные уборы украшались также многочисленными золотыми бляшками в виде птиц, розеток и стилизованных бычьих голов. Нижний край головного убора в отдельных случаях украшали налобные повязки или деревянные диадемы, на одной из которых вырезаны изображения оленей. На погребенных воинах найдены также великолепной работы изображения снежного барса, которые служили наконечниками гривны. Несомненно, что все эти многочисленные фигурки различных зверей не только были украшениями, но и отражали определенные образы древнеалтайской мифологии. В них заложена богатейшая информация об идеологических представлениях древних кочевников. Удивительные деревянные и глиняные сосуды, орнамент на коже и дереве, мифические персонажи и многое другое было пронесено через многие столетия, сохранялось, обогатилось и нашло вторую жизнь у алтайцев и других народов Южной Сибири.

В Сибири и на Дальнем Востоке ведется широкое изучение досредневековых и средневековых памятников, относящихся к древним тюркам, уйгурам, мохэсцам, чжурчжэням и другим народам.

Важное значение для понимания исторических процессов обширного региона Восточной Азии имеют раскопки на Дальнем Востоке поселений, городищ и могильников мохэских племен и их непосредственных потомков — чжурчжэней [22]. Хотя об этих тунгусоязычных народах, которые в начале XII в. создали сильное государство, а в дальнейшем захватили весь Северный Китай, сохранились обширные письменные источники, значение материалов, получаемых в результате раскопок, очень велико. Особенно важна информация о ранних государственных этапах, когда у них зарождалась и крепла оригинальная культура с устойчивым комплексом своеобразных традиций, когда в их обществе происходил процесс аккумуляции творческого, созидательного начала. Эту информацию, предельно объективно отражающую характер культурно-исторического развития населения амурского бассейна I—начала II тыс. н. э., дают археологические исследования. Они существенно дополнили исторические данные о чжурчжэнях в целом, а также позволили уточнить многие факты, известные из летописных и литературных источников, и дать некоторым из них объективную оценку.

Чжурчжэни Приамурья в основном проживали в неукрепленных поселках.

---

[22] *Деревянко Е. И.* Племена Приамурья I тыс. н. э. // Очерки этнической истории и культуры. — Новосибирск, 1981. — 230 с.; *Медведев В. Е.* Приамурье в конце I—начале II тысячелетия. Чжурчжэньская эпоха. — Новосибирск, 1986. — 208 с.

Такие поселки, исследованные у сел Русская Поляна, Дубовое, Сакачи-Алян, Петропавловка, Дада Хабаровского края, строились либо в поймах рек на песчаных возвышенностях — рёлках, либо на высоких террасах коренного берега Амура. Большой интерес представляют городища, поселения и могильники, раскопанные в последние годы в бассейне нижнего Амура.

Сделанные при исследовании погребений наблюдения позволили судить о мировоззрении, религиозных представлениях чжурчжэней. Следует считать, что почти все они были шаманистами. Однако постоянные контакты чжурчжэней с южными и западными соседями — населением Кореи, Китая, киданьского государства Ляо — привели к появлению в их среде ростков новой формы религиозных представлений — буддизма. Об этом в первую очередь свидетельствует ряд находок буддийской культовой атрибутики, в том числе изящная статуэтка Будды из позолоченной бронзы, найденная в одном из погребений Корсаковского могильника.

При раскопках чжурчжэньских памятников найдено большое число самых различных изделий из железа, бронзы, серебра, золота, а также из нефрита, стекла, халцедона, кости. Не менее важны находки костей животных и зерен культурных растений, помогающих воссоздать облик многоотраслевого хозяйства чжурчжэней. Установлено, что в их хозяйстве преобладающими были земледелие и скотоводство: выращивали чумизу и другие зерновые культуры, разводили много лошадей, свиней, коров. Заметное место в экономике занимали такие промысловые отрасли хозяйства, как охота и рыболовство. В письменных источниках много говорится о высоком профессионализме чжурчжэньских охотников, в особенности стрелков из лука.

Чрезвычайно интересными и важными во многих отношениях являются тесная связь и контакты чжурчжэней Приамурья с населением Центральной и Средней Азии, а также других азиатских областей. Особенно заметно влияние культуры тюркоязычных уйгуров и кыргызов. Археологические данные говорят о том, что формирование чжурчжэней как народности шло длительным и сложным путем. Кроме того, с их помощью удается рассмотреть ту основу, на которой не случайно и не внезапно, а в результате объективных законов общественного развития была создана чжурчжэньская цивилизация.

Археологические исследования свидетельствуют о большой самобытности и оригинальности древних культур Сибири и Дальнего Востока на протяжении десятков тысяч лет и, что еще важно отметить, об органической связи многих элементов культуры древнего коренного населения данного региона. Это прослеживается в искусстве, духовной культуре, в живой связи традиций многих сотен поколений. Последнее является еще одним доказательством того, что не существовало народов без культуры и вне общей истории человеческой цивилизации. Начиная с глубокой древности на этой территории формировались оригинальные и самобытные культуры, которые внесли большой вклад в мировую культуру. Это пример нерасторжимой связи времен и эпох, неразрывной связи археологии и истории. Во всех уголках нашей земли, издавна заселенных человеком, хранятся неисчислимые сокровища прошлого.

Постепенно, шаг за шагом, от одного факта к другому раскрывается вся красота и величие сделанного сотнями и тысячами представителей предшествующих поколений.

* * *

С приходом в Сибирь русских богатейшее культурное наследие коренных народов, имеющее глубинные истоки, не исчезло, а постоянно умножалось. Именно с этого времени, с приходом русских, начался важнейший исторический процесс, в результате которого за короткий срок русская культура, обогащенная культурой коренных народов, быстро распространилась от Урала до Тихого океана. За Ермаком, о котором Н. М. Карамзин сказал, что он «был роду безвестного, но душою великой», потянулись другие ватаги крестьянской вольницы. Это именно она, безвестная крестьянская вольница, пролагала пути сквозь тайгу, и тундру, шла через волоки, по малым и великим сибирским рекам, двигалась неутомимо и неудержимо навстречу солнцу, на восток и на север Сибири. Это он, крестьянин, мастер на все руки, строил переправы, рубил остроги и города, вышел к Тихому океану, на Сахалин и Курилы, Камчатку и Аляску.

Как во все времена и у всех народов, художественные ценности в Сибири создавались руками простых людей. Об отменном вкусе безвестных древних зодчих дает представление, например, Спасо-Зашиверская церковь, построенная в 1770 г. в г. Зашиверске на Индигирке, за Северным полярным кругом. Поражает не только строгая выразительность, ясность пропорций, пластичность этого историко-культурного памятника, но и выбор места для постройки церкви с его неповторимой красотой и удивительной природной акустикой.

В XVII—XVIII вв. идет быстрый процесс освоения Сибири русскими. Освоения не только экономического, но и духовного. В начале XVIII в. в Тобольске была открыта первая в Сибири и вторая в России провинциальная школа. К этому времени относится и зарождение театра. Позднее школы начали функционировать не только в крупных административных центрах Сибири, но и на окраинах. Есть сведения о существовании школы в начале 1730-х гг. в Якутске. В середине XVIII в. на Камчатке и Курильских островах работало 20 школ, в которых обучалось несколько сотен человек. В это время в Сибири открываются школы, готовящие специалистов по геодезии и картографии, навигации, горному делу. Развивается и библиотечное дело. В 1764 г. в Барнауле, при правлении Колывано-Воскресенских горных заводов, была открыта библиотека, скоро ставшая одной из крупнейших в России технических библиотек. В начале XIX в. в ее фондах насчитывалось 7152 тома на русском, немецком, латинском, английском и других языках.

Экономические и духовные преобразования охватили и коренные народы Сибири, которые приобщались к более передовым методам хозяйствования (о чем свидетельствует широкое распространение земледелия и огородничества) и в целом к русской культуре. Особая роль здесь принадлежит политическим ссыльным, демократической интеллигенции, народным учителям, ученым, которые были проводниками передовой русской культуры среди народов Сибири. Они изучали экономику, историю, этнографию, народное творчество аборигенов, несли просвещение.

Народы Сибири сохранили прикладное изобразительное искусство. Оно было разнообразным по форме, содержанию, вместе с тем глубоко самобытным и талантливым. Изобразительное искусство коренных народов Сибири имело как общие для них черты, так и специфические особенности, свойственные тому

или другому народу. Сказывалось влияние природных условий, хозяйства и быта, прежних традиций, общения между народами, их экономических, бытовых и культурных связей.

Одним из величайших духовных богатств народов Сибири является фольклор, который имеет глубочайшие исторические корни, что еще раз свидетельствует о непрерывной связи времен и эпох. Это хорошо можно проследить, в частности, по наскальным изображениям. Многие из них, созданные 3—4 тыс. лет назад, ярко и убедительно иллюстрируют сюжеты и мотивы фольклора народов Сибири, истоки которого, как оказывается, в железном, бронзовом, а быть может, и в каменном веке.

Вслед за археологическим открытием Сибири и Дальнего Востока естественно следует — в общерегиональных масштабах — открытие фольклористическое, подготовленное большой работой по изучению каждой из групп народов в отдельности.

II

Современная этническая карта Сибири и Дальнего Востока определилась к началу XX в. Ее главная особенность — исторически сложившееся сочетание большого числа аборигенных народов и русского (а также украинского, белорусского и др.) населения, для которого эти регионы становились родными в ходе их освоения Россией начиная с XVII столетия [23].

Коренные сибирско-дальневосточные народы принадлежат к нескольким языковым группам: тюркской (южно-сибирские тюрки — *алтайцы*, *тувинцы*, *хакасы*, *шорцы*, *тофалары*; западно-сибирские — *сибирские татары*; северо-восточные тюрки — долганы, якуты), монгольской (буряты), финно-угорской (восточные или обские угры, по-древнерусски «югры»; к ним относятся *манси* — летописные вогуличи, богуличи, гогуличи — и *ханты*, или *остяки*), самодийской (*ненцы*, *энцы*, *нганасаны*, *селькупы*), тунгусо-маньчжурской (*эвенки*, или *тунгусы*, *эвены*, *негидальцы*, *нанайцы*, *ульчи*, *ороки*, *орочи*, *удэгейцы*), палеоазиатской (чукотско-камчатской — *чукчи*, *коряки*, *алюторцы*, *кереки*, *ительмены*, эскимосско-алеутской — *эскимосы*, *алеуты* и генетически изолированные палеоазиатские — *нивхи*, *юкагиры*, *кеты*) [24].

Русских в Сибири и на Дальнем Востоке около 22 млн, украинцев — 1 млн, белорусов — 200 тыс. Они принесли в места нового проживания свои общие национальные («материковые») фольклорные традиции, получившие продолжение в сибирско-дальневосточных условиях и локальном этническом контексте [25]. К богатейшей совокупности аборигенных традиций и многовековых

---

[23] *Сибирский* этнографический сборник. — М., 1952—1963. — Вып. 1—5; *Народы* Сибири. — М.; Л., 1956. — (Народы мира); *История* Сибири с древнейших времен до наших дней. — Л., 1968—1969. — Т. 1—5. Об этническом составе и численности населения Сибири и Дальнего Востока см.: *Брук С. И.* Население мира: Этнодемографический справочник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1986. — С. 176—182.

[24] *Языки* народов СССР. — М., 1966. — Т. 2: Тюркские языки; Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки; 1968. — Т. 5: Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки; *Народы* и языки Сибири. — Новосибирск, 1980; *Палеоазиатские* языки. — Л., 1986.

[25] *Локальные* особенности русского фольклора Сибири. — Новосибирск, 1985 (с библиогр.).

межэтнических фольклорных коммунитетов в исторически короткое время — за три, два и даже одно столетие — прибавилась восточно-славянская (и некоторые другие) фольклорная реальность. Ее «материковая» история в основном произошла и реализовала себя еще до освоения Сибири, а здесь предстала уже как бы в снятом виде, со многими формационными особенностями.

Таким образом, в сибирско-дальневосточном регионе замечательно сочетаются местные (аборигенные) и принесенные (но уже пустившие корни) фольклорные традиции. Это придает духовной культуре региона дополнительные черты уникальности.

* * *

Богатой прелюдией научного открытия многоязычного фольклорного континента явились сибирские экспедиции петровского времени и последующих десятилетий XVIII в. (понятие Сибири включало в то время и Дальний Восток). Например, созданная историком академиком Г. Ф. Миллером (с учетом рекомендаций В. Н. Татищева) программа для второй Камчатской («Великой сибирской») экспедиции 1733—1743 гг. содержала свыше 900 вопросов, в том числе чрезвычайно важных для изучения фольклора. Она предусматривала собирание сведений о космогонических представлениях местных народов, их мифологии, обрядах, музыкальных инструментах, сказках, танцах и т. д. (например, «о вокальной музыке и что составляет содержание песен», «о рассказывании всевозможных сказок» с требованием записи их образцов и вариантов [26]).

Большой вклад в осуществление этой программы внесли И. Г. Гмелин, С. П. Крашенинников и другие участники экспедиции. Труд С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (1756), содержащий наблюдения автора над этнографией северо-востока Сибири, стал одним из самых основательных в страноведческой литературе XVIII столетия (во Франции уже в 1767 г. был напечатан его перевод). Книга не утратила значения и в наши дни, о чем свидетельствует недавнее издание ее на английском языке [27].

В ходе исследований Сибири в XVIII—начале XIX в. русскими и европейскими учеными и путешественниками был накоплен ценный материал о местных народах, их этнографии и фольклоре (вплоть до первых нотных записей, например, бурятской, хакасской и ительменской мелодий), еще не в полной мере опубликованный и учтенный историками фольклора [28]. Все это позволяет считать, что «в ту пору, когда этнография и фольклористика даже в самых передовых странах мира делали только первые шаги, исследователи Сибири уже стали в ряд пионеров. . .» [29].

На основе материалов академика А. Ф. Миддендорфа на север и восток

---

[26] *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. — М., 1958. — Т. 1. — С. 84—85; *Кошелев Я. Р.* Русская фольклористика Сибири. — Томск, 1962. — С. 15—16.

[27] *Krasheninnikov S. P.* Explorations of Kamchatka. — Vaughan, Portland, 1972.

[28] *Роменская Т. А.* Об источниках изучения музыкальной культуры народов Сибири XVIII—первой половины XIX века // Музыкальное творчество народов Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1986. — С. 154—192. См. также: *Дугаров Д. С.* О первой музыкальной записи бурятской песни // Музыкальная культура Бурятии. — Улан-Удэ, 1967.

[29] *Роменская Т. А.* Об источниках. . . — С. 175.

Сибири (1842—1845) были напечатаны, в частности, первые записи якутского олонхо и песен, описания обычаев, народной хореографии [30].

С середины XIX в. развернулось изучение русского фольклора Сибири. Большой вклад в него внесло Русское географическое общество, а позднее — Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское его отделения. Активности корреспондентов и членов общества, его периодическим изданиям и отдельным публикациям наука обязана широким набором местных коллекций русского и всего многоязычного фольклора зауральской части России. Особо надо отметить многолетнюю собирательскую деятельность С. И. Гуляева в Южной Сибири. В 1871 г. он открыл выдающегося сказителя былин Леонтия Гавриловича Тупицына [31].

В 1845—1849 гг. подвижническую собирательскую работу у обских угров, самодийцев, тюрок Западной и Южной Сибири, бурят, тунгусов и палеоазиатов вел М. А. Кастрен. В результате им создано 20 грамматик языков и диалектов, зафиксирован многообразный этнологический и фольклорный материал [32]. Собирание фольклора у манси и хантов в конце XIX—начале XX в. продолжили венгерские ученые Б. Мункачи, И. Папаи и др.[33].

С 1866 г. Российская Академия наук начала издание серии «Образцы народной литературы тюркских племен», получившей международную известность. Идея и ее осуществление связаны с именем В. В. Радлова. Серия открылась книгой записей народной поэзии и прозы алтайской зоны («поднаречия племен, живущих между Тянь-Шанем и рекою Енисеем»), сделанных В. В. Радловым в ходе пятилетней работы [34]. В предисловии В. В. Радлов говорил о необходимости «избрать исключительным предметом исследования разговорный язык простого народа». Тексты фиксировались «по изустной передаче». Ученый отказался от арабского алфавита, так как им «нельзя точно выразить звуки, свойственные живым народным наречиям» (с. XII). Подобно О. Бетлингку, он использовал буквы русского алфавита с добавлением целого ряда специальных букв и диакритических знаков, что в целом позволило фиксировать 10 гласных и 30 согласных с их оттенками.

---

[30] *Миддендорф А. Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. — Спб., 1878. — Ч. 2, отд. 6; Коренные жители; *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten: Grammatik, Text und Wörterbuch. — Spb., 1851. — S. 79—95 (*Бётлингк О. Н.* О языке якутов / Пер. с нем. В. И. Рассадин. — Новосибирск, 1989. — С. 112—120).

[31] *Былины* и песни Южной Сибири / Собр. С. И. Гуляева. — Новосибирск, 1952. Подробнее о русской фольклористике в Сибири, включая деятельность «областничества», см.: *Кошелев Я. Р.* Указ. соч.

[32] *Памяти* М. А. Кастрена: к 75-летию со дня смерти. — Л., 1927; *Путешествие* Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849). — М., 1860. — (Собрание старых и новых путешествий; Ч. 2); *Samojedische* Volksdichtung / Gesamm. von M. A. Castrén. — Helsinki, 1940.

[33] *Munkácsi B.* Vogul népköltesi gyüjtemény. — Budapest, 1892—1921. — Vol. 1—4; *Pápay I.* Sammlung ostjakischer Volksdichtungen. — Budapest; Leipzig, 1905. — (Dritte Asiatische Forschungsreise des Grafen E. Zichy; Bd 5).

[34] *Образцы* народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи / Собр. В. В. Радлов. — Спб., 1866. — Ч. 1: Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. Своеобразным путеводителем по этому изданию служит «Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся в первом томе образцов народной литературы тюркских племен, собранных В. В. Радловым» (Сост. Н. Ф. Катанов. — Спб., 1888). В нем систематизированы, в частности, развернутые эпитеты фольклорных персонажей (в оригинале и переводе) и другие сведения о них.

В. В. Радлов помещал в «Образцах» только тексты на языках оригинала. Но одновременно выходили немецкие варианты ряда книг серии, содержащие переводы[35]. Записи В. В. Радлова вошли в международный научный актив. Первая книга «Образцов» переиздана в «Уральской и алтайской серии», выпускаемой профессором Т. А. Себеоком в Индианском университете[36].

Во второй части «Образцов»[37] дано «значительное число геройских сказок (речь идет о богатырских сказаниях. — *В. Г.*), которые произвела фантазия татар (имеются в виду хакасы, тувинцы и др. — *В. Г.*), живущих к востоку от р. Томи» (с. XIII). В. В. Радлов писал о своем стремлении отразить «постепенный переход от одного наречия к другому», «дать ясную картину всех оттенков этих поднаречий» (с. XIV).

В четвертой части «Образцов»[38] помещены записи от сибирских татар, «живущих по системе рек Оби, Иртыша и Тобола» (с. XI).

В 1870—90-е гг. первый ученый-хакас Н. Ф. Катанов продолжил работу В. В. Радлова «в той части, которая включала собирание материалов по языку, народной словесности и этнографии современных турецких (тюркских. — *В. Г.*) народов». Ему удалось «достигнуть результатов, увенчавших его широкой известностью в кругу соответствующих специалистов в Европе»[39]. Хакасские, тувинские, тофаларские и другие записи Н. Ф. Катанова (сказания, песни, мифы, предания и легенды) составили специальную (девятую) часть «Образцов», состоящую из двух книг[40]. В сущности, это была первая крупная двуязычная публикация фольклора Южной Сибири. Обогащение принципов собирания и издания состояло и в том, что Н. Ф. Катанов фиксировал даты и места записей, имена исполнителей, их возраст, занятия и другие существенные подробности.

Богатое собрание хантыйского фольклора (богатырский эпос, сказки, мифологические песни, загадки) трехъязычным хантыйско-немецко-русским изданием с комментариями выпустил в 1900 г. С. Патканов[41].

Особая роль в истории изучения фольклора народов Сибири и Дальнего Востока в XIX—начале XX столетия принадлежала политическим ссыльным — деятелям российского освободительного движения от декабристов до народников и социал-демократов, — революционерам и ученым.

---

[35] *Die Sprachen* der türkischen Stämme süd Sibiriens und der Dsungarischen Steppe von Dr. W. Radloff. — Spb., 1866. — Vol. 1, Abt. 1.

[36] *South-Siberian* oral literature: Turcic texts / With and introd. by D. Sinor. — Bloomington, 1967. — Vol. 1. — (Uralic and Altaic series; Vol. 79 / I. / Ed. Th. A. Sebeok).

О многоохватности собирательской методики В. В. Радлова свидетельствует его книга «Из Сибири. Страницы дневника» (М., 1989).

[37] *Образцы* народной литературы тюркских племен. . . — Спб., 1868. — Ч. 2: Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское, кызылское и чулымское (кюэрик). К этой публикации Н. Ф. Катанов также составил «Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся во втором томе образцов народной литературы тюркских племен, собранных В. В. Радловым» (Спб., 1888).

[38] *Образцы* народной литературы тюркских племен. . . — Спб., 1872. — Ч. 4: Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар.

[39] *Самойлович А. Н.* Профессор Н. Ф. Катанов — первый ученый из абаканских турков // Жизнь Бурятии. — Верхнеудинск, 1925. — № 6. — (Отд. отт.).

[40] *Образцы* народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. — Ч. 9; Наречия урянхайцев (сойтов), абаканских татар и карагасов // Тексты, собранные Н. Ф. Катановым. [1 книга] Тексты [2 книга] Перевод. — Спб., 1906.

[41] *Die Irtysch-ostjaken* und ihre Volkspoesie / Von. S. Patkanov. — Spb., 1990. — T. 2; Ostjakische Texte mit deutscher und russischer Übersetzung nebst Erläuterung.

Сосланный в Верхоянск И. А. Худяков, изучив якутский язык, вел записи народного творчества, составившие многожанровый «Верхоянский сборник», в котором представлены в оригинале и переводе образцы якутского фольклора [42].

В. Г. Богораз, В. М. Ионов, В. И. Иохельсон, Э. К. Пекарский, С. В. Ястремский и другие приняли участие в Сибиряковской экспедиции 1894—1896 гг., названной так по имени сибиряка-патриота И. М. Сибирякова, субсидировавшего ее проведение [43]. Издание материалов экспедиции, предпринятое Академией наук, положило начало принципиально новому этапу в развитии сибирско-дальневосточного фольклористического источниковедения и текстологии (главным образом в этнологическом и лингвистическом планах). Можно назвать двуязычные публикации В. Г. Богораза по чукотскому фольклору [44], В. И. Иохельсона по народной словесности юкагиров [45] и др. (Однако некоторые коллекции увидели свет лишь после революции [46].)

Э. К. Пекарский, будущий почетный академик АН СССР, стал инициатором и руководителем фундаментальной серии «Образцы народной литературы якутов», которая отличается особой тщательностью подготовки и филологического комментирования текстов. Подготовка им к печати олонхо, записанного В. Н. Васильевым от И. Г. Тимофеева-Теплоухова (т. 3 «Образцов», изданный в 1916 г.), показывает, в частности, что для Э. К. Пекарского характерны: «1) исключительно бережное и внимательное отношение к народному слову, требование точного его воспроизведения в записи и в издании; 2) блестящие знания особенностей языка, всех оттенков слова; 3) умение находить в записи малейшую неточность речи». И вместе с тем — чрезвычайная осторожность при работе с текстом, глубина его лингвистического комментирования [47].

Обширнейшая география собирательских поездок Г. Н. Потанина по местам бытования тюркоязычного и монголоязычного фольклора была во многом обусловлена его интересом к культурным взаимосвязям народов. Он, в частности, записал «ворох народных сказок» от бурят, тунгутов, алтайцев и т. д., но не ограничивался сказками, придерживаясь широкого взгляда, который охватывал

---

[42] *Верхоянский* сборник Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым. — Иркутск, 1890. — (Зап. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва; Т. 1, вып. 3). См. выверенное переиздание материалов сборника, осуществленное Э. К. Пекарским: *Худяков И. А.* Образцы народной литературы якутов. — Спб., 1913. — Вып. 1; 1918. — Вып. 2.

[43] *Кошелев Я. Р.* Из истории изучения фольклора северо-востока Сибири (Сибиряковская экспедиция) // Учен. зап. Том. гос. пед. ин-та. — 1959. — Т. 18.

[44] Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В. Г. Богоразом. — Спб., 1900. — Ч. 1.: Образцы народной словесности чукоч: Тексты с переводом и пересказы.

[45] *Материалы* по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В. И. Иохельсоном. — Спб., 1900. — Ч. 1: Образцы народной словесности юкагиров: Тексты с пер. См. также: *Материалы* по изучению гиляцкого языка и фольклора, собранные и обработанные Л. Я. Штернбергом. — Спб., 1908. — Т. 1: Образцы народной словесности. Ч. 1: Эпос (поэмы и сказания, первая половина): Тексты с пер. и примеч.

[46] *Иохельсон В. И.* Материалы по изучению алеутского языка и фольклора. — Пг., 1923. — Т. 1, вып. 1; *Ястремский С. В.* Образцы народной литературы якутов. — Л., 1929. — (Тр. Комис. по изучению Якутской АССР; Т. 7).

[47] *Пухов И. В.* Работа Э. К. Пекарского над текстом олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» // Текстологическое изучение эпоса. — М., 1971. — С. 173.

все устно-поэтические жанры, — писал В. А. Гордлевский [48]. И хотя в конечном итоге метод исследования — возведение европейского эпоса к восточному — неприемлем, считал В. А. Гордлевский, «колоссальный труд, затраченный Потаниным, невольно заставляет преклониться перед неутомимостью исследователя» [49]. У Г. Н. Потанина находили поддержку ценные собирательские начинания — например, под его редакцией вышли бурятский «Балагатский сборник» М. Н. Хангалова (1903) и алтайский «Аносский сборник» Н. Я. Никифорова (1915).

Другому русскому ученому — А. Д. Рудневу — принадлежит двуязычный сборник бурятского фольклора, в том числе песен с напевами [50]. А. Д. Руднев писал о том, что, передавая бурятскую сказку на русском языке, нельзя «перелицовывать» «обстановку, весь колорит сказочной жизни, который рисуется рассказчику-буряту» [51]. Мысль А. Д. Руднева не утратила актуальности и в наши дни.

В 1903 г. начинает свою уникальную собирательскую работу бурятский фольклорист Ц. Ж. Жамцарано — сначала по поручению Академии наук, затем — Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии [52]. При его активнейшем участии по образцу тюркологической радловской серии предпринимается издание фольклорных памятников монголоязычных народов. Начатое в 1913 г. печатание первых трех выпусков бурятских записей Ц. Ж. Жамцарано в этой новой серии завершилось, однако, лишь после Октября — в 1918 г. (распоряжения Российской Академии наук по этому поводу, скрепленные подписью академика С. Ф. Ольденбурга, помечены мартом и июнем) [53].

В редакционном предисловии отмечалось, что Ц. Ж. Жамцарано записал «такое изумительное количество текстов, какого не собрал, кажется, ни один другой собиратель ни у какого другого народа» [54]. Особое внимание Ц. Ж. Жамцарано, работавшего в основном среди бурят «к востоку от Иркутска до реки Лены и о. Ольхона», привлекли эпические поэмы — улигеры. Поскольку «чудный слог улигеров и <. . .> особенности языка эх [и] рит-бул [а] гатов или аларцев исчезали почти совершенно в транскрипции монгольским алфавитом» [55], исследователь, ссылаясь на пример Радлова, применил специальное написание на основе русского алфавита с дополнительными буквами и сопроводительными

---

[48] *Гордлевский В. А.* Г. Н. Потанин как народословесник. — М., 1916. — С. 70.

[49] Там же. — С. 74.

[50] *Руднев А. Д.* Хори-бурятский говор: Опыт исследования, тексты, пер. и примеч. — Спб., 1913—1914. — Вып. 1—3.

[51] Там же. — Вып. 3. — С. 0121.

[52] Одна из первых публикаций: *Сборник* монголо-бурятской народной поэзии / Под ред. Аламжи Мэргэна [Д. Ринчина]. — Спб., 1910 (записи Ц. Ж. Жамцарано и А. Д. Руднева; монгольская графика).

[53] *Образцы* народной словесности монгольских племен. Т. 1. Произведения народной словесности бурят: Эпические произведения эх [и] рит-бул [а] гатов / Собр. Ц. Ж. Жамцарано. — Спб., 1913, 1914, 1918. — Вып. 1—3. (Судя по датам на титульных листах, первые два выпуска были набраны в названные годы. Но последовала значительная задержка с их выходом в свет, так как оба они тиражированы (или допечатаны) под общей обложкой, на которой значится 1918 г., т. е. одновременно с третьим выпуском. В книге с этой общей обложкой корпусу текстов первого выпуска предпослано обширное исследовательское введение Ц. Ж. Жамцарано, подписанное 1 июля 1914 г. и тоже, видимо, задержавшееся с печатанием).

[54] Там же. — Вып. 1. С. III.

[55] Там же. — С. XII.

знаками. Много нового внес он в методику собирания, стремясь «поспевать за поющим непринужденно рапсодом, не останавливая его» [56] и предпочитая записывать улигер в естественных условиях исполнения — «во время вдохновенной передачи его для толпы» [57]. Тексты печатались «по возможности в неприкосновенном виде» [58]. В первых трех выпусках содержались улигеры: «Аламжи-Мэргэн», записанный «в течение двух дней и двух ночей» от Е. Шалбыкова (вып. 1), «Айдурай-Мэргэн» — от слепого певца Б. Бурлаева и «Еренсей» выдающегося улигершина М. Имегенова (вып. 2), «Хан-Ошир-хубун» — Е. Шалбыкова (вып. 3).

В 1930-е гг. публикация записей Ц. Ж. Жамцарано была продолжена. В качестве совместного издания Академии наук СССР, Института культуры Бурят-Монгольской АССР и Ученого комитета Монгольской Народной Республики вышел т. 2 серии «Образцов народной словесности монгольских племен», вобравший в себя грандиозную эпическую трилогию об Абай Гэсэре, Ошор-Богдо-хубуне и Хурин-Алтай-хубуне (22 069 стихов), записанную от М. Имегенова в 1906 г.[59]

Записи и публикации Ц. Ж. Жамцарано составили классическую текстологическую основу бурятского эпосоведения и активно функционируют в науке. М. П. Хомоновым переизданы, снабжены переводом и примечаниями трилогии о Гэсэре, Ошоре и Хурине и «Еренсей» [60]. Четыре улигера, опубликованные в 1913—1918 гг., перевел на немецкий язык Н. Н. Поппе [61].

Крупный вклад в создание сибирской фольклористической школы внес М. К. Азадовский, открывший для науки замечательных русских сказочников из верховьев Лены — Н. О. Винокурову, Ф. И. Аксаментова, и Тункинской долины — Е. И. Сороковикова (Магая), Д. С. Асламова [62]. Его работа, посвященная принципам изучения мастеров народной сказки (на примере Н. О. Винокуровой), получила международную известность [63]. Своей ориентацией на поиски одаренных носителей фольклора, выявление локальных исполни-

---

[56] Там же. — С. XIV—XV.

[57] Там же. — С. XV.

[58] Там же. — С. V.

[59] *Образцы* народной словесности монгольских племен. Тексты, т. 2. Произведения народной словесности бурят / Собр. Ц. Ж. Жамцарано; Под ред. В. Я. Владимирцова. Эпические произведения эх [и] рит-бул [а] гатов. — Л., 1930. — Вып. 1: Гэсэр-Богдо: Эпопея; Л., 1931. — Вып. 2: Ошор-Богдо-хубун; Хурин-Алтай-хубун. (В сверке текстов принимали участие: Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеев, А. К. Богданов.) В этой же серии (т. 5) под редакцией А. Н. Самойловича вышла книга бурятской народной поэзии и прозы в лингвистической транскрипции (на латинской основе): *Поппе Н. Н.* Бурят-монгольский фольклорный и диалектологический сборник. — М.; Л., 1936.

[60] *Абай* Гэсэр-хубун: Эпопея / Подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова; Зап. Ц. Ж. Жамцарано. — Улан-Удэ, 1961—1964. — Ч. 1—2; *Еренсей* / Подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. — Улан-Удэ, 1968. См. также публикацию и перевод записи «Болдор-эзена» (1911 г.): *Улигеры* ононских хамниган / Подгот. текста, пер., вступ. ст. и примеч. Д. Г. Дамдинова. — Новосибирск, 1982.

[61] *Poppe N.* Mongolische Epen, IX/ Übers. der Samm. C. Ž. Žamcarano. Произведения народной словесности монгольских племен. — Т. 1: Эпические произведения эх [и] рит-бул [а] гатов (Спб., 1913—1918. — Wiesbaden, 1980. — (Asiatische Forschungen; Bd 65).

[62] *Сказки* Верхнеленского края. — Иркутск, 1925. — Вып. 1; *Сказки* из родных мест Сибири. — Иркутск, 1928; *Сказки* Магая (Е. П. Сороковикова)/ Зап. Л. Элиасова, М. Азадовского; Под ред. М. А. Азадовского. — М.; Л., 1940.

[63] *Asadowskij M.* Eine Sibirische Märchenerzählerin. — Helsinki, 1926. — (Folklore Fellows Communications; N 68).

тельских традиций и «династий» деятельность М. К. Азадовского оказала стимулирующее влияние на собирательскую, эдиционную и исследовательскую практику последующих десятилетий.

С течением времени сибирско-дальневосточная фольклористика постепенно заявляет о себе как о науке многонациональной, развивающейся в общесоюзном контексте. Она вбирает в себя деятельность исследовательских институтов автономных республик и областей, специалистов из университетов, консерваторий, педагогических институтов, сибирских и дальневосточных центров академической науки, ведущих институтов Москвы и Ленинграда (включая Институт народов Севера в Ленинграде).

В 1930-е—40-е гг. главным в собирательской и эдиционной практике было начало формирования национальных библиотек фольклора, в большой мере, а иногда и исключительно базирующихся на новых записях. Этот вопрос, протекающий неравномерно и противоречиво, с отставаниями и утратами, пробелами в экспедиционных программах, неустроенностью архивов, приносил неоднозначные результаты. На первых порах зачастую преобладали формы популяризаторской, научно-нестрогой работы с фольклорными текстами, включая ориентацию на литературное редактирование [64] (что, впрочем, имело место и в зарубежной сибирике [65]). Движение шло скорее вширь чем вглубь. Но и в таких условиях отчетливо обозначались неизведанное богатство многоязычных фольклорных традиций Сибирского и Дальневосточного регионов и новые горизонты освоения наследия. Еще в довоенные годы были выявлены многие выдающиеся народные исполнители (например, Н. У. Улагашев на Алтае, Леохон Петров в Бурятии, искусные олонхосуты в Якутии и т. д.).

В последние десятилетия фольклорные традиции как бы идут навстречу всесоюзному читателю. В научно-эдиционной области этому служат двуязычные издания памятников (на языке оригинала с русским переводом). Пионерами в реализации идеи таких изданий на *фольклористической* основе — что придает существенную новизну самой демонстрации национальных произведений и научному их сопровождению [66] — явились Г. Д. Санжеев, Г. М. Василевич, Н. П. Дыренкова (которая пользовалась советами А. М. Горького при подготовке публикации шорского фольклора с русским переводом), Г. У. Эргис, М. Г. Воско-

---

[64] Конечно, публикации такого рода могли играть и определенную положительную роль, причем это относится и к некоторым опытам литературного переложения новооткрытых уникатов. См., например: *Плотников М. А.* Янгал-мал. Вогульская поэма со статьей автора о вогульском эпосе; *Клычков С.* Мадур Ваза — победитель: Вольная обработка поэмы «Янгал-мал». — М.; Л., 1933. — (Academia). Полезной в этом отношении была, например, деятельность П. В. Кичияка и других поэтов-переводчиков.

[65] *Siberian* and other folk-tales / Coll. a transl. by C. F. Coxwell. — L., 1925; *Siberiani.* A cura di R. Bertani. — Nasi, 1967. — (Poesie dei popoli dell' URSS. Coll. del Basilico, 1).

[66] Этому, несомненно, способствует совершенствующееся научно-фольклористическое профилирование публикаций русского народного творчества Сибири и Дальнего Востока, включая современную серию сборников сказок, песен, преданий, инициатором которой был Л. Е. Элиасов, а также первые словесно-музыкальные издания.

бойников, А. И. Уланов, З. Н. Куприянова, С. С. Суразаков, М. П. Хомонов, Е. В. Баранникова, Н. В. Емельянов и др.[67]

Развитие изданий подобного типа знаменует научное открытие — и для местного национального читателя, и для международной аудитории — ряда неосвоенных или малоизвестных прежде разделов народного творчества. Например, впервые осуществлена словесно-музыкальная публикация бурятских народных песен[68] и выпущен систематизированный трехтомник бурятских сказок: волшебно-фантастических, о животных и бытовых[69]. Большой и оригинальный пласт народной поэзии предстал в четырехтомнике якутских песен о природе, труде и быте, песен советского времени и традиционных поэм-тойуки (составители Г. У. Эргис, Н. М. Алексеев, Н. В. Емельянов и С. П. Ойунская)[70].

Высоким уровнем текстологической достоверности и ценностью помещаемых текстов-раритетов примечательны двуязычные публикации документально-лингвистического характера, главным образом по фольклору народов Севера. В этой области значителен вклад В. А. Аврорина, Н. А. Баскакова, Г. М. Василевич, А. П. Дульзона, Е. П. Лебедевой, Н. Н. Поппе, О. П. Суника, В. И. Цинциус, их языковедческой школы[71]. Достойно внимания, что в этих работах все заметнее ощущается присутствие фольклористического аспекта. С учетом народных представлений и терминологии дифференцируются жанровые и видовые категории, на этой же основе выясняется своеобразие публикуе-

---

[67] *Санжеев Г. Д.* Песнопения аларских бурят// Зап. Коллегии востоковедов. — Л., 1928. — Т. 3 («хороводные», «плясовые» песни, состязания певцов, «театральные» песнопения, шаманские гимны и др. — бурятские тексты с русским переводом); *Василевич Г. М.* Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. — М.; Л., 1936; *Исторический* фольклор эвенков/ Зап. текстов, пер. и коммент. Г. М. Василевич. — М.; Л., 1966; *Шорский* фольклор/ Зап., пер., вступ. ст. и примеч. Н. П. Дыренковой. — М.; Л., 1940; *Нюргун* Боотур Стремительный/ Текст К. Г. Оросина; Ред. текста, пер. и коммент. Г. У. Эргиса. — Якутск, 1947; *Исторические* предания и рассказы якутов: Тексты и переводы/ Изд. подгот. Г. У. Эргис. — М.; Л., 1960. — Ч. 1—2; *Якутские* сказки/ Подгот. текстов Г. У. Эргиса. — Якутск, 1964. — Ч. 1, 2; Абай Гэсэр/ Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. А. И. Уланова. — Улан-Удэ, 1960; *Воскобойников М. Г.* Эвенкийский фольклор. — Л., 1960; Эпические песни ненцев/ Сост., вступ. ст. и коммент. З. Н. Куприянова. — М., 1965; *Алтын-Бизе*: Героическое сказание/ Сказительница Е. К. Таштамышева; Пер. с алт. Г. Голубева; Предисл. С. Суразакова. — Горно-Алтайск, 1965. См. также упомянутые ранее двуязычные публикации записей Ц. Ж. Жамцарано, осуществленные М. П. Хомоновым, Д. Г. Дамдиновым.

[68] *Дугаров Д. С.* Бурятские народные песни. — Улан-Удэ, 1964—1980. — Кн. 1—3.

[69] *Бурятские* народные сказки. — Улан-Удэ, 1973—1981. — Кн. 1—3.

[70] *Саха* народнай ырыалара: Якутские народные песни. — Якутск, 1976—1980. — Ч. 1—3; *Саха* народнай тойуктара: Якутские народные поэмы-тойуки. — Якутск, 1983. — Ч. 4.

[71] *Поппе Н. Н.* Материалы для исследования тунгусского языка. — Л., 1927; *Он же.* Аларский говор. — Л., 1930—1931. — Ч. 1—2; *Рубцова Е. С.* Материалы по языку и фольклору эскимосов: Чаплинский диалект. — М.; Л., 1954. — Ч. 1; *Баскаков Н. А.* Диалект черневых татар туба-кижи: Тексты и пер. — М., 1965; *Орочские* сказки и мифы/ Сост. В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. — Новосибирск, 1966; *Романова А. В., Мыреева А. Н.* Фольклор эвенков Якутии. — Л., 1971; *Сказки* народов Сибирского Севера. — Томск, 1972—1981. — Кн. 1—4 (в издании содержатся кетские, селькупские, нганасанские, хантыйские, энецкие, чулымско-тюркские, долганские тексты); *Меновщиков Г. А.* Язык науканских эскимосов. — Л., 1975; *Он же.* Материалы и исследования по языку и фольклору чаплинских эскимосов. — Л., 1988; *Володин А. П.* Ительменский язык. — Л., 1976; *Аврорин В. А., Лебедева Е. П.* Орочские тексты и словарь. — Л., 1978; *Аврорин В. А.* Материалы по нанайскому языку и фольклору. — Л., 1986; *Лебедев В. Д.* Язык эвенов Якутии. — Л., 1978; *Жукова А. Н.* Язык паланских коряков. — Л., 1980; *Она же.* Материалы и исследования по корякскому языку. — Л., 1988; *Крейнович Е. А.* Исследования и материалы по юкагирскому языку. — Л., 1982; *Цинциус В. И.* Негидальский язык: Исследования и материалы. — Л., 1982; *Суник О. П.* Ульчский язык: Исследования и материалы. — Л., 1985; *Эпос* охотских эвенов/ Зап. Н. П. Ткачика. — Якутск, 1986; *Булатова Н. Я.* Говоры эвенков Амурской области. — Л., 1987.

мых произведений: стадиальное, поэтическое, исполнительское. Комментируются опорные понятия и словосочетания текстов, архаическая и диалектная лексика. Можно сказать, налицо один из подступов к комплексной интерпретации фольклора, на этот раз — со стороны этнолингвистики [72].

Практика перевода и комментирования разноязычной, специфичной фольклорной материи, несомненно, обогащается и опытом русскоязычных изданий [73], в том числе современной серии «Сказки и мифы народов Востока», в которой вышел ряд сибирских и дальневосточных книг.

Во всесоюзной серии «Эпос народов СССР», в которой выходят и памятники народов Сибири и Дальнего Востока, предпринято преобразование двуязычных изданий на современной академической основе. Оно предусматривает: аргументированный отбор и выверенность публикуемого художественного текста соответственно его устной речевой природе (при возможности — по фонограмме) с отражением распевных модификаций; адекватное раскрытие стилевой системы и всей совокупности поэтических подробностей оригинала в фольклористическом переводе (также с привлечением звукозаписей); исследовательскую характеристику памятника, его поэтики и места в развитии духовной культуры и истории народа; комментирование текста и перевода на фоне фольклорной, языковой, этнобытовой традиции, в сопоставлении с другими версиями и вариантами; выявление исполнительских особенностей и музыкальной природы произведения (музыковедческая статья и нотное приложение) [74]. С ориентацией на этот круг задач и критериев в серии представлены алтайский, якутский, хакасский и бурятский эпосы [75].

Предпринимаемое ныне издание серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», несомненно, призвано быть открытым к зарубежному научному опыту в этой сфере. Он особенно значителен и весом в области публикации обско-угорского и самодийского фольклора.

---

[72] В этой области имеется значительная научная традиция. Назовем хотя бы одно из наиболее достоверных изданий 30-х гг.: *Алтайский* эпос «Когутэй»/ Сказитель М. Ютканаков; Пер. Г. Токмашова; Ред. В. Зазубрина; Коммент. Н. Дмитриева. — М.; Л., 1935. — (Academia).

[73] *Тувинские* народные сказки/ Пер., сост. и примеч. М. Ватагина; Предисл. Д. С. Куулара. — М., 1971; *Сказки* и мифы народов Чукотки и Камчатки (азиатские эскимосы, чукчи, кереки, коряки и ительмены)/ Сост., предисл. и примеч. Г. А. Меновщикова. — М., 1974; *Мифологические* сказки и исторические предания нганасан/ Зап., подг. текстов, введ. и коммент. Б. О. Долгих. — М., 1976; *Сказки* и мифы эскимосов Сибири, Аляски, Канады и Гренландии/ Сост., предисл. и примеч. Г. А. Меновщикова; Пер. с эскимос. и англ. Г. А. Меновщикова, Н. Б. Вахтина, Е. С. Рубцовой. — М., 1985 (книга снабжена первым в своем роде типологическим анализом мотивов Г. А. Левинтона). См. также опыт объединенного научно-популярного сборника сказок: *Сказание* о просторе. Сказки Бурятии, Горного Алтая, Калмыкии, Тувы, Хакасии, Якутии и малых народов Сибири — долган, тофаларов и шорцев / Сост., послесл. и коммент. Ч. М. Таксами. — Л., 1985.

[74] *Фольклор.* Издание эпоса. — М., 1977.

[75] *Маадай-Кара*: Алтайский героический эпос / Зап. текста, пер. и прил. С. С. Суразакова; Подгот. тома и вступ. ст. И. В. Пухова; Ст. об алтайском крае Б. М. Шульгина. — М., 1973; *Строптивый* Кулун Куллустуур: Якутское олонхо/ Сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов; Зап. В. Н. Васильева; Подгот. текста Э. К. Пекарского, Г. У. Эргиса; Пер. А. А. Попова, И. В. Пухова; Вступ. ст. И. В. Пухова, Г. У. Эргиса. — М., 1985; *Алтын-Арыг*: Хакасский героический эпос/ Зап., подгот. текста, пер. и коммент. В. Е. Майногашевой; Ст. об искусстве хайджи А. К. Стоянова. — М., 1988; *Гэсэр*: Бурятский героический эпос/ Подгот. текста и вступ. ст. М. И. Тулохонова; Пер. А. Б. Соктоева под ред. А. В. Кудиярова; Коммент. А. В. Кудиярова, А. Б. Соктоева; Музыковед. ст. Д. С. Дугарова. — М. (В печати).

Само представление о фольклорном наследии самодийцев и обских угров неизмеримо расширилось благодаря публикациям коллекций и сводов, сложившихся из записей ряда финских ученых в основном начала XX столетия. За последние десятилетия эти двуязычные (тексты на языках оригинала с немецким переводом) научные публикации, оснащенные богатым сопроводительным аппаратом, составили обширную группу томов международной серии «Mémoires de la Société finno-ougrienne» [76]. Их значение возрастает в связи с тем, что в них зафиксированы, зачастую в классических формах, многие явления, в дальнейшем исчезнувшие. Не будет преувеличением назвать их публикацию научной сенсацией.

А. Каннисто осуществил долговременное, можно сказать, *стационарное* — особенно ценимое в науке — собирание мансийского фольклора. «С 1901 по 1906 г. с небольшим перерывом (поездка на отдых в Финляндию на 4 месяца) он жил среди манси, всесторонне изучил их быт, фольклор, собрал сведения о мансийской мифологии, ритуальных жертвоприношениях, медвежьих праздниках, записал на фонограф около 150 мансийских мелодий, оставил свыше 200 документальных фотографий» [77]. Издание огромного собрания А. Каннисто (тексты в оригинале с немецким переводом), подготовленное М. Лиимола, составило шесть массивных томов и уникально по охвату явлений мансийского фольклора: тексты мифологического содержания (т. 1), боевые и героические песни-саги (т. 2); сказки (т. 3), «медвежьи» песни, обряды, драматические действа и магические акты (т. 4—5) — единственная в науке столь обширная подборка материалов подобного рода, песни судьбы, похоронные причитания, песни-заклинания, детский фольклор, загадки (т. 6) [78].

Из материалов поездок Т. Лехтисало к тундровым и лесным ненцам (1911—1912 и 1914 гг.) был составлен сборник героико-эпических и мифологических песен, сказаний, сказок, шаманских песнопений и рассказов, жертвенных заклинаний, песен судьбы и т. д.[79] Т. Лехтисало впервые опубликовал (с добавлением своих записей) собрание М. А. Кастрена (40-е гг. XIX в.), включающее юрако-ненецкие эпические и короткие песни, ханто-ненецкие (остяко-самоедские) песни эпического, мифологического и лирического характера, с соблюдением диалектного членения традиций [80].

Две большие публикации хантыйского фольклора осуществила венгерская исследовательница Эдит Вертеш. Изданное ею собрание К. Карьялайнена раскрывает многообразие прозаических форм эпоса хантов, женских импровизаций — песен судьбы, свадебных обычаев и других явлений в их географическом районировании [81]. Обширный свод Х. Паасонена (записи начала XX в.) сенсационен, напротив, совокупностью крупных произведений песенного эпоса

---

[76] *Мукушев А. К.* Фольклор и фольклористика на страницах международного издания// Фольклор: Проблемы историзма. — М., 1988. (Далее название серии дается сокращенно: MSFou, с указанием номера тома.)

[77] Там же. — С. 6—8.

[78] *Wogulische* Volksdichtung/ / Gesamm., übers. von A. Kannisto; Bearb., hrsg., von M. Liimola. — Helsinki, 1951—1959. — Bdch. 1—6. — (MSFou; № 101, 109, 111, 114, 116, 134).

[79] *Lehtisalo T.* Juraksamojedische Volksdichtung. — Helsinki, 1947. (MSFou; № 90).

[80] *Samojedische* Sprachmaterialen/ Gesamm. von M. A. Castrén, T. Lehtisalo; Hrsg. von. T. Lehtisalo. — Helsinki, 1960. — (MSFou; № 122).

[81] *K. F. Karjalainens* südostjakische Textsammlungen/ Neu transkr., bearb. und hrsg. von E. Vértes. — Helsinki, 1975. — (MSFou; № 157).

(до 5 тыс. стихов в одном тексте), наличие которых в обско-угорском фольклоре не предполагалось; они входили, в частности, в репертуар двух замечательных исполнителей («сказителя из Каменской юрты в устье Конды» и «старика из Чингалинской юрты»), имена которых остались неизвестными. Само наличие подобных исполнителей сильно корректирует представление о типологии носителей обско-угорского фольклора [82].

Названные издания вносят значительный вклад в методику и практику двуязычных публикаций фольклора. В частности, в своде Х. Паасонена текст и перевод координированы до единой строки, что очень существенно при необходимых перестановках порядка слов и строк (даже при пятеричной их нумерации): стихи, переставленные в переводе, снабжены номерами, указывающими их место в оригинале. Примечательна и развитая система постраничных примечаний к публикуемому оригиналу.

Выдающаяся текстологическая и исследовательская интерпретация фольклора хантов содержится в трудах немецкого финно-угроведа В. Штейница, работавшего в середине 1930-х гг. в Советском Союзе. «Рыцарем духа» назвал В. Штейница Р. О. Якобсон в предисловии к четырехтомному изданию остякологических исследований ученого, выпущенному совместно Академиями наук Венгерской Народной Республики и Германской Демократической Республики [83]. Фольклорные материалы, собранные В. Штейницем у хантов с исключительной тщательностью, подготовлены им к печати на самом высоком филологическом уровне и получили глубокое комплексное освещение. Сказки и песни (т. 1 и 3) запечатлены в фонетической транскрипции и снабжены научным переводом на немецкий язык. Даются мелодии ряда песен — расшифровка фонографических записей, осуществленных В. Штейницем совместно с Е. В. Гиппиусом. Уникально по своей многосторонности толкование и комментирование материала (т. 2 и 4): лингвистическое (объяснение языковых форм, диалектных различий, этимологизация и т. д.); фольклористическое (характерные черты исполнительства, вибрация и «переиначивание» текстов в разных условиях и разновременных записях, соотношение с версиями у С. К. Патканова и других прежних собирателей, поэтический язык и его традиции, роль параллелизма и других композиционных форм, связь слова и напева, типы стихосложения); этнографическое (исторический и социальный контекст, манифестация древних воззрений и представлений, бытовые традиции и т. д.).

Если обобщить распределение и состояние источников по многоязычному фольклору народов Сибири и Дальнего Востока и оценить в совокупности материал, добытый поколениями ученых-собирателей и публикаторов, то нельзя не отметить грандиозность богатств, находящихся в распоряжении современной фольклористики. Не подлежит сомнению, что в массе печатных и архивных источников весьма высок удельный вес прямых изустных фиксаций. Они с большой достоверностью запечатлели фольклорные феномены в классических формах и активных фазах их манифестации. Поскольку в дальнейшем большое число явлений ушло из живого бытования или обрело сильно обедненный вид, аутен-

---

[82] H. Paasonens südostjakische Textsammlungen/ Bearb., hrsg. von E. Vertés. — Helsinki, 1980—1983. — Bdch. 1—4. — (MSFou; № 172—175).

[83] *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten: in 4 Bd. — Budapest, 1975. — Bd 1. — S. XIV. Подробнее см.: *Мишушев А. К.* Проблемы хантыйского фольклора в трудах академика В. Штейница// Фольклор: Поэтика и традиция/ Отв. ред. В. М. Гацак. — М., 1982.

тичный материал, собранный в XIX—первой половине XX в., уникален и неповторим. Это наследие составляет отправную основу для познания фольклорного наследия народов Сибирско-Дальневосточного региона. Первоочередная научная ориентация на него принципиально важна и исторически обязательна, тем более, что оно аккумулировало в себе особый собирательский талант, непревзойденную текстологическую и исследовательскую компетенцию когорты виднейших деятелей фольклористики, народознания.

В то же время приходится констатировать, что собирание велось неравномерно, существующие записи в ряде зон Сибири и Дальнего Востока запечатлели традицию лишь фрагментарно, в большом числе случаев — только в переводе. В собирании и издании фольклора целого ряда народов остались большие пробелы (это, в частности, относится к системе жанров многих народов Севера, а также к фольклору украинского, белорусского и другого населения). Крайне недостаточно были в свое время зафиксированы народный мелос, фольклорная музыка в целом. Бедны имеющиеся материалы по искусству исполнительства, единичны сохранившиеся звукозаписи.

Конечно, огромное преимущество современной сибирско-дальневосточной фольклорной ситуации состоит в том, что устно-поэтическое творчество еще обладает здесь активным потенциалом бытования. Это сделало возможным проведение в ходе подготовки сибирско-дальневосточной серии памятников фольклора целевых комплексных экспедиций для добирания материала живых традиций, пополнения знаний о их составе и искусстве, условиях и контексте бытования, о современных носителях и интерпретаторах векового наследия. О результатах этой работы и их значении для пополнения серии будет рассказано в разд. III.

* * *

В сибирско-дальневосточном фольклоре наблюдается широчайший диапазон стадиальных форм и традиций народного творчества в его комплексных разновидностях. В своей многоликости они еще только начинают раскрываться в совокупных, объединяющих исследованиях — музыковедческих[84], общефольклористических[85].

В. Я. Пропп считал, что привлечение фольклора народов Сибири и Дальнего Востока открывает возможность исследовать практически все этапы истории народного устно-поэтического творчества. Сам он на основе нивхского, якутского, шорского и других эпосов восточного региона реконструировал возмож-

---

[84] *Айзенштадт А. М., Нарва Х. Я., Португалов В. В.* Музыкальный фольклор народов Севера и Сибири. — М., 1966; *Традиционный* и современный фольклор Приуралья и Сибири: Тез. докл. — М., 1979; *Музыка* Сибири и Дальнего Востока. — М., 1982. — Вып. 1; *Культура* народов Дальнего Востока: традиции и современность. — Владивосток, 1984; *Культура* народностей Селера: традиции и современность. — Новосибирск, 1986; *Музыкальное* творчество народов Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1986; *Музыкальная* этнография Северной Азии. — Новосибирск, 1988. См. также западно-сибирские материалы в финно-угроведческих сборниках под редакцией И. Н. Рюйтель: *Музыкальное* наследие финно-угорских народов. — Таллинн, 1977; *Финно-угорский* музыкальный фольклор и взаимосвязь с соседними культурами. — Таллинн, 1980; *Музыка* в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. — Таллинн, 1986.

[85] *Эпическое* творчество народов Сибири и Дальнего Востока. — Якутск, 1978; *Фольклорное* наследие Сибири и Дальнего Востока. — Горно-Алтайск, 1986 (далее сокращенно: ФН).

ную предысторию русских былин [86]. Исследуя корни волшебной сказки, В. Я. Пропп находил в сибирских традициях объяснение загадочных ситуаций русской, европейской сказки (например, сибирские материалы позволяют ему заключить, что «мотив кормления орла создался на основе некогда имевшегося обычая», а между обладателем орла и орлом-помощником существует теснейшая связь, как между птицей и шаманом у нивхов, эвенков, телеутов, хантов; сказочный Горыныч — такой же «хозяин горы», каким он предстает у нивхов, и т. д.) [87].

На основе ранних форм повествовательного фольклора, в том числе народов Севера (сказания о культурных героях-первопредках и др.), Е. М. Мелетинский выясняет «роль доклассового фольклора как важнейшего источника формирования эпико-героического жанра» [88], его значение в складывании словесного искусства в целом [89].

Архаические типы нарратива предстают в структурной соотнесенности с обрядом, что обусловлено их порождением одной реальностью. «. . .Одни и те же сюжеты могут представать то как миф, то как предание, то как быличка. . . По мере движения от мемората (в котором героем является либо сам рассказчик, либо кто-то из его близких) через бытовой рассказ к преданию и мифу происходит укрупнение масштаба героя: он предстает как предок и, далее, мифологический первопредок (творец, демиург, добытчик)» [90].

В музыковедческом плане древний пласт фольклора содержит интереснейшее соотношение «допесенного» и песенного начала, демонстрирует начальные пути развития и эволюцию интонирования, ладообразования и т. д., позволяет выявить особенности ранних систем интонационной культуры этноса [91].

У сибирско-дальневосточного фольклора, особенно ранних формаций, весьма тесные и специфичные связи с древним общественным бытом, этническими традициями, ранними формами религии, материальной культурой и искусством. В свою очередь, фольклор, многое объясняет в перечисленных традициях и служит ценнейшим источником их изучения [92].

---

[86] *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. — 2-е изд., испр. — М., 1958. — С. 32—58.

[87] *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. — 2-е изд. — Л., 1986. — С. 169, 176—177. См. также: с. 60, 66, 76, 189—191, 269 и др.

[88] *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. — М., 1963. — С. 425. См. главу «Первобытные истоки эпоса».

[89] *Он же.* Возникновение и ранние формы словесного искусства// История всемирной литературы. — М., 1983. — Т. 1.

[90] *Новик Е. С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. Опыт сопоставления структур. — М., 1984. — С. 268—269.

[91] *Алексеев Э.* К проблеме формирования лада (на материале якутской народной песни). — М., 1976; *Он же.* Раннефольклорное интонирование. — М., 1986; *Шейкин Ю. И.* Допесенное и песенное в фольклоре удэ// Народная песня: Проблемы изучения. — Л., 1983; *Шейкин Ю. И., Цеханский В. М., Мазепус В. В.* Интонационная культура этноса (опыт системного рассмотрения)// Культура народностей Севера: традиции и современность. — Новосибирск, 1986.

[92] *Золотарев А. М.* Пережитки тотемизма у народов Сибири. — Л., 1934; *Он же.* Родовой строй и первобытная мифология. — М., 1964; *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—нач. XX в. — М.; Л., 1954; *Он же.* Скульптура народов Севера Сибири. — Л., 1970; *Он же.* Маски народов Сибири. — М., 1975; *Анисимов А. Т.* Общее и особенное в развитии общества и религии народов Сибири. — Л., 1969; *Общественный* строй у народов Северной Сибири. — М., 1970; *Религиозные* представления и обряды народов Сибири в XIX—нач. XX в. — Л., 1971; *Социальная* организация и культура народов Севера. — М., 1974; *Фольклор* и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. — Л., 1974; *Материальная* культура народов Севера. — Л., 1976;

В свете данных фольклора явственно выступают, например, глубокие этногенетические, в том числе межконтинентальные (евразийско-североамериканские), связи и процессы [93].

Известный русский ученый А. Н. Веселовский открыл значение фольклора народов Сибири и Дальнего Востока для исторической поэтики как научной дисциплины. Он продемонстрировал критериальную роль сибирских традиций при воссоздании общих процессов развития жанров фольклора и его поэтической системы, их восполняющую ценность для цельного понимания общезакономерных процессов.

В «Трех главах из исторической поэтики» ученый обратился к сибирской «медвежьей драме», находя, что она всего ближе «к началу развития» [94]. «Что сохранилось в Европе как отрывочные переживания, то объединяется для нас на инородческой почве (исследователь привлекал материалы хантов, манси и др. — *В. Г.*) в самостоятельный цикл верований и обрядов, в их различных этапах, от охотничьего праздника с подражательной игрой до культового действа с божественным героем-медведем в его центре» [95], — подчеркивал А. Н. Веселовский. Двойственное отношение к медведю, писал он, «указывает на среду, еще не вышедшую из борьбы с природой» [96].

Глубокий сравнительный этюд, где выясняется, как «пробегают все стадии развития» запечатленные в народной поэзии представления о «воздействии пения» — «от космического влияния песни до сентиментально-психологического» [97], А. Н. Веселовский начинал, помимо «Гудруны», «Калевалы» и других известных памятников, с якутской песни, приходя затем к былинам и далее — к западно-европейским балладам (как пример «физического» воздействия пения на природу он приводил, между прочим, слова предания об одном якутском народном певце: «От его пения сохли деревья»).

В «импровизациях алтайцев и телеутов» — четверостишиях с вопросно-ответной формой — А. Н. Веселовский видел процесс складывания особого стилистического приема [98]. При изучении ранних этнобытовых основ повествовательных сюжетов он обращался к истории и легендам ряда народов Приморья и Камчатки (нивхов, айнов и др.) [99].

Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. — Л., 1976; *Памятники* культуры народов Сибири и Севера. — Л., 1977; *Этнография* народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978; *Алексеев Н. А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск, 1980; *Он же.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири: Опыт ареального сравнительного исследования. — Новосибирск, 1984; *Семейная* обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. — М., 1980; Этнография Северной Азии. — Новосибирск, 1980; *Проблемы* истории общественного сознания аборигенов Сибири. — Л., 1981; *Этнографическое* изучение знаковых средств культуры. — Л., 1988; *Традиционное* мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. — Новосибирск, 1988; *Традиционное* мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. — Новосибирск, 1989.

[93] *Мелетинский Е. М.* Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. — М., 1979 (гл. 8, 9).

[94] *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика/ Ред., вступ. ст. и примеч. В. М. Жирмунского. — Л., 1940. — С. 292.

[95] Там же.

[96] Там же. — С. 294.

[97] Там же. — С. 332, 337, 343—346.

[98] Там же. — С. 168—169.

[99] Там же. — С. 523, 531.

С мыслями академика А. Н. Веселовского о значении сибирских традиций для теоретической истории фольклора и его поэтики перекликается суждение известного польского исследователя К. Мошиньского о том, что в Сибири эпос может наблюдаться в процессе своего рождения — in statu nascendi [100].

У фольклора народов Сибири и Дальнего Востока — в предлагаемой ими многофазовости воплощений — исключительно богатый «исторический словарь» поэтических общих мест и формул [101], «кадров, ячеек» поэтической мысли [102], запечатлевших движение художественного познания в истории и во времени. Этноисторическая характерность таких поэтических констант сочетается с межэтническими коммунитетами, пересекающимися связями, типологической последовательностью состояний. Продемонстрируем эту мысль на некоторых примерах.

Формулы длительности и «хроноакты» [103]. «Минимум полноты времени» [104] оказывается совершенно разным в эпосе архаическом (героико-мифологическом) и героико-историческом.

В ряде сибирских традиций — якутской, эвенкийской, долганской, эвенской, бурятской, алтайской, хакасской и шорской — «хроноакт» (длительность пути или поединка) вмещает в себя целые годы. Варьируется (иногда существенно) общая для всех названных традиций эпическая формула течения времени: «Бились / Ехали, узнавая лето по дождю, / Зиму узнавая по снегу» (в якутской и эвенкийской формулах различаются приметы всех четырех времен года). «Хроноакт» выступает здесь не просто мерой длительности, а своеобразным «множителем» силы, необычности, эпичности самого действия.

Специфическая близость формул длительности в большой группе разноязычных эпических традиций Сибири заслуживает особого внимания в свете концепции Г. М. Василевич о возникновении первоначального эпического ядра в период алтайской общности тунгусо-маньчжурских и тюркско-монгольских народов. Возможно, перед нами — редкостное древнее заложение в поэтико-стилевой традиции эпоса, еще не учтенное в специальных исследованиях первоначальной общности.

В героико-историческом эпосе — русских былинах — изменяется мера времени и его «полноты». Время членится до предельной дробности, особую разработанность получают обозначения малых его отрезков, что придает необычайную динамичность «хроноактам» эпоса. Особенно выделяются среди них: день, три дня (как в «Слове о полку Игореве»), три часа в разнообразных вариантах и сочетаниях — столько длятся, например, богатырские поединки. Время как бы уплотняется.

Если в формулах героико-архаического эпоса движение времени и действия соотносилось с частями года, то другая мера протяженности — дни, ночи —

---

[100] Moszyński K. Kultura ludowa słowian. — W-wa, 1968. — T. 2: Kultura duchowa. Cześć 2. Wyd. drugie. — S. 753.

[101] *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. — С. 241.

[102] Там же. — С. 361.

[103] Подробнее см.: *Гацак В. М.* Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. — М., 1989. — С. 9—25.

[104] *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975. — С. 296.

приносит с собой иных «свидетелей» (солнце и месяц), складывается новый образный ряд:

Они едут в день по красному по солнышку,
Они в ночь едут по светлому по месяцу.

Большие промежутки времени в русском, южно-славянском, восточно-романском и в других эпосах появляются только там, где «действие прерывается» (Д. С. Лихачев), т. е. герой отсутствует, находится в темнице и т. д. Другое проявление новизны — преобразование способов передачи течения времени. Оно особенно ощутимо в знаменитой былинной «метафоре времени» (С. Ю. Неклюдов):

День-то за день будто дождь секет,
А неделя за неделей как трава растет,
Год-то за годом да как река бежит...

Впечатление непрерывности и длительности достигается косвенно,метафорическим сравнением (см.: *будто, как, быв*, т. е. *словно*, и др.).

Богатырь в гневе[105]. Суть изображения гнева в героико-архаическом эпосе выражена якутской формулой «киэбэ-киэлитэ киирдэ» — «облик-внешность изменился». Причем имеется в виду изменение в самом прямом, «физическом» смысле; и в якутском олонхо, и в эпосе эвенкийском и др. с героем происходит нечто особенное. Певцы описывают: *вырастание от гнева* («вырос как скала», «с одежды начали пуговицы срываться», «как море вздувается», «От сильного гнева / Он чуть не лопнул в плечах, / Чуть не разорвался в поясницe»); *конвульсию гнева* («стянуло его назад, как изогнутое дерево»); *кипение, бурление крови* («храбрая кровь собралась в кулаках»); *огни гнева* («из обоих висков синие огни поднялись», «на макушке у него заплясал огонь величиною со средний горшок»), ср. в ирландской саге описание «боевой ярости» Кухулина: «От скрежета его зубов извергалось пламя... В облаках над его головой сверкали молнии, исходившие от его дикой ярости»; *источание гнева* («Из мощных серебряных пальцев его... / Светлая, чистая кровь его / Брызнула дрожащими струйками»; «Из десяти пальцев / Забила алая кровь»), ср. в описании гнева Кухулина: «била вверх струя крови из головы...»; *гневный порыв*: жест или слово («закричал, разрывая дно верхнего мира», «соединил в одном крике звуки тысячи громов»).

Тюркские эпические традиции Южной Сибири связываются между собой совпадающими звеньями специфичных описаний гнева («не сердившийся, рассердился», «как гром гремит», «как барс / медведь / волк рычит»).

Самая контрастная особенность изображения гнева в эпосе героико-историческом заключается в том, что изменение «вида-облика», столь впечатляющее в героико-архаическом эпосе (вырастание от гнева, излучение огня и т. д.), целиком уходит из описаний. Фактурную, субстанциальную новизну обозначения и изображения гнева хорошо выражает былинная формула «богатырское сердце нестерпчиво, неутерпчиво». Ясно, что речь идет о свойстве душевного склада, формула представляет метафору неуступчивости, горячности.

«Психологической» интерпретации состояние гнева служат и такие опорные понятия русского былинного «топоса» гнева, как *беда, досада*, входящие в частую формулу «за беду стало, за великую досаду показалось».

---

[105] Подробнее см.: *Гацак В. М.* Устная эпическая традиция... — С. 25—36.

Антитетично перекликается с «натуральным» почернением богатыря в героико-архаическом эпосе (например, в шорском) фигуративное выражение былин «стемнел, как темная ночь». О том, что подобное сравнение непосредственно характеризует психологическое состояние, свидетельствует противопоставление, звучащее в одной из былин Кирши Данилова: «Тугарин почернел, как осенняя ночь, / Алеша Попович стал, как светел месяц».

Лавинообразное нарастание фигуративности находит проявление в том, что описание гнева-действия зачастую входит в состав отрицательного параллелизма («Не синее море сколыбалосе, / У Михайлы ли сердце разгорелосе. . .»).

От поэтики демонизма, протуберанцев гнева к своеобразному эпическому «психологизму» (обобщенно-ситуативному, долитературному) — таков один из важных путей историко-поэтического преобразования обрисовки богатыря в гневе.

Заговаривание стрелы. В архаическом фольклоре народов Севера существуют магические формулы, посвященные «теме стрелы». Легко уловима их связь с обрядовыми актами и традициями [106]. Характерен перечень разновидностей стрел: «брачные, стрелы войны, ритуальные (применяемые в момент инициации богатыря), гостевые стрелы, приносимые в жертву духам определенных мест» [107]. «Тема стрелы» [108] не чужда и фольклорным традициям последующих формаций.

Проследим за историко-поэтическими модификациями «заговаривания стрелы» в эпосе.

Некая инципиентная, присущая началам поэтичности, изобразительность улавливается в следующих примерах из сказок и эпоса ульчей, нанайцев, долган, эвенков:

Роговой лук свой, роговую стрелу свою сильно натянул. — «При удаче в грудь его точно попади!» — Затем отпустил тетиву и точно попал (ульч.).

Стрела, стрела! . . Попади так, чтобы войти прямо в сердце! (нан.).

Пронзая белое небо, пропарывая черное небо. . . вонзись по самое оперение! (долг.).

. . .не останавливайся даже перед чугуном, не отскакивай от камня и пронзи. . . атамана авахи! (эвенк.).

Действие, «испрашиваемое» у стрелы («Попади», «Пронзи» и т. п.), означено здесь как нечто обыденное, лишенное экстраординарности (хотя в двух последних случаях ощущается все же определенное эпическое измерение полета и пробивной силы стрелы). И «процедура» испрашивания тоже самая прямая: побуждение, призыв в изобразительном плане ничем не форсируются.

Однако все может выглядеть и совершенно по-иному.

Начать с того, что в другом варианте нанайского нингмана обращение к стреле содержит продолжение: «. . .Ты стрела человека, имеющего духа-помощника, и обладаешь адской силой». Тем самым раскрывается *представленческая* обусловленность ситуации: мифическая, магическая. Имплицитно и в остальных случаях обращение к стреле основывается на том, что стрела

---

[106] *Лебедева Ж. К.* О жанрообразовании в архаическом эпосе народностей Крайнего Севера// ФН. — С. 51.

[107] Там же.

[108] *Санжеев Г. Д.* Эпос северных бурят// Аламжи-Мерген. — М.; Л., 1936. — С. IX. — (Academia).

«способна» слышать и подчиняться. В контексте архаического фольклора это имеет скорее «воззренческий», нежели изобразительный, смысл.

«Живая» ипостась стрелы может представать в любопытных функциях. В сказании охотских эвенков *нэликэй* (волшебная заговоренная стрела) становится. . . средством передвижения: «Выстрелив заговоренную стрелу, сел на нее и поехал. Догнал человека, который ночью прошел. Тот так же, как и Делгэни, летит на стреле. . .» В одном уникальном бурятском улигере (записан у ононских хамниган) три брата поочередно посылают свои говорящие стрелы к Черной старухе колдунье, чтобы добыть три серых яйца из ее ящика («Заклинаю тебя, шепчу слова заветные. . .»). Каждой стреле обещана жертва — 50 овец. Каждая из стрел летит целый день до ночи, а добравшись к старухе, описывает вслух (и хозяин *слышит* ее), что́ происходит с нею («Достигла я истока моря Черного. . .»). Все три стрелы погибают. Но четвертая, посланная племянником братьев, оказывается неуязвимой для Черной старухи: крылья стрелы «Опекают тенгрии вышние, / Опекают восемь аймаков нижних». Она расправляется с колдуньей. . .

Другой путь — изобразительное развитие самого акта заклинания. Как отмечает А. И. Уланов, в бурятских улигерах «большая архаичность наблюдается в заговаривании орудий труда, охотничьего вооружения». Это своего рода «действие-слово» [109]. Сказанное справедливо и в отношении ряда других сибирских традиций. Примечателен огневызывающий эффект заговаривания:

И стал заклинать так, / Что огонь засверкал с острия, / Что пар повалил с оперенья (бур.).

Вынул стрелу, / На зарубке ее заклинал, / Из нее вызывая тем красное пламя, / На тетиве ее заклинал, / Из нее вызывая тем синее пламя. . . / — «Разметай / Его яд и отраву / . . .» (бур.).

«Стрела из камышинки / Пусть ударит», — такое заклинание произнес. . . / На кончике стрелы огонь появился, / С большого пальца искры брызнули (алт.).

При отсутствии или утрате заклинательных слов и стрела перестает быть одушевленной (пожалуй, только в алтайском эпосе, у А. Г. Калкина, по-прежнему идет речь о «живой стреле»). Но что касается огненной природы стрелы, извержения пламени при натягивании лука и выстреле, то они не только не пропадают, а, напротив, еще больше акцентируются, причем это наблюдается и за пределами сибирского ареала (см. ниже монголо-ойратские и калмыцкую параллели). По замечанию академика В. М. Жирмунского, такое изображение входит в арсенал фантастико-гиперболических характеристик в эпосе [110].

Положил девятигранную стрелу, / Пылающую огнем (як.).

Из-под руки, державшей стрелу, дым клубами выбивался, из-под руки, державшей лук, пламя вылетало (тув.).

С развилинки стрелы повалил тогда дым, а с железки закипел чугун, с древка же протянулась радуга (монг.-ойр.).

Полетела быстрая бешеная, белая стрела, протянув пламя с тьму овец величиной (монг.-ойр.).

Так натягивал он лук, что сверкало; так натягивал, что огонь высекался (калм.).

Проступающая здесь огненность стрелы (особенно нагляден якутский пример) побуждает вспомнить громовую, огнедышащую, огнеблещущую стрелу в древнеиндийской «Махабхарате», а в еще более древней традиции — атрибу-

---

[109] *Уланов А. И.* Бурятский фольклор// Очерки истории культуры Бурятии. — Улан-Удэ, 1972. — Т. 1. — С. 53.

[110] *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. — Л., 1975. — С. 301.

тику индоевропейского «основного мифа» (о громовержце), реконструируемого В. В. Ивановым, В. Н. Топоровым.

Так или иначе, примечательны сибирско-дальневосточные уподобления выстрела из лука грому:

(Лук) загремел, подобно раскатам / Двух разящих громов (як.).
Прогремел лук (эвенк.).
Тогда железный лук загремел, / Как сухой гром загремел (нен.).

Наглядной приметой раннестадиальности эпического изображения служит потрясение вселенной, земли, природы при богатырском выстреле из лука. Показательность этой приметы архаичности помножается на ареальную ее распространенность.

Как только Нелбуни натянул тетиву, как только пустил свои стрелы, небо будто вздрогнуло, земля будто застонала, снег выпал до колен, сильная метель замела (эвен.).
Он так натянул лук — земля зашаталась. В Катальте услышали — испугались (хант.).
Вокруг все задрожало, затряслось (бур.).
И пустил стрелу. Земля и небо чуть не перевернулись (тув.).
Дно неба зашумело, / Поверхность Алтая загудела, / . . .Поверхность Алтая затряслась (алт.).

Общему масштабу героико-архаического «хроноакта» (формулы длительности) вполне отвечает *срок* натягивания лука и прицеливания. В приводимых примерах (начиная с самой ранней записи олонхо, опубликованной в 1851 г.) опять-таки улавливаем переклички формул — якутско-эвенкийскую (не очень явную) и алтайско-тувинскую (более отчетливую):

Прицеливаясь ровно тридцать дней, спустил стрелу (як.).
Солкокчон-красавица. . . целилась трое суток, упиралась четверо суток, держалась пятеро суток, направляла шестеро суток, стояла устойчиво семеро суток, держала лук восемь суток. . . (эвенк.).
Утром натянув, до вечера ждал, / Вечером натянув, до утра ждал, / Ста силачам смерть несущую живую стрелу выпускал (алт.).
С утра до самого вечера тетиву натягивал, / С вечера до самого утра натягивал (тув.).

В одном из конкретных моментов тувинских изображений стрельбы из лука (сказание о Бокту-Кирише) любопытен «меченый атом» контактов с монголо-ойратской эпической традицией — с той, однако, оговоркой, что и на сей раз обоюдность совсем не трафаретна. В перечне опорных образов — не только совпадения, но и различия.

. . .Шестьдесят драконов, вырезанных на нижнем конце лука, / Зарычали на тех, что на нижнем упоре, / Тридцать драконов, вырезанных на верхнем конце лука, / Зарычали на тех, что на верхнем упоре; Горные козлы — козероги, изображенные на упорах, / Стали биться, бодаться, лягаться, / Тигры и львы, на спинке изображенные, / Оскалили-ощерили зубы (тув.).
. . .Концы лука спереди до того сгибаются. . . что сталкиваются вырезанные там головы аргали; так, что вырезанные на площадочках бараны и козлы сталкиваются головами, вырезанные на концах лука вороны и гуси сталкиваются крыльями, а вырезанные тигр и дракон забирают в пасть головы друг друга (монг.-ойр.).

Перенесемся теперь в мир русского эпоса с его иностадиальной изобразительной материей. В былинах, даже в пределах сибирских записей, тоже встречаем «заговаривание стрелы», выдержанное, однако, в ином, чем в героико-архаических традициях, стилевом ключе: без огнеизвержений, магических потрясений и т. д. Описание даже как бы контрастно к таким экстраординарным, фантастическим масштабам.

В Минусинской записи «Суровца»:

И он свой тугой лучишко стал потягивать,
А калену стрелу стал направлять;
А сам ко стрелочке стал приговаривать:
— Полетай ты, моя калена стрела,
Выше лесу, к небу, по-над небесью,
Ты убей на дубу черна ворона,
Черна ворона, птицу вещую.

Чаще всего стрела в былинах направляется в Соловья-разбойника (или в разбойников-станичников), во вражеского царя Кудреванка, Скурлы или даже «в турецкий град, самому салтану в белу грудь», из чего явствует, что эпизод предстает в контексте историзованной сюжетики. Адресуется стрела и своему же богатырю, а то и «Маринкину окошечку». В одной из былин сборника Кирши Данилова герой уже не прибегает к «приговариванию», а наводит стрелу «трубками немецкими» туда, где «сидит злодей Калин-царь». Все это тоже выразительные приметы новизны.

Встречается лишь отдаленная аналогия («воспоминание») героико-архаической традиции, где стрельба из лука связывалась с дымом-пламенем, а сама стре́ла была огненной. В «Михаиле Казарятине» в записи от барнаульского певца Л. Г. Тупицына: «Он днем стреляет, по ночам собирает; / Где стрела стоит — тут свеча горит». В таком же ряду — «зооморфное» сравнение при описании сгибаемого лука в «Добрыне Никитиче» у того же певца: «Стал натягивать Добрыня тугой лук, / И заревел тугой лук, как лютые звери» (в казацкой былевой песне «лук, как лев, ревет. . . стрелы, как змеи, свищут»).

Но прозаическая версия былины об Илье Муромце, записанная на нижней Индигирке, содержит и формулу могучего потрясения, вызываемого стрелой: «Выдергивал из тулуну калену стрелу, натягивал тетивочку шелковую, штрелил во мать—ширу землю. Громы гремели, молнии сверкали, было землятресения». Такое описание для былинного эпоса вовсе не чужеродно. У Кирши Данилова: «А спела ведь тетивка у туга лука, / А дрогнет матушка — сыра земля / От тово удару богатырскова» (ср. и формулу, довольно привычную в былинах: «Мать — сыра земля да колыбается»). И хотя такое описание словно противостоит другим, «более реальным» изображениям в былинах, само его появление симптоматично: оно позволяет уловить, что поэтика былинного эпоса двухслойна. В ней слились «архаический» и «неархаический» компоненты изображения.

Поразительно интересно в судьбе былинного заклинания стрелы — его попадание в свадебную поэзию. Состоявшееся при этом преобразование хорошо уловимо в сибирской записи песни свадебного обряда:

Полети-ка, моя калена стрела,
Ты убей, моя калена стрела,
Лебедь белую на тихой воде,
Серу птицу под кусточком,
Красну девицу во высоком тереме.

Как отмечал А. А. Потебня применительно к точно такой же песне, мотив «молодец подстреливает лебедь» означает здесь «берет за себя девицу»,

т. е. «имеет символическое значение» [111]. Этим оттеняется предельно ясная метафоризация описания, как итог историко-поэтических изменений.

Словно завершив кругооборот, художественное изображение заклинания стрелы возвращается в обрядовый контекст, но уже в качестве метафорического иносказания. Перед нами на редкость выразительная историческая последовательность (именно последовательность, а не генетический ряд) поэтических состояний. Сибирско-дальневосточный фольклорный репертуар предоставляет благодатнейший материал для наблюдения за подобными процессами и поднимает над ними завесу.

* * *

Л. Н. Толстой выразительно передавал впечатление, которое способны производить образцы сибирского (в данном случае — мансийского) фольклора: «. . .недавно я прочел рассказ о театре у дикого народа вогулов. Одним из присутствовавших описывается такое представление: один большой вогул, другой маленький, оба одеты в оленьи шкуры, изображают один — самку оленя, другой — детеныша. Третий вогул изображает охотника с луком и на лыжах, четвертый изображает птичку, предупреждающую об опасности. Драма в том, что охотник бежит по следу оленьей матки с детенышем. Олени убегают со сцены и снова прибегают. Такое представление происходит в маленькой юрте. Охотник все ближе и ближе к преследуемым. Олененок измучен и жмется к матери. Самка останавливается, чтобы передохнуть. Охотник догоняет и целится. В это время птичка пищит, извещая оленей об опасности. Олени убегают. Опять преследование, и опять охотник приближается, догоняет и пускает стрелу. Стрела попадает в детеныша. Детеныш не может бежать, жмется к матери, мать лижет ему рану. Охотник натягивает другую стрелу. Зрители. . . замирают, и в публике слышатся тяжелые вздохи и даже плач. И я по одному описанию *почувствовал, что это было истинное произведение искусства*» [112].

А вот характеристики, идущие от исследовательского восприятия В. Г. Богораза-Тана (речь идет о палеоазиатском фольклоре) [113]. Они, в сущности, о том же, хотя строго «этнологичны» и учитывают этнобытовую, воззренческую специфичность, а не только эстетический аспект.

О *своеобразии существ*, «населяющих» повествования палеоазиатов, Богораз-Тан говорит так:

> Перед нами являются чудовища морского, полярного типа; оборотни-тингипчики, которые летом плавают в море в виде свирепых дельфинов-касаток, терзающих китов, а зимою выходят на берег, обращаются в волков и нападают на оленьи стада; сверхъестественный белый медведь Кочатку с туловищем из мамонтовой кости; кит-шаман; ледяные великаны, дремлющие среди океана в одежде из белого пуха; герои-путешественники по дальним неведомым морям; борцы-богатыри, которые по северному обычаю для борьбы обнажаются до пояса на лютом январском морозе. . . (с. 52—53).

---

[111] *Потебня А. А.* Объяснения малорусских и сродных народных песен. — Варшава, 1887. — Ч. 2. — С. 286.

[112] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. — М., 1951. — Т. 30. — С. 147 (курсив наш. — *В. Г.*).

[113] *Богораз В.* Народная литература палеоазиатов// Литература Востока: Сб. статей. — Пг., 1919.

О вере в силу устно-поэтического слова:

У чукчей существует поверье, что сказка есть лучшее средство для того, чтоб успокоить бурю. И чукотский сказочник кончает свою сказку так: «Конец. Я убил бурю!..» (с. 54).

О поэтике одухотворения природы (автор говорит, что «во всей мировой литературе не знает более яркого ее выражения») — в отрывке из «шаманских видений» оленного шамана Коравии:

В речном яру живет обладатель — «хозяин», голос там существует и оттуда говорит. Маленькая серая плиска с синей грудью шаманит, сидя в углу между суком и деревом, и призывает своих духов. Дерево дрожит и плачет под ударами топора, как бубен под колотушкой... Все сущее живет, светильник умеет ходить, стены дома имеют свой голос... Шкуры, лежащие в мешках, на запас для торговли, разговаривают по ночам. Оленьи рога на могилах покойников ходят обозом вокруг могил, а утром становятся на прежнее место... Камни и деревья, реки и озера живут человеческой жизнью. Особенно звери подобны во всем человеку. Люди — такие же звери, звери — такие же люди. Горностай — это статный молодец в одежде из белого меха. Зато, с другой стороны, человеческий шаман вынет из-за пазухи свой амулет, горностаевую шкурку, и вдруг перекинется сам горностаем и скользнет из шатра... (с. 59—60)

И о «реальностном» аспекте *веры в силу слова:*

Палеоазиатские заклинания имеют самое реальное, я сказал бы, деловое применение. Путник сокращает при их помощи предстоящую ему дорогу, дровосек старается сделать дерево более податливым топору, даже сказочник, рассказывающий сказку, но внезапно «проглотивший ее конец», по чукотскому выражению, — шепчет про себя заговор, который должен помочь ему... (с. 61)

Тексты, публикуемые в книгах серии, представят читателю мифические картины того, как «опоясалась небом земля» и «первый прыжок совершил соболь»; увлекут описанием великанских поединков богатырей, защищающих «улусы [селения] солнца»; позволят ощутить древнюю мощь, пластичность, изобразительную красочность слова «прапесни». Несомненно, запомнятся читателям и бурятский батор, мчащийся тысячу верст, словно ястреб, слетевший с горы, и едущий под светло-голубым, лучезарным, благодатным небом якутский богатырь, чьи «вытянутые брови напоминают пару сложенных в длину серых горностаев», и хантыйская девушка «в бродних, [украшенных] бисером, подобным ноготкам белки», и «златокаменный Алтай», по которому стелется, словно черный туман, дыхание боевого коня, и движение весел нанайской лодки, словно взмах крыльев чаек... Наверное, западут в память образы юкагирской песни — «Ко мне старость пришла. / Как упавшее дерево свалила меня» — или тофаларской, совсем иной по тональности — «Желтая росомаха скучает о своей земле, бойкий и русый скучает обо мне». Фенологической точностью и особенным весенним настроением поразит картина преобразующейся природы в корякской песне: «Ранней весною гагара над речкой пропела. По речке лед уходил. / Прилетела кукушка. Чавычи в реке показались. / Жаворонок пропел. Снега совсем не стало. / Кукушка закуковала. Земля зацвела» и многое другое.

III

Разностадиальное фольклорное богатство во многом сохраняется до сих пор в Сибири и на Дальнем Востоке в его исконных формах живого бытования.

Это не тот фольклор, с которым можно познакомиться лишь в письменном виде: по записям столетней давности или по отдельным фрагментам. Известно,

ценой каких усилий, потребовавших многих лет, удалось исследователю германского героического эпоса Андреасу Хойслеру высказать несколько гипотетических соображений об исторических путях развития и существования древнего повествования «Песни о нибелунгах». В Сибири и на Дальнем Востоке иная ситуация — здесь и в наши дни не прервана связь времен, фольклор сохранил в известной степени воздействие на умы, воззрения и чувства людей. Он и до сих пор слушается, сохраняя извечную пленительность и очарование своей поэзии.

Для науки, изучающей закономерности развития мирового фольклора, происхождение искусства художественного слова, музыки, театра, народно-прикладного и изобразительного творчества, Сибирь и Дальний Восток как уникальные фольклорные регионы Советского Союза располагают материалами бесценного качества. В них отражены устойчивость древних художественных традиций, многообразие их воплощения. В фольклорных материалах Сибири и Дальнего Востока, собранных исследователями более чем на 30 языках, — тысячелетняя история народной словесности, начиная с самых ее истоков и архаичных форм («прапесня», «прасказка» и пр.) до ее современных развитых, веками кристаллизовавшихся жанров.

Фольклор народов Сибири и Дальнего Востока — это огромный пласт их культуры, ее основа, суть, плоть и кровь. В нем особый способ видения жизни, ее поэтического осмысления и преобразования в духе выношенных и бережно сохраняемых с древних времен идеалов красоты, добра и гармонии, в нем история народа во всей ее самобытности, здесь сокровищница эстетического опыта звероловов-охотников, рыболовов и скотоводов, концентрированное воплощение богатств народного языка.

Вместе с тем это целый мир, наполненный музыкой, редчайшими мелодиями, звуковыми образами вселенной и природы, искусно имитируемыми голосами птиц, зверей, рыб, животных, раздающимися порой возгласами, командными сигналами чабанов и табунщиков. Но фольклор богат и зрительными образами, создаваемыми исполнителем при помощи мимики и разных движений. Фольклор — это и лицедейство.

Музыка пронизывает почти все жанры сибирского и дальневосточного фольклора — не только поэтические (эпос, песня, обрядовые действа), но и прозаические (сказки, мифы, легенды и предания). Одно дело, когда зафиксированы только слова, совсем другое, когда слышишь эти выдающиеся творения в исполнении такого мастера, как Алексей Григорьевич Калкин (1925 г. рожд.). Он поет эти сказания низким гортанным голосом («каем») в сопровождении национального музыкального инструмента «топшура», звуки которого усиливают красочность текста неповторимыми музыкальными образами и ритмами, создают иную атмосферу восприятия эпоса — явления не только словесного, но и музыкального, и исполнительского искусства. Так же надо слышать и видеть исполнение якутского эпоса «Модун Эр Соготох» современным сказителем (олонхосутом) Василием Осиповичем Каратаевым, чтобы почувствовать все его своеобразие. В научной литературе разнообразие песенных партий олонхо впервые отметил А. Ф. Миддендорф, которому принадлежит первая запись олонхо «Эриедэл Мэргэн» (по его определению — сказка): «Отдельные роли в сказке, — писал он, — произносятся рассказчиком нараспев, так что я очень был удивлен, когда, проснувшись в глухую ночь, услышал у соседней юрты

резкое пение, которым я был разбужен. На мой вопрос: что это значит, мне ответили: „Это старик рассказывает сказку. Вот поет девушка... вот лошадь“» [114].

В. О. Каратаев бережно сохраняет традиции героического эпоса. В его исполнении олонхо «Модун Эр Соготох» несет зачатки устной народной драмы и народной «оперы». И прозаическая и напевная части имеют свою драматургию. Каждый персонаж имеет свою мелодическую вокальную партию.

У многих сибирских народов до сих пор бытуют заклинания, которые произносят охотники в честь духов — хозяев тайги, рек, гор и озер, а также гимны, посвященные «светлым», «благодетельным» божествам Верхнего (небесного) мира. Вот, например, с каким заклинанием человек обращается к медведю при нечаянной встрече с ним в тайге:

Господин дедушка,
Твою широкую дорогу я не топтал,
По твоему длинному пути
Не бродили ни я, ни мои предки,
Смягчи свой гнев!
. . . . . .
. . . . . .
О, если бы ты в глубь леса,
Как сквозь щель между досками, отодвинулся,
На ширину подошвы бы отодвинулся!
Как прекрасно было бы,
Если бы ты смягчился, подобно печени налима,
Подобно нежному меху соболя!

Это заклинание замечательно не только своим содержанием, но и тем, как оно исполняется. Все краски слов и напевов возникают из глубокой веры в силу «магических» слов. Как тут не вспомнить замечание А. М. Горького: «Не сомневаюсь, что древние сказки, мифы, легенды известны вам, но очень хотелось бы, чтобы основной их смысл был понят более глубоко. Смысл этот сводится к стремлению древних рабочих людей облегчить свой труд, усилить его продуктивность, вооружиться против четвероногих и двуногих врагов, а также силою слова, приемом «заговоров», «заклинаний» повлиять на стихийные, враждебные людям явления природы» [115].

Сибирская и дальневосточная сказка то и дело включает в себя песенные вставки, различные звукоподражания. В устах замечательной удэгейской сказочницы Намики Джукеновны Кялундзюги из с. Гвасюги района Лазо Хабаровского края миниатюрная сказочка повествует: девушка, принимая облик различных птиц, сопровождает на охоте своего возлюбленного, чтобы помочь ему преодолеть препятствия, выйти из сложных ситуаций и в каждом случае находить правильную дорогу к цели. При этом каждый раз, затрудняясь, охотник спрашивает: «Где дорога?» Обернувшись кукушкой, девушка Киляэ принимается петь и куковать, указывая тем самым верное направление. В этом месте сказочница имитирует кукование, да так, что, заслушавшись, вы словно оказываетесь в тайге.

---

[114] *Миддендорф А. Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. — Спб., 1873. — Ч. 2, отд. 6: Коренные жители Сибири. — С. 806.

[115] *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. — Т. 27. — С. 306.

Вообще искусство звукоподражания, которым виртуозно владеет удэгейская сказочница, представляя образы кукушки, филина, маленькой совки, журавля и других птиц уссурийской тайги, свойственно многим сказочницам Сибири и Дальнего Востока — мастерам создания звуковых образов окружающей природы. У них своя эстетика, основанная на наблюдательности охотников, рыболовов, скотоводов, истинных знатоков тайги, озер, морей и океанов, домашних животных, окружающей флоры и фауны.

Важно сохранить и донести до читателя живое звучание фольклора чукчей, коряков, эскимосов, эвенов и юкагиров, воспроизводящих в мифических и обрядовых песнях не только разгоряченное дыхание бегущих оленей, но и ритмы танцующих чаек и умеющих передать даже слышимые образы плывущей нерпы. Нуждается в бережной передаче совокупность красок, интонаций, возгласов сказочника, располагающего самыми разнообразными актерскими средствами.

Искусством «театра одного актера» свободно владеет «баба Феня», Федосья Свиридовна Заяц из поселка Прудки Хабаровского края — из тех белорусов, которые прибыли на эту дальневосточную землю из Могилевской губернии в самом начале нашего века — в 1905 г. В ее сказке «Коза лупленая» участвуют дед, принадлежащая ему коза, затем в сюжет втягиваются лиса, «лявонный» (волк), кум Мишка-медведь, «индычка» (индейка), петух, «шершень» (шмель), и вся сказка наполняется не только замечательными песенными вставками, но и голосами всех этих зверей, домашних животных и птиц. Здесь налицо синкретизм: и мастерство устного сказа, и прекрасное пение, и театрализованные диалоги.

Первые ученые России, столкнувшись в начале XX в. с таким богатством и мощью самого разнообразного жизнепроявления сибирского и дальневосточного фольклора, почувствовали необходимость фиксации произведений устного творчества не только в словесном (вербальном) воплощении. Уже тогда они начали использовать изобретение века — фонограф. На фонографе им удалось записать фольклор якутов (Д. Н. Анучин, Я. Строжецкий), бурят (Б. Э. Петри), эвенков (И. И. Суслов, Н. М. Ковязин, С. М. и Е. Н. Широкогоровы), нивхов, негидальцев, нанайцев (Л. Я. Штернберг), коряков, алеутов, ительменов (В. И. Иохельсон). Ценность этих записей в том, что они осуществлялись в самую «золотую пору»: фольклор был тогда в силе и расцвете, не имел недостатка в своих выразителях — крупнейших творческих исполнителях, обладал полной монополией в духовной и поэтической жизни народа.

К сожалению, в последующие десятилетия сибирская и дальневосточная фольклористика стала работать преимущественно в стиле расчлененного восприятия и эдиционной подачи записанных материалов: фольклористы-словесники заботились только о вербальной стороне, фольклористы-музыковеды — только о музыкальной, словно забывая, что устное творчество народов есть явление многокомпонентное, нерасчленимое и неделимое. Даже тогда, когда на помощь пришла магнитофонная техника, ее более успешно стали использовать фольклористы-музыковеды, стараясь фиксировать материалы, содержащие особенности интонационно-музыкальной культуры народа. Но эта же техника в руках фольклориста-словесника использовалась лишь как удобный инструмент быстрой и полной записи содержания произведений; причем лента зачастую эксплуатировалась многократно: после перенесения слов на бумагу прежняя

запись с ленты стиралась и на ней записывались новые тексты. Последние записи на «заезженных» лентах оказывались столь низкого качества, что даже слова в них были еле различимы.

Однако перечисленные трудности не столь существенны. Достаточно изменить подход к явлениям фольклора и четко определить встающие перед фольклористами более высокие задачи.

Куда более серьезна угроза, нависшая в наши дни над национальными культурами народов Сибири и Дальнего Востока. Даже на самых отдаленных их окраинах все пришло в движение, буквально на глазах уходит почва, на которой возникло и могло еще сохраняться древнее, самобытное поэтическое творчество сибирских и дальневосточных народов. Все меньше становится мастеров устного художественного слова, лучшие из них, блиставшие еще в 1920—30-е и даже в послевоенные годы, ушли из жизни, оставив, правда, после себя выдающиеся творения национального эпоса, сказки, песни, мифы, легенды и предания в записях собирателей произведений народно-поэтического творчества.

Особенно велика опасность исчезновения культур малочисленных (от одной до нескольких тысяч человек) народностей — юкагиров, тофаларов, негидальцев и др. А ведь и в их фольклоре запечатлено, как совершенно верно отмечал академик А. П. Окладников, «эстетическое восприятие, которое создавалось, укреплялось, росло в течение тысячелетий, не просто веков — тысячелетий!» [116].

Обладая таким уникальным духовным, эстетическим богатством и вообще культурным опытом стольких наций и народностей и трезво оценивая угрозу, нависшую над всеми этими замечательными художественными ценностями, советская наука должна предпринять экстренные меры по сбережению и языка, и народного искусства, и фольклора народов Сибири и Дальнего Востока для всей культуры нашей многонациональной Родины, для культуры всего человечества. В связи с этим приобретает большое значение активизация фольклористических работ. Фольклор играл и еще может сыграть помимо всего прочего и свою созидательную роль, особенно в сохранении языка. Как фольклор не может существовать и развиваться без языка, так и язык не может рассчитывать на свое спасение без фольклора, в котором за многие века скопился почти весь арсенал языковых средств, прошедших длительный процесс фильтрации и отбора их наиболее жизнеспособных сил, выразительных и изобразительных возможностей. Нужно спасать и то, и другое одновременно.

Важным звеном в решении многих задач явилась большая и разноплановая работа по организации и изданию многотомной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Организаторы серии поставили перед собой прежде всего задачу подняться на новый, более высокий уровень научного подхода и осмысления фольклора, преодолеть по мере возможности наметившийся разрыв между двумя направлениями фольклористики — филологического и музыковедческого, попытаться объединить их и найти приемлемые пути согласованной работы над подготовкой и изданием лучших образцов фольклорной классики двух уникальных в этом плане регионов нашей страны. Необходимо было отразить фольклор в его живом звучании, в слитности слова — музыки — исполнительского мастерства наиболее выдающихся скази-

---

[116] *Диалог* ученых// Декоративное искусство в СССР. — 1982. — № 8. — С. 27.

телей, песенников, сказочников, хранителей мифов, легенд и преданий, а также знатоков и исполнителей устной обрядовой поэзии.

Филологи-фольклористы обратились за содействием к Союзам композиторов СССР и РСФСР, их фольклорным и музыковедческим комиссиям, всесоюзной фирме грампластинок «Мелодия».

Открывшаяся возможность участвовать в этом научно-издательском предприятии вызвала среди ученых-фольклористов глубокое понимание. Они проявили решимость подчинить всю работу по подготовке к публикациям вершинных достижений национального фольклора трудным, но ответственным задачам и требованиям, разработанным применительно ко всей серии «Памятников». Так без особых трудностей был найден общий язык между всеми фольклористами, музыковедами, этнографами и лингвистами, изъявившими желание включиться в совместную работу над серией.

Лучшие произведения отбирались из богатейших центральных и местных архивных фондов, в которых содержались замечательные, большей частью неопубликованные, а также опубликованные коллекции таких собирателей фольклора, как П. А. Ровинский, А. А. Савельев, А. А. Макаренко, Г. Н. Потанин, С. И. Гуляев, М. К. Азадовский, И. А. Худяков, В. И. Иохельсон, Э. К. Пекарский, Л. Я. Штернберг, В. В. Радлов, В. Г. Тан-Богораз, М. Н. Хангалов, Ц. Ж. Жамцарано, Н. Ф. Катанов, Г. У. Эргис, С. С. Суразаков. Кроме того, использовались материалы многочисленных фольклорных, этнографических, лингвистических и этномузыковедческих экспедиций, предпринимавшихся с конца XIX в. и на протяжении почти всего XX в.

Одним из принципов подготовки серии фольклорных памятников является максимальное отражение особенностей ж и в о г о, устного бытования сибирского и дальневосточного фольклора. В этих целях используются накопленный наукой XIX—XX вв. опыт собирания, изучения и публикаций его лучших образцов, а также результаты собирательской деятельности последних десятилетий. Все перечисленное подчиняется задаче более полно передать единство слова — музыки — исполнительского мастерства и самобытного этнокультурного контекста.

Решить данную задачу можно было, лишь осуществив новый подход к научному осмыслению и публикаторской подаче фольклорных произведений, а также развернув дополнительные к о м п л е к с н ы е экспедиции по тщательно продуманной научно-исследовательской программе. В соответствии с этой программой в первую очередь надо было заново обследовать все районы Сибири и Дальнего Востока, ликвидировать «белые пятна», получить новые материалы и сопоставить их с записями прошлых лет, установить моменты развития или потерь в современном бытовании фольклорных памятников. В ряде случаев оставались неясными, неучтенными некоторые жанры, особенно у народностей Севера и Дальнего Востока, формы их существования и функционирования. Наконец, следовало пополнить список выдающихся фольклорных исполнителей всех народностей, проживающих в этом обширном регионе, представить науке их богатый репертуар для дальнейших исследований, теоретических выводов и обобщений.

Необходимо было обеспечить техническое качество записей посредством применения современной высокочувствительной звукозаписывающей аппаратуры в стереофоническом режиме, а также метода многомикрофонной фиксации

устных произведений. Без этого поставленные задачи оказались бы невыполнимыми.

Особая роль отводится прилагаемой к каждому тому грампластинке: она должна сделать серию фольклорных памятников з в у ч а щ е й (не только в песенных жанрах, но и в прозаических), позволит услышать тексты на редчайших языках и живом исполнении талантливых певцов и сказителей, ощутить их повествовательное и интонационно-мелодическое искусство. Кроме того, можно будет познакомиться с такими специфическими музыкальными явлениями, которые не поддаются передаче ни буквами, ни нотами («голосо-свист», специальные вибрирующие призвуки — «кылысахи», как бы «орнаментирующие» протяжные песни, искусство игры на бубне или на «чирикающей трубке» — «кингуля чикчи», различные виды «горлохрипений» на вдох и выдох и т. п.). Наконец, грампластинка необходима для большей достоверности научной публикации фольклорных источников.

В круг задач комплексных экспедиций органически входил также сбор фотоиллюстративных материалов национальной культуры и явлений, образующих естественную среду бытования фольклора (фотопортреты носителей живой устной художественной традиции, произведения народно-прикладного, декоративного и изобразительного искусства, этнобытовые реалии, играющие активную роль в развитии национальных сюжетов, образных характеристиках, различных метонимиях, сравнениях, метафорах и т. п.).

* * *

В 1984—1989 гг. сектором фольклора народов Сибири Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР совместно с научно-исследовательскими институтами Сибири, Дальнего Востока, Москвы и Ленинграда с привлечением фольклористов, музыковедов из Союзов композиторов СССР и РСФСР и специалистов всего творческо-производственного объединения «Фирма Мелодия» было осуществлено шесть комплексных фольклорных экспедиций: в 1984 г. — по автономным областям и республикам Южной Сибири (Горно-Алтайская, Хакасская автономные области и Тувинская АССР), а также на территории Бурятской АССР, Усть-Ордынского и Агинского бурятских автономных округов Иркутской и Читинской областей; в 1985 г. — по Хабаровскому и Приморскому краям (в местах проживания нанайцев, удэгейцев, негидальцев, нивхов, русских, украинцев, белорусов, евреев); в 1986 г. — по юго-западным районам Якутской АССР (эвенки, якуты), в 1987 г. — по ее северным районам (долгане, эвены, юкагиры, якуты, русские); в 1988 г. — по Красноярскому краю, Иркутской области, Бурятской АССР (сбор дополнительных материалов к томам русского фольклора); в 1989 г. — по Магаданской области и Чукотскому автономному округу (фольклор чукчей и ряда других северных народностей).

Следующие комплексные фольклорные экспедиции согласно плану будут проводиться в 1990-е гг.

В результате экспедиций 1980-х гг. осуществлено свыше 3 тыс. записей фольклорных произведений, собрано 2 тыс. фотосюжетов для научных иллюстраций. Накоплен большой фонд фонозаписей, почти к 50 томам серии. Наработан-

ный в экспедициях фоно- и фотоиллюстративный материал продублирован, переписан и передан научно-исследовательским институтам Сибири и Дальнего Востока, что позволит многим поколениям ученых и работников культуры, композиторам, художникам, деятелям литературы, театра, кино, радио и телевидения продолжить работу по изучению и пропаганде устной словесности и музыкального творчества наций и народностей этих двух больших регионов нашей страны.

Многонациональный фольклор Сибири и Дальнего Востока принадлежит народам, прошедшим разные стадии исторического развития, и в каждом отдельном случае исключительно самобытен и разностадиален. Следовательно, отбор и подача текстов и их научная интерпретация должны строиться на дифференцированном конкретно-историческом подходе в полном соответствии с историческим опытом социального и духовного развития каждого из этих народов.

Экспедиционные исследования последних лет еще раз показали, что в Сибири и на Дальнем Востоке у одних народов довольно сильные художественные традиции в эпосе (русский, алтайский, бурятский, тувинский, хакасский, шорский, эвенкийский, эвенский, якутский фольклор), у других они менее развиты, а некоторые вообще не знали этого рода устного творчества. Зато у всех народов богато представлены сказки, песни, обрядовая поэзия. Интересные коллекции собраны для томов мифов, легенд и преданий.

В период фронтального обследования современного состояния эпоса удалось собрать обширный материал, касающийся русской эпической традиции в специфических условиях проживания русского населения в разных районах Сибири и Дальнего Востока. Образцы этой поэзии в прошлом фиксировались, да и сейчас записываются исследователями в Кургане и Притоболье, в Прииртышье, на Алтае и в Приангарье. Но самый значительный и ценный в научном отношении материал был получен на Колыме и Индигирке. Именно на эти отдаленные районы Севера приходится $^{1}/_{3}$ всех произведенных в Сибири и на Дальнем Востоке записей эпоса. Русские эпические песни были занесены в Сибирь из разных мест Европейской России, главным образом с Русского Севера.

Значение сибирских версий и вариантов общерусских былин (называемых здесь то «старйной», «старйнкой», то «бывальшиной») состоит не только в том, что многие из них живо сохраняют связь с эпосом Европейской России, но и в том, что некоторые из них оказались впервые записанными и открытыми наукой именно в Сибири, в местах нового проживания их носителей. Среди этих записей есть и уникальные, свидетельствующие о бережном сохранении в памяти народной русского эпоса — не только на протяжении XIX—XX столетий, но даже с XVI—XVIII веков!

По числу и богатству оригинальных сюжетов сибирские записи занимают второе место после Русского Севера и отражают значительную часть репертуара всей русской эпической традиции. Ныне ни одно исследование по русскому эпосу не будет репрезентативным без привлечения и учета сибирского былинного материала.

Былина в Сибири и до сих пор нередко звучит в той же традиции, в какой она исполнялась в далеком прошлом, когда она п е л а с ь, а не рассказывалась. Образцами именно такой былины являются многочисленные сибирские «старинки» об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче и другие, с которыми познакомят читателя публикуемый в серии том «Русская эпическая

поэзия Сибири и Дальнего Востока» и прилагаемая к нему грампластинка.

И в наши дни функционирует эпос алтайского, хакасского, тувинского, эвенского, эвенкийского, нганасанского и других народов. В экспедициях были записаны образцы сказаний (некоторые из них в несколько тысяч стихотворных строк) от крупнейших сказителей Сибири: алтайские — от Алексея Григорьевича Калкина, Салдыбая Ивановича Савдина, Табора Анушкиновича Чачиякова; хакасские — от Петра Васильевича Курбижекова, Семена Прокопьевича Кадышева, Петра Федоровича Ульчугачева; тувинские — от Кавкай Албанчиевича Сат, Чанчи-хоо Чапаажиковича Ооржак; якутские — от Семена Григорьевича Алексеева, Василия Осиповича Каратаева; эвенкийские — от Дмитрия Алексеевича Пудова, Анфисы Павловны Авеловой, Петра Елисеевича Марфусалова и др.

От эвенской сказительницы Варвары Михайловны Голиковой из с. Тополиного Томпонского района Якутской АССР был записан многочасовой эпос «Старик Герини и его сыновья Осини и Хиняни», а от Дарьи Михайловны Осениной из того же села — «Богатырь Менгнуни», в которых разворачиваются величественные картины борьбы нескольких поколений эвенских богатырей за торжество рода. Как и якутские мастера, обе сказительницы владеют замечательным музыкально-драматургическим искусством индивидуализации эпических персонажей.

Бурятский героический эпос — один из самых крупномасштабных в Сибири, его исполняли такие самобытные улигершины, как Маншуд Имегенов, Елбон Шалбыков, Пёохон Петров, Парамон Дмитриев, Папа Тушемилов, Альфор Васильев и др. Однако он оказался в очень драматическом положении, поскольку при собирании его образцов, начатом еще в 1903 г., эти уникальные творения, к сожалению, не были зафиксированы в фонозаписях. Многое сделали бурятские фольклористы, чтобы оставить потомкам богатейший эпический репертуар сказителей, но лишь в 60-е гг. ничтожно малое количество образцов было записано на бытовых магнитофонах, имеющих низкое качество звука. Поэтому звукоиллюстрации бурятских традиций исполнения эпоса, включенные, тем не менее, в прилагаемую грампластинку к тому «Бурятский героический эпос. Аламжи Мэргэн», дают лишь общее (типологическое) представление о музыкальной стороне бурятских сказаний — улигеров.

Исключительно самобытные памятники эпического творчества записаны у нивхов, нанайцев, ульчей, шорцев, чукчей. Они будут продемонстрированы в соответствующих томах серии. Кроме того, в тома серии войдут произведения архаического эпоса, — как, например, *настунды*, записанные у сахалинских нивхов Л. Я. Штернбергом и опубликованные им еще в 1908 г.

У некоторых народов Сибири и Дальнего Востока развит особый род устной прозы, который тяготеет к жанру героической сказки. Это наблюдается в жанрах сказок — в якутских *остуоруйа*, бурятских *онтохонах*, алтайских *чээрчок*, тувинских *тоолах*, хакасских *чазаг нымах* («пеших сказках»), нанайских *нингманах*, ульчских *нингма*, удэгейских *ниманку*, нивхских *нызит*, негидальских *тэлунма*. В Хакасии удалось записать сказку «Похты Кирис», исполненную Б. В. Коковым в национальной гимнической манере «хай» в сопровождении семиструнного чатхана. Она представляет большой научный интерес (подобно тувинской богатырской сказке «Хайындырынмай Багай-оол» в исполнении М. С. Хертек), поскольку живет в сходных музыкальных формах с крупными эпическими сказаниями.

Сказка у сибирских и дальневосточных народов изобилует песенными вставками, мелодиями и напевами, исполняется порой в речитативной манере. Но удивительно не это, а то, что иногда она поется он начала до конца. Образцы таких сказок читатель может встретить, например, в томе «Тувинские народные сказки», поставив для прослушивания прилагаемую к нему грампластинку.

Особый пласт фольклора народов Сибири и Дальнего Востока составляет обрядовая поэзия, так же достойно представленная в томах серии по материалам всех предыдущих и недавних фольклорных экспедиций.

В 1986 г. перед участниками летней экспедиции в Сунтарском районе Якутской АССР во всем богатстве разнообразия предстал нестареющий вид старинной обрядовой поэзии якутов *осуохай*, генетически, возможно, связанный с бурятским *асоо наадан*. Осуохай проходил также в Алексеевском и Вилюйском, Верхневилюйском и Ленинском районах Якутии, где тоже произведено немало записей. Но за два дня на летнем празднике Ысыах в Сунтаре было записано, вероятно, втрое больше, чем во всех других районах, вместе взятых. Один за другим возникали хороводы, к которым присоединялись все новые и новые участники. Стояли жаркие дни, жара не спадала и в светлые сунтарские ночи. А осуохай не умолкал — его раскатистые напевы-вторы «от зари до зари» оглашали зеленые рощи и покрытые коврами цветов поляны. Все это время фольклористы, применяя метод многомикрофонной записи, неотступно следовали за запевалами, стараясь качественно фиксировать каждое слово, каждый нюанс их музыкально-мелодического интонирования и варьирования.

Немалый интерес для науки представляют изменения древнего жанра в современных условиях. Не только наступление лета, но и любой праздник, любое торжество, в котором участвует масса народа, — повод для осуохая. Осуохай синкретичен, он сочетает песенное начало с хороводно-танцевальным круговым движением со сменой темпа и ритма. Хореография ли подчиняет лирическую песню или песня подчиняет хореографию — сказать трудно, настолько взаимопроникли друг в друга эти равносильные компоненты. Запевалой может стать не каждый поющий, а только тот, кто одновременно обладает сильным и красивым голосом, умением импровизировать и, естественно, незаурядным поэтическим даром. Это — своеобразное поэтическое состязание, выявляющее наиболее талантливых исполнителей песен в жанре осуохая.

Импровизация позволяет запевалам помимо исполнения обязательных традиционных мотивов чутко реагировать на события современные. На ысыахе в Сунтаре из уст запевал можно было слышать исключительно образные импровизации. Эти народные новации, совершенно естественно и гармонично наполняющие новым содержанием древнейшие формы осуохая, наглядно показывают суть движения жанра, его эволюцию.

В Вилюйском и Верхневилюйском районах мастера традиционных якутских *алгысов* (обрядовых посвящений, различных благопожеланий) сохраняют в памяти заклинания духов *айыы* (мифологическим божествам), покровителей кузнецов, богини Айыысыт — покровительницы крупного рогатого скота, не забывают и обряды обращения рыбака к духам — хозяевам местных рек и озер, а также посвящения в кузнецы. Некоторые

алгысы по-новому звучат при проведении в современных условиях праздничных, трудовых, семейно-бытовых и свадебных обрядов.

Прекрасны якутские мифы (например, о борьбе первопредка с шаманом, о превращении в стерха заблудившейся в лесу красивой девушки), легенды и предания (о переселении якутов в районы их нынешнего проживания и др.).

Материалы комплексных экспедиций последних лет свидетельствуют о заметной роли импровизационного начала в фольклоре и других народов Сибири и Дальнего Востока. Особенно это относится к песенным жанрам — удэгейским *ехый*, нанайским *дярин*, ульчским *яя*, нивхским *лу*, негидальским *ихаян*. Основой импровизационных напевов остаются традиционные мотивы и мелодии, однако именно хорошее знание структуры древних национальных интонационных систем позволяет современным исполнителям народных песен вносить в них новые краски и содержание.

Красивы, лиричны эвенские народные песни (*икэн*) об окружающей природе, озерах и реках, богатых рыбой, птицах, которые поют «для людей, встающих рано утром», о людях прошлого, оставивших свой след в благодарной памяти народа, о сватовстве, рождении детей. Не менее красивы образцы обрядового песенно-танцевального искусства (*хэдьэ, дьяхурьиа, духэ*) с их вторами, с движениями, подобными колыханию деревьев и трав, с образами природы (птиц, животных), ансамблевым горлохрипением, имитирующим звучное дыхание бегущих оленей. Замечательно искусство имитации у народных исполнителей: так, в нимкане «Про серого большого оленя», исполненном Е. А. Даниловым, искусно переданы голоса рыси, оленя, волка и орла. В Аллаиховском районе Якутской АССР (пос. Чокурдах) песенница Е. В. Дуткина с большим мастерством пропела «Колыбельную» (*бэбэкэн*), в которой волчица предостерегает детеныша об опасностях, ожидающих его, когда он будет охотиться на дикого оленя.

В научном плане весьма ценны записанные из уст ульчской сказительницы и песенницы Индикэ Гавриловны Вальдю фрагменты древнего обряда — ритуала, посвященного «медвежьему празднику». С помощью оригинального национального инструмента *удзядя* (представляющего собой две деревянные опорные треноги с подвешенным на них поперечным бревном) она и Ч. Г. Вальдю создавали ритмический рисунок, на фоне которого развертывалось ритуальное песенное повествование — явление, имеющее огромное значение для реконструкции одного из образцов ульчской национальной культуры, к сожалению не дошедшего до нас в цельном, первозданном виде.

Наибольшие опасения вызывает сохранность юкагирского фольклора. Юкагиры — одна из самых малочисленных народностей севера нашей страны. Всего их около 600 человек, из них, например, в с. Нелемном Верхнеколымского района 150 человек, а в Андрюшкино Нижнеколымского — 250. Процесс вовлечения окраинных районов в единую народнохозяйственную систему чувствительнее всего сказывается как раз на таких небольших по численности народностях. Осталось ли у них что-то от традиционного устно-поэтического творчества? Живы ли его носители?

Казалось бы, уже нечего рассчитывать на сколько-нибудь серьезные результаты в сборе оригинальных произведений устной народной поэзии юкагиров. И эти опасения небезосновательны. Тем не менее в двух юкагирских районах записано 227 фольклорных произведений — почти столько же, сколько в шести эвенских и якутских районах во время IV фольклорной экспедиции 1987 г. по северу Якутии.

Фольклор юкагиров начали собирать давно. Значительное количество его образцов еще в конце прошлого века зафиксировал В. И. Иохельсон, немало собрано и в советский период. Но лишь в 1987 г. этот уникальный материал — 175 великолепных образцов юкагирских песен — записали в живом звучании. До сих пор науке не были известны особенности музыкально-интонационной культуры юкагиров и не существовало ни одной записи мелодии. Разнообразен видовой состав песенного фольклора *йахтэ*: это и воспевания близких родственников, знакомых, друзей, известных односельчан, почитаемых предков, и свободные импровизации (*мумны йахтэ*), и колыбельные песни (*бэйу йахтэ*), а также песни о любви, о животных и птицах. Песня занимает господствующее положение во всем строе юкагирского фольклора, она сопровождает сказки (*льальалъу* «пение в сказках») и разные жанры несказочной прозы, на равных участвует в древнем обрядовом танце *лондол*.

Особенно выделялись репертуаром и мастерством такие исполнители, как А. В. Курилова, А. С. Третьяков, Е. И. Тымкыль. Записанные от них народные произведения станут теперь объектом глубоких научно-фольклористических и музыковедческих исследований.

Тундренные юкагиры живут в окружении разных народностей. Поэтому среди старшего поколения, и в частности среди носителей фольклора, нередко можно наблюдать своеобразный полилингвизм, точнее, знание пяти языков: русского, якутского, эвенского, юкагирского и чукотского. Юкагиры, например, исполняли не только свой, но и эвенский и чукотский фольклор, а эвены — юкагирский, чукотский и др.

Экспедиции 1980-х гг. по Сибири и Дальнему Востоку показали, что ученым — собирателям фольклорных произведений — рано опускать руки, что еще не иссякла оригинальная устная поэзия даже таких небольших по численности народностей, как удэгейцы, ульчи, негидальцы, нанайцы, нивхи, эвены, юкагиры, долгане. Вопреки всему, она продолжает жить, сохраняя древнюю память и культурные завоевания веков, все еще звучит в полярной ночи, при свете костров охотников и рыбаков, на дальних оленеводческих и чабанских стоянках, в тиши семейных вечеров. К сожалению, все меньше остается талантливых певцов и сказочников, уходят они из жизни. Но велико у этих народностей стремление к сохранению своей национальной культуры.

Добытые в экспедициях материалы ценны как для фольклористики, так и для этномузыковедения. Благодаря им расширились наши представления о мелодическом фонде народов Сибири и Дальнего Востока. В Якутии, Бурятии, Хакасии, Горном Алтае выявлены различные интонационные традиции в плане их родоплеменной характеристики, которые позволяют выделить специфические напевы, характерные для вилюйских якутов, с одной стороны, и северных — с другой, или отличить мелодии

эхирит-булагатов, аларцев и боханцев от мелодий хоринских и агинских бурят, в Хакасии — сагайские от кызыльских, а последние — от качинских, улаганские напевы алтайцев — от кош-агачских, усть-канские — от онгудайских и т. д. Все это свидетельствует о богатстве и разнообразии устной словесной и мелодической культуры сибирских и дальневосточных народов.

Раньше мы знали о четырех типах тувинского горлового пения. Теперь их число выросло до восьми, поскольку в процессе экспедиционной работы были выявлены смешанные, «переходные» приемы.

В образцах песенного и обрядового фольклора народов Сибири и Дальнего Востока поражает обилие необычных красок и звуков. Материалы экспедиции красноречиво говорят о неразрывности устных поэтических традиций с бытовой и производственной обрядностью. Есть в фольклорных произведениях образцы чисто функциональных интонаций, связанных со скотоводческим, охотничьим, рыболовецким бытом. Интонационно-песенная культура многих народов изобилует специфическими возгласами, например, погонщиков табуна, заклинаниями, произносимыми на охоте в тайге или во время рыбной ловли на море, звукоподражаниями маралу, кабарге, горному козлу, различным птицам и рыбам.

Материалы экспедиций дают возможность фольклористам, этномузыковедам, этнографам исследовать культуру народов Сибири и Дальнего Востока во всем ее многообразии и единстве.

* * *

Фольклор всегда был неиссякаемым источником живительных сил для профессионального искусства. Об этом свидетельствуют лучшие национальные творения народов Сибири и Дальнего Востока в области оперного, драматического, изобразительного, народно-прикладного и декоративного искусства, симфонической музыки, литературы, кино и телевидения.

Вот частный пример естественного продолжения жизни героической эпики и исторических песен, их возрождения в новой сфере современного искусства. У подножия высоких гор в Сут-Хольском районе Тувинской АССР участников фольклорной экспедиции 1984 г. заинтересовал внешне незатейливый памятник. На ровной площадке у самого основания хребта возведена из камня приземистая белая тувинская юрта, опоясанная национальным орнаментом, на ее верхней части возложен богатырский лук, увенчанный выразительно установленным громадным колчаном со стрелами. Если от этой юрты поднять глаза вверх, то на самой вершине горы-исполина на фоне синего неба и проплывающих облаков можно увидеть силуэт мчащегося во весь опор всадника. На расстоянии и памятник, и всадник сливаются в единый монументально-художественный комплекс. Он посвящен 60 богатырям, более ста лет назад (1883—1885) поднявшим в долине Хемчика восстание против колониального и феодального гнета. Эпическая память об этом событии присутствует во многих жанрах тувинского фольклора. И в данном случае свой замысел претворил в жизнь не заезжий знаменитый скульптор, а обыкновенный сварщик Ортун Сарыглар из совхоза «Алдан Маадыр» («Шестьдесят богатырей»), влюбленный в устную поэзию родного народа.

Для большинства народов Сибири и Дальнего Востока фольклор сыграл огромную созидательную роль в становлении и развитии национальных литератур. Этому способствовал ряд факторов. Среди них первостепенное значение имело то внимание к фольклору, которое было проявлено В. И. Лениным, первым отметившим на заре Советской власти неудовлетворительное состояние, в каком пребывало собирание и изучение произведений устного народного творчества. Ленинское отношение к духовному наследию народов России было созвучно высокой оценке устного народного творчества, во многих статьях, письмах и высказываниях А. М. Горького и особенно отчетливо и программно прозвучавшей в его речи на I съезде советских писателей в 1934 г., имевшем большое значение в зарождении и здоровой направленности многих национальных литератур СССР: «Повторяю: начало искусства слова в фольклоре, — говорил он, — собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его» [117].

Такой подход к фольклору был поддержан наукой — советской фольклористикой, набиравшей в те годы силу и расширявшей свое влияние на процесс культурного возрождения страны. Один из крупнейших советских ученых-фольклористов В. Я. Пропп подчеркивал: «Многие из песен героического эпоса народов СССР по своей художественности и мастерской разработке деталей могли бы иметь мировое значение, если бы были лучше известны. Фольклор когда-то бесписьменных народов служит одной из основ, на которой создается позднейшая национальная литература» [118].

Опора на фольклор стала отличительной особенностью всех литератур народов СССР, — и тех, которые имели в дооктябрьский период свою письменно-художественную предысторию, и тех, кто только осваивал азы литературного творчества.

Устное народное творчество сыграло огромную роль в становлении многих литератур народов Сибири и Дальнего Востока. Всем им был свойствен ранний этап развития, в котором господствовал переходный, промежуточный «фольклорно-литературный» художественный метод. В результате читатели получили бесчисленное количество различных переложений, литературных обработок наиболее популярных в народе жанров и произведений устного поэтического творчества. С подобных переложений начинали свое творчество Х. Намсараев, Б. Абидуев, С. Туя, А. Хамгашалов, А. Шадаев — в бурятской литературе, В. Никифоров, А. Сафронов, П. Ойунский, С. Элляй, А. Кудрин, И. Гоголев, Д. Ефимов, И. Данилов — в якутской, П. А. Чагат-Строев, П. В. Кучияк, Ч. Енчинов, Л. В. Кокышев, — в алтайской, С. Артонов — в хакасской, С. Тока — в тувинской и т. д.

В последние десятилетия появление многих ярких талантов, представителей группы новописьменных литератур (чукотской, эвенской, эвенкийской, эскимосской, долганской, ненецкой, корякской, юкагирской, мансийской, хантыйской, удэгейской, нанайской, нивхской) невозможно объяснить без учета огромного художественного опыта национального

[117] *Горький А. М.* О литературе. — М., 1953. — С. 729.
[118] *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. — М., 1959. — С. 54.

фольклора, который в преобразованном виде предстает в творчестве таких писателей, как Ю. Рытхэу, А. Кымытваль, Ф. Тынэтэгын, В. Лебедев, Н. Тарабукин, А. Немтушкин, Х. Ненмомкин, О. Аксенова, Т. Вылко, Л. Лапцуй, В. Ледков, В. Коянто, Т. Одулок, С. Курилов, Ю. Шесталов, Е. Айпин, П. Пунух, М. Шульгин, Д. Кимонко, В. Т. Кялундзюга, Г. Ходжер, А. Самар, А. Пассар, В. Санги, А. Бажанов и многие другие.

Характерно, что в творчестве большинства перечисленных писателей новейшего периода взаимодействие фольклора и литературы предстает в утонченной форме. Оно вышло за пределы прежних переложений и литературных обработок, и связь с фольклором более опосредована и в какой-то степени приближается к уровню осмысления и замечательной технике использования устных народных сюжетов, которую демонстрирует Ч. Айтматов. В этой связи бесконечное чередование и многообразие различного рода лирико-философских литературных жанров — притч, «легенд, создающихся заново», «сплав эпоса и житейских реалий» (В. Санги) [119] на уровне высокой психологической прозы, где элементы народно-поэтического сознания тонко и на высоком уровне взаимодействуют с развитой литературно-письменной традицией. Многие произведения перечисленных писателей представляют нечто вроде литературной сказки-мифа, как, например, повесть Ю. Рытхэу «Когда киты уходят» с мифом о Нау, прародительнице береговых чукчей, со всеми атрибутами народного сказа: испытание героев, неминуемая гибель в морской пучине и чудесное спасение китами. События и конфликты «Женитьбы Кевонгов» В. Санги овеяны дыханием и ароматом нивхских героических сказок — «настундов», но это нечто более значительное, чем память о родном фольклоре. И разве можно не отдать должное нивхской легенде, услышанной Ч. Айтматовым от В. Санги, которая так мастерски была использована киргизским писателем в его повести «Пегий пес, бегущий краем моря»?

Героические, исторические и лирические песни — это те истоки, откуда брало силы оперное искусство народов Сибири и Дальнего Востока. На базе их были созданы произведения, ныне составляющие основу национального театрального репертуара в области оперы и музыкальной драмы: «Энхэ Булат баатор» (либретто Н. Балдано, композитор М. Фролов), «Баир» (текст А. Шадаева и Г. Цыденжанова, композитор П. Берлинский) — у бурят; «Нюргун Боотур Стремительный» (либретто Д. Сивцева, музыка М. Жиркова и Г. Литинского), «Лоокуут и Нюргусун», «Сыгый Кирынастыыр» (музыка М. Жиркова и Г. Литинского) — у якутов; «Чанар-Хус» (композитор А. Кенель) — у хакасов и многие другие; в области балета: «Красавица Ангара» (музыка Б. Ямпилова и

[119] Дружба народов. — 1978. — № 1. — С. 257.

Л. Книппера) — у бурят, «Полевой цветок» (музыка М. Жиркова и Г. Литинского) — у якутов, «Золотая кисточка» — у алтайцев; в области изобразительного, народно-прикладного и декоративного искусства: «Буха-нойон» И. Дадуева, «Гэсэр в зыбке» Р. С. Мэрдыгеева, «Шоно-Батор» Ф. Балдаева, «Прошлое» Д. Дугарова, цикл иллюстраций к «Гэсэру» А. Сахаровской, «Аламжи Мэргэн» И. Старикова, фреска «На земле Гэсэра» А. Цыбиковой — у бурят; «Витязь с невестой» П. Романова, «Якутия в народном эпосе» М. Носова, серия «Сказители» Э. Сивцева, иллюстрационная серия В. Васильева к эпосу «Нюргун Боотур Стремительный» и к «Мюлдю Силачу» П. Романова — у якутов, чеканка по мотивам эпоса В. Тодыкова — у хакасов; «Хан-Алтай» (Озеро горных духов)», «Корона Катуни» Г. Гуркина, «Вечер», «Сны дикарки», «Алтайцы на берегу Телецкого озера», цикл иллюстраций к 11-томному изданию «Алтайские богатыри», и к книге алтайского эпоса «Маадай Кара» И. Ортонулова — у алтайцев и т. д.

Выйдут в свет тома серии и предстанет во всем многообразии фольклорная классика народов Сибири и Дальнего Востока. Станет она достоянием не только читателя, но и бесценным материалом для науки и развития всей многонациональной советской культуры.

Отечественная фольклористика предпринимает такое масштабное издание впервые. Не все трудности, встречавшиеся на пути научной подготовки серии, удалось успешно преодолеть и разрешить. Однако начало издания лучших образцов фольклорной классики народов Сибири и Дальнего Востока положено, и если серия поможет читателям расширить и углубить свои представления о поэтических сокровищах, которыми располагают два обширных региона нашей страны, то основную ее задачу можно будет считать выполненной.

* * *

Академическая серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» — одна из крупных научно-издательских программ Сибирского отделения АН СССР и Советского фонда культуры. Ее реализация возложена на головное научное учреждение — Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. В подготовке серии участвуют Бурятский институт общественных наук Бурятского научного центра, Якутский институт языка, литературы и истории Якутского научного центра, Институт археологии, этнографии и истории народов Дальнего Востока Дальневос-

точного отделения АН СССР, Горно-Алтайский, Тувинский и Хакасский научно-исследовательские институты языка, литературы и истории, академические институты Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Вильнюса, Таллинна, более 20 высших учебных заведений Государственного комитета по народному образованию при Совете Министров СССР, Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, Министерств культуры СССР и РСФСР, Всесоюзная комиссия по народному музыкальному творчеству Союза композиторов СССР, комиссия музыковедения и фольклора Союза композиторов РСФСР и фольклорная комиссия Сибирской организации Союза композиторов РСФСР.

Производство грампластинок (приложений к томам серии) осуществляется Всесоюзным творческо-производственным объединением «Фирма Мелодия».

В состав ответственных редакторов и авторских коллективов томов серии входят видные советские фольклористы, известные своими научными трудами и публикациями произведений устного народного творчества не только у нас в стране, но и за рубежом.

Общее научно-методологическое руководство подготовкой серии осуществляется Отделением литературы и языка АН СССР, Научным советом по фольклору АН СССР, Объединенным ученым советом по историко-филологическим и философским наукам СО АН СССР и редколлегией серии.

В. М. Гацак
А. П. Деревянко
А. Б. Соктоев

ЭВЕНКИЙСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ

Эвенки — один из малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока. Они расселены небольшими островками на огромной территории от правобережья средней Оби на западе до Охотского моря на востоке, от лесотундры между Енисеем и Леной на севере до Ангары и Амура на юге.

По последней переписи (1989 г.), в СССР проживает 30 908 эвенков. Эвенкийский язык относится к северной ветви тунгусо-маньчжурской группы языков и имеет три наречия: северное, южное и восточное, каждое из которых состоит из многих говоров. Несмотря на большую территориальную разбросанность и наличие в языке наречий и говоров, эвенки разных групп могут общаться между собой на родном языке. Повсеместно, где сохраняется эвенкийская языковая среда, продолжает существовать и фольклор, обладающий большим разнообразием жанров.

Наиболее значительным из всех жанров эвенкийского фольклора является героическое сказание: *нимнгакан* — у эвенков Якутии, Приамурья, *нимкан* — у сахалинских, *улгур* — у забайкальских. У других групп эвенков термином «нимнгакан» называют как героические сказания, так и все виды сказок и мифов.

Материалы собирателей эвенкийского фольклора и отдельные его публикации свидетельствуют о том, что героические сказания бытуют не во всех регионах проживания эвенков. Наиболее полные записи этих сказаний были сделаны от восточных эвенков, проживающих на территории Якутской АССР, Амурской и Сахалинской областей и Хабаровского края.

В 1775 г. И. Георги опубликовал в переводе на немецкий язык эвенкийское сказание о Долодае, которое в то время было широко известно у эвенков: «Они развлекались пением и рассказыванием его» (цит. по: [5, с. 233]), из чего можно заключить, что сказание сочетало в себе песенные части с прозаическими, как это бывает в эпосе многих народов. При этом он отмечал, что имена героев — Долодай (букв.: «Властитель гор»), Арсалан-Бакши, из которого могло образоваться имя Арсалун (букв.: «Учитель львов») — монгольские по происхождению [Там же]. В предисловии к своей публикации И. Георги подчеркивал, что у эвенков «в большом ходу пение, правда, несколько однообразное, но довольно

приятное», что «в их песнях идет речь о любви, охоте, оленях, красивых местностях, о храбрых подвигах предков, часто о чудесах и приключениях. Некоторые из этих песен очень длинные, поэтому их не всегда поют, а иногда и рассказывают» [Там же]. Под песнями здесь, несомненно, подразумеваются героические сказания, поскольку эвенкийские песни всегда короткие и не имеют прозаических вставок.

В советское время изучением языка и фольклора эвенков Прибайкалья занимался М. Г. Воскобойников. Он издал два сборника фольклора на русском языке [11, 13], где опубликованы три небольших по объему сказания — «Куладай Мэргэн», «Ятэкэ», «Дэлэдур». Сказания эвенков Прибайкальского региона впитали элементы бурятского эпоса, о чем свидетельствуют имена героев сказаний — Акширэ-бакширэ, Хани Гэхэр Богдо, Куладай Мэргэн, Арсалан-бакши [13, с. 180—182].

На обширной территории проживания северо-западных эвенков (район распространения северного наречия эвенкийского языка) наличие героических сказаний не засвидетельствовано. М. Г. Воскобойников считал, что здесь «эпос, подобный песням сахалинских эвенков, уже исчез полностью» [13, с. 180—182]. В разное время от енисейских эвенков записывали предания и легенды о богатырях прошлого, которые нельзя отнести к героическим сказаниям, ибо они значительно отличаются по содержанию и художественной форме от сказаний восточных эвенков. Образцом этого типа можно назвать предание «Уриан и Малуна», записанное В. Н. Васильевым в 1905 г. от илимпийских эвенков и опубликованное на русском языке [5, с. 246—248]. В 1924—1925 гг. предания и легенды о богатырях у эвенков, проживавших в то время в верховьях Нижней Тунгуски, зафиксированы Г. В. Ксенофонтовым. Записи были сделаны на якутском языке и опубликованы под названием «Оленекская хосунная эпопея» вместе с образцами якутского фольклора на русском языке в приложении к книге «Ураанхай-сахалар» [19, с. 490—556]. От эвенка Николая Данилова (р. Оленек) были записаны «Витязи Юнгкээбил и Юрэн», «Сын Юрэн-витязя», «Витязи Джуупкур и Чаатара» и «Племя Майаат», а от Николая Каплина из рода Монгол (верховья Нижней Тунгуски) — «Нургаабыл», «Нургаабыл и русские». Тексты, записанные Г. В. Ксенофонтовым от якутских сказителей, не отличаются от эвенкийских, поэтому те и другие можно отнести к одному типу, распространенному у эвенков и якутов к западу от Лены и называемому в якутской фольклористике хосунным эпосом.

Сравнительное исследование эпических сказаний о хосунах (богатырях, предводителях родов, племен) провел И. С. Гурвич, установив наличие таких сказаний у северных якутов, эвенков, долган и нганасанов. Он пришел к выводу, что «хосунные сказания первоначально оформились в тунгусской среде» [14, с. 169], а «древнейшим пластом оленекско-ленских низовских хосунных сказаний (версия о Юнг Кээбиле) являются воспоминания о происходившей некогда борьбе тунгусов с юкагирами за обладание богатыми охотничьими угодьями низовий Оленека и Лены» [Там же, с. 17]. Произведения подобного типа (западного — по М. Г. Воскобойникову) в 1950-е гг. записывались эвенковедами В. А. Горцевской и Е. П. Лебедевой. Один из таких образцов публиковался

в газете «Советская Эвенкия» (1954. — 20 авг.) на русском и эвенкийском языках.

В «Эвенкийском фольклоре» М. Г. Воскобойникова раздел «Героический эпос» состоит из трех текстов, ранее опубликованных в других изданиях: «Кильдынакан», «Соду Сордончо Солдани» и «Ятэкэ». В предисловии к разделу автор различает три типа эвенкийских эпических сказаний: западный (соответствующие тексты М. Г. Воскобойников именует преданиями исторического характера), восточный и забайкальский [12, с. 176—177].

В принципе такая классификация эвенкийского эпоса приемлема, но следует учесть, что западный и забайкальский типы пока совсем мало известны, записано и опубликовано небольшое число произведений. При этом большинство из них напечатано не на эвенкийском языке; одни — в переводе с немецкого на русский (забайкальские), другие — с якутского на русский (енисейские).

Живое бытование героических сказаний в настоящее время, по нашим наблюдениям, обнаруживается только у восточных эвенков. Записей и публикаций из этой зоны намного больше, чем образцов западного и забайкальского типов вместе взятых.

Неоценимый вклад в изучение эпоса эвенков внесла Г. М. Василевич. В 1936 г. был опубликован первый сборник образцов эвенкийского фольклора «Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору» [5], в который Г. М. Василевич включила все сказания, ранее опубликованные в разных изданиях, и три новые записи, от восточных эвенков. Преобладающую часть сборника составляют тексты сибирских эвенков, собранные исследовательницей в 1925—1931 г.

Материалы последующих экспедиций (1935—1960 гг.), в той или иной мере относящиеся к области героических сказаний и преданий, вошли в книгу Г. М. Василевич «Исторический фольклор эвенков» [7]. Определение жанровой принадлежности всех произведений, включенных в нее, сильно затруднено, так как многие из них записаны не от сказителей-певцов, имеющих долгий исполнительский опыт, а от лиц, лишь в какой-то степени сохранивших в памяти то или иное произведение. Поэтому большинство текстов представляют собой фрагменты или небольшие схематичные пересказы сказаний, утратившие специфическую художественную форму. К числу образцов, которые можно определить как героические сказания, следует отнести все тексты, записанные от восточных (учурских, урмийских, чумиканских и сахалинских) эвенков, хотя три из них — «Умусни», «Умусликэн», «Умун-Умусникэн» — являются, по существу, кратким пересказом широко распространенного у дальневосточных эвенков сказания о богатыре Умусни (букв.: «Одинокий»). Фрагментами героических сказаний, бытовавших раньше среди восточных эвенков (территория Якутии, Амурской области), являются «Торганэй, Чаникэй», «Мэкэгдыр, Сигундар» и «Сирбут-Сирбунэй». Остальные тексты, записанные от эвенков этой группы, больше тяготеют к волшебным сказкам.

Из числа сказителей, от которых записаны эпические тексты, среди эвенков восточного региона был широко известен Гаврила Эдян (1887 г. рожд.), живший в 1948 г. на р. Урми, в пос. Талакан Хабаров-

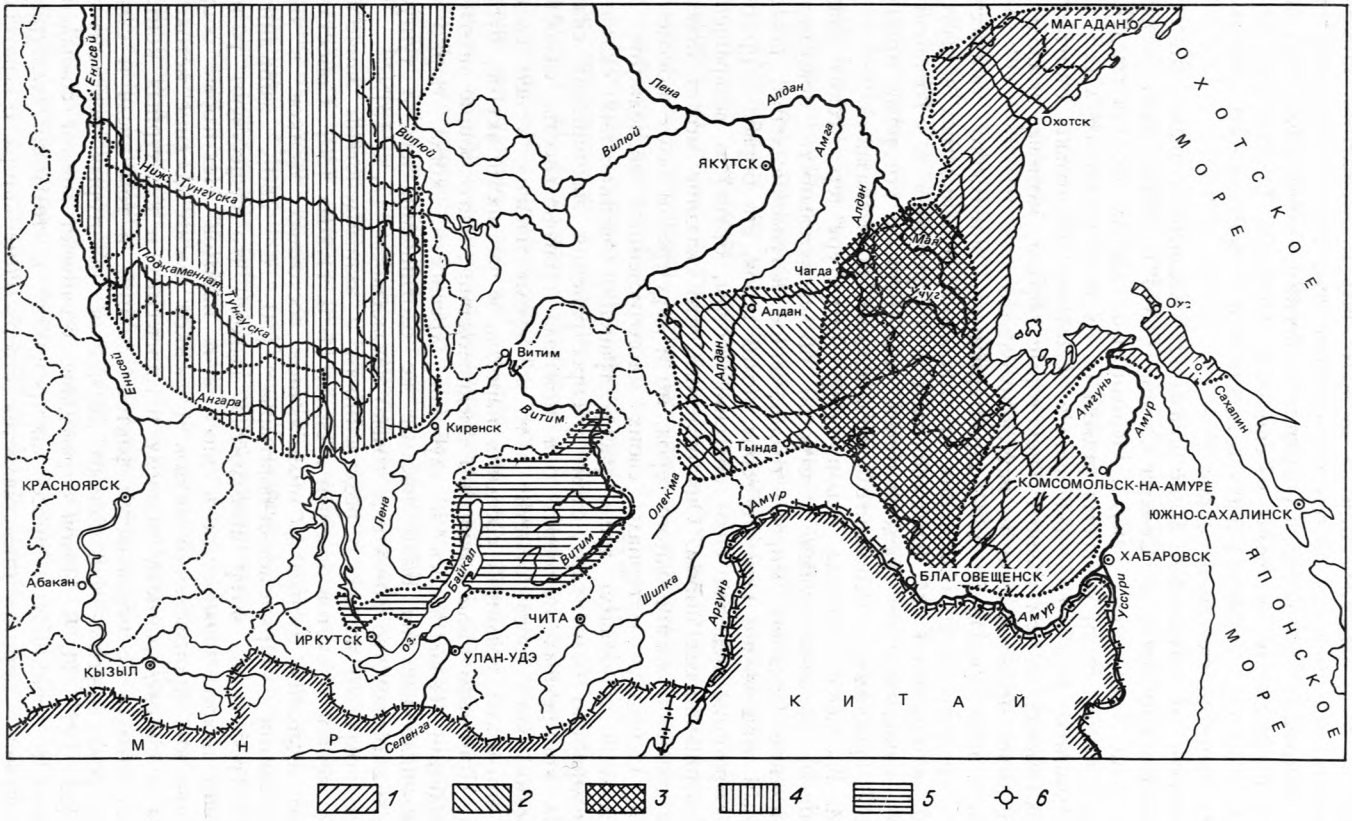
ского края. Г. М. Василевич записала от него пять произведений. Некоторая краткость прозаических частей объясняется тем, что тексты записывались под диктовку. Эти части чередуются с песнями-монологами персонажей, с присущими им особыми «личными» запевами. В этих сказаниях содержится много традиционных компонентов эвенкийского эпоса — вступление-зачин, эпические формулы.

В отличие от названных выше сказание «Кодакчон» было записано на магнитофонную ленту от Семена Савина (1894 г. рожд., мать — эвенкийка из рода Эдян, отец — якут). Исполнитель слышал это произведение от эвенка Соготоха Эдян во время отдыха на охоте и воспроизвел его, как сумел запомнить, в 1960 г. для записи. Сказание несколько отличается от всех остальных, в нем имеются некоторые образы, мотивы, эпизоды и отдельные слова, происходящие из якутского олонхо.

Кроме этих сказаний для характеристики эпического творчества эвенков и сравнительного освещения произведений, публикуемых в настоящем томе, в издании Г. М. Василевич важны «Хуругучон» и «Торганэй и Чаникой», записанные от представителей рода Бута, к которому принадлежал Н. Г. Трофимов — исполнитель публикуемых нами сказаний.

Г. М. Василевич выявила традиционную структуру героических сказаний эвенков, заключающуюся в строгой последовательности повествования: появление Среднего мира — традиционное вступление-зачин; рождение, первый этап жизни главного героя; поход героя, его борьба с противниками, обретение невесты (или спасение сестры, брата) и возвращение домой, завершающееся пиром. Она отметила, что сказание может повествовать не только о жизни одного героя, но и двух-трех и более поколений богатырей. Используя материалы своих многочисленных экспедиций, исследовательница установила ареал распространения эвенкийских сказаний (см. дополненную нами карту-схему распространения эвенкийских сказаний). На конкретных примерах она показала оригинальность, самобытность эвенкийского эпоса, отметив в то же время наличие в нем следов влияния эпических традиций соседних народов, в частности якутов, бурят, монголов. При этом было высказано предположение, «что общие поэтические традиции складывались в глубокой древности, когда тюрко- и монголоязычные племена были такими же охотниками, как и тунгусоязычные, и скотоводство у них еще только зарождалось» [7, с. 13].

Более подробно вопрос о родственности и взаимодействии эпических традиций эвенков и якутов освещен в статье И. В. Пухова [30]. Сопоставив материалы якутских олонхо и нимнгаканов восточных эвенков, в частности сказания «Иркисмондя-богатырь» [30, с. 280], записанного от Н. Г. Трофимова, автор приходит к выводу, что существуют разные по времени пласты перекличек в эпосе этих народов. Некоторые общие черты эпических произведений якутов и эвенков имеют древние истоки и относятся к самому раннему периоду исторических и культурных контактов. Этим отнюдь не исключается фактор влияний, в том числе и самых недавних, роль якутско-эвенкийского двуязычия некоторых исполнителей и т. д. [22, 191]. И. В. Пухов справедливо оценивает многие совпадения в якутском и эвенкийском эпосе как результат длительного культурного взаимодействия. Спорным представляется утверждение автора о краткости



Карта-схема распространения эвенкийских сказаний.

Сказания восточного типа: *1* — дальневосточных, *2* — верхнеалданско-зейских эвенков, *3* — сказания, включенные в том, *4* — северного, *5* — южного типов, *6* — место записи публикуемых сказаний.

эвенкийских сказаний — в отличие от обширнейших якутских олонхо, в чем автору видится свидетельство известной отраженности и даже вторичности некоторых моментов в нимнгаканах по отношению к олонхо. Вспомним свидетельство И. Георги о том, что «некоторые из этих песен (сказаний. — А. М.) очень длинны» [5, с. 233]. А. В. Романова также отметила исполнение сказаний «в течение двух-трех, а иногда и большего количества вечеров» [32, с. 12]. Об этом же свидетельствуют сказания Н. Г. Трофимова «Иркисмондя-богатырь», записанное на магнитофонную ленту (18 часов звучания), и «Торгандун Средней земли» (150 страниц сплошного машинописного текста). Таким образом, скороговорка и стилевая обедненность, улавливаемые в некоторых позднейших записях, не должны нас вводить в заблуждение.

С конца 1960-х гг. к собиранию и подготовке публикаций сказаний эвенков были привлечены лингвисты, носители языка А. В. Романова и автор данной статьи. Результатом этой работы явился сборник «Фольклор эвенков Якутии» [32]. Два из числа включенных в него сказаний записаны А. В. Романовой в 1960 г.: «Сиротка Нюнгурмок» — от Е. Г. Трофимова (1908 г. рожд., пос. Аим Хабаровского края) и «Богатырь Тамнани и Дёломо-Дёнуйкан» — от С. В. Титова из рода Эдян (1890 г. рожд., пос. Курунг-Урях Хабаровского края).

Нимнгакан «Сиротка Нюнгурмок» входил в репертуар братьев Н. Г. и Е. Г. Трофимовых. Они научились исполнять его от известного эвенкам, кочевавшим в то время по бассейну Учура и верховьях Зеи, сказителя Семена Заболоцкого (из рода амурских Бута). Текст опубликован без разбивки на стихи, хотя в монологах героев наблюдается определенный ритм. В сказании имеются все традиционные эпические компоненты, типичные для сказаний восточных эвенков.

Второе сказание — «Богатырь Тамнани и Дёломо-Дёнуйкан» — изложено сжато, лаконично. Оно начинается как сказка («На берегу реки жили старуха со стариком»), но традиционные элементы эпического повествования в нем сохранены: запевные слова героев, собственные имена, чудесное рождение богатырей и т. д. Нимнгакан состоит из двух частей, каждая повествует о приключениях одного из братьев: первая — о Тамнани, вторая — о Дёломо-Дёнуйкане.

Значительную часть сборника составляют текст и перевод уникального памятника эвенкийского эпоса «Иркисмондя-богатырь», записанного нами от Н. Г. Трофимова [32, с. 99—306]. В этом нимнгакане рассказывается о подвигах четырех поколений героев. Однако в книге опубликовано повествование о жизни трех поколений; заключительная его часть — о приключениях богатыря четвертого поколения — была записана самим сказителем позже и поэтому в издание не вошла.

Интересные образцы эпического творчества эвенков Амура записала и опубликовала Н. Я. Булатова. Она зафиксировала варианты широко распространенных у восточных эвенков сказаний с главными героями Хуругучон и Секак [4, с. 94—99, 111—118].

Опубликованные материалы в значительной степени дополняются записями, хранящимися в архивах. Записи были сделаны экспедициями лингвистов Института языка, литературы и истории ЯНЦ СО АН СССР,

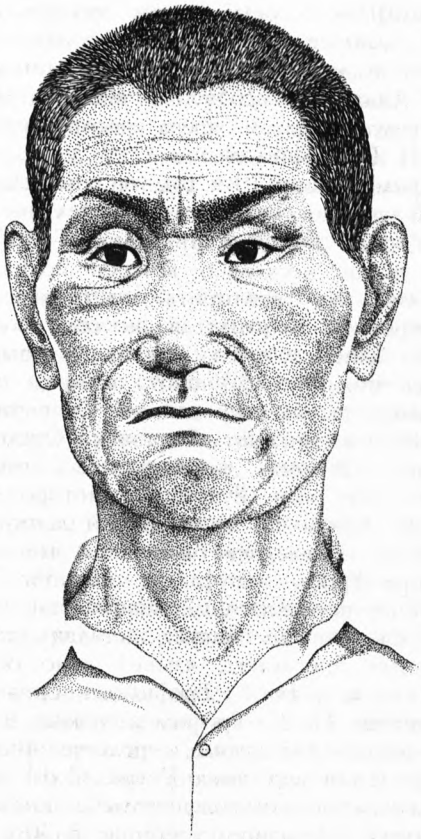
Института языкознания (ЛО) АН СССР к эвенкам восточного региона. В одних случаях это ранее неизвестные произведения, в других — варианты уже опубликованных.

Архивные записи весьма существенны, поэтому мы их перечислим: «Тывгунай-Уркэкэн» («Тывгунай-паренек», запись А. Н. Мыреевой, пос. Угоян Алданского района Якутской АССР, 1965 г.), «Хуругучон» (запись А. В. Романовой, пос. Кукан Хабаровского края, 1972 г.), «Отанимата» («Отани-богатырь», запись А. Н. Мыреевой, пос. Вал Сахалинской обл., 1973), «Хуркокчон» (запись А. Н. Мыреевой, пос. Ульген Амурской обл., 1973 г.), «Дулин буга Хуругучонин» («Хуругучон Среднего мира», запись Н. Я. Булатовой, пос. Вал, Сахалинской обл., 1975 г.), «Торганай» (запись III комплексной фольклорной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР и ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР, пос. Хатыстыр Алданского района ЯАССР, 1986 г.), «Умуслиндя-сонинг» («Умуслиндя-богатырь»), «Мэнгрундя-мата» («Мэнгрундя-богатырь»), «Дёлори мевалкан Дёлоникан-мата» («Дёлоникан-богатырь с каменным сердцем»), «Гарпарикан» (запись Г. И. Варламовой, район им. П. Осипенко Хабаровского края, 1987 г.).

В целом имеющихся источников вполне достаточно, чтобы судить о составе, типологии и поэтике эвенкийского эпоса, выявить ареал его распространения и некоторые особенности эпического исполнительства.

Все упомянутые выше тексты записаны от эвенков пожилого возраста (60—85 лет), имевших разную исполнительскую практику. Из-за ослабления интереса к фольклору и отсутствия слушателей в последние три-четыре десятилетия многим из них редко доводилось сказывать эпические произведения, что, безусловно, отразилось на качестве записанных текстов (фрагментарность, пересказ сюжета, неустойчивость в использовании эпических формул, оговорки, ввод элементов современной речи, изобилующей заимствованиями из других языков, в основном из русского и якутского и др.). И все же, несмотря на фрагментарность записи в большинстве текстов сохраняются традиционные эпические элементы — зачин, сложные собственные имена героев, их личные запевы, гиперболизация действий, постоянные образцы эпитетов, эпических формул и др. Так, например, в сказании «Хуругучон», записанном А. В. Романовой в 1972 г. в пос. Кукан Хабаровского края от 60-летней исполнительницы А. Е. Семеновой из рода Эдян, имеются традиционные запевы типа *героканен-героканен, генё-генёй* и сложные собственные имена: «Выросшая, удерживаясь на шести суставах, с шестью косами Нюнгурмэк-девушка» (Нюнгурмэк букв.: «Шестерка»), «Родившийся в морозное утро в расщелине восьми скал Хелтаниндя-богатырь» (Хелтаниндя букв.: «Крепкий утренний мороз»). Эти имена главных героев нимнгакана «Хуругучон» встречаются почти в каждом сказании восточных эвенков. (Заметим также, что исполнительница использует эпические формулы типа: «сказанное тобой (твою речь) впитала я сердцем-печенью, вкрутила в свои уши, задержала в мыслях, увидела глазами».) В сказании много постоянных эпитетов, характерных для эпоса: «трехлучистое восходящее солнце», «с восемью звонкими копытами дикий олень», «звонкое имя», «вечнозеленая трава» и др.

На этом фоне особенно выделяются тексты удивительно талантливого



Сказитель Николай Гермогенович Трофимов (1915—1971). Рисунок с любительской фотографии выполнен художником-самоучкой эвенкийкой Ириной Ильинич-ной Козичевой из пос. Кутана Алданского района ЯАССР.

сказителя Николая Гермогеновича Трофимова, которого мы уже упоминали, в частности, в связи со сказанием «Иркисмондя-богатырь», опубликованном в книге «Фольклор эвенков Якутии» [32]. Наше издание знакомит читателя с еще двумя замечательными сказаниями, записанными от Н. Г. Трофимова: «Храбрый Содани-богатырь» (2632 стиха) и «Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде» (3143 стиха). Эти сказания несут в себе типовые черты эвенкийского эпоса и замечательно воплощают их традиционное поэтическое богатство.

Николай Гермогенович Трофимов (1915—1971) — один из последних сказителей, сохранивших в памяти героический эпос родного народа. Учителями его были сказители-сородичи из большого эвенкийского рода Бута, упоминаемого в письменных источниках в XVII в. на средней части

Алдана, в середине XVIII в. — среди удских эвенков, в середине XIX в. — по рекам Бурее и Селемдже, на Сахалине и около Аяна, а в 50-е гг. XX в. — по притокам Алдана (Учур, Алгома), по Алдану ниже Учура, на р. Уде и в районе Аяна [8, с. 265]. Как мы убедимся, с этими территориями соотносим предполагаемый ареал распространения сказаний, вошедших в репертуар Н. Г. Трофимова.

Когда Н. Г. Трофимову шел 10-й год, он впервые услышал нимнгакан. Его исполнял первый учитель будущего сказителя — амурский эвенк Семен Заболоцкий (из рода Бута). «Иркисмондя-богатырь» — так называлось это сказание — звучал несколько вечеров подряд. Уже при втором прослушивании мальчик мог повторить некоторые понравившиеся ему части. А во время третьего исполнения он сел поодаль от сказителя и, закрыв глаза, как бы ушел в себя, «оставив только уши», вполголоса повторил за ним весь нимнгакан. Ученик оказался способным, через год он целиком пел сказание своим сверстникам. От сказителя С. Заболоцкого Н. Г. Трофимов выучил и нимнгакан «Торгандун Средней земли», и «Храбрый Содани-богатырь». Вторым учителем был учурский эвенк Александр Колесов (тоже из рода Бута), от которого Трофимов перенял «Всесильного богатыря Дэвэлчэна в расшитой-разукрашенной одежде» и «Старушку Нюнгурмок». Последнее было записано не от него, а от его старшего брата — Егора Трофимова [32, с. 46—56, 71—82]. Текст представляет собой краткий пересказ содержания, так как записывался под диктовку. Несмотря на это, во многих деталях (зачине, словах-запевах, отдельных традиционных описаниях, языке) явно обнаруживается та же манера исполнения, что и у Н. Г. Трофимова, одна школа сказительства. Сказания от А. Колесова Н. Г. Трофимов усвоил в 13 лет. Он пел их долгими зимними вечерами родителям и родственникам, с которыми в то время кочевал и охотился в верховьях Учура. С 14 лет Н. Трофимов уже пел перед значительным числом слушателей, когда после охотничьего сезона эвенки собирались в большое стойбище. В 30-е гг. в Якутии кочевые эвенки стали объединяться в промысловые артели, и у сказителя появилась возможность чаще исполнять нимнгаканы и тем самым совершенствовать свое искусство.

Героические сказания пользовались большой популярностью у эвенков. Их исполнение всегда было радостным праздником. Народ любил и ценил своих талантливых сказителей, послушать которых съезжались люди из дальних кочевий.

По словам Е. Г. Трофимова, исполнение нимнгакана обычно начиналось вечером, после окончания работ по хозяйству и ужина. Слушатели, стар и млад, собирались у самого сказителя или в чуме эвенка, к которому он приехал погостить.

Сказитель садился на почетное место — *малу*, на меховой коврик — *кумалан* и, прикрыв глаза, некоторое время сосредоточенно молчал. Все присутствующие должны были сидеть тихо и не отвлекать его. При полной тишине сказитель начинал произносить зачин повествования возвышенным, торжественным тоном, постепенно наращивая темп речи и силу голоса.

Исполнение героического эпоса было своеобразным театром одного актера. Талантливый сказитель не просто излагал содержание, а всеми доступными средствами — пением, различными жестами, выразительной мимикой — изображал каждого персонажа сказания: и богатырского оленя, и коня, и всевозможных духов, и других действующих лиц, уводя слушателей в мир сказания. Увлеченные, они время от времени возгласами выражали свое отношение к тому, что происходило с героями: «*Тэдē!*» («Правда!»), «*Тыкэн-ты!*» («Так!», «Правильно!»), «*Эрой!*» («Надо же!»), «*Кэ! Кэ!*» («Ну! Ну!»). Такая реакция аудитории зафиксирована в 1949 г. [26, с. 93—94].

Длинное сказание исполнялось несколько вечеров подряд. Если сказитель был приезжий, то хозяева, у которых он остановился, обязательно забивали оленя и угощали желанного гостя. Когда послушать нимнгакан приезжали эвенки из другого стойбища, они должны были тоже забить своего оленя для угощения. Это был обычай, отражающий высокое почитание сказителей, носителей народной мудрости, накопленной веками.

Каждый исполнитель по-разному оценивает произведения своего репертуара, деля их на интересные и не очень интересные. Одними персонажами он гордится, восторженно описывает их внешность, доспехи, действия, верхового оленя или коня, вкладывая в уста героев самые яркие образные слова. В отношении к другим (слабым, трусливым и т. п.) проявляется его явное неодобрение, пренебрежение. Особенно не по душе ему противники богатырей—*аи*, представители злых сил Нижнего или Верхнего мира.

Материалы по эвенкийскому эпосу свидетельствуют о том, что в нем имеются такие древние элементы, как героическое сватовство, борьба с чудовищами и др. [29, с. 169], присущие догосударственному эпосу.

Эвенкийский эпос воспевает слияние человека с природой, их единство, напоминая о первоначальном месте человека в мире, о самых «корнях» человеческого бытия. Прекрасны наряду с мужскими персонажами образы эвенкийских женщин.

Сюжеты эвенкийских нимнгаканов разнообразны. Есть сказания об одиноких героях — пеших охотниках, становящихся родоначальниками эвенков; о женщинах-богатырках; о братьях-богатырях, спасающих друг друга; о брате и сестре и др. Наиболее распространенными из них, бытовавшими у восточных эвенков в разных вариантах, были сказания об Умусниконе, Торганае, Хуругучоне [4, с. 94—99; 7, с. 82—96, 105—108].

Эвенкийские героические сказания вобрали в себя многие фольклорные жанры: мифы, легенды, обрядовые благопожелания, заклинания и т. д. Испытывая воздействие повествовательных и поэтико-воззренческих традиций, складываясь на их основе, нимнгаканы как жанр творчески преобразуют их, придают им специфическую художественную форму. В них всегда присутствует высокий, торжественный стиль. Сказания характеризуются сочетанием прозаической и ритмико-поэтической форм: ритмико-поэтические части, представляющие собой монологи и диалоги героев, поются, а прозаические — по-особому сказываются.

Композиционная структура сказаний всегда постоянна:

1. Зачин-вступление:

а) сообщается, что события, о которых говорится в сказании, происходили очень давно;

б) описание страны, местности, где живет герой;

в) описание главного героя или героев (двух братьев или брата с сестрой).

2. Завязка:

а) случается несчастье (похищение сестры);

б) герой желает увидеть мир (нарушение территориальной замкнутости, контакты с отдаленными племенами или народами);

в) героическое сватовство.

3. Кульминация:

а) борьба с противниками;

б) борьба с братьями будущей жены.

4. Развитие действия:

а) женитьба и свадебный пир;

б) переезд молодой семьи на родину мужа.

Сказания, включенные в данный том, представляют собой ярко выраженный восточный тип эвенкийских сказаний, распространенный как среди верхнеалданско-зейских (Якутская АССР, Амурская обл.), так и среди дальневосточных эвенков (Хабаровский край, Сахалин). В отличие от больших по объему сказаний («Иркисмондя-богатырь», «Торгандун Среднего мира»), повествующих о героических подвигах героев нескольких поколений, в публикуемых сказаниях речь идет главным образом о богатырских приключениях только главного героя.

Оба сказания имеют традиционный зачин, вступление, которое эвенки называют *нимңакāн тэкэ̄нӣн* — «основание сказания». В основе зачина — миф о первотворении, превратившийся в традиционную эпическую формулу. В нем описывается одновременное возникновение трех миров, которые, по образному сравнению, появились «Подобные чутким ушам / Годовалого дикого оленя». Но из этих трех миров в зачине воспеваются два: Средний, что «. . .расстилался / С *кумалан*», и Верхний — небо, которое «. . .растекалось / С донышко берестяного короба».

Мифологическое представление о трех мирах традиционное для древнего фольклора. В эвенкийских сказаниях восточного типа их описания одинаковы, различия сводятся к отдельным деталям; кроме того, описания эти могут быть краткими или развернутыми. Например, в одном сказании — о богатыре Содани — описание Среднего мира состоит из 70 стихов, а в другом — всего из 30.

В сказании «Храбрый Содани-богатырь» в Среднем мире живут брат с сестрой — Содани и Аякчан Ивекчан-красавица. Они «. . .родились / На Средней земле-матери, / Смешавшись с ее водами и деревьями, / С ее сочными травами» (С 313—316[1]). В этом также проявляются мифологические представления эвенков о происхождении человека на земле.

С главным героем сказания Содани связывается идея установления счастливой жизни на земле. Необыкновенность героя подчеркивает описание его жилища (С 100—130), внешности, ловкости, силы (С 140—184).

Но судьба распорядилась так, что в первом же сражении с *авахи* он погибает

[1] Здесь и далее С — «Храбрый Содани-богатырь».

от руки богатыря Нижнего мира Сэлэмэ Дэвиндэра. Главным действующим лицом сказания становится брат Содани — Иркиничэн. Он расправляется с Сэлэмэ Дэвиндэром, затем спускается в Нижний мир, побеждает *авахи* Сэлэмэ Дыгияндю, забирает похищенную им свою сестру Аякчан Ивекчан-красавицу и возвращается домой. В отсутствие Иркиничэна родилась и выросла его дочь Туливчан. Будучи от природы наделена даром предвидения и способностью оживлять мертвых, она стала шаманкой. В конце повествования она благословляет эвенков благополучно жить в Среднем мире.

Это произведение, вероятно, передано в сокращенном варианте. Сказитель изложил лишь основной сюжет, связанный с главным героем. В практике сказительства это вполне допустимо. Исполнитель может опускать или добавлять, в зависимости от обстоятельств, целые эпизоды или даже циклы. Здесь он должен был поведать о том, откуда появился Иркиничэн, как он женился, кто его жена, как родилась дочь и т. д., но этого, к сожалению, в повествовании нет.

В сказании с большой любовью рисуются образы женщин. Аякчан Ивекчан, Туливчан воплощают идеал эвенкийской женщины: красоту, доброту, скромность, мудрость, прозорливость, готовность прийти на помощь в любое время.

Персонажи-*авахи* всегда изображаются уродливыми, хвастливыми, жестокими и коварными.

Сказание «Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде» содержит один сюжетно-повествовательный цикл. В зачине идет речь о брате и сестре, которым «. . .суждено было родиться, / Чтобы стать предками эвенков» (Д 111—112[2]).

Дальнейший ход событий во многом отличается от сюжета сказания о Содани. Перед слушателем развертывается картина героического похода главного героя — Дэвэлчэна. После спасения своей сестры, Солкондор-красавицы, Дэвэлчэн по ее совету отправляется в Верхний мир за своей суженой. Преодолев все препятствия, он достигает цели. Дэвэлчэн возвращается с женой на Среднюю землю, строит «четырехугольный дом-жилище», у них рождаются два сына — продолжатели рода. Так устанавливается на Средней земле счастливая жизнь в достатке и радости.

Сказание ценно тем, что в нем в большом изобилии содержатся сведения об обычаях, верованиях, хозяйственном укладе, жилище, одежде, утвари, оружии эвенков. Много этнобытовых подробностей и в описании приготовлений к рождению ребенка, родов женщины. Данное сказание в какой-то мере является своеобразной энциклопедией быта и духовной жизни народа.

Своеобразна и самобытна поэтическая фактура обоих сказаний. Повествовательные части почти целиком состоят из типизированных описаний, представляющих собой в основном традиционные эпические формулы. Эти формулы и обеспечивают определенную ритмику речи сказителя.

Примечательны запевы в песнях-монологах героев. Иногда они повторяются неоднократно, как припев, что дало повод некоторым тунгусоведам называть их запевами-припевами [8, с. 54]. Повторяющиеся припевы, по утверждению Г. М. Василевич, характерны не только для сказаний, но и для мифов и шаманских песнопений [5, с. 141—142]. Запевы-припевы можно

[2] Здесь и далее Д — «Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде».

наблюдать в эвенкийских песнях-импровизациях и во всех хороводных танцах тунгусов и других народов, например ближайших соседей эвенков — якутов и бурят. У эвенков каждая локальная группа имеет свои запевы-припевы для круговых танцев. Так, у большинства эвенков южной части Эвенкийского автономного округа запевом-припевом танца является *ёхор-ёхор ёхорьē*; у эвенков Катанги (Иркутская область) — *иколē-иколē-иколē*; у токкинских эвенков (Якутская АССР) — *гэсугур-гэсугур гэсугуркэ̄н*; у зейских, тунгирских, алданских эвенков (Амурская обл., Хабаровский край, ЯАССР, БурАССР) — *осōрай-осōрай осōрайка̄н* и т. д.

У каждого героя в сказаниях тоже свой запев — *икэ̄вкэ̄*, маркирующий пение определенного лица. Значение многих запевов не поддается объяснению. Но некоторые из них определенно связаны с родовым названием эвенков, это в основном запевы женских персонажей: *кимō-кимō кимōнин* и *дэвэдāрекō*, в разных фонетических вариантах встречающиеся во всех сказаниях восточных эвенков. Г. М. Василевич возводит их к родовым названиям, первый — к эвенкийскому роду Кима и удэгейскому Кимонко, второй связывает с родом Деведарский, зарегистрированным у восточных эвенков в документах XVII в. [7, с. 13]. Объяснение Г. М. Василевич по поводу запева *дэвэдāрекō* вполне правдоподобно, но можно допустить и связь данного запева со словом *дэвэ̄да*, которое у восточных эвенков означает ‘петь, плясать круговой танец’, от *дэвэ̄й* ‘песня плясовая’, *дэвэ̄ дэвэ̄дэ* — запев кругового танца с пением (у алданских, олекминских и урмийских эвенков).

Некоторые запевы встречаются почти в каждом сказании, например, *гирō-гирō гирōка̄нин* — запев главных героев публикуемых сказаний, богатырей Содани и Дэвэлчэна. Запев *кимэ̄-кимэ̄ кимэ̄нин* звучит из уст героини-удаганки Туливчан в первом сказании. Во втором сказании этим запевом начинают свою речь несколько женских персонажей: девица-лебедь Мэнгункэн, прилетающая из Верхнего мира в Средний, чтобы предупредить обитателей о надвигающейся опасности; старушка Сигурдэн и, вероятно по ошибке сказителя, ее дочь Киладий. Свою речь-обращение к духу-хозяйке отвесной скалы, разделяющей Верхний и Средний миры, она начала с запева *гурē-гурē*, а все последующие ее речи сопровождаются запевом матери. Так же повторяются запевы богатырей Нижнего мира Дэгэ Бабэ и ее брата Няргучана: *лавир-лавир лавирдō̄н, ловирловир ловирдō̄н*. Речь Дэгэ Бабэ завершается словами *нинайданнē нинайдē̄н, делэдыннē делэйды̄н*, по-видимому, это и есть ее запев, а в начале песни сказитель по ошибке употребил запев другого богатыря.

В сказаниях наряду с богатырями выступают их помощники, верховые олени, которые дают им добрые советы. Обычно это дикие или домашние олени. Обращаясь к своим хозяевам, они тоже поют, их песни-монологи обычно имеют запев с корнем *эңтэ-* со значением ‘хоркать, издавать трубные звуки (о диком и домашнем олене)’: *эңтэвлэ̄нин-эңтэвлэ̄нин, эңтэнӣ-эңтэнӣ, энтэр эңтэнӣн*.

У каждого богатыря своя мелодия песни, свой запев, и сказитель при исполнении мастерски меняет голос: от нежно-мелодичного (женские персонажи), воинственно сильного (богатыри-*аи*) до грубого, отрывистого (богатыри Нижнего мира).

Представляют интерес поэтические особенности сказаний.

Эпические формулы, как бы обозначающие канву повествования, состоят

из хорошо «подогнанных» стихов. Их ритмическая организованность и своеобразная мелодичность[3] достигаются в основном аллитерацией, например:

Багдарӣн туксу барāлдан,
Коӈнорӣн туксу коюнан,
Ӈуларӣн туксу ӈуктырэн...

Появились белые тучи,
Сгустились черные тучи,
Сбежались красные тучи... (Д 152—154)

или

Бӣ тӯрэнмэв
Иргэлэвӣ иктэвкэл,
Дōлāвӣ дōлдыкал,
Сēндӯвӣ силдыкал!

Мои слова
Вбей [себе] в мозг,
Учуй нутром,
Вкрути в уши! (С. 392—395)

Созвучными могут быть первые слоги строк, например:

Анам тōкӣва эр бэеткэн
Атāкӣн ӈэдӯн туксалдыдяна

Атāкӣвагачӣн дяварӣ бэе ивит.

Паренек этот был [таким] человеком,
Что, поравнявшись [на бегу] с задними ногами
Бегущего лося-самца, хватал его как паука (С 157—159).

Иркин бэюнмэ бимӣ
Ӣриктэдӹнди-нюн дяварӣ бэеткэн ивит.

Осеннего дикого оленя
Паренек хватал как муравья (С. 164—165).

Каждый стих обычно содержит часть предложения, построенного, как правило, по принципу синтаксического параллелизма. Количество слогов может быть разным. Встречаются строфы со сплошной или с перекрестной рифмовкой; она почти всегда глагольная, что обусловлено спецификой эвенкийской речи, где порядок слов в предложении в основном постоянный — подлежащее стоит в начале предложения, сказуемое замыкает его, например:

Тадӯ биӈэмдэ
Аӈикта мō аналдымнӣн балдыча,
Ирэктэ мō элгэмэтнэ балдыча,
Дягдаткāн мō дявалдына балдыча,

Чāлбāн мō чāвāрӣтмāтна балдыча...

Там
Ели-деревья, сталкиваясь, росли,
Лиственницы-деревья, сплетаясь, росли,
Сосенки-деревья, хватаясь [друг за друга], росли,
Березы-деревья, соприкасаясь, росли... (С 32—36)

Во втором нимнгакане описание растительности Средней земли дается по-другому, с перекрестной рифмовкой:

Аӈиктаткāн мōн бимӣ
Гāкāктагачӣн арбаргадяча,
Ирэктэткэн мōн бимӣ
Ниргэктэгэчӣн килунэдечэ,
Дягдаткāн мōн бимӣ
Кугас улукӣ иргигэчӣнин балдыдяча...

Елочки-деревья ее
Распускались, словно подснежники,
Лиственнички-деревья ее
Блестели, как молодая шерсть осеннего оленя.
Сосенки-деревья ее
Росли, подобно хвосту рыжей белки... (Д 21—26)

Из приведенного примера видно, как сказитель искусно использует широко распространенное в фольклоре средство художественной изобразительности — сравнение. Нимнгаканы изобилуют очень меткими, образными, близкими и понятными слушателю-эвенку сравнениями.

---

[3] О связи стиха и напева см. ниже, в статье «Музыка эвенкийских сказаний».

Затупившееся, истершееся, искривившееся во время поединка оружие богатырей сравнивается с привычными для эвенка предметами:

Как скребки старухи мастерицы,
Уткэны их затупились,
И они их назад отбросили (С 755—757).

Но копья их
Стали как кривое острие ножа
Старика кузнеца,
Они их через свои макушки бросили (С 766—769).

Ловко и легко садящийся в седло богатырь уподоблялся самой большой красивой таежной птице — черному глухарю:

Наш человек
Ловко, как черный глухарь,
Вскочил на своего
Дикого оленя... (С 1514—1517)

Высоко поднятые уши коня в сказаниях непременно сравниваются с подбитыми мехом лыжами эвенка:

Двум эвенкийским лыжам,
Рядом поставленным, подобные,
Серебряные уши свои
Он поднял кверху,
Назад попятился (С 1730—1734).

Излюбленным средством описания фантастических, сказочно-волшебных превращений, которыми изобилуют сказания, является гиперболизация. Гипербола используется повсюду, начиная с описания трех миров, богатырей, их жилищ, битв и кончая описанием торжества победы добра над злом, гимном продолжению жизни, рода человеческого на земле. Приведем пример описания вооружения богатыря:

В углу *утэна*
Дваждывосьмисаженный
Роговой лук.
Богатырская железная
Семипудовая стрела
С восьмипудовой подпоркой,
С разящим огненным наконечником.
К луку был прислонен *уткэн*
С семидесятисаженной выемкой,
С ним рядом — длинное копье
С острием в три пяди (С 118—128).

Сказитель часто использует прием повтора, свойственный фольклору вообще, но особенно характерный для волшебных сказок и произведений эпоса. Например, описание битвы почти полностью повторяется, когда богатырь возвращается с победой и повествует о своем походе; когда к кому-нибудь обращается с речью, полностью повторяет свое имя, а оно бывает очень длинным и подробным (с указанием того, кто отец и мать, на чем герой ездит, во что одет и т. д.). Встречается также прием тройного повторения действия: богатырь трижды выполняет испытания перед женитьбой; трижды убивает противника из Нижнего мира, чтобы окончательно его уничтожить.

Эпическими формулами певец пользуется как готовым поэтическим материалом, несколько изменяя их в зависимости от той или иной ситуации. В процессе исполнения он может добавить в сказание те или иные подробности. Традиционные формулы повторяются неоднократно при описании гнева, битвы богатырей, бега оленя или коня, победы, свадьбы, рождения и возмужания героя, пира и т. д. Каждый раз перед тем, как начать речь, богатырь произносит постоянную формулу приветствия:

Вы, двое, привет примите,
А потом будет разговор! (С 616—617)

или в измененном виде:

Сначала привет
Твоему гладкому лицу и твоей мудрости,
Потом разговор (С 2115—2117)

Кроме этих приемов, в нимнгаканах в изобилии встречаются афоризмы, пословицы, поговорки, украшающие речь героев, полнее раскрывающие богатство и своеобразие языка нимнгаканов.

Изобразительные средства эвенкийских сказаний зачастую почти такие же, как в эпосе монголо- и тюркоязычных народов, с которыми эвенки контактировали испокон веков. Все нимнгаканы восточных эвенков имеют особенно много общего с олонхо — эпическими сказаниями ближайших соседей — якутов. У них аналогичные вступления-зачины, генеалогическая цикличность, почти одинаковые описания появления врага, гнева богатыря, битвы, красоты девушки, бега коня или оленя и т. д. Язык восточных сказаний характеризуется большим количеством заимствований из якутского языка [22, с. 190—201], иногда встречаются и русские слова в эвенкийской огласовке.

Общность поэтических традиций народов Сибири можно объяснить типологическим сходством, но исключительная близость эвенкийских сказаний с якутскими олонхо — это результат тесных исторических контактов, непосредственного общения, когда происходит взаимообогащение поэтических культур.

В целом же эвенкийские сказания — самобытные эпические произведения, вершинные образцы устного народного творчества небольшого таежного народа.

* * *

Источниками при подготовке сказаний к печати послужили: для сказания «Храбрый Содани-богатырь» — самозапись Н. Г. Трофимова (сказитель при записи не употреблял никаких знаков препинания, использовал отсутствующие в эвенкийском алфавите якутские гласные *ө, ү* и дифтонги *иэ, ыа, уө, уэ*, хотя обозначаемые этими буквами звуки он артикулировал несколько иначе, чем якутские); для сказания «Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде» — запись собирателя, выполненная в фонетической транскрипции.

Проделана следующая текстологическая работа:

1) оба текста перетранскрибированы современным алфавитом с учетом орфографии современного практического письма эвенкийского языка, за исклю-

чением обращения к интервокальному *h* и отчасти инициальному *h* (соответствующему характерной фонетической особенности восточного наречия, носителем которого являлся сказитель). При этом не допускались отступления от устно-речевых (диалектных) форм оригинала.

Поскольку оба нимнгакана были записаны сплошным текстом, осуществлено их разделение на стихи, исходя из соображений, высказанных выше. Для контроля использовалась запись на магнитную ленту сказания «Иркисмондя-богатырь» от того же сказителя.

Ранее опубликованные эвенкийские сказания переводились очень близко к тексту, давался либо буквальный, либо смысловой перевод их [5, 7]. В нашем издании перевод осуществлен в соответствии с принципами, выработанными Главной редакцией серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». В соответствии с нормами русского языка в необходимых случаях введены слова для связи сложноподчиненных предложений или для местоимений-подлежащих, что нехарактерно для эвенкийского языка. Когда требовалось ввести дополнительное (поясняющее) слово, оно заключалось в квадратные скобки.

Из-за отличий синтаксического строя эвенкийского и русского языка не всегда удавалось сохранить в переводе последовательность стихов, присущую оригиналу, поэтому допускались перестановки строк без нарушения их общего числа.

Слова, требующие разъяснения, рассматриваются в примечаниях и в тексте отмечены звездочкой. В переводе курсивом выделены слова, оставленные без перевода.

Составитель тома выражает глубокую признательность Н. Я. Булатовой (Институт языкознания АН СССР, Ленинградское отделение) за филологическую сверку эвенкийского текста и перевода публикуемых сказаний.

А. Н. Мыреева

МУЗЫКА ЭВЕНКИЙСКИХ СКАЗАНИЙ

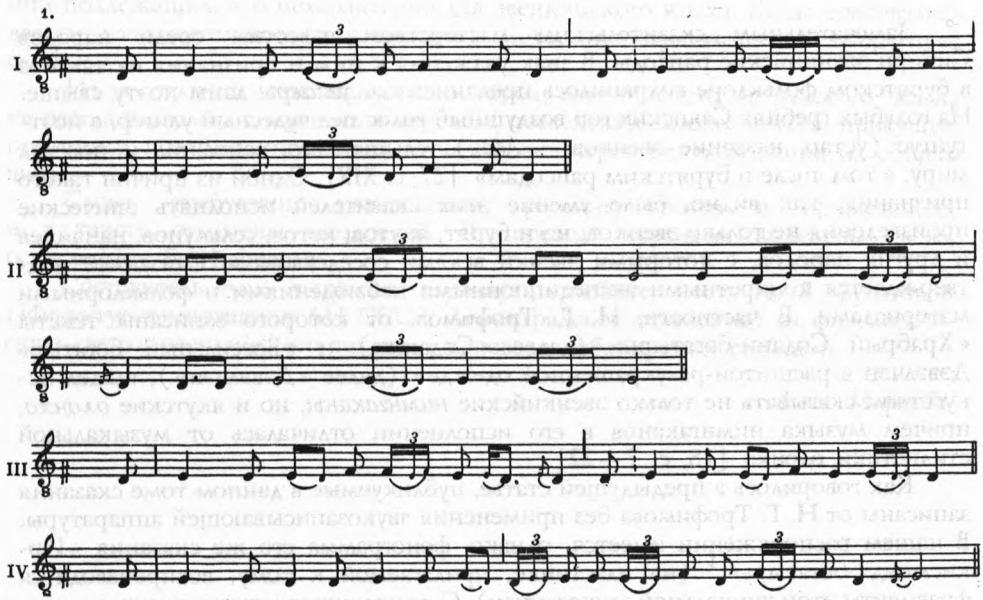
Замечательным сказительским мастерством известны среди народов Сибири эвенкийские рапсоды. В знак уважения к ним и признания их таланта в бурятском фольклоре сохранилось предание: «. . .*улигеры* даны поэту свыше. На голубых гребнях Саянских гор воздушный голос пел чудесный улигер, а поэт-тунгус (устар. название эвенков. — *Авт.*) услышал его, запомнил и поведал миру, в том числе и бурятским рапсодам» [27, с. XIX]. Одной из причин такого признания, как видно, было умение этих сказителей исполнять эпические произведения не только эвенков, но и бурят, якутов, кетов, селькупов, нанайцев и других народов, с которыми эвенки веками соседствовали. Сказанное подтверждается конкретными экспедиционными наблюдениями и фольклорными материалами. В частности, Н. Г. Трофимов, от которого записаны тексты «Храбрый Содани-богатырь» (далее «Содани») и «Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде» (далее «Дэвэлчэн»), владел искусством сказывать не только эвенкийские *нимнгаканы*, но и якутские *олонхо*, причем музыка нимнгаканов в его исполнении отличалась от музыкальной стилистики олонхо [18, с. 7—22].

Как говорилось в предыдущей статье, публикуемые в данном томе сказания записаны от Н. Г. Трофимова без применения звукозаписывающей аппаратуры. В нашем распоряжении имеется, однако, фонограмма его же сказания «Иркисмондя-богатырь» [1] (на пластинке, прилагаемой к тому, воспроизводятся фрагменты этой уникальной звукозаписи). С ее помощью можно судить о музыкальных особенностях звучания нимнгакана в исполнении Н. Г. Трофимова. Кроме того, мы располагаем нотировками и другими материалами музыковедов, изучавших эвенкийскую эпическую традицию, — В. Н. Стешенко-Куфтиной, Б. М. Добровольского и А. М. Айзенштадта. На этой комплексной основе нам предстоит дать музыковедческую характеристику эвенкийского эпоса, соотношения в нем вербального и мелодического начал. Выводы будут постоянно соотноситься с публикуемыми сказаниями, как бы экстраполироваться на них, что позволит «узнавать» и уяснять себе в их текстах проявление общей музыкальной архитектоники и закономерностей.

---

[1] Сказание «Иркисмондя-богатырь» записывалось от Н. Г. Трофимова в 1966 г. дважды: первый раз «под карандаш» [32, с. 96—306], второй раз — на магнитофон (результат этой записи частично публикуется в данном издании — грампластинка и нотные примеры № 10—20).

Первые нотировки напевов из эвенкийских сказаний были опубликованы В. Н. Стешенко-Куфтиной, которая отметила, что в «тунгусской сказке „Богатырь Обланжа“ (в записи допущена неточность — Оболондя — „бедняк-неудачник“. — *Авт.*)... каждый персонаж, а их одиннадцать, в патетическом моменте сказа поет свой монолог на особый мотив, представляющий из себя модификацию одного общего мотива всей сказки...» [35, с. 90—91]. К сожалению, в публикации не приводится сюжет сказания, мелодии не подтекстованы и принадлежность каждого напева тому или иному персонажу не определена. Все это затрудняет анализ целостной драматургии сказания и не дает возможности определить в ней роль песенных монологов. Тем не менее нотировки В. Н. Стешенко-Куфтиной ценны прежде всего тем, что они представляют стилистику именно восточно-эвенкийской традиции сказительства [2], к которой относятся и тексты «Содани» и «Дэвэлчэн».



Мелодика всех напевов сказания «Богатырь Оболондя» олиготонная [3], что, естественно объединяет их и позволяет В. Н. Стешенко-Куфтиной определить как «общий мотив», но в ритмике реальное родство только у I, III и IV напевов — это тетраямбовая [4] строка, содержащая распевы долгих длительностей:

---

[2] Запись произведена в 1928 г. Место записи указано не точно: «остров Уд в Охотском море» и второе указание — «близ озера Орель». В обоих случаях речь идет о Тугуро-Чумиканском районе Хабаровского края [32, с. 90].

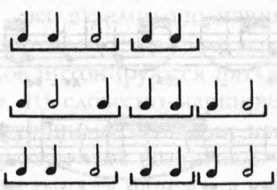
[3] Термин «олиготоника» введен в музыкальную фольклористику К. В. Квиткой и определяет звуковысотную организацию с узким амбитусом — два-три звука расположены друг от друга в секунду [17, с. 274].

[4] При дефиниции ритмической структуры мелодики использованы античные названия стопмотивов, ставшие универсальными в музыкальной этнографии [36, с. 120].

2.

Ритмическая организация II напева в данной нотировке не сводится к однозначной ритмоформуле:

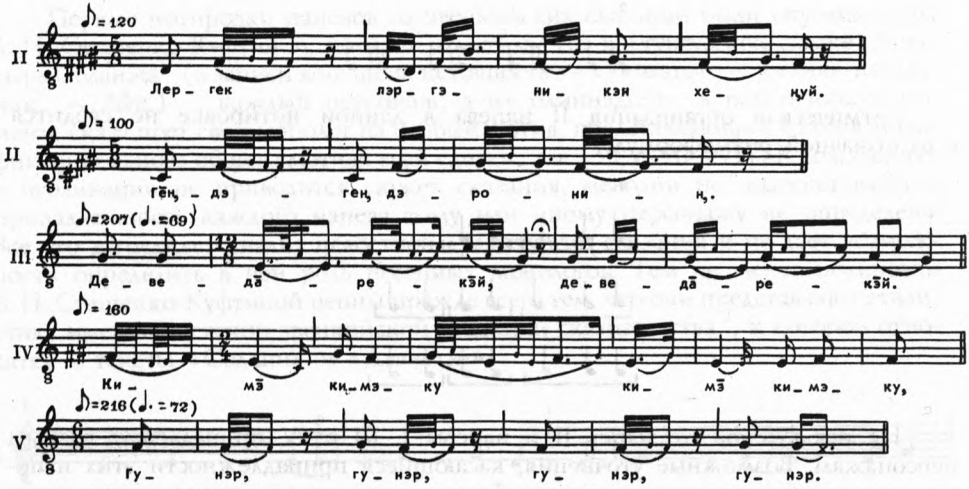
3.



Не исключено, что напев II и напевы I, III и IV принадлежат разным персонажам. Возможные уточнения, касающиеся принадлежности этих напевов каким-либо персонажам, можно будет сделать после анализа других нотировок, относящихся к восточно-эвенкийской сказительской традиции. Здесь же следует указать, что В. Н. Стешенко-Куфтина, говоря об индивидуализированных напевах персонажей («на особые мотивы»), имела в виду распространенный у восточных эвенков принцип давать персональный словесный запев каждому персонажу. Это явление неоднократно было отмечено филологами-фольклористами и, в частности, уточнено Г. М. Василевич: «. . .по словам урмийских эвенков, каждый герой имеет свою *икэвкэ*. . . с постоянным словом, значение которого ныне позабыто» [7, с. 3]. Согласно этому утверждению, в тунгусоведении принято считать, что каждому новому словесному запеву, а следовательно, и персонажу соответствует и новая мелодия. Дальнейшее изучение материалов по нимнгаканам позволит уточнить это положение.

Следующий опыт нотировки и музыковедческого комментария музыки эвенкийских сказаний предпринял Б. М. Добровольский, который приводит материалы по музыке восточно-эвенкийского сказания «Кодакчон», записанного от рапсода С. М. Савина [7, с. 27—29, 185—197, 374—391] [5]. В результате исследования текста сказания Б. М. Добровольский выявил пять типовых напевов, характеризующих следующие персонажи: птицу-вестницу — I напев; коня Боскондяринди — II; Кодакчона, главного героя сказания, — IIа; девушку Нюрдяк, дочь старика Угояна и суженую Боскондяринди, — III; девушку Секак, суженую Кодакчона, — IV; врага-*авахи* Тогондора — V напев [7, с. 387—391].

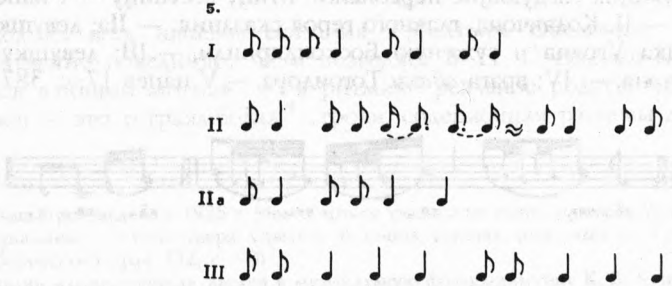
[5] Запись произведена в 1960 г. в Ленинграде от С. М. Савина, проживающего на р. Урми Хабаровского края. Нотировка выполнена Б. М. Добровольским и В. В. Коргузаловым. В записи эвенкийских напевов авторы использовали удачный в данном случае прием Б. Бартока и при помощи нотной графики выделили орнаментальные тоны петитом.



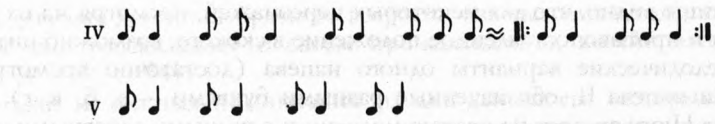
В приведенных напевах большое внимание уделяется орнаментации звуков. Например, более активная орнаментация наблюдается в напевах женских образов — птицы-вестницы (I), Нюрдяк (III) и Секак (IV), более сдержанная — в напевах главного героя Кодакчона (II), его коня (IIа) и противника (V). В напевах I, IV и V орнаментирующие звуки прилегающие, а в напеве III — скачкообразные. В напевах главного героя и его коня скачкообразные и прилегающие опевания сочетаются.

В ладовом отношении напевы IV и V близки тем, которые записаны В. Н. Стешенко-Куфтиной. Новый тип организации возникает в ладовых нормах I, II, IIа, III напевов. В них проявляется скачкообразное чередование опорных тонов, что довольно метко определено В. Виорой как хазматоника [6]. Показательно, что напев противника Тогондора близок к мелодиям, приводимым В. Н. Стешенко-Куфтиной не только в ладовом, но и в ритмическом отношении (тетраямбовая строка). Тем не менее в нотных примерах, записанных Б. М. Добровольским, обращает на себя внимание разнообразие ритмики строк, что удобнее продемонстрировать в нотной таблице:

5.



[6] Хазматоника определяет систему с широкими интервалами между соседними звуками лада [36, с. 104].



Б. М. Добровольский в музыковедческом комментарии к нотировкам ставит цель определить сюжетные функции напеваемых разделов, что позволяет более точно представить музыкальную композицию сказания «Кодакчон». В частности, он отмечает два взаимодополняющих принципа: варьирование родственных мелодий и противопоставление контрастных. По наблюдениям автора, 15 песенных разделов интонируются пятью мелодиями, которые, в свою очередь, репрезентируются 10 словесно-маркирующими зачинами. Сочетание типовых мелодий с маркирующими зачинами имеет определенную последовательность, обусловленную сюжетным развитием.

Представим последовательность напевов в виде табл. 1, где отражен зачин, состоящий из словесно-маркирующих слов, указан персонаж и обозначена сюжетная ситуация, в которую входит соответствующий песенный раздел.

Таблица 1*

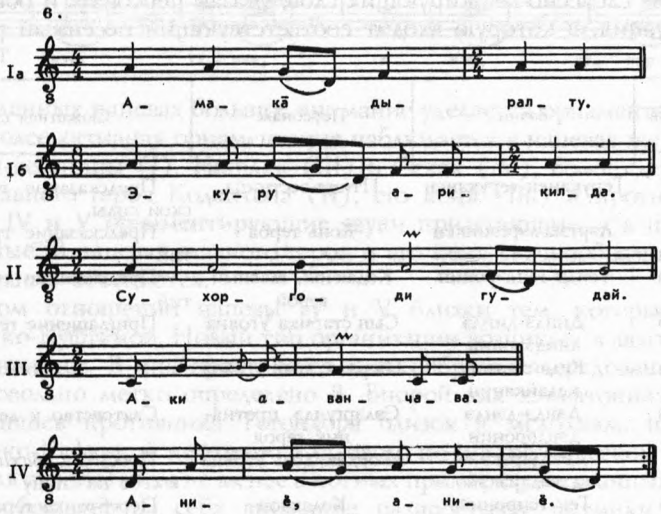
№ песенного раздела	Напев	Зачин	Персонаж	Сюжетная ситуация
1	I	Геруканен-геруканен	Птица-вестница	Предсказание герою богатырской силы
2	II	Лэргэк лэргэникен	Конь героя	Предсказание грядущих событий
3	IIа	Гендэ гендэронин	Кодакчон, главный герой	Предсказание грядущих событий
4	IIб	Диндэ-диндэ диндэронин	Сын старика Угояна	Приглашение героя в гости
5	Iа	Кедайканин-кедайканин	Нюрдяк, дочь Угояна	То же
6	IIв	Дэндэ-дэндэ дэндэронин	Сэлэргундэ, противник героя	Сватовство к девушке Нюрдяк
7	III	Дэвэдарэкэй-дэвэдарэкэй	Нюрдяк, дочь Угояна	Просьба к *авахи* посадить героя к себе на спину
8	IIа	Ген генронин	Кодакчон	Перебранка героя с противником *авахи*
9	IV	Кимэ кимэку	Секак, девушка	Приветствие в адрес героя и предупреждение его
10	V	Гунер-гунер, гунер-гунер	Тогондор, противник героя	Представление герою и самовосхваление
11	IIа	Гене генеронин	Кодакчон	Представление врагу и вызов противника на бой
12	IIа	Генер-генер генеронин	Он же	Предложение перейти на площадку для поединков
13	IIа	Гене генеронин	»	Приветствие племяннику Идагурчану
14	IIг	Тинтэ тинтэронин	Идагурчан, сын Боскондяринди	Представление своему дяде — Кодакчону
15	IIа	Генер генеронин	Кодакчон	Воспевание земли и заключение сказания

* Авторы считают своим приятным долгом выразить признательность Е. С. Новик за содействие в описании приводимых ниже сюжетных ситуаций.

Из таблицы видно, что для некоторых персонажей, несмотря на их разные слова-запевы и противопоставленное положение в сюжете, возможно интонирование на мелодические варианты одного напева (достаточно посмотреть на модификации напева II, обозначенные разными буквами — а, б, в, г). Кроме того, девушка Нюрдяк поет на разные мелодии и с разными запевными словами (ср. нотные примеры 5—Ia и 7—III).

Следующим шагом в изучении музыки эвенкийских нимнгаканов были работы А. М. Айзенштадта, который собирал материалы по разным локальным группам эвенков — южным, северным и восточным. В 1960-е гг. им был записан музыкальный материал, позволяющий представить локальные особенности в мелодике песенных разделов эвенкийских нимнгаканов [1, 2].

Напевы нимнгаканов южных эвенков характеризуются прежде всего отсутствием персонажно-маркируемых запевов. Вместе с тем мелодии южных нимнгаканов отличаются краткостью и тезисностью [7].



Все напевы включены в небольшие нарративные тексты, которые фольклористы более склонны относить к сказкам или к преданиям. Тем не менее, обращаем внимание, что эти песни в кратких сказках являются сюжетным центром и могут свидетельствовать о существовании у эвенков обычая исполнять песню сватанья самой невестой (пример 6, напевы II и III). В традиционном эвенкийском быту данный обычай уже не зафиксирован. Между тем в XI—XIV вв. у чжурчжэней, родственных эвенкам по языку, такая традиция существовала:

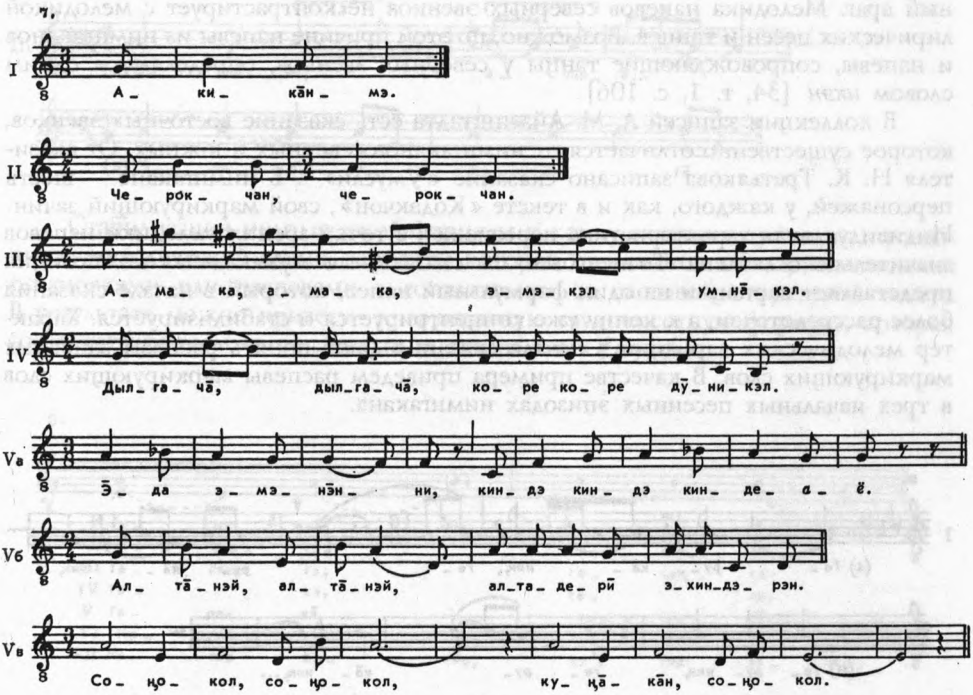
---

[7] Приводятся напевы из четырех нимнгаканов южных эвенков: «О потопе» (Ia, б), «О девушке, сватающей себе жениха» (II), «О женщине, сватающейся за медведя» (III) и «О межродовых распрях» (IV). Первые два сказания записаны от эвенкийки М. П. Урончиной — оленевода из с. Холодного Северо-Байкальского района БурАССР; третье — от К. И. Шангиной — оленевода также из с. Холодного; четвертое — от Б. Н. Коптиленка из с. Бикит Эвенкийского автономного округа. Запись и нотировка выполнены А. М. Айзенштадтом в 1963—1969 гг.

«Когда девушка достигает брачного возраста, она выходит на дорогу петь песни. В песне она рассказывает о своем происхождении, хозяйственности, внешности. . .» [10, с. 34].

В один из южных нимнгаканов входят два напева, которые родственны, хотя исполняются от имени разных персонажей: старика — создателя всего живого на земле (пример 6, напев Iа) и работников, разыскивающих этого старика (там же, напев Iб). В целом говорить о музыкальной композиции южных нимнгаканов довольно трудно. Скорее всего это небольшие нарративы с краткими песенными «инкрустациями». Мелодии, встречающиеся в повествовательных сюжетах, более песенные и не контрастируют с мелодикой песенных импровизаций — *икэн.*

Мелодика северных нимнгаканов содержит черты, позволяющие сблизить ее с южным, — это интонационная краткость и формульность [8].

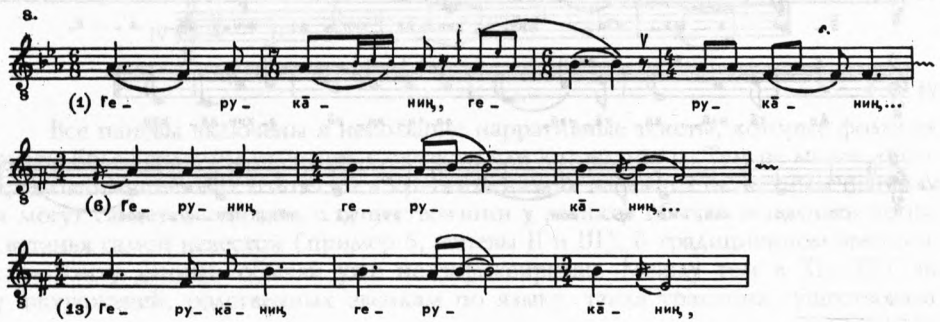


[8] Приводятся напевы из пяти нимнгаканов северных эвенков: «О межродовых распрях» (I), «О женщине-лебеди» (II), «О старике шамане» (III), «О богатыре Чирее» (IV), «О богатыре Алтанээ» (Va, б, в). Сказание I записано от эвенкийки К. А. Хомуро — воспитательницы из пос. Тура Эвенкийского автономного округа; II и III от М. И. Галина, оленевода из пос. Ербогачен Катангинского района Иркутской области; IV — от А. В. Лантогир также из пос. Ербогачен; Va, б, в — от эвенка Н. Н. Савина из пос. Тура. Запись и нотировка напевов выполнены А. М. Айзенштадтом в 1963—1969 гг.

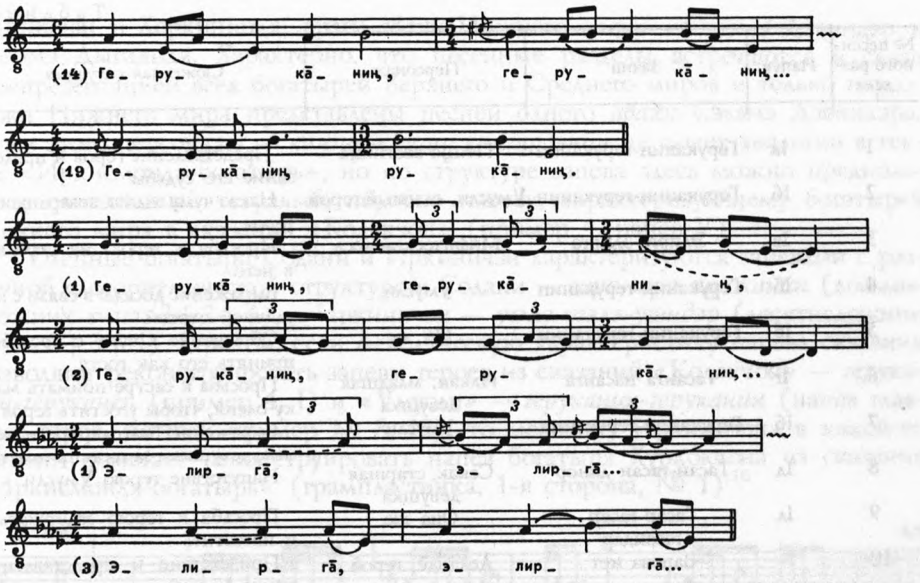
Мелодическую близость к напевам южных нимнгаканов имеет II напев (ср. в примере 6 с III и IV). Ритмическая ямбичность и звуковысотная олиготонность I напева приближают его к мелодиям, записанным от восточных эвенков (см.: пример 1, напевы I, III, IV). Новые структурные черты появляются в напевах III—V в.: это октавный диапазон с поступенным мелодическим заполнением и наличие двух мелодических фраз в одной строке. Эти мелодические фразы построены по принципу вариантного дополнения.

Тексты северных нимнгаканов также отличает сюжетная краткость. Напеваемые поэтические вставки появляются здесь в ключевые сюжетные моменты: в (I) поет птица-вестница, предсказывая судьбу рода; в (II) женщина-лебедь обращается к птице-предсказательнице Черокчан; в (III) девушка обращается к старику шаману; в (IV) поет богатырь Чирей, который сватает дочь старика-Солнца. И наконец, в (V) три разные по стилистике мелодии поются разными персонажами: а — главный герой, б — восхваляющий себя враг, в — поверженный враг. Мелодика напевов северных эвенков не контрастирует с мелодикой лирических песен и танцев. Возможно, по этой причине напевы из нимнгаканов и напевы, сопровождающие танцы у северных эвенков, определяются одним словом *икэн* [34, т. 1, с. 106].

В коллекции записей А. М. Айзенштадта есть сказание восточных эвенков, которое существенно отличается от нимнгаканов северных и южных. От сказителя Н. К. Третьякова записано сказание «Умусли» [9]. В нимнгакане — шесть персонажей, у каждого, как и в тексте «Кодакчон», свой маркирующий зачин. Индивидуальная характеристика персонажей с точки зрения мелодики напевов значительно ослаблена. Точнее было бы сказать, что музыкальная композиция представляет вариации на один формульный напев, который в начале сказания более рассредоточен, а к концу уже концентрируется и стабилизируется. Характер мелодических вариаций в начале сказания дают понять распевы запевных маркирующих слов. В качестве примера приведем распевы маркирующих слов в трех начальных песенных эпизодах нимнгакана.

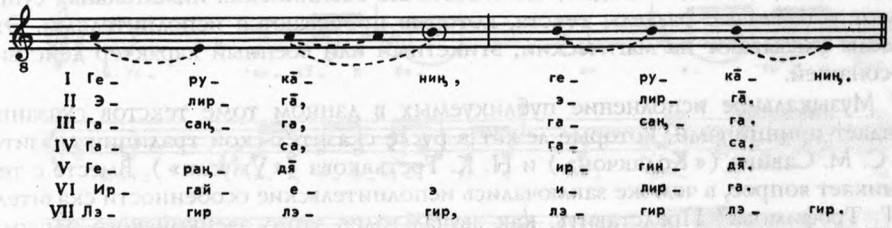


[9] Нимнгакан восточных эвенков записан от Н. К. Третьякова, оленевода из пос. Нелькан Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края. Запись и нотировка выполнены А. М. Айзенштадтом в 1963—1969 гг.



Стабилизация мелодической формулы к концу сказания приводит к устойчивой мелодической схеме, варианты которой отличаются лишь ритмическими остановками или распевами в соответствии со слоговой структурой текста. В результате можно привести инвариантную звуковысотную формулу, которая соответствует всем семи словесным зачинам в «Умусли».

9.



Таким образом, 13 песенных разделов сказания можно представить вариантами одного напева, но для того, чтобы представить музыкальную композицию нимнгакана, приведем табл. 2, где, как и в сказании «Кодакчон», отметим запевные слова, персонаж и сюжетную ситуацию, в которой появляется песенный раздел.

Таблица 2

№ песенного раздела	Напев	Зачин	Персонаж	Сюжетная ситуация
1	Iа	Геруканин-геруканин	Птица-вестница	Представление героя и предсказание его судьбы
2	Iб	Геруканин-геруканин	Умусли, главный герой	Наказ чуму ждать возвращения героя
3	Iв	Элирга-элирга	Мифический лось	Просьба к герою не стрелять в него
4	Iб	Геруканин-геруканин	Умусли	Выражение досады в связи с неудачной охотой
5	Iб	Геруканин-геруканин	Он же	Обращение к чуму с просьбой принять его как гостя
6	Iг	Гасанга насанга	Илкан, младшая девушка	Просьба к сестре поймать матку оленя, чтобы угостить героя
7	Iб	Геруканин-геруканин	Умусли	Выражение благодарности лесным девушкам за гостеприимство
8	Iд	Гасан-гасан данор	Секак, старшая девушка	Напутствие герою Умусли
9	Iд	Гасар-гасар гасандар	Она же	Просьба к герою задержаться и погостить
10	I	Запева нет	Деланде, герой	Приветствие и представление герою Умусли
11	Iе	Лэгир-лэгир, лэгир-лэгир	Трехглавый летающий змей	Сватовство к девушке Илкан
12	Iж	Герандяа иргиндяа	Деланде	Вызов противника на бой
13	Iж	Иргайеэ илирга	Он же	Предложение перейти на площадку для поединков

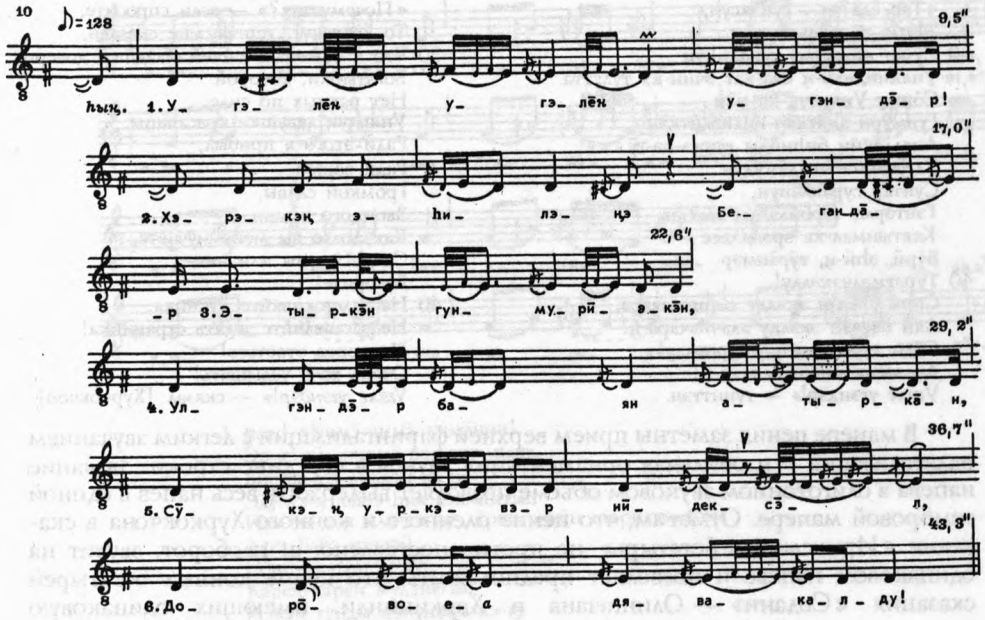
Изучение текстов «Кодакчон» и «Умусли» позволяет сделать вывод, что оба сказителя исполнили нимнгакан в несколько сокращенном варианте. Поэтому чтобы судить об эпическом принципе, этих двух примеров еще недостаточно. Тем не менее, очевидно, что в восточно-эвенкийских нимнгаканах существуют устойчивые разделы текста, которые пропеваются исполнителями. Эти разделы указывают на магический, этикетный или военный характер действий персонажей.

Музыкальное исполнение публикуемых в данном томе текстов сказаний обладает принципами, которые лежат в русле сказительской традиции сказителей С. М. Савина («Кодакчон») и Н. К. Третьякова («Умусли»). Вместе с тем возникает вопрос, в чем же заключались исполнительские особенности сказителя Н. Г. Трофимова? Представить, как звучал голос этого эвенкийского рапсода, можно на основании фонозаписи сказания «Иркисмондя-богатырь». Фонограмма содержит 178 песенных разделов, причем каждый из них достаточно развернут и продолжителен. Поются песенные разделы от лица 38 персонажей. Изучение музыкальной композиции не входит в задачи данной статьи. Фонограмма сказания «Иркисмондя-богатырь» привлекается только для того, чтобы определить особенности пения сказителя и репрезентации музыкальных особенностей исполнения напевов основных героев, которые присутствуют как в этом нимнгакане, так и в публикуемых в данном томе.

В сказании «Содани» сложилась парная система образов: оленные герои Среднего мира — Содани и Иркиничэн; конные богатыри Верхнего мира —

Олингачан и Херкининдя; враги-*авахи* Нижнего мира — Сэлэмэ Дэвиндэр и Сэлэмэ Дыгияндя. Характерно, что песенные разделы встречаются в связи с репрезентацией всех богатырей Верхнего и Среднего миров и только персонажи Нижнего мира представлены песней одного *авахи* Сэлэмэ Дэвиндэра. Запев этого персонажа — *кингир-кингир кингирдэнин* не имеет аналогии в тексте «Иркисмондя-богатырь», но по структуре запева здесь можно предположить олиготонный тетраямб, подобно напеву, характеризующему богатырей Нижнего мира в сказании «Кодакчон» (пример 4, напев V).

Оленные богатыри Содани и Иркиничэн характеризуются запевами с различной слогоритмической структурой: Содани — *гиро-гиро гироканин* (восьмисложник типа: 2+2+4), а Иркиничэн — *угэлэ-угэлэ-угэндэр* (десятисложник типа: 3+3+4). Причем, если мелодическую характеристику напева сказания позволяют реконструировать запевы героев из сказаний «Кодакчон» — *геруканен-геруканен* (пример 4, I) и «Умусли» — *геруканин-геруканин* (напев главного героя, нотный пример № 8, Iб), то мелодику Иркиничэна в какой-то степени помогает реконструировать напев богатыря Хуркокчона из сказания «Иркисмондя-богатырь» (грампластинка, 1-я сторона, № 1) [10].



1 *Ӈың.* «Угэлён-угэлён угэндэр!
Хэр-кэ-ӈ эӈилэӈэ Бэгандар
Этыркэн гунмурӣэ-кэ-ӈ,
Улгэндэр баян атыркан,
С-кэ-*н* уркэвэр нӣдексэл,

1 «*Угэле-угэле угэндэр!* [11]
Вот теперь,
Старик по имени Бегандар,
Почтенная Улгэндэр-старушка,
Открыв дверь,

[10] Ниже во всех примерах отрывки из эвенкийских сказаний приводятся в соответствии с их звучанием на пластинке.

[11] Здесь и далее переводы А. Н. Мыреевой.

Доро̄вое-*а* дявакалду!
Тадук о̄дакин эӈилэ-ӈ минэвэ-ӈ
Ӣргӣт тэкэлкэ̄н-сэ̄ксэлкэ̄н
Ма̄та̄, эмэксэ̄кэ̄н,
Доро̄волко̄н, улгӯрилкэ̄н-ӗ
О̄данды-ка-гӯ гуннэл
Улгумӣвкӣл о̄даксун,
Эӈилэ-н эр-кэ гунэм
Ӯгӯ бугадӯ-ӈ о̄скӗчэ̄-тыва̄нча̄
Дергэлдин амилка̄н биӈнэм,
Гӗван этыркэ̄н нӣдэгӯ ӈуна̄дин
Сӗка̄к киливлӣ-ӈ энилкэ̄н биӈнэм.
Мэ̄ндуккӣ мэӈумэ нэ̄мэлкэн,
Мэ̄ндуккӣ мэӈун куиргис кунтуӈилкэ̄н
Мэрилэ̄ соногоӈилка̄н
Ӯгӯ буга Хуркӧкчӧнин гунмурӣ о̄дам.
Тадук о̄дакин
«Эр-кэ ӗкун дюгӯдӯн эмэчэ̄с?» —
Гундыл биӈиксун,
Мэ̄нми-кэ-гӯ бэе о̄рӣ
Кэскилдӯвӣ-ӈ илан Сивӣр сиктырвэ̄н
Гиркудярӣ ма̄та̄ биӈнэм-кэ.
«Тар ӗда̄?» — гунэксун,
Эӈилэ-гӯ-ӈ эр-кэ нян
Сӯ-кэ нӣдэгӯмэ суна̄диӈун
Унякиндиви-ӈ ӗва-кат эчӣн-кэ тулутта
Со̄ниӈ Уняптук-ка нян
Гунмурӣ аӈа̄тка̄н-киливлӣтка̄н
Анала̄кин биӈинды гуннэ-кэ-гӯ
Улгучэ̄ннэтын дюгӯдӯн
Сунта̄р сурака̄ӈун,
Гэнтэ̄рмэ гэрбӣлэ̄ӈун эмэчэ̄в.
Каятынмал-ка эрэйдэ̄дес —
Бӯрӣ, эӈӣ-ӈ, тӯрэ̄нмэр
Тӯрэтмэлчэкэлду!
Сирӣ бэевэ̄н экэлду сирӣчивчара,
Аян бэевэ̄н экэлду ала̄чивчара-ӈ!
Со̄ди турнэнди-ӈ улгӯрнэлду!
До̄лдымалчавкӣ о̄дякта-ӈ!
Угэлӗ угэндэр!» — гуниттэн.

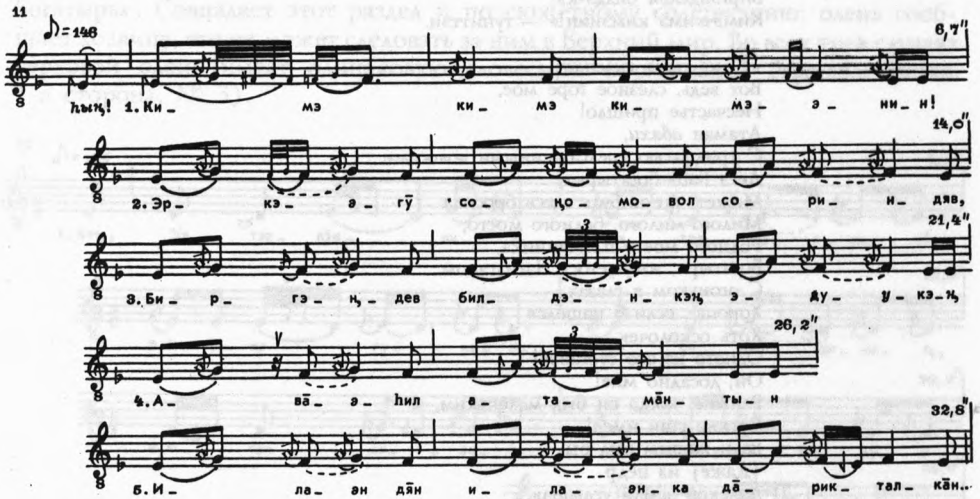
Примите привет!
После этого —
«Кто ты по роду-крови,
Мата, пришедший
С приветом и разговором?» —
Если меня спросите,
То так
Я теперь скажу:
В Верхнем мире родившийся-выросший
Дергелдин — мой отец,
Младшая дочь Гевана-старика
Секак-красавица — моя мать.
Ездящий на пегом коне,
Родившемся с серебряным седлом,
С звенящей серебряной уздой,
Хуркокчон Верхнего мира — мое имя.
После этого —
Если спросите:
«Ради чего ты пришел?» —
То [отвечу]:
Ради своей судьбы
Хожу я по трем мирам.
«Почему так?» — если спросите,
То [отвечу]: теперь мне сказали,
Что я суженый вашей младшей дочери,
Богатырки, которой
Нет равных по силе,
Уняптук девушки-красавицы.
Ради этого я прибыл,
Ради вашей
Громкой славы,
Звонкого имени.
Как долго вы меня мучаете,
Согласны вы или нет,
Говорите!
Не задерживайте путника,
Не заставляйте ждать странника!
Поскорее ответьте!
Очень хочу услышать!
Угэле угэндэр!» — сказал [Хуркокчон].

В манере пения заметны прием верхней фарингализации с легким звучанием палатализации [12] и обильная орнаментация звуков в середине строки. Звучание напева в олиготонном звуковом объеме позволяет выдержать весь напев в единой тембровой манере. Отметим, что пение оленного и конного Хуркокчона в сказании «Иркисмондя-богатырь» не противопоставлено, а, наоборот, звучит на одинаковом напеве и позволяет предположить, что пение конных богатырей сказания «Содани» — Олингачана и Херкининди, имеющих одинаковую структуру запева: 2 + 2 + 3 (*улыр-улыр улырой* и *юкир-юкир юкирмой*), было если не одинаковым, то однотипным. Вполне вероятно, что сжатие слогового объема в них могло происходить по тем же мелодическим принципам,

[12] Здесь и далее при характеристике фонозаписей мы считаем целесообразным выделять тембровые характеристики пения, отмечая при этом артикуляционные принципы звукоподачи. Используемая нами терминология заимствована из экспериментальной фонетики [20]. Такое аналитическое описание позволяет выделить тембр в качестве релевантного признака эвенкийского мелоса.

которые были выявлены в сказании «Умусли» (пример 9). Можно допустить, что мелодика конных героев в данном случае содержала хазматонический принцип организации, подобно тому как представлены конь и герой в сказании «Кодакчон» (пример 4, II и IIа).

Женские образы в нимнгакане «Содани» представлены тремя поколениями: сестра героев Содани и Иркиничэна — Аякчан Ивекчан; жена Иркиничэна — Солкондор и их дочь Туливчан. Запевы всех героинь имеют одинаковую слоговую структуры: 2 + 2 + 3. Более того, словесный запев Туливчан буквально совпадает с запевом девушки Секак из сказания «Иркисмондя-богатырь». Думается, что этим запевом и целесообразно иллюстрировать пение женских персонажей в сказаниях, исполненных Н. Г. Трофимовым (грампластинка, 1-я сторона, № 2).



1 *ӈыӈ*! «Кимэ̄-кимэ̄ кимэ̄нин!
Эр-кэ̄-гӯ соӈомо̄-вол сориндя̄в,
Биргэндэ̄в дилдэн-кэ-ӈ!
Эдӯ-кэ-ӈ ава̄-э-ӈил атама̄нтын
Ила-эн дян ила-эн-ка да̄рикталка̄н нюриктэлкэ̄н
Дегэ Бабэ гунэрӣ
Со̄ниӈ-ка бӣ-кэ-гӯ
Ка̄ре̄н-ка̄ре̄н мула̄нэ̄-вал
Нэкун гунды̄ нэкунмэв-кэ-гӯ
10 Тогоко̄мо е̄ӈалка̄н
Чагилкан гунэрӣ мататка̄нма-ка-гӯ-ӈ
Ӣдӯ-вэл гарада̄нан са̄тар-ка
Умун-мул дяланин кирамтака̄нин-да̄-гӯ
Ичэврэ эӈнэрэн!
Е̄нэй-то̄най аваккав!
Нонон-ко дёке̄дӯвӣ
Се̄ндивӣ чо̄р-да̄-ма-н бичэ̄н-е̄!
Ӣникин биденэ-ӈ,
Ӣр-вэл буга-гӯ

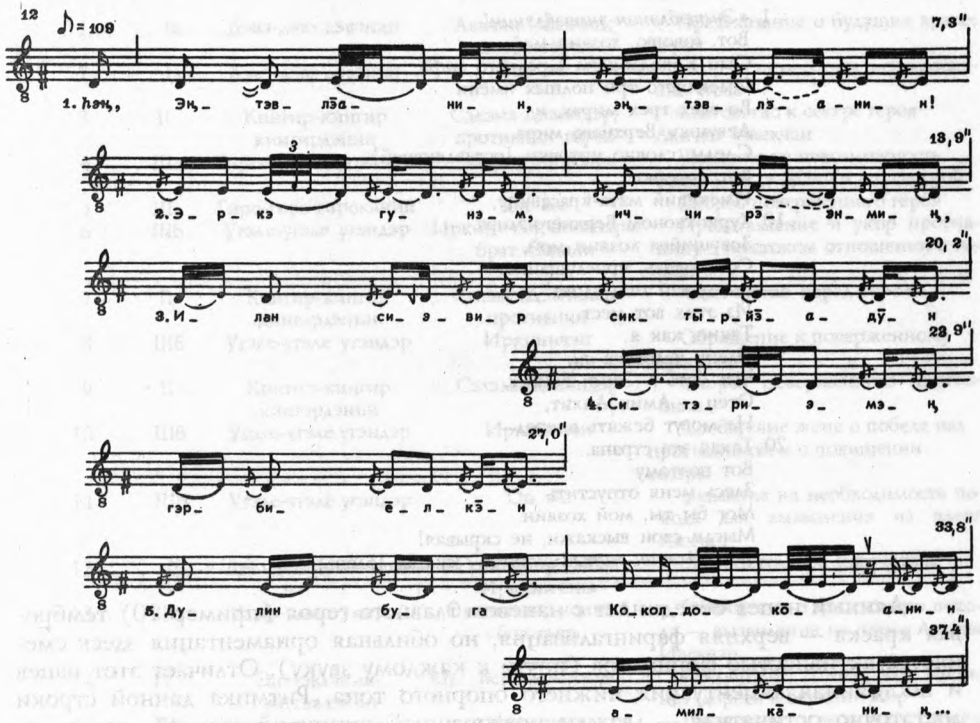
Һэрэдукин до̄лдыксā,
Тӯрэ̄рбу-вэл эӈнэрэн о̄дяран!
Экуктэн-дэ̄ эһин биһи,
Оннō̄гор ӯгӯ буга бō̄юнин
Аӈнакӣлдук аяргӯтын,
Мāтāлдук мāныргӯтын
Багдарӣн мэӈун-кэ тэтӣлкэ̄н
Дылачā омолгин
Дергэлдин гунэрӣ-кэ
Мāтāткāн нӣн
Бӯ-кэ-гӯ сутулдӯвун
Будэн-мундэн эчэ до̄!
Бӯ-кэ-гӯ гэрбӣлвун
Суксаврӣтын-ка-гӯ о̄дан-ка эчэ до̄,
Бирэ до!
Соӈомō̄-вал сорундӣлви,
Биргэндē̄лви билдэ-кэ!
Кимэ̄-кимэ̄ кимэ̄нин!» — гуниттэн.

«*Кимэ-кимэ кимэнин*!
Вот ведь, слезное горе мое,
Несчастье пришло!
Атаман *авахи*,
С тридцатью трехсаженными волосами
Дегэ Бабэ-богатырка,
Может, где-нибудь здесь бросила
Милого-милого, бедного моего,
Родного моего племянника,
Богатыря, зовущегося Чагилганом
С огоньком в глазах.
Хорошо, если б нашелся
Хоть осколочек
Одного из его суставов!
Ой, досадно мне!
Раньше, когда он был маленьким,
Чуткие уши имел!
Если живым был бы,
[Даже] из недр
Далекой земли услышав,
Заговорил бы!
Это еще не все!
Даже силач Верхнего мира,
Лучший из чужеродцев,
Самый славный из богатырей,
В одежде из серебра,
Сын солнца
По имени Дэргэлдин —
[Этот] богатырь
Погиб-сгинул
В нашей битве!
Ведь из-за этого
Очернится
Наше имя!
Слезное горе мое,
Несчастье большое пришло!
Кимэ-кимэ кимэнин!» — сказала [Секак].

В исполнении напева появляется активный толчок дыхания, дающий флажолетный призвук. Высокая форманта выделяется благодаря ярковыраженной

палатализации и твердому положению в полости голосовых резонаторов. Олиготонный звукорядный объем и более высокая тональность дают возможность удержать этот довольно сложный прием звукоизвлечения на протяжении всего пения. В ритмической организации этого напева большую роль выполняют распевы начальной строки и последующая стабилизация формулы напева. Восходящий распев в начале каждого мотива выполняет важное сегментирующее действие. Обращаем внимание на отличие напева *кимэ-кимэ кимэнин* в исполнении Н. Г. Трофимова от родственного напева *кимэ кимэку*, исполненного Н. Н. Савиным в нимнгакане «Кодакчон» (пример 4, IV). Объединяют эти напевы регистр, ладовая форма и богатая орнаментация начальной строки.

Текстуально мелодический раздел, поющийся от имени верхового оленя, совпадает не только в сказаниях «Содани» и «Хуркокчон», но и «Иркисмондя-богатырь». Совпадает этот раздел и по сюжетному содержанию: олень сообщает хозяину, что не может следовать за ним в Верхний мир. Во всех трех случаях верховой олень имеет одинаковую словесную форму-запев (грампластинка, 1-я сторона, № 3).



1 *Һэң*, «Энтэвлэ-*а*-нин-энтэвлэ-*а*-нин!
Эр-кэ гунэм, иччирэнми-ң
Илан Си-э-вир сиктырйэ-*а*-дүн
Ситэримэ-ң гэрбиёлкэн

Дулин буга Коколдокō-*а*-нин амилкāн-и-ӈ,
Ӯгӯ буга килиялиткāнин
Томкодыкāн ōвāнды-ка-ӈ удялкāн-ē-ӈ
Эһилэ-гӯ-ӈ эр-кэ гунэм
Энинмэкэн-е киливлӣткāн энилкэн-ē-ӈ
Ӯгӯ буга-ӈ Хуркōкчōнин
Гунмурӣ-кэ-ӈ иччирэнми-ӈ,
Токтōксōкōн, болгоиксā,
Бӣ тӯрэнмэв дōлчӯмкāкал!
Эр-кэ-ӈ эдук минӈэчӣн-кэ-ӈ
Энин Ēексит энилкэн-ē-ӈ,
Амин Айһит амилкāн-ē-ӈ
Аӣ бэен орон-сōһун
Эрэгэмэ-ӈ кēйан-дā-гӯ-ӈ
Эһӣн-дэ-гӯ ӈуктыдерэ
Буга-ка нян бидевкӣ-гӯ
Тар-вēт-ка-гӯ бимӣ-кэ нян
Эһилэ-гӯ минэвэ-гӯ
Эр бугадӯ тындерэкис
Они бимчэ, иччирэнми?
Дялбӣ-ка-гӯ-ӈ улбӯтыкэн улгӯрдекэл!
Эӈтэвлэнин-эӈтэвлэнин!» — гундечэ.

1 «*Энгтэвлэнин-энгтэвлэнин!*
Вот, говорю, хозяин мой,
Сын Коколдокона Среднего мира,
Имеющего три полных имени
Во всех трех мирах, и
Девушки Верхнего мира,
Следы, словно ниточки [оставляющей].
Вот, говорю,
Имеющий мать-красавицу,
Хуркокчоном Верхнего мира
Зовущийся хозяин мой,
Остановись, прислушайся,
Выслушай мои слова!
Из этих вот мест
Такие, как я,
Олени человека-*аи*,
Чья мать — Энин Еексит,
Отец — Амин Аихит,
Не могут бежать вперед–
Такая эта страна.
Вот поэтому
Здесь меня отпустить
Мог бы ты, мой хозяин.
Мысли свои выскажи, не скрывая!
Энгтэвлэнин-энгтэвлэнин», — сказал [олень].

Данный напев объединяет с напевом главного героя (пример 10) тембровая краска — верхняя фарингализация, но обильная орнаментация здесь сменяется активностью форшлагов (почти к каждому звуку). Отличает этот напев и постоянная акцентуация нижнего опорного тона. Ритмика данной строки достаточно остинатная — дважды повторенный пиррихий-спондей, что в какой-то степени напоминает напев девушки Нюрдяк из сказания «Кодакчон» (пример, 4, III).

Приведенных напевов достаточно, для того чтобы представить мелодические отличия в сказании «Содани»: мелодии оленных богатырей и конных богаты-

рей можно представить на основании мелодии героя Хуркокчона из сказания «Иркисмондя-богатырь»; мелодию врага-*авахи* достаточно полно репрезентирует напев Тогондора из сказания «Кодакчон»; мелодику женских образов представляет напев девушки Секак (дополняет эту характеристику мелодика женских образов из сказания «Кодакчон») и, наконец, мелодия верхового оленя наиболее полно восстанавливается благодаря существованию этого персонажа с аналогичным текстом и функцией в сюжете.

Итак, «Содани» содержит 20 песенных разделов. Они выделены в тексте маркирующими запевами, каждый из которых поется от имени девяти уже названных персонажей. Все это позволяет представить музыкальную композицию сказания в виде табл. 3, как это было сделано на примере «Кодакчона» и «Умусли».

Таблица 3

№ песенного раздела	Напев	Зачин	Персонаж	Сюжетная ситуация
1	2	3	4	5
1	Iа	Дэвэ-дэвэ дэвэнин	Аякчан Ивекчан, сестра героя	Предсказание о будущих врагах героя
2	Iа	Дэвэ-дэвэ дэвэнин	Она же	Укор за неуместное использование силы
3	II	Кингир-кингир кингирдэнин	Сэлэмэ Дэвиндэр, противник героя	Сватовство к сестре героя Аякчан Ивекчан
4	IIIа	Гиро-гиро гироканин	Содани-богатырь	Указание на невозможность брака между *авахи* и его сестрой
5	IIIа	Гиро-гиро гироканин	Он же	Скорбь поверженного героя
6	IIIб	Угэле-угэле угэндэр	Иркиничэн, богатырь, брат Содани	Представление и укор противнику в жестоком отношении к герою
7	II	Кингир-кингир кингэрдэнин	Сэлэмэ Дэвиндэр, противник	Хвастовство перед героем
8	IIIб	Угэле-угэле угэндэр	Иркиничэн	Обращение к поверженному врагу
9	II	Кингир-кингир кингэрдэнин	Сэлэмэ Дэвиндэр	Скорбь поверженного противника
10	IIIб	Угэле-угэле угэндэр	Иркиничэн	Сообщение жене о победе над противником и о похищении сестры
11	IIIб	Угэле-угэле угэндэр	Он же	Указание на необходимость похода для вызволения из плена Аякчан
12	Iб	Дею-дею деюкэнин	Солкондор, жена Иркиничэна	Заклинательное напутствие
13	IIIв	Улыр-улыр улырой	Олингачан, конный богатырь	Сообщение о цели своего похода — вызволение из плена Аякчан Ивекчан
14	IV	Энгтэвлэнин-энгтэвлэнин	hh Верховой олень	Сообщение о том, что оленю нет дороги в Верхний мир
15	IIIб	Угэлэ-угэлэ угэлэндэр	Иркиничэн	Прощание с верховым оленем
16	IIIб	Угэлэ-угэлэ угэлэндэр	Он же	Отказ от совместного с Херкининдей боя против *авахи* Дыгиянди
17	IIIг	Юкир-юкир юкирмой	Херкининдя, конный богатырь	Просьба уступить возможность биться с *авахи* Дыгиянди

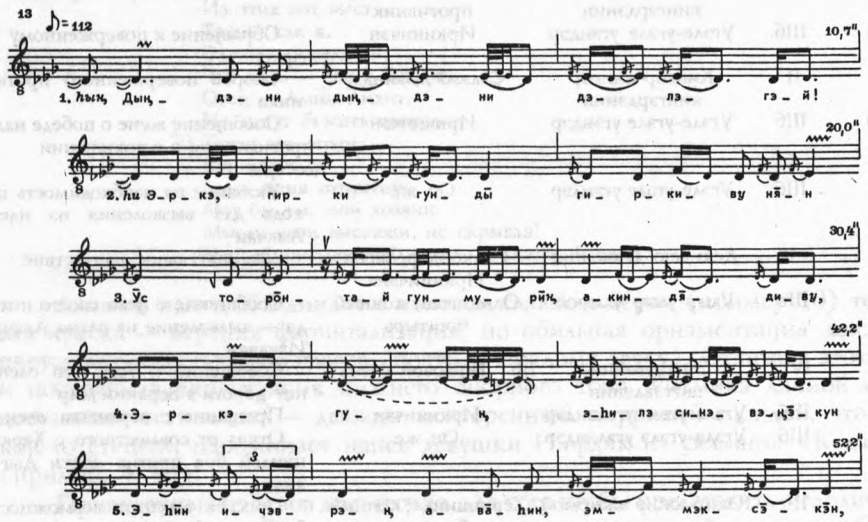
Окончание табл. 3

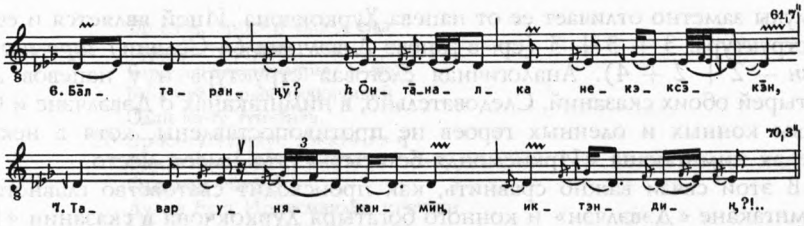
1	2	3	4	5
18	IIIб	Угэлэ-угэлэ угэлэндэр	Иркиничэн	Вызов верхового оленя для возвращения в Средний мир
19	Iб	Дею-дею деюкэнин	Солкондор	Представление Иркиничэну дочери Туливчан
20	Iг	Кимэ-кимэ кимэнин	Туливчан, дочь Иркиничэна	Обращение к родителям и предсказание о своем предназначении

Обращает на себя внимание тот факт, что музыкальная композиция обрамлена напевами женских образов. При этом напев Солкондор делит произведение на две примерно равные части, каждая из которых достаточно обособлена: в первой — поединок персонажей Среднего и Нижнего мира, во второй преобладает мелодический диалог между героями Среднего и Верхнего мира. Возможно, по этой причине *авахи* Дыгияндя «обделен» музыкальной характеристикой.

Уместно отметить больший объем песенных разделов (40) в сказании о Дэвэлчэне и значительно больший набор персонажей (16). Расширение музыкальных разделов объясняется включением ряда новых сюжетных звеньев и персонажей, каждый из которых имеет свой напев.

Центральное место в этом сказании также занимают оленые богатыри Среднего мира, но представлены они только одним персонажем — Дэвэлчэном. Его сын Дугуйчан Дэлэйчэн, имеющий свой напев, тоже богатырь, но ездящий «на пятнистом молодом коне». Чтобы дополнительно конкретизировать мелодическую характеристику оленных богатырей, сопоставим их напев с напевом первого поколения оленных богатырей в нимнгакане «Иркисмондя-богатырь», исполняемом от имени главного героя этого сказания:





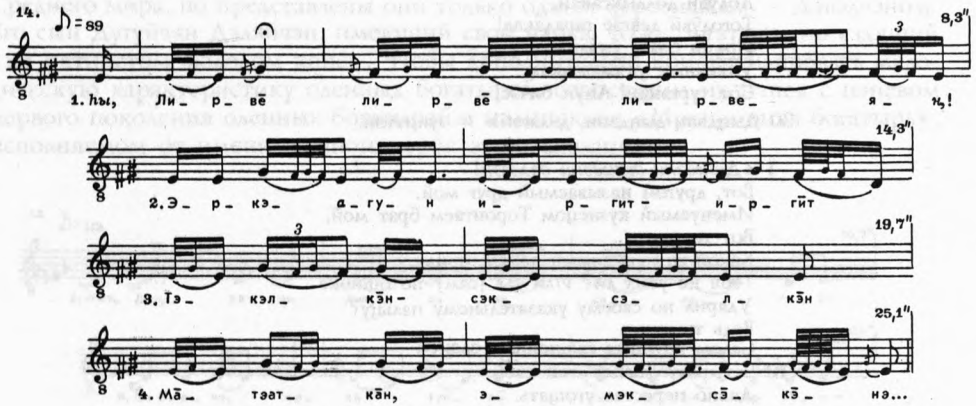
1 *Ӈыӈ* Дыӈдэни-дыӈдэни дэлэгэй!
Ӈи Эр-кэ, гирки гундӹ гиркив-*у*, нӣн
Ус Торōнтай гунмурӣ-ӈ акиндӣдиву,
Эр-кэ-гӯ-ӈ эӈилэ синэвэ-ӈ ӭкун
Эӈӣн ичэврэ-ӈ авāӈин, эм-*м*-эксэкэн,
Бāлтаран-ӈӯ? Ōнтāнал-ка некэксэкэн,
Тавар уняканмӣ-ӈ ӣктэнди-ӈ?
Ол иӈин си-ӈ эр-кэ дёӈуннāк ӈэгдыӈэ-ӈ
Иркин бэюнилбӣ-ӈё имӯксэдуктын
10 Дыгин кирӣлкāн колумтандӣдувӣ-ӈ
Элнэс борӣра-ӈ городдон эчэ бирэ дō!
Тарит-ка-гӯ дулэй-дэ, нёмōй-дō бичэлӣвӣ,
Иччилэкмэ тӯрэнмэв
Иргэлэвӣ-ӈ ӣктэвуксэкэн,
Дōдӯвӣ дōлдыксāкāн,
Тогодӯвӣ девгэ̄е гарадāкал!
Иркин бэюн ӯнāдин
Уняканмӣ унямалчакал
Сōт тургэнди! Аӈӯн бичэ̄с!
20 Дыӈдэни-дыӈдэни, дэлэгэй!» — гуниттэн.

1 «*Дыӈгдэни-дыӈгдэни дэлэгэй*!
Вот, другом называемый друг мой,
Именуемый кузнецом Торонтаем брат мой,
Вот теперь
Какой-то невидимый *авахи*, придя,
Тебя не убил ли? Или ты [сам] по ошибке
Ударил по своему указательному пальцу?
Ведь ты
Салом крупных священных оленей
10 Четырехугольный очаг свой
Давно перестал угощать.
Поэтому, хоть глух ты и нем,
Вещие мои слова
Пойми разумом,
Учуй нутром —
Брось огню своему угощение!
Сырой моздрой самца-оленя
Перевяжи свой палец
Очень быстро! Так быстро, как можешь!
20 *Дыӈгдэни-дыӈгдэни дэлэгэй*!» — сказал [Иркисмондя].

Этот напев отличается от напева Хуркокчона тембровой характеристикой и исполняется в более низкой фарингализации и в ритмике маркирующей строки, насыщенной долгими длительностями, каждая из которых украшена вибрацией, форшлагами или опеваниями. Медленный темп этой мелодической

формулы заметно отличает ее от напева Хуркокчона. Иной является и ее слоговая структура: 3 + 3 + 3 (ср. в запеве Дэвэлчэна (и Содани) *гиро-гиро гироканин* — 2 + 2 + 4). Аналогичная слоговая структура и у напевов конных богатырей обоих сказаний. Следовательно, в нимнгаканах о Дэвэлчэне и Содани напевы конных и оленных героев не противопоставлены, хотя в некоторых разделах нимнгакана «Иркисмондя-богатырь» это имеет место.

В этой связи важно сравнить, как происходит сватовство главного героя в нимнгакане «Дэвэлчэн» и конного богатыря Хуркокчона в сказании «Иркисмондя-богатырь» [32, с. 148—152, 253—257], а также запевы разных героев в данном эпизоде. Отличия здесь не только в принадлежности главных героев к разным фратриям (оленные люди и конные богатыри), но и в запевных словах. Так, у слуги-пастуха Бокалдына в обоих сказаниях одинаковый запев — *лирве-лирве лирвея*; старший сын старика Бегандара Ирэглинде в первом из названных сказаний поет *эрил дэрил, эрил дэрил*, а во втором — *лингкир-лингкир лингкирйэ*, другой его сын Отани поет соответственно *лингкир-лингкир лингкирйэ* и *калды-калды калдырой*. Как видим, наибольшее отклонение в слоговом объеме маркирующего запева наблюдается в запеве Ирэглинде. Однако полная идентичность эпической ситуации в обоих нимнгаканах позволяет предположить, что пение сказителя в упомянутом эпизоде сказания о Дэвэлчэне существенно не отличалось от пения в аналогичном эпизоде сказания «Иркисмондя-богатырь».



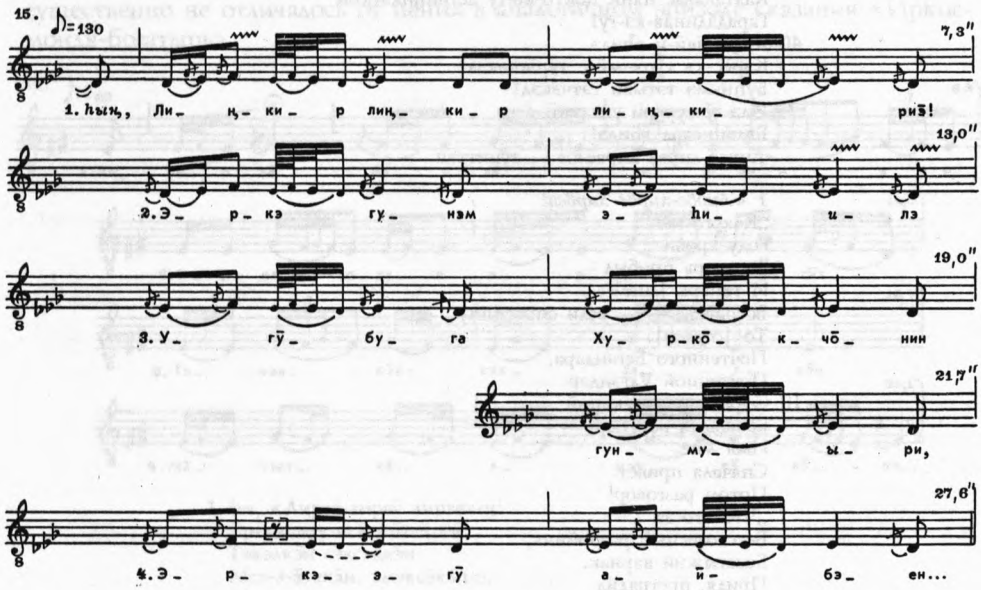
1 Ӈы, «Лирвē-лирвē лирвēя-ӈ!
Эр-кэ-*а*-гу-н йргйт-йргйт
Тэкэлкэн-сэксэлкэн
Ма̄т-э-а̄така̄н, эмэксэкэн-э,
ЭӇилэ-ӈ эр-кэ-гӯ
Бакалдынды гунэкис,
Бēгандар бэгин-кэ,
Улгэндэр котун-ка
БаяӇалин гунмурйл
10 Бугаватын каравр̄й
Ма̄та̄тка̄н Бо̄ка̄лдын
Гунмурй̄ о̄дам-ка.
Ноноптын-да̄-ӈ доро̄во бигин,
Амаргӯптын улгӯр нян о̄дягин!

Эр-кэ-ӈ, эр-кэ-ӈ ёма-ӈ ёма
Турулуе тӧккуӈив,
Баралия баранӑкиӈив, эмэксэ,
Би-кэ-гӯ удявав ливкичивкӣ
Ӧдан-ка-гӯ гунчэнэв,
Эр-кэ-гӯ турулуе тӧккун-кэ-ӈ
Эӈилэ Геван-ка-гӯ этыркэн
Олоккӧн тыгтэчэ
Дулин буга Иркисмэндён итчатын
Мэмэдукки мэӈумэ нэмэлкэн,
Мэмэдуккӣ мэӈун куиргис
Кунтуӈилкэн-ё-кэ-гӯ мэрилэ соногоӈилкӑн
Эӈилэ ӯгӯ буга Хуркӧкчӧнин гунмурӣ
Иркисмэндё-ӈ эӈэвӣ
Коӈнорӣн кувэӈэлин имӯксэдӯтын
Куӈирбуча-ӈ, актадӯтын каӈарбуча биӈинды.
Эӈилэ тариӈмӣ эӈэӈивэн
Эликсэ кёйда-ка-гӯ тырчигинэнэвэс-кэ
Тыкивкэндыв ӧдан-ка-ӈ!
Эр-ты-ӈ эӈит дулйӑкаклас
Чалбаткан тыевундивӣ
Дэлпэрэгэр иктэксэк,
Калтакавас окто-гӯ аннгидаткӣн,
Калтакавас нӑни ӈокто-ко-гӯ дегинӈидэткӣн
Гарададинав-кэ-гӯ!
Аяӈаӈивӣ-ӈ эӈилэ
Кэрёс-кэ тӯрэнмӣ-е тӯрэтчэкэл!
Буӈйкмэ тэтывӣ тэтчэкэл!
Илэ-гӯ сурурӣ укчаккӣ
Бэлэннёкэл эӈилэ!
Лирвё-лирвё лирвёя.» — гуниттэн.

1 «*Лирве-лирве лирвея*!
„Какого же
Роду-крови
Богатырь прибыл
И теперь [мне]
Встретился?“ — если спросишь,
То [отвечу]:
Почтенного Бегандара,
Почтенной Улгэндэр
Страну охраняющий
Бокалдын-богатырь —
Имя мое.
Сначала привет.
Потом разговор!
„Что это за
Бессловесный разбойник,
Бесстыжий варнак,
Придя, преградил
Мне тропу?“ — я подумал.
Оказывается, этот разбойник бессловесный,
Гевана-старика
Место занявший,
Иркисмонди Среднего мира отпрыск,
Ездящий на молодом пегом коне,
Родившемся с серебряным седлом,
С звенящей серебряной уздечкой, —
Хуркокчон Верхнего мира.
На сале черных холощеных оленей

Нарастил ты сала на своем животе.
От этого возгордился ты,
Стал заносчивым,
А я сейчас же свалю тебя!
Вот сейчас же
Расколю тебя надвое
Своим березовым посохом.
[Одну] твою половину — от тропы вправо,
[Другую] твою половину — от тропы влево
Я брошу!
Пока ты цел,
Скажи прощальные свои слова!
Надень погребальную свою одежду!
Погребального верхового оленя
Себе приготовь-ка!
Лирве-лирве лирвея!» — сказал [Бокалдын].

В звучании голоса слуги-пастуха Бокалдына (грампластинка, 2-я сторона, № 3) слышится палатизированное звучание с мелизматическим опеванием почти каждого звука. Олиготонная ячейка переместилась в наиболее высокий для данного рапсода певческий регистр, а ритмика напева представляет распетый вариант строки с последовательностью: ямб + ямб + молос.



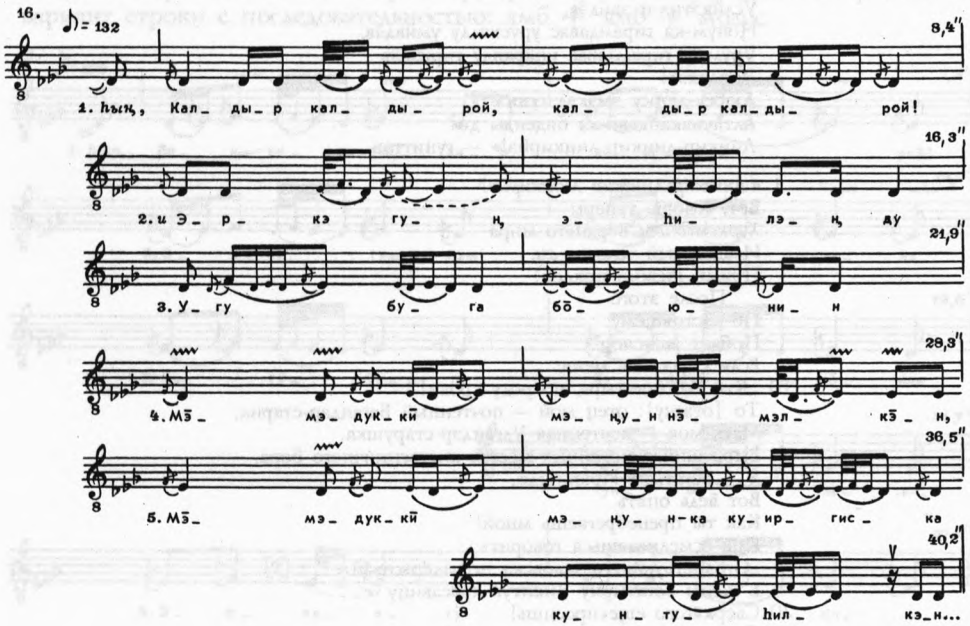
Ӈын, « Лиӈкир-лиӈкир лиӈкирйэ!
Эр-кэ гунэм эӇи-*и*-лэ,
Ӯгӯ буга Хуркӧкчӧнин
Гунму-*ы*-рй эр-кэ-э-гӯ ай бэен,
Доӈдолима дорӧвое дявакал!
Тадукинин одакин
Эр-кэ, эр-гӯ эр илэ
Амаргӯптын улгӯриндӗ-ӈ ӧдягин!
Минэвэ-кэ-ӈ йргит-кэ тэкэлкэн-сэксэлкэн

Мāтā-ка-гӯ ōданды гуннэ-гӯ улгумӣвкӣ-н ōдакис,
Бēгандāр баян этыркēн амилкēн,
Улгэндэр баян атыркēн эниlкēн
Ирēкмэ-гӯ оёдӯ дыкэнчэнэ-ӈ ōскēчэ-ӈ
Ирēглӣндē букатыр биӈнэм-кэ-ӈ.
Эр-кэ нӣян-ка сӣ-кэ-гӯ миӈэчӣн бэевэ
Сэнэрӣс ēдӯ-ка сōтаран?
Дюрсу сирӣ-ка-гӯ бэевēн
Экэлду сирӣчивчара гунчэ̄ бинэ-бинэ!
Дюрсу-гӯ сōниӈма-гӯ Уняптук киливлӣва
Эhилэ улгумӣчэ̄ бинэ-гэлӣ-ӈ!
Ичэкэл, эркēн-кэ бинэ-гӯ
Сō-да̄ чово̄ тӯрēлкēн
Мāтāткāн биhинды-ӈ-ē ивит-кэ-гӯ.
Сōди-ка-гӯ тургэнди бӣ-кэ-гӯ
Дӯндэӈӣлēв бодомолчоксōкōн-ка-ӈ,
Илан нулги тугурэмчэлкēн-гӯ
Букатырдаhивун-ка бōлакиндялāв-ка-гӯ
Тӯhадявкӣ-ӈ ōдякал!
Бӣ синэвэ-ӈ эhиткēн,
Кэӈтырэдӯс увагас сēксэмэвэс тэгиксэкēн,
Няӈня-гӯ hōлаӈāн итэгэстӯн
Услӣкэтнэ-ӈ эвӣдэв,
Ӈонум-ка гирамдавас урускалдӯ умӣвдāв,
Урум-гӯ гирамдавас иӈарандӯ гиркэдēв
Эмэдекэл!
Дюрсу-дюрсу эмэкэл гуннэ-гӯ
Āлтачивкāндāвӣ-ка биденды дō?
Лиӈкир-лиӈкир лиӈкирйэ!» — гуниттэн.

1 «*Лингкир-лингкир лингкирйэ*!
Вот, говорю теперь:
Хуркокчоном Верхнего мира
Именуемый человек-*аи*,
Прими низкий поклон!
После этого
По-настоящему
Пойдет разговор!
Если спросишь меня:
10 „Кто ты, богатырь, по роду-крови?“ —
То [отвечу]: отец мой — почтенный Бегандар-старик,
Мать моя — почтенная Улгэндэр-старушка,
Выросший в потайных местах лиственничного бора,
Я — богатырь Ирэглинде.
Вот ведь опять
Как ты пренебрегаешь мной!
Еще осмеливаешься говорить:
„Странствующего человека не задерживайте!“
В жены богатырку Уняптук-красавицу
20 Сверх того еще просишь!
Смотри, какой ты [невзрачный],
Слова же твои, оказывается,
Очень дерзкие, богатырь.
Ну-ка быстренько следуй
За мной в мою страну,
Бегом отправляйся к полю для поединков,
В три кочевки окружностью,
Чтобы я сейчас же
Из твоей груди
30 Жидкую кровь пустил

И поиграл, ею брызгая
На небесную радугу,
А длинные кости твои кучей сложил на морской плавник,
Короткие же кости твои разбросал по морской гальке!
Следуй за мной!
Еще стоишь, что бы я
Тебя упрашивал следовать за собой?
Лингкир-лингкир лингкирйэ!» — сказал [Ирэнглинде].

В пении от лица Ирэглинде уже используется смешанный прием фарингализации и палатализации. В данном напеве устойчиво орнаментируется вторая доля в виде мелизматического обрастания, первая доля распевается, причем на каждую длительность приходятся форшлагообразный толчок дыхания и сжатие в гортани. Третья и четвертая доли содержат легкое вибрато и форшлагообразный толчок. Характерно, что в данном напеве исполнитель использовал музыкально-ритмическую форму, которая вполне укладывается в слогоритмическую схему маркирующего запева данного персонажа в сказании о Дэвэлчэне: тетрахорей — *эрил дэрил, эрил дэрил.*



1 *ҥыӈ*,« Калдыр-калдырӧй, калдыр-кадырӧй!
и Эр-кэ-гу-ӈ эҥилэ-ӈ ду
Ӯгӯ буга боӧонин
Мӭмэдуккӣ мэӈун нэмэлкэн,
Мӭмэдуккӣ мэӈун-ка куиргис-ка кунтуҥилкэн
Мэрилэ соногоҥилкан
Эҥилэ ӯгӯ буга-ӈ
Хуркӧкчонин гунмурӣ мӑтӑткан,
Ноноптын дорӧво бигин,

Амаргӯптын улгӯр ӧдягин!
Эр минэвэ-ӈ йргӣт
Тэкэлкэн-сэксэлкэн мата
Ӧданды гуннэ улгумйвкй-ӈ ӧдакис,
Эӈилэ-кэ бй-кэ нян эр-кэ-гӯ
Бегандар этыркэн нӣдэгӯ омолгин
Ӧктагигда урэ оён тӯмнэилкэн
Отаниндя мата гукит-кэ
Мата эмэм.
Тадук ӧдакин-ка-ӈ
Эр-кэ сй-кэ-ӈ ӯгӯ буга матан-ка
Ӯгӯ бугадӯ куӈулмэкэн
Ӧскедечэ-балдыдяча мата бимй-кэ
Эр мунэвэ-ӈ,
Бегандар Сивирйэдӯн балдынылба-гӯ,
Ӧкиптыдук сэнэчэнэ татыксакан,
Эрэгэмэ-ӈ тырэрйгдэдӯ гиркунды-ӈ?
Карен, мулане-вал-ка-ӈ Бокалдын-ка-ӈ акинмавун
Нян-ка ӈокто-ко-гу тэрйнтыкйн гаратнаа,
Дэлпэрэгэр иктэнэ-ӈ йлтэнчэс!
Тар-ка оёдӯн
Тариӈӈй кэнёвкэтнэ-ӈ эмэксэкэн,
Унякандивй ёва-кат эчйн тулутта
Сониӈ Унякаптук гунмурйвэ
Дюрсу аӈйлаксa, сурудовй некэчинды?
Тар-ка оёдӯн
Мулане-вал акин гунды акинмав
Ирэк дӯндэдӯ дыкэнчэнэ-ӈ
Ӧскечэ-балдыча-ӈ
Ирэглиндё гунмурй букатырва-ӈ
Ёкун сова буруйба онадукин,
Ёма эмӈэ ӈоктовос коӈдорогор олонодукин
Тавар-ка тыкэн эӈилэ муӈналинды?
Тыкӯнё-тэлбэнё, соӈомо-вал биргэндёв!
Тавар-ка-гӯ-ӈ эӈилэ
Тыкӯлта-нӯ-ӈ эӈйлэ-ӈ бй-кэ-гӯ синэвэ
Тавар атагастанас киӈйдӯн
Эр-ты эӈй-ӈ уксэлкэн ӈалави
Кэӈтырэндёс эмӈэ-дэлэй долан гидалаксa,
Унякачандивй кэӈтырэс угуктаван
Урйӈинды-да ӧдам-ка-ӈ.
Кэӈтырэндёдӯс увагас сэксэвэс
Тэгйктэтнэ-ӈ эвйденэ,
Ӯгӯ няӈня ӈоланан итэгэстӯн
Эӈйлэ-ӈ эр-кэ-гӯ-ӈ услйкэтнэ-ӈ
Эвйрйгдэв ӧдан-ка.
Ӈонум гирамдавас-ка-гӯ
Мора урӯскалин итэгэстӯн
Умйвкатты-ка-ӈ инэӈйӈив
Бука эмэрэн.
Эри-кэ урум-кэ гирамдас
Мора иӈаранин итэгэстӯн
Йиргйтыкан гиркэкэттыв-кэ
Инэӈйӈив ӧдан-ка-ӈ эӈилэ.
Эр-кэ гунэм эӈилэ
Сэрэндекэл-сэрбэндекэл!
Калдыр-калдыр калдырӧй!» — гуниттэн.

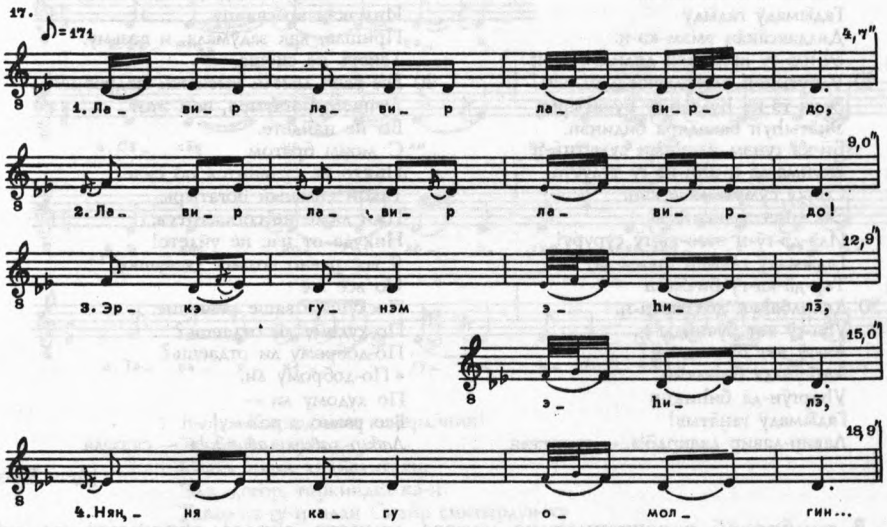
1 «*Калдыр-калдыр калдырой*!
Вот теперь,

Богатырь Верхнего мира,
Ездящий на пегом коне
Родившемся с серебряным седлом,
С звенящей серебряной уздечкой,
Вот, Хуркокчон,
Именуемый богатырем Верхнего мира,
Сначала привет [тебе],
Потом — разговор!
Если спросишь меня:
«Кто ты по роду-крови?» —
То [отвечу]: я пришел,
Младший сын
Бегандара-старика,
По имени Отаниндя-богатырь,
Ступающий по вершинам гор,
Заросших тальником.
После этого —
Вот ты, богатырь верхнего мира,
В Верхнем мире родившийся-выросший,
С каких это пор ты стал пренебрегать нами,
Родившимися в стране Бегандара,
С каких пор привык
Обижать-унижать [нас]?
Ты играючи рассек надвое
Нашего доброго брата Бокалдына,
Разбросал останки его
По обе стороны тропы и прошел.
Сверх того,
Гордясь этим,
Еще хочешь жениться
На богатырке Уняптук,
Которой нет равных по силе?
Сверх того, моего бедного
Братом называемого старшего брата,
Богатыря по имени Ирэглинде,
Который родился и вырос
В потайных местах лиственничного бора,
За какую тяжкую вину его,
Когда он прошел поперек твоей широкой тропы,
Ты замучил?
Злость-досада!
Горе мне, плакать хочется!
Вот за это зло, за обиду,
Что ты нанес, сейчас же
Всуну свою руку в твою
Широкую-необъятную грудь,
Указательным пальцем вырву
Твою становую жилу,
Жидкую твою кровь
Заставлю стечь в грудь,
Играючи ее разбрызгаю
И расцвечу ею
Радугу Верхнего неба.
Длинные кости твои
Сложу кучей
На морском плавнике-деревьях —
Настал ведь такой день!
А вот короткие кости твои
Разбросаю, рассыплю
На морской гальке,

Настал ведь такой день!
Вот говорю теперь:
Берегись-приготовься!
Калдыр-калдыр калдырой!» — сказал [Отани].

Звучание голоса Отани в структурно-стилистическом отношении не контрастирует с пением Ирэглинде, но отличается от него музыкальной ритмикой строки и характером орнаментации звуков. Ритмическая основа строки представляет дважды повторенную ячейку, состоящую из хорея и бакхеоса. Анализ мелодий оленных сватов героя показал, что главным различительным признаком здесь является ритмика. Причем в некоторых случаях определяющее значение имеет музыкальное воплощение этой слогоритмической основы.

Персонажи Нижнего мира в «Дэвэлчэне» представлены мелодизированными стихами Дегэ Бабэ, Няргучана и трехглавого орла. Первый из этих героев аналогично представлен и в сказании «Иркисмондя-богатырь», причем совпадают также его функции и маркирующий запев (грампластинка, 2-я сторона, № 1).



1 Лавир-лавир лавирдо! } 2 раза
Эр-кэ гунэм эhилэ-эhилэ,
Няңня-ка-гӯ омолгин
Дюгирмандя гунэрӣ
Матандя-ң атыркаңин
Егин дяни егин-ңӯ
Дарикталкан нюриктэлкэндэ-ң
Солкондор гунэрӣ-кэ ahаткан,
Уркэндэви нидексэкэн,
10 Доңдолима доровое дявакал!
Амаргӯптын улгӯр-кэ-гӯ-ң бдяңнан!
Эр-кэ мунэвэ йргит-тэ-гӯ
Тэкэлкэhэл-сэксэлкэhэл матал-кэ-ң
Эмэрэс-ё гунэксун,
Мэнми-кэ-гӯ гэрбив-кэ

1 «*Лавир-лавир лавирдо*!} 2 раза
Вот, говорю теперь,
Жена сына неба
По имени
Дюгирмандя-богатырь,
По имени
Солкондор-девушка
С девяноста девятисаженными волосами,
Открыв дверь,
10 Прими поклон-привет!
Потом — разговор!
Если нас спросите:
«Кто вы,
Пришедшие богатыри,
По роду-крови?» — [отвечу]:

Ӈэргӯ буга авāӈилин атамāнтын
Илан дя̄н илан-ка-гӯ
Дāрикталкāн нӧриктэлкэ̄н
Деге Бāбэ гунэрӣ ӧдам-ка-ӈ.
Эр-кэ гунэм
Нэкун гундӹ нэкунми биӈэмдэ-ӈ
Бӧликадын бӧкталкāн
Бугаядӯ-ӈ оскēчэ
Буруннюк букатӹр-ка
Гунмурӣ-кэ ӧдан-ка-ӈ.
Ēкун-да̄-вал килāвинай киӈалгадӯн,
Дялāвинай нāдадӯн
Эмэрэс гуннэ нӣяни-ӈ
Улгумйвкӣ-ӈ ӧракис,
Аӈӣдӯ нāдалкāӈал,
Ӈунāттӯ киӈалгалкāӈал-ка-гӯ биӈнэрэв.
Нэкунми-гӯ Буруннюк
Букатӹрдӯ бӣ-кэ-гӯ
Сӣ-кэ нӣяни аӈāткāн Ӈутэс-кӯ
Томкодӹкāн удялкāн ованды-ка-ӈ
Инмэкэ̄н-ē киливлйва
Гадӹмадӯ гадӹдӯ
Дялдаксāкāн эмэм-кэ-ӈ.
Эӈӣлэ-гӯ аракӯкāн дялилбӣ-ка-ӈ
Улбӯтыкэн улгӯрдевкӣ-ӈ ӧдякал!
Эдук-тэ-кэ Ӈулэкэ-гӯ букатӹрйа
Эӈэтыӈун бакадяра бидиӈэ̄н.
Бӣ-кэ гунэм нэкунми сумутпӣ-ӈ
Ēкунма-да̄-ӈ эӈӣ-кэ-гӯ тулутта
Соӈку сумут мāтāткāн.
Эксэ̄л-дэ элэксийдэ
Йлэ̄-дэ̄-гӯ-ӈ этэс-кэ-гӯ суруру!
Гадӹмадӯ гадӹвӣ гачим-да̄!
Тар-да̄-ка-гӯ бичэ̄лйн
Дялилбаӈун дӧлдыкта-ӈ.
Уӈа-гӯ эет бӯчинды-ӈ,
Ая-гӯ эет бӯчинды-ӈ?
Аяргӯн-да биӈикин,
Уӈаргӯн-да биӈикин
Гадӹмадӯ ганāтыв!
Лавир-лавир лавирдӧ!» — гуниттэн.

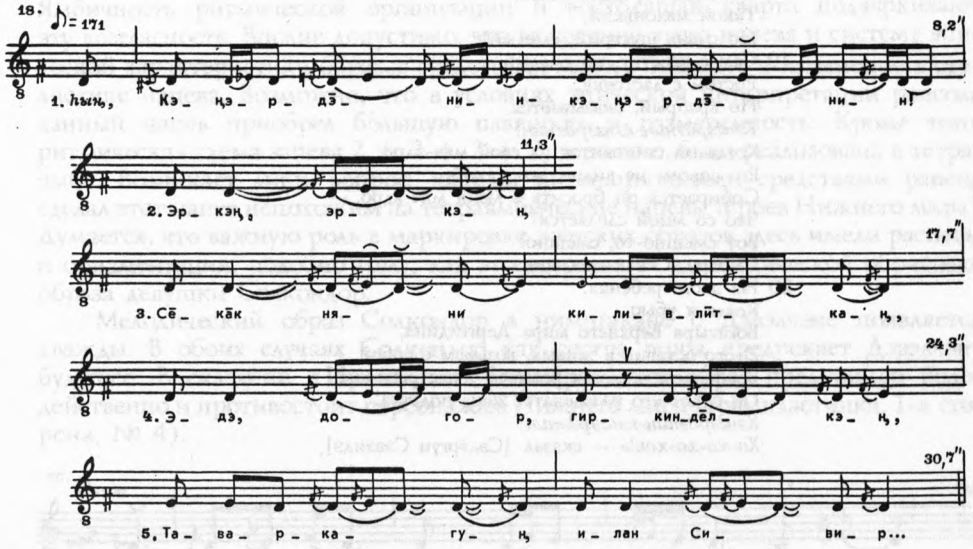
Имя мое —
Атаман *авахи* Нижнего мира,
С тридцатью трехсаженными волосами
Деге Бабэ.
Еще скажу:
Братом называемого брата моего
Имя такое —
Родившийся в стране,
Где град с косулю,
Буруннюк-богатырь.
Если же спросите:
«Из-за какой великой нужды,
Неотложной надобности
Вы пришли?» — [отвечу]:
Нам нужна женщина,
Нужда у нас в девушке.
Для нашего брата
Буруннюка-богатыря,
Задумала я взять
Твою дочь-девушку,
Оставляющую следы, словно ниточки,
Инмэкэн-красавицу.
Пришла, как задумала, и возьму.
Теперь не спеша,
Все свои мысли выскажи подробно!
Лучшего богатыря, чем этот,
Вы не найдете.
С моим братом
Никто не сравнится по силе.
Такой сильный богатырь.
Если даже не согласитесь,
Никуда от нас не уйдете!
Я все равно возьму [девушку]!
Но все же
Послушаю ваше решение.
По-худому ли отдаешь?
По-доброму ли отдаешь?
«По-доброму ли,
По худому ли —
Все равно я возьму!
Лавир-лавир лавирдо!» — сказала
[Дегэ Бабэ].

В тембровой характеристике напева данного образа обращают на себя внимание напряженность фаукального резонатора и акцентная (на первую долю) ямбическая ритмика. В отличие от напева Тогондора из «Кодакчона» здесь две ямбические ячейки заканчиваются бакхеосом. Причем распевы появляются в первом ямбе, а наиболее активные (с орнаментацией) — в бакхеосе. Ладовая основа, как и в других напевах этого сказителя, олиготонна.

Напев Няргучана примыкает по стилистике к напеву Дегэ Бабэ. На это указывает и родство маркирующего зачина: *ловир-ловир ловирдон*. Можно предположить, что смена одной фонемы не поменяла стилистику напева, скорее всего данный напев мыслится исполнителем как продолжение мелодической линии Дегэ Бабэ, которая сватает Няргучана за Солкондор.

Напев трехглавого орла предвосхищает борьбу героя с *авахи*. Мелодическую стилистику напева можно восстановить, учитывая стилистические особен-

ности пения летающих противников в сказаниях «Кодакчон» (напев Тогондора *гунер-гунер, генер-гунер*) и «Умусли» (напев трехглавого летающего змея *лэгир-лэгир, лэгир-лэгир*). Маркирующий зачин трехглавого орла находится в русле указанных ритмострок — *дунгир-дунгир, дунгир-дунгир* и вполне укладывается в систему тетраямба. Тембровая и звуковысотная сторона этого напева, по-видимому, лежит в русле общей традиции исполнения мелодий этих персонажей. В этой связи представляется целесообразным привести фонозапись напева героя Нижнего мира Сэлэргуна Сэвэндя из «Иркисмондя-богатырь» (грампластинка, 2-я сторона, № 2).



1 Ӈың, «Кэӈэрдэнин-кэӈэрдэнин!
Эр-кэ-ӈ, эр-кэ-ӈ,
Сēкāк нянн киливлйткāӈ,
Эдэ, догор, гиркиндēл-кэ-ӈ!
Тавар-ка-гӯ-ӈ илан Сивйр сиктӹрдӯн-кэ
Ситэримэ-ӈ гэрбйēлкэн
Дулин буга Коколдокōнин
Тавакачāн бинэ-кэ-гӯ-ӈ
Ёдӯ-ёдӯ ситӹтаран, котӯтаран!
10 Эр чōрōстӹкан бинэ човōкочōн,
Карагаччидӹкāн бинэ-кэ-гӯ
Катакачāн ивит-ё-гӯ.
Кэӈэрдэнин-кэӈэрдэнин!
Мэчиккй-кэ-ӈ дагадӯн-ка-ӈ илмй-ка-гӯ-ӈ
Йлй-дэ-кэ-ӈ эhй ӧрэ
Дёкē бинэ, минэвэ-гӯ
Гарадāксā-ӈ, ēва некэмдэк!
Тавар-ка-гӯ инемӯлэ-нюн инемō-гӯ!
Ичэкэлду-ӈ! Сēкāк-тā-гӯ киливлйткāн,
20 Тавар-ка-гӯ-ӈ куӈакāнма
Эр дйор ӯгӯ буга бōюнин-ка
Дэргэлдинмэ вāчāлйвй-ӈ

Энэ вāра hутэлтӯмӣ-ӈ
hутэвэр-кэ-ӈ ōлгачинмӯявар
Эксэдиӈэ̄т, эдэ, догор!
Кэӈэрдэ̄нин-кэӈэрдэ̄нин!
hо-hо-hōк!» — гуниттэн.

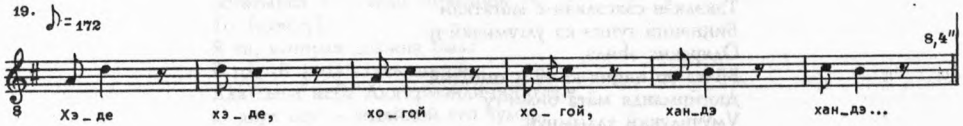
1 «*Кэнгэрдэнин-кэнгэрдэнин*!
Вот же, вот же,
Секак-красавица,
Жена, друг-дружище!
Имеющий в трех мирах
Три полных имени
Коколдон Средней земли
Такой махонький,
Но очень шустрый, смелый!
10 Сам с чечетку, но смелый,
Ростом с ласточку,
Но храбрый, оказывается.
Кэнгэрдэнин-кэнгэрдэнин!
Когда он становится на свой мяч-ядро,
Его совсем не видно; вот такой,
Собирается он бросить в меня мяч-ядро, —
Что со мной сделается!
Вот смешно-то, смешно!
Смотри, Секак-красавица,
20 На этого ребенка.
Когда я убью
Богатыря Верхнего мира Дергелдина,
Этого оставив в живых, возьмем с собой,
Воспитаем и, когда родится у нас ребенок,
Он будет его развлекать, жена-подруга!
Кэнгэрдэнин-кэнгэрдэнин!
Хо-хо-хо-хок!» — сказал [Сэлэргун Сэвэндэ].

В тембровой характеристике можно отметить сочетание напряженности фаукального резонатора и назализации как дополнительного суперсегментного признака. Ритмика мелодической строки представляет дважды повторенный бакхеос, в котором последняя доля — распетое слияние ямбической ячейки. Иными словами, это тетраямб, в котором последняя доля слита с предыдущей в единую. Олиготоника этого напева предельно сжата (только два опорных тона), что также напоминает форму олиготоники напева Тогондора из «Кодакчона».

В нимнгакане о Дэвэлчэне группа женских образов довольно велика и достаточно разнообразна. Некоторые женские персонажи (девушка Мэнгункэн, старушка Сигурдэн, девушка Киладий) имеют маркирующий запев *кимэ-кимэ кимэнин.* Мелодическая стилистика образов с таким запевом, пожалуй, аналогична напеву девушки Секак в сказании «Иркисмондя-богатырь» (грампластинка, 1-я сторона, № 2; нотный пример 11).

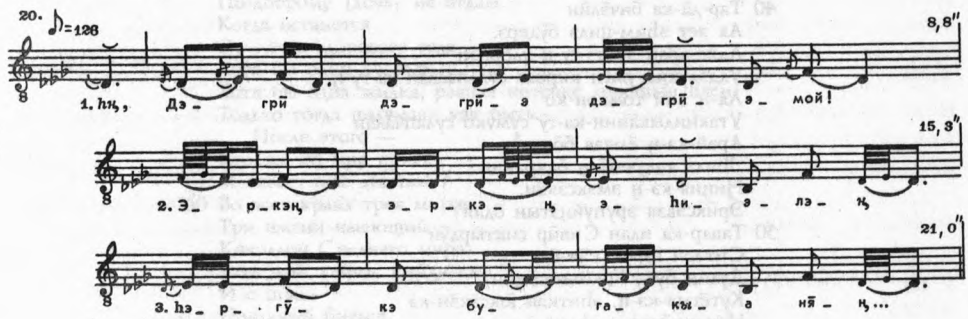
Новый мелодический образ появляется в связи с песенной характеристикой старушки-птицы Онёдор, ее характеризует зачин *хэдьэ логэй, хэдьэ логэй.* Его слова приближаются к запеву кругового танца «хэдьэ» восточных эвенков, эвенов и негидальцев [15, 16]. Следовательно, представить пение этой героини

из сказания о Дэвэлчэне можно на основании мелодики кругового танца [13].



Исполнению этой мелодии свойственна отрывистая возгласная интонация. Ямбичность ритмической организации и восходящая кварта подчеркивают эту возгласность. Вполне допустимо, что включение этого напева и систему эпической характеристики образов средствами мелоса повлекло и изменение в стилистике напева. Возможно, что в условиях эпической интерпретации рапсода данный напев приобрел бóльшую плавность и размеренность. Кроме того, ритмическая схема запева 2 + 2 + 2 + 2, вероятно, была реализована в тетраямбе. Возникает лишь вопрос: какими интонационными средствами рапсод сделал этот напев непохожим на тетраямбические напевы героев Нижнего мира? Думается, что важную роль в маркировке женских образов здесь имели распевы и орнаментация, подобно тому, как это встречается в мелодической обрисовке образа девушки Солкондор.

Мелодический образ Солкондор в нимнгакане о Дэвэлчэне появляется дважды. В обоих случаях Солкондор как сестра героя предрекает Дэвэлчэну будущее. В сказании «Иркисмондя-богатырь» этот образ представлен более действенно и противостоит персонажам Нижнего мира (грампластинка, 1-я сторона, № 4).



1 *hӈ*, «Дэгрӣ-дэгрӣ-э дэгрӣ-э-мӧй!
Эр-кэ-ӈ,
Эр-кэ-ӈ эhи-э-лэ-ӈ
hэргу-кэ бугá-к-*ы*-а нӣӈ
Авāhилин атамāртын-ка гунэм
Илан дӣн илан-ка-гӯ
Дāрикталкāhал гунэм нӧриктэлкӭн

[13] Напев эвенкийского танца «хэдьэ» записан А. М. Айзенштадтом в 1963—1969 гг. от эвенкийского исполнителя В. Г. Тимофеева из с. Удского Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края.

Дегэ Ба̄бэ гунэрӣ-ӈ удаган,
Нонопты̄ва̄н доро̄вое дявакал,
Амаргӯптын, улгӯр-кэ-ӈ о̄дягин-ка-ӈ!
Эр-кэ-гу минэвэ-гу йргӣт-кӯ
Тэкэлкэ̄н-сэксэлкэ̄н-е̄ ма̄та̄ткāн
Биӈнэнни гуннэ-кэ улгумӣвкӣ-ӈ
О̄дяракис эӈилэ,
Бӣ-кэ эр няӈня-ка-гӯ-ӈ омолгин
Дюгӣрмандя ма̄та̄ бимӣ-гӯ
Умучидуккӣ улдымӈӯн,
Дӯчидуккӣ дӯвчамӈӯн,
Илачӣдуккӣ аналла̄кин-ка-ӈ биӈнэм-кэ-гӯ.
Егин дя̄н егин да̄рикталка̄н нӯриктэлкэ̄н
Солкондо̄р гунэрӣ-кэ биӈнэм-е.
Тадуккинин о̄дакин
Тавар-ка сӯ ӈэргӯ-кэ
Егин бӣстӯн балдычāл ӈэргӯ бута
Ава̄ӈилин-ка атама̄нда̄лтын!
Бӣ-кэ гунэм бӣ-кэ
Этыркэ̄ӈнэв йлэ̄-кэ некэрэс?
Тар-гӯ-ӈ эӈилэ-кэ-гӯ-ӈ этыркэ̄ӈнэв
Депнэвэр таманма̄н-ӈу-ӈ
Аяван дерсо-ко
Ӈуна̄ткāн-ка ӈутэвэв-кэ гада̄вар
Дюрсу гадымадӯ-ка гаӈа̄тыв
Гунчэ̄-кэ нян-гэлӣ!
Соӈомо̄! Тыкӯнэ̄-вал биргэндэ̄в!
Аӈадякāр аӈа̄ткāрва куӈулмэ
Ӈулэптэрвэтын-кэ ӈӯмкэчиксэ̄л,
Колмутарватын уркӯка̄чиксāл,
Аявнатпар гадиӈа̄т гуннэл-кэ-гӯ
Тавар-ка-гӯ со̄мат-ка-ӈ
Эрэннэӈун е̄дӯ-вал со̄таран-ка!
Тар-да̄-ка бичэлӣн
Ая эет эӈим-ӈилэ бӯдерэ.
Адяс арай эр-кэ-гӯ-ӈ уло̄ркэ̄н
Улдэдукив умун кирбас сулапча̄ла̄н-ка-гӯ-ӈ,
Ая-ӈ аӈӣ томкон-ко
Утакиндыка̄нин-ка-гӯ сумуко̄ сулапча̄ла̄н
Арай-ка-ӈ е̄мчав бо̄лла?
Эӈилэ тадук-та̄-ӈ о̄дяракин
Ӈӣӈив-кэ-ӈ эмэксэ̄кэ̄н,
Эрӣксэвэв эруӈуйӈэ̄тын о̄дан?
Тавар-ка илан Сивӣр сиктырдӯн
Ситэри гэрбӣлкэ̄н-е̄
Дулин бута Коколдоко̄нин
Кутӗтыв-кэ-ӈ, эӈиткэ̄н ӧксэкэ̄н-кэ
Нуӈарнӧнтын эӈилэ-е̄
Коӈнорӣка̄р колтолдивӣ-ка гунэм эӈилэ
Коловырдаӈимка̄вкӣ-н о̄дякал-е̄-ӈ эӈилэ!
Дэгрӣ-дэгрӣ-дэгрӣмӧй!» —
Гуниттэн ивит арай.

1 *«Дэгри-дэгри дэгримой!*
Ну вот,
Ну вот, теперь,
Атаман *авахи*
Нижнего мира,
Шаманка Дегэ Бабэ
С тридцатью
Трехсаженными волосами,

Сначала прими привет,
Потом — будет разговор!
Вот, меня:
«Кто ты по роду-крови,
Богатырка?» — если спросишь, —
То [отвечу]:
Я та, которая должна была
В год от роду стать швеей
Для сына неба Дюгирманди-богатыря,
С двух лет — хозяйкой его чума,
С трех лет — его суженой.
Имя мое — Солкондор
С девяноста девятисаженными волосами.
После этого —
Вот вы, родившиеся в одном из девяти
Племен Нижнего мира,
Атаманы *авахи*!
Моего-то, моего
Мужа моего куда же вы дели?
За то, что мужа моего погубили,
За эту плату
Хотите взять
Девушку, мою дочь?
Еще осмеливаешься говорить:
«Хочу взять в жены!»
Плакать хочется! Зло какое, несчастье мое!
Развеяв пепел.
Разрушив очаг
Осиротевших женщин,
Думаете, что безнаказанно возьмете [дочь], —
До чего же вы наглые!
До чего же самонадеянные!
Но я вам
По-доброму [дочь] не отдам.
Когда останется
От моего здорового тела
Хотя бы один кусочек,
Хотя бы одна жилка, равная ниточке хорошей швеи,
Только тогда подумаю, как быть.
После этого —
Кто же ко мне придет
И спасет мое дыхание?
Во всех краях трех миров
Три имени имеющий
Коколдон Среднего мира,
Зять мой, сейчас выйди-ка
И с ними
Попробуй биться
Голыми руками! —
Дэгри-дэгри дэгримой!» —
Говорит [Солкондор], оказывается.

В напеве Солкондор появляется кантиленность, которая усиливается палатализованной звукоподачей и распевами между крайними звуками олиготонной ладовой нормы. Особо выразительно звучит субтерция, в тембровой характеристике которой появляется легкая фарингализация. Слоговая структура здесь такова, что ряд распеваемых гласных приобретает значение синсемантических слогонот и возникает структура спондей + амфибрахий и амфибрахий + ямб.

В строфике распеваемого текста зеркальная противопоставленность этих двух частей мелодической строки значительно усилена.

Исследование системы мелодических возможностей текста «Дэвэлчэн» позволяет составить табл. 4, в которой каждый мелодический тип будет помечаться новой цифрой, а его вариант рядом стоящей буквой.

Таблица 4

№ песенного раздела	Напев	Зачин	Персонаж	Сюжетная ситуация
1	2	3	4	5
1	Iа	Кимэ-кимэ кимэнин	Мэнгункэн, девушка	Предсказание герою о врагах и предстоящих битвах с ними
2	IIа	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн, оленный богатырь	Ответ на предостережение
3	Iб	Дэгри-дэгри дэгримой	Солкондор, сестра героя	Выражение предчувствия беды
4	III	Энгтэвлэнин-энгтэвлэнин	Верховой олень	Сообщение о том, что оленю нет дороги в Верхний мир
5	IIа	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Прощание с верховым оленем
6	IIа	Гиро-гиро гироканин	Он же	Заклинание лука и прицеливание в трехглавого орла
7	IVа	Дунгир-дунгир, дунгир-дунгир	Трехглавый орел	Сообщение о своем боевом предназначении
8	Iа	Кимэ-кимэ кимэнин	Киладий, девушка-лебедь	Предсказание пути герою
9	IVб	Лавир-лавир лавирдан	Дегэ Бабэ, противник героя	Сватовство *авахи* Няргучана за девушку Солкондор
10	IV	Ловир-ловир ловирдон	Няргучан, противник героя	Хвастовство перед героем
11	IIа	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Представление врагу
12	IVа	Ловир-ловир ловирдон	Няргучан	Хвастовство перед героем
13	IIа	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Заклинание лука и прицеливание в *авахи*
14	IVв	Ловир-ловир ловирдон	Няргучан	Признание своего поражения и проклятие героя
15	IIа	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Проклятие врага перед вторым этапом боя
16	IVв	Ловир-ловир ловирдон	Няргучан	Признание своего окончательного поражения
17	IIа	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Обращение за советом к сестре
18	Iб	Дэгри-дэгри дэгримой	Солкондор	Предречение суженой брату
19	IIа	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Прощание с сестрой
20	Vа	Лирве-лирве лирвея	Слуга-пастух	Оскорбление героя
21	IIа	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Сватовство к Киладий
22	Vб	Лингкир-лингкир лингкирйэ	Отани, пастух, брат Киладий	Вызов на поединок героя
23	Vб	Лингкир-лингкир лингкирйэ	Он же	Признание победы Дэвэлчэна побежденным Отани
24	Vв	Эрил дэрил, эрил дэрил	Ирэвлинде, брат Отани	То же
25	IIа	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Сватовство Ирэвлинде к Киладий
26	Iа	Кимэ-кимэ кимэнин	Сигурдэн-старуха	Свадебное приветствие
27	IIа	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Предложение вернуться на родину

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5
28	IIа	Гиро-гиро гироканин	Он же	Прощание с родственниками жены
29	Iа	Кимэ-кимэ кимэнин	Сигурден-старуха	Благопожелание дочери и зятю
30	Iв	Гуре-гуре, гуре-гуре	Киладий, девушка-лебедь	Обращение к священной горе на стыке Среднего и Верхнего мира
31	IIа	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Сообщение о своем походе
32	Iа	Кимэ-кимэ кимэнин	Киладий	Сообщение герою о будущем сыне
33	Iа	Кимэ-кимэ кимэнин	Она же	Предложение передать первого сына на воспитание в Верхний мир
34	IIа	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Благопожелание жене перед дорогой
35	Iа	Кимэ-кимэ кимэнин	Киладий	Благопожелание мужу перед дорогой
36	IIа	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Сообщение имени сына Хуркокчона
37	Iв	Хэдьэ логэй, хэдьэ логэй	Онёдор, старуха-птица	Приветствие и сообщение о том, что прибыла принять роды
38	Iа	Кимэ-кимэ кимэнин	Киладий	Подготовка к родам
39	IIб	Гунгир-гунгир гунгирой	Дугуйчан, сын Дэвэлчэна	Обращение новорожденного к родителям
40	Iа	Кимэ-кимэ кимэнин	Киладий	Наречение имени сыну

Музыкальная композиция сказания о Дэвэлчэне крупнее, чем сказания о Содани, и более разнообразна; вместе с тем в ней также следует выделить два обширных раздела: первый — это музыкальный диалог героя с персонажами Нижнего мира (разделы № 1—17) и второй — это сватание героя, его женитьба и рождение детей (разделы № 18—40). Кроме того, каждый из разделов делится на более мелкие музыкально-поэтические части. Так, в первом разделе это косвенная или непосредственная репрезентация героя и поединок. Во втором разделе можно детализировать четыре части: сватание невесты и поединки с ее родственниками; свадебные приветствия и благопожелания герою; наречение первого сына и переход семьи из Верхнего мира в Средний; рождение второго сына и наречение его именем Дугуйчан.

Аналитическое изучение материалов эвенкийских сказаний позволяет сделать следующие выводы.

Музыкальная композиция эвенкийских нимнгаканов представляет систему персонифицированных напевов, которые чередуются с речевым произнесением текста. Введение музыкальных разделов в текст выделяет их и представляет более рельефно. Напевы в эвенкийских сказаниях появляются в строго определенных ситуациях и выполняют магическую, этикетную, военную, обрядно-свадебную функции. Каждый из напевов обладает индивидуальным словесным зачином, маркирующим персонаж. Причем эта маркировка может сохраняться и при «перенесении» сюжетно-персонажного раздела из одного текста в другой. Индивидуализация мелодических разделов выразилась не только в словесном зачине, но и в стилистике напевов.

Музыкальная стилистика напевов в эвенкийских сказаниях обладает набором признаков, позволяющих выделить несколько устойчивых групп: герои Среднего мира, мелодике которых свойственны фарингализация и дактильное

начало строки; герои Верхнего мира в сказаниях о Содани и о Дэвэлчэне, по-видимому, стилистически противопоставленные героям Среднего мира, хотя в сказании «Иркисмондя-богатырь» исполнитель в ряде случаев вводит лишь самые минимальные тембровые отличия; героини эвенкийских сказаний, характеризующиеся высоко фарингализованной и палатализованной звукоподачей, преимущественно хореической ритмикой (правда, допускаются и сочетания амфибрахия и ямба); герои Нижнего мира, отличающиеся фаукальностью и назализацией артикуляции как суперсегментных сонорных признаков; оленные герои, представляющие родственников-женщин — невест и в мелодическом отношении различающиеся в большей степени, чем другие группы, благодаря многообразию ритмических вариантов песенной строки.

Названные стилистические черты свойственны мелодике восточно-эвенкийских нимнгаканов. Мелодическая характеристика напевов в южно- и северо-эвенкийских нарративах лежит в русле локальных песенных традиций. Изучение восточно-эвенкийских нимнгаканов позволяет предполагать, что пение в сказаниях отличается от лирических, шаманских и танцевальных песенных импровизаций; специфическими признаками сказительских напевов являются олиготонная ладовая основа и орнаментальность.

Сказитель Н. Г. Трофимов имел несколько своеобразных приемов пения, в частности, его напевы преимущественно олиготонные, хотя, например, другой исполнитель — С. М. Савин, относящийся к этой же сказительной традиции, — чередовал их с хазматонными. Восхищают мастерство и музыкальность Н. Г. Трофимова, который каждому персонажу стремился дать индивидуальную характеристику и не довольствовался только использованием индивидуальных зачинов, как это представлено у исполнителя эпоса «Умусли» Н. К. Третьякова. Совершенно очевидно, что сказания «Содани» и «Дэвэлчэн» записаны от одного из выдающихся эвенкийских сказителей.

Рассмотрение материалов убеждает в том, что эвенкийские рапсоды сформировали в высшей степени своеобразный тип музыкального сказительства. Благодаря исполнительскому мастерству Н. Г. Трофимова искусство эвенкийской эпической традиции предстает во всем величии.

А. М. Айзенштадт
Ю. И. Шейкин

ТЕКСТЫ
И ПЕРЕВОДЫ

СӦ БЭЕ СӦДӀНӢ МӀТӀ

Де билир-билир
Эр илан Сивӣр биһэмдэ
Мӧикан сӗргачӣнин
Сӗрилдывна балдычӓ уһу *.
Тадук биһэмдэ
Эр дулин бугат биһэмдэ
Тэнӣнэдын тэлгэндерэн ивит.
Няӈняр энӣ биһэмдэ
Һагачӓн тэгэккэчӣнин бӗлкиһинмудячӓ ивит *.
Тар амардукин
Горово-дӧ бинэвӗн эчэв сӓра,
Дагава-дӓ бинэвӗн эчэв сӓра.
Эһилэ дулин энин бугава
Аят уйдӗнэ ичэмӣ
Дяпкун энӗ гаһаткӓн дэгӣ,
Дяпкун анӈанӣдӯ гирна дэгиксӗ,
Һӯлӣвӗн энэн бакара
Эмӈэ буга ӧдан.
Егин амӗ карӓв туруя,
Егин анӈанӣва эрэгэмэ дэгиксӗ,
Муданмӓн энэн бакара
Һэгдыӈэ буга ӧдан.
Эр бугава ӗкун мӧчӣ-чӯкалкӓн
Буга биркэ бӧлла гуннэ
Аят уйдӗнэ ичэмӣ биһэмдэ,
Умун далай мӧралӓ ӣрӣ
Аһӯн-дӓ аксӓнин эһӣ сӓвра биракӓлкӓн ӧдан,
Дулин дӯндэ оӗлӣн онӗвно ӧвчӓ
Эӗнӗ биралкӓн ӧдан.
Тадӯ биһэмдэ урэкӗрин бимӣ
Урӗтмэт улгэнмунэл ӧскӗчӗл ивит.
Тадӯ биһэмдэ
Аһикта мӧ аналдымнӣн балдычӓ,
Ирӗктӗ мӧ элгэмӗтнэ балдычӓ,

ХРАБРЫЙ СОДАНИ-БОГАТЫРЬ

Вот, давно-давно, говорят,
Появились эти три мира *,
Подобные чутким ушам
Годовалого дикого оленя.
После этого * —
Наш Средний мир расстилался
С *кумалан*,
А небо-мать * растекалось
С донышко берестяного короба *.
После этого —
Долго ли [так] было, не знаю,
Недолго ли [так] было, не знаю.
Если теперь Среднюю землю-мать
Хорошо рассмотреть —
Такой широкой стала эта земля,
Что восемь стерхов-птиц,
Летая вокруг восемь лет,
Не находили ее края.
Девять серых журавлей *,
Летая подряд девять лет,
Не находили ее конца, —
Такой огромной стала [эта] земля.
Если хорошо посмотреть, думая,
Что это за земля,
Какие выросли на этой земле травы-деревья, —
На средней земле, оказывается,
Были, словно узоры, одна большая река
И бессчетные [речки],
Впадающие в одно огромное море.
Там горы ее
Поднимались ровными вереницами.
Там
Ели-деревья, сталкиваясь, росли,
Лиственницы-деревья, сплетаясь, росли,

Дягдаткāн мō дявалдына балдычā,
Чāлбāн мō чāварйтмāтна балдычā,
Сириг мō сирбалилдына балдычā,
Сēкта мō сййилдына балдычā,
Нйвэктэ мō нивгунмāтна балдычā,
Дулгиктэ мō дэчэлдынэ балдычā.
Дйор дялалкāн чўт чўка дявалдымнйн балдычā,
Илан дялалкāн бўксэ чўт чўка дяларбумнйн балдычā,
Дигин дялалкāн чўт чўка дэчэлдынэ балдычā,
Тунңа дялалкāн һуларйн чўка тагалдына балдычā,
Нюңун дялалкāн нēмда чўка нялбурагар балдычā,
Надан дялалкāн, нōлур чўка нонолдына балдычā,
Дяпкун дялалкāн манчāри чўка дявалдымнйн балдычā
Ēдук-тā ая дулин
Энин буган ōдан.
Эһилэ тарā биһэмдэ
Эрбē ая эмңэ
Дулин тукала энин буга биксэ
Ēкун бэйңэчй ивит гуннэ
Аямат ичэмй биһэмдэ
Улгэнмунэ балдычā урэлбēн дялум
Улукй бэйңэ аксāнин
Аһўнмāн ēкун сāдян,
Биракāрин дялум дыгин һалгалкāн
Эр-тар бэйңэн эймэкēмэ ōдан.
Дегдэндэ һэнилдўн эһэ бэйңэн
Пэлпэкēмэ ōдан.
Антага урэлдўн анам тōкйн
Арбакēма ōдан.
Ирэгил урэлдў ирўн бэюңин
Эңэнймэ кэтэлдэн ивит.
Сēктāг муданңалдўн мундукāн бэйңэ
Мэнэкмэ балдычā,
Сигйл урэлдўн сулакй бэйңэ
Сōмат кэтэлнэн буган ōдан.
Яңилин тэкэндўн, урэлин дяпкадўн
Дурукин дянтакй бэйңэн
Дептыгиннэ балдынан буган ивит.
Эр-тар горол бугал гонйтын дуруктўн
Нондо бэйңэн норēкēма ивит.
Дяңил дёлйгилдўн дёлог бэйңэн
Дйогўе āчин барāн буган ōдан.
Кирй бугалдў
Кирса гунмуврй бэйңэн
Килбāкēма ивит.
Де эрбē ая
Дулин энин буга
Ēкун дйор һалгалкāн,

Сосенки-деревья, хватаясь [друг за друга], росли,
Березы-деревья, соприкасаясь, росли,
Ивы-деревья, схлестываясь, росли,
Тальниковые деревья, вытягиваясь, росли,
Марниковые березы, извиваясь, росли,
Ольховые деревья, сталкиваясь, росли,
Двухсуставные вечнозеленые травы, ухватившись [друг за друга], росли,
Трехсуставные вечнозеленые тальники, свившись, росли,
Четырехсуставные вечнозеленые травы, соединившись, росли,
Пятисуставные краснотолы, сцепившись, росли,
Шестисуставные шелковистые травы мягко росли,
Семисуставные мягкие травы вперегонку росли,
Восьмисуставные осоки-травы, схватившись [друг за друга], росли, —
Такой красивой
Стала Средняя земля-мать.
Если теперь
Хорошо посмотреть
На эту Среднюю глиняную землю-мать,
Такую красивую и широкую,
Подумать, какие на ней звери, —
Оказывается, вереницы гор
Заполнили белки,
Число которых неведомо.
Вдоль речек бегали
Разные четвероногие звери.
У подножий покрытых гарью гор
Резвились жирные медведи,
На солнечных склонах гор
Лоси-самцы играли ветвистыми рогами.
На горах, поросших лиственницей,
Без счета умножились дикие олени.
На тальниковых вершинах
Развелись бесчисленные зайцы.
На лесистых горах
Вовсю расплодились лисицы,
У подножий гольцов, между хребтами
Повсюду прожорливые росомахи рождались, —
[Такая] была страна, оказывается.
На дальних окраинах разных мест
Повсюду пестрели рыси.
На каменистых гольцах
Безмерно расплодились горные бараны.
По окраинам
Всюду мелькали
Белые песцы-звери.
А если хорошо посмотреть,
Думая, кто же
Такой красивой

Дюлāкин дэрэлкэн,
Дялкинтыма мӯ дялалкāн,
Эēнэмэ энӣн омӣлкāн,
Боско дылилкāн
Ураңкай эвэнкӣ гунмурӣ итчилкэн
Бимчэ бичэн гуннэ
Аят элӣ-талӣ пэрӣнэ уйдēнэ ичэмӣ —
Эр дулин бига дулйāлӣн
Дылачā йоктэткӣн дэрэлкэн,
Дылачā йктэткӣн дāптулкāн
Эēнэ бира ңэкэн оёдӯн
Амē нюңнякӣ оңоктовōн
Коңдōлӣксā, тэгэптыкӣ тырэвчэгэчӣн
Кирагӣнңачӣн томтор оёдӯн
Умун ӯтэн ōвчā ивит.
Эр ӯтэнмэ ōн ōвчā гунмӣ,
Тулгидэдӯн дыгин мōлкāн
Дыгин нулгилкэн
Курēндē биһин ивит.
Эр ӯтэн дōдӯн биһэмдэ
Бутун лāйда калтакадынин
Колумталкāн ивит.
Тар малӯдӯн
Дыгин һалгалкāн, дыгин кирӣлкāн
Чāлбāн мōдук ōвчā остōлиндя биһин ивит.
Тарā эрэлӣ ōкин-да эһӣ бучувра
Чӯтурӣн мучиктэлкэн ирэктэ мō
Сэктэдин сэгивчэ сэвдēнӣһӣ
Сэктэлкэн һарāлкāн ивит.
Эр колумтанин дагадӯн
Надан дя̄н надан бӯтылкāн
Симтӯндēчӣ ивит.
Тунңа дя̄н бӯтылкāн
Токтовун сукэлкэн ивит.
Тогор деелкэн котолкōн ивит.
Эр ӯтэн дю̄ умун муннуктӯн
Дю̄р дяпкун ōватылкāн
Иемэ алаңа биһин ивит,
Тар мāтā надан бӯтылкāн
Сэлэмэ лукӣлкэн ивит,
Дяпкун бӯтылкāн тōлбукалкāн ивит,
Бугаһикма эңэһӣ илбис того элгулкэн ивит.
Тар дагадӯн надан дя̄р ңонумулкāн
Ōһилкэн уткэндē биһин ивит,
Тарнӣон умундӯ илан тогорилкāн деелкэн
Унигдама гидамиӣ биһин ивит,
Тунңа дя̄ннӣ бӯтылкāн
Тэвэ̄нивун дёломо мэчик биһин ивит.

Средней земли-матери хозяин,
С двумя ногами,
С голым лицом,
С гибкими суставами,
С текучей душой-матерью *,
С легко поворачивающейся головой,
С именем эвенка-*уранкая*, —
Оказывается, на берегу широкой реки,
С истоком ее на восходе солнца,
С устьем ее на заходе солнца,
В середине этой Средней земли,
На высоком одиноком холме
Построен один *утэн*,
Подобный отсеченному гусиному клюву,
Посаженному основанием вниз.
Если спросить, каким был этот *утэн*, —
Оказывается, в четыре жерди [по высоте],
В четыре кочевки по окружности
Вокруг него изгородь *.
Внутри этого *утэна* —
Очаг с половину
Целой *лайды*,
На *малу* —
Четырехугольный огромный стол
Из березы-дерева, на четырех ножках.
Свежесрубленными ветвями
Лиственницы-дерева с душистой хвоей
Устлан вокруг него
Весь *утэн*.
Рядом с очагом —
Медный котел
В семьдесят семь пудов *,
Топор для рубки дров
В пятьдесят пудов,
Нож с лезвием в пядь.
В углу *утэна*
Дважды восьмисаженный
Роговой лук *.
Богатырская железная
Семипудовая стрела
С восьмипудовой подпоркой,
С разящим огненным наконечником.
К луку был прислонен *уткэн*
С семидесятисаженной выемкой *,
С ним рядом — длинное копье
С острием в три пяди.
Там же было пятидесятипудовое
Каменное ядро *, с лету бросаемое.

Де ӈӣдӯ анāнатын
Сэвултын биркэл бōлла гуннэ
Ият адӯлāна ичэтмӣ,
Эр ӯтэн дюва дютарӣдӯ
Увагас сэксэдук ōнӣлкāн
Эр колумтандӯ ананча
Того эһэкэвэ илаттыдӯ
Тынис тэкэн сэксэдук дилгалкāн
Умун аӣ эвэнкӣн ōскēчэ-балдыча ивит.
Нуӈан ичэврӣ ирэндэвэн
Ият аргāна адӯлāмӣ,
Тэдемэ-дэ дулин тукала буга оёдӯн
Эвенкӣ тэкэнин ōмӣ-да ōӈат
Мāтā ōдан нуӈан.
Тулгӯ-дэ нюрдукин, догӯ-да сэксэдукин
Бэе-нюн эӈэтын сэлилдэ
Ая сэвэрэлкэн мāтā ивит.
Де эр бэеӈку бэе биһэмдэ
Амӈавӣ ēкунди иргивдерӣ
Мāтā бивкӣ гунмӣ,
Эр дулин бугавӣ
Икуктэмэ бэйӈэдин иргивдерӣ
Ōнӣлкāн бэеӈку бэе ōдан.
Дюрувōн гунмӣ,
Дӣор һалгалкāндук тэде
Сōниӈ сумут мāтā ивит.
Анам тōкӣва эр бэеткэн
Атāкӣн һэдӯн туксалдыдяна
Атāкӣвагачӣн дяварӣ бэе ивит.
Нуӈан биһэмдэ эһе бэйӈэвэ
Эӈэрдукин элгэлдыденэ
Коӈнорӣн комордōскāнӈачӣн
Дяварӣ мāтā ивит.
Иркин бэюнмэ бимӣ
Ӣриктэдынди-нюн дяварӣ бэеткэн ивит.
Энӣн-тōкӣ эвтылэн эвēтылкэн,
Анам-тōкӣ һачан арӣӈилкāн,
Иркин-бэюн омоӈин иргиһэлкэн
Эһэ бэйӈэ һэриндэн имӯксэдин
Һэрэвӣ имӯрӣ мāтāткāн ōдан.
Эр бэевэ ēкун тэтылкэн гунмӣ,
Ирӯн-бэюн сōнӈачāнин нандадин
Нондо-бэйӈэ аяргӯмадин
Нуктувчэ дерэкэчӣ
Дылдуккӣ һалгамāклāн ōвчā
Сōнӈама мукукэвӣ тэтчэмнӣн балдыча
Бэеӈкумэ бэе бичэ.
Де эр мāтā гэлнэрӣ гэрбӣн,

Если хорошо присмотреться,
Думая, что это за оружие,
Для кого оно предназначено, —
Оказывается, родился и вырос один эвенк-*аи*,
Которому по жидкой его крови было суждено
Стать этого *утэна* хозяином,
По крепкой родовой его крови предназначено *,
Предопределено разводить
В том очаге огонь-дедушку *.
Если в обличье его
Хорошенько всмотреться —
Оказывается, [такой] это был богатырь,
Каким должен быть настоящий предок эвенков
На Средней глиняной земле.
И по наружности, и по крови *
Не мог он не понравиться людям,
[Такой] красивый был богатырь с виду.
А если спросить о богатыре,
Какой пищей питался
Этот человек-человечище, —
Оказывается, этот человек-человечище
Мог есть [мясо] всех зверей
Этой Средней страны.
Среди двуногих
Это был богатырь
По-настоящему сильный и храбрый.
Паренек этот был [таким] человеком,
Что, поравнявшись [на бегу] с задними ногами
Бегущего лося-самца, хватал его как паука.
Медведя-зверя
Богатырь брал
За загривок
И хватал как черного жучка.
Осеннего дикого оленя *
Паренек хватал как муравья.
Дневная пища его — ребра лосихи,
Вместо масла — брюшное сало лося-самца,
Дорожная пища его — сало с крупа осеннего дикого оленя.
Сало с загривка медведя-зверя —
Смазка подошвы этого богатыря *.
Если же спросить, во что одет этот человек, —
Оказывается, он родился в *мукукэ* * из [шкуры] дикого олененка,
[Такой] это был человек-человечище.
Мукукэ из шкуры дикого олененка
От головы до пят
Было подбито-украшено
Самой лучшей шкурой рыси-зверя.
Если хорошо посмотреть, думая,

Сōлтама суракин ӈӣ ōдан
Гуннэ аямат уйдēнэ ичэмӣ,
Сōниӈ сумут орон укчакилкāн,
Бы̄hик сōнӈа мукукэ̄лкэ̄н
Сō бэе Сōданӣ мāтā
Гунмурӣ бэеӈку бэе ōдан.
Де эр нуӈан ӈӣдук-дэ̄ тэкэлкэ̄нмӣ
Эрэгэмэ эhин сāра ивит.
Нуӈан мулāкас мēвалкāн
Муӈун энинин эрэгэмэ āчин,
Алтандук-кат ӈэ̄рӣтмэр
Аилиннан бэгин аминин
Адясма āчин ивит.
Нуӈанӈачӣнин дюлāкин дэрэлкэ̄н
Эвункӣ ēhалкāн, энин омӣлкāн
Бэгин акин нян āчин.
Нуӈан арай умундӯ балдынан
Дылачāгачӣн ая ӈэ̄рӣhӣ нӣорилкāн,
Ирāс ая сэ̄ксэ̄лкэ̄н,
Эӈэнӣмэ ая ичэдэлкэ̄н
Ая ahакāн-куӈāкāн ōдан.
Де тара биhэмдэ
Нуӈан ōн мэ̄нмӣ дявāнӈавāн
Аямат аргāна ичэтмӣ,
Эр дулин тукала энин буга
Чӯт солкомо чӯкавāн
Hокорогор тӯрэкив,
Эр hунāт ēдӯ туӣтаран гуннэл,
Сāрӣл сагды̄л, сӣлēксэ̄л,
Ӈэ̄рӣhӣ сураккав hактыравдиӈатын
Гуннэ дулин дӯндэдӯ
Эмӈэкэ̄нди эhӣ гиранӣра
Сōма сэмэй дявāнӈалкāн
Ahāткāн-куӈāкāн ивит.
Де эргэчӣн мэ̄нмӣ бинӣвӣ дюгӯдӯн
Аят сэмэит татчā
Ая hунāт мэ̄нин анал
Гэрбӣн ӈӣ ōрка бōлла гунмӣ,
Аламай ēhатпӣ
Ичэhиннэ балдырӣдӯн
Ӯгӯ ай бэгин этыркэ̄н
Ичэчэ̄н yhy гуниӈкитин.
Тарит-кӣя гэрбӣвуркэ —
Ая ahӣ Аякчāн Ивēкчāн гуннэ.
Де эр ahāткāнма аят ичэтмӣ,
Ичэдэ коловурвāн бакаксā-дā
Бэе аӈэ̄тын дёкивкāна
Ая ahāткāн-куӈāкāн ōдан.

Каким было его звонкое имя,
Громкая его слава, —
Оказывается, он был эвенк-человечище по имени
Храбрый Содани-богатырь
В *мукукэ* из шкуры новорожденного дикого олененка,
[Ездящий] на сильном богатырском олене.
Кто были предки его,
Совсем он не знал.
Не было у него добросердечной
Родной матери.
Родившего [его] на свет почитаемого отца
С лицом светлее меди
Не было у него совсем.
Не было у него
Почитаемого старшего брата,
Такого же как он — гололицего,
Поперечноглазого *, душу-мать имеющего,
Была только юная девушка,
Родная сестра, лицом светлая, словно солнце,
С чистой хорошей кровью,
Собой прекрасная.
Если к ней
Хорошо присмотреться,
К тому, как она держится, —
Оказывается, ступала она, за собой оставляя
Нетронутой вечнозеленую шелковую траву
Этой Средней глиняной земли-матери,
Чтобы мудрые старики не осудили ее,
Говоря, что слишком она озорная,
Чтобы светлой славы ее не порочили,
Говоря, что по Средней земле
Слишком резво она шагает.
Эта юная девушка
Была большой скромницей.
Если спросить, какое имя было
У красивой девушки,
Приучившейся держаться так скромно, —
Оказывается, когда она родилась,
Ясными глазами взглянув
На яркий огонь лучистого солнца,
Верхний почитаемый старик-*аи* *
Увидел ее, говорят,
Поэтому, наверное, ее назвали
Славная девушка Аякчан Ивекчан.
Если на эту девушку хорошо посмотреть,
Оказывается, не с чем ее
Было сравнить, —
Была красивой молодая девушка.

Тэттӹ-дэ тэтӹвӣ отӹнан аяван
Дылдукин hалгамактӯн умун дэкси,
Некэ-бэйӈэ нандадин биксэ,
Аяргӯмадин овча саӈияккӣ
Дылача тогомодӯн эрэгэмэ
Эhӣ ичэвкэнэ чэвэр
Ая ahаткан ордага.
Нуӈан дагава-да hавая ачин
Эhӣ тэhийдэ додуккӣ
Курбоӈнолон мевалкан,
Емӣ-да бэе орӣ
Увагас сэксэдук онилкан,
Тыйис сэксэдук тэкэлкэн
Ая ahаткан одан.
Эрэ-тара-да сарӣ миндыр
Ая дялба мэнин
Додукки син сот сарӣ
Саягас дялилкан биӈэт
Ahаткан-куӈакан ивит
Эр ая ahӣ Аякчан Ивекчан
Гунмурӣ киливлӣ биhэмдэ.
Де тар амардукин
Эр дюр нэкӯнэн омолгилкан hунат,
Эр окин-кат эhӣ hокоргоро
Чӯтурин солкомо чӯкалкан
Дулин энин бугадӯ
Иркин бэюн дюр иегэчинин
Умундӯ дёрэлэснэл балдыксал,
Горово-до бинэвэр эчэл сара,
Дагава-да бинэвэр эчэл сара,
Де эргэчир ая ирэндэлкэhэл
Элэкэс илнӣ ая иччат биксэ
Екун анал сohулкэhэл биркэл
Гуннэ эр эенэ бираӈӈатын
Дэрэндукин даптумактӯн
Аямат пэринэ ичэмӣ,
Эр эенэ бира эӈэрин
Эвэдӹ орон сohу эймэкемэ ивит,
Сектагин сирӯткар орор
Сеиландӹ иелтын йгин со ивит,
Улгэнмунэ оскечэ мучук урэлин дурукин
Кувэhэл орор куртэгмэ ивит,
Чалбӯг урэкэрдӯн чалдыл актал
Иелтын чавакема ивит.
Нивэг лайдалин бутуннӯн
Гулур актал гудее-вэл ивит.
Де тариӈилвӣ биhэмдэ
Эр ая ahӣ Аякчан Ивекчан киливлӣ

Одежда, на ней надетая, была хорошо ею сделана,
От головы к ногам плавно спадала.
Из лучших шкурок соболя-зверя сшитую
Доху свою
На солнечный свет
Никогда она не выставляла *,
[Такой] опрятной была красивая девушка.
Без работы она не сидела
Даже недолго — из-за своего
Беспокойного сердца.
По жидкой крови ее,
По крепкой родовой крови ее
Этой девушке суждено было положить начало роду эвенков, —
[Такой] хорошей она была девушкой.
Юная девушка, оказывается,
Была мудрой, все обо всем знала,
Имела добрые мысли,
Была очень умной,
Душа ее была приветливой —
Вот [какой] была славная девушка
Аякчан Ивекчан.
После этого —
Эти двое, брат с родной сестрой,
На зеленой, никем не тронутой
Шелковой траве
Средней матери-земли
Родившиеся вместе, парой,
Как два рога дикого осеннего оленя,
Не знали, долго ли жили,
Не знали, недолго ли жили.
Если сказать, каким владели скотом
Эти только что подросшие молодые [брат и сестра],
Такие красивые на вид, —
Оказывается, их большая река,
Если на нее хорошо посмотреть, —
По всем ее долинам,
От истока до устья,
Была заполнена эвенкийским скотом-оленями.
На тальниковых ее берегах олени-самцы
Гремели оголенными острыми рогами *.
Вереницы гор, покрытых лиственницей,
Заполнились упитанными оленями.
На горах, поросших березой, белые холощеные олени
Играли ветвистыми рогами.
Все *лайды*, поросшие мелким кустарником,
Заполнили красивые серые холощеные олени.
Эта славная девушка Аякчан Ивекчан-красавица,
Всякий раз, когда было нужно,

Эр дыгин нулгилкэ̄н тогурумчэлкэ̄н
Нюңун мо̄лка̄н курэ̄лэ̄
О̄кин на̄да о̄мӣ
Умнэ̄-дю̄рэ̄ эңтэвкэ̄һинэн-дэ̄
Аһӯн биһӣн дурукман
Дялум ӣһинчэрӣн курэ̄н о̄дан.
Де тадук-та һуңту бэе дяванңан
Дурукин-да̄ дэлэгэй нимэ̄һэлин
О̄дяра эр айтка̄р эвэнкӣл биһэмдэ.
Де нуңартын биһэмдэ
Горово-до̄ бинэвэр эчэл са̄ра,
Дагава-да̄ бинэвэр эчэл са̄ра.
Бара̄н анңанӣ аланиксā ӣлтэнэн,
Долбонӣ-инэңӣ эмэксэ̄ ӣлтэнэн,
Аһӯн-да̄ ӣлтэннэвэ̄н мэ̄ртын-дэ̄ эчэл са̄ра.
Дю̄крэ де дялартын дякналдан,
Улдэлтыт са̄һин дипкилдэн *.
Эр акиндагӯ ма̄та̄ гуниттэн:
«Эр-кэ мит о̄н дю̄крэкэ̄н
Бутун дулин энин бугадӯ
Балдыча̄т бидиңэ̄н?» —
Гуннэ нэкундукка̄ улгумӣвкӣ.
Нэкунин биһэмдэ тадӯ гунивкӣ:
„Нонон балдыча̄ бэе сӣ
Мэ̄нды са̄мчас, бӣ
Синдук улгумӣдеңэ̄в гунчэчэ̄в,
Сӣ миндук улгумӣнды.»
Кэ, тарлаһа мит ӯгӯ
Бугадук балдыча̄л биһикит,
Һоро̄ндӯт саңӣкса бидиңэ̄н гуниксэ̄,
Аһака̄ргӯ һоро̄нмӣ һанңатпӣ
Тэмӣһиниттэн — е̄кун-кат а̄чин биттэн.
Һэргӯ бугадук ю̄чэ̄л биһикит,
Һэңэ̄рит дулиндӯн тукалака̄н
Бидиңэ̄н гуннэл һэңэ̄рбӣ тэмӣһиниттэн-дэ̄
Екун-да̄ а̄чин биттэн.
Де тарит нуңан акинтыкӣвӣ
Гуниттэн: «Мит мэ̄рты эр
Дулин энин бугавар
Мӯчӣ мо̄лка̄н сумэчӣ
Чӯканю̄нин уркӯвнал
Балдынат тэде о̄дан», — гуниттэн.
Акинин со̄ бэе Со̄да̄нӣ ма̄та̄
Со̄ңку бэе биһэмдэ:
«Кэ, тар биһикин
Эр миттулэ̄ ир-вэл бугадук
Эр миңңэчӣн эрчимулкэн
Со̄ниң сумулко̄н

По-оленьи хоркала * раз-другой,
И все [олени],
Сколько их было,
Битком набивались в загон.
Тот загон был в четыре кочевки окружностью,
В шесть жердей [по высоте] *.
У людей этих, эвенков-*аи*,
И сверх того было вдоволь
Всего, что только человеку нужно.
И они сами
Не знали, долго ли жили.
Не знали, недолго ли жили.
Много минуло лет, будто перевалив через горы,
Дни и ночи пришли и ушли,
И они сами не знали, сколько же их прошло.
У них обоих окрепли суставы,
Укрепились тело и мышцы.
И однажды спросил старший брат-*мата*
У своей младшей сестры:
«Неужели на всей
Средней земле-матери
Только двое мы родились?»
Сестра на это ответила:
«Ты раньше меня родился
И сам должен бы знать,
Я тебя хотела спросить,
А ты спросил у меня.
Ну, хорошо! Если бы мы
Родились в Верхнем мире,
На макушках у нас была бы роса».
Сказав так, сестра ладонью ощупала
Свою макушку, но не было там ничего.
«Если бы мы вышли из Нижнего мира,
То к нашим пяткам пристало бы немного глины».
Сказав [так], ощупала свои пятки,
Но не было там ничего.
Поэтому она сказала
Своему брату:
«Да, в самом деле мы родились
На Средней земле-матери,
Смешавшись с ее водами и деревьями,
С ее сочными травами» *.
Брат ее, храбрый Содани-богатырь,
Сильный богатырь [сказал]:
«Почему до сих пор
Из какого-нибудь мира
Не навестил нас
Эвенк-*уранкай*,

Дӯр hалгалкāн,
Булдинтырӣ мӯ дялалкāн,
Эēнмэттӹ энин омӣлкāн
Эвэнкӣ-ураӈкай ōн-ка
Эвкӣ бакалнāра», — гуннэ
Сōт аӈадярāпчā
Элэ тӯрэндивӣ тӯрэттэн.
Тадӯ биhэмдэ ая ahӣ
Аякчāн Ивēкчāн биhэмдэ,
Акинмӣ мӯтӹдерӣ нямӯкāн
Муриткāнӈачӣн унāрис ичэhиниксэ, гуниттэн:
«Багар мит гэрбӣт гэйэнэкин,
Суракит сурурукин
Ēкуял-дā аӈнакӣл эмэдиӈэтын,
Тадӯ сӣ сōт экэл эēттэ», — гуниксэ,
Āhивун дӯкāндулāвӣ йрэн-дэ āhиксōран.
Тар амардукин
Эр сō бэе Сōдāнӣ биhэмдэ
Нāян нондоксо сэктэвунмӣ сэктэврэн,
Некэксэ тырӯвӣ нэрэн,
Сулакӣкса сулдатпӣ hулдавран-дā āhинан.
Тар амардукин
Тар долбо эр бэе
Аят эчэ āhина —
Эрэ-тарā барāнма дялдāран,
Нуӈан дялин городдулӣ гиркуран.
Де эр сō бэе Сōданӣ мāтā,
Бэеӈку бэе нуӈан биксэкэн,
Hуглэдеӈэт бэе-дэ бидиӈэн-дō —
Тар-дāт илмалчаран,
Бэӯктэвун тэтӹлвӣ тэттэн,
Элӣ-талӣ тымар девгэвӣ дептэн,
Илдан-дā дӹгидэдуккӣ аланавӣ чāварӣhинан-дā
Тулискӣ ӯмэлчэрэн.
Эртыкӣ-тартыкӣ адӯлāран:
Сō аяя эчэ ичэрэ,
Аяя āчин инэӈӣ
Бидиӈэс бōллага, гуннэ,
Мэнин дōдӯвӣ сумкэтнэ
Мэннюнмӣ улгучэмэттэн.
Тар амардукин
Илан дя̄н тогорилкāн
Мэӈумэ киӈлэвӣ тэттэн,
Ирэктэ калтакадӹнин
Догōвай мō тыевунмӣ чāварӣhинан,
Илан тогор деелкэн
Унигдама гидавӣ гаран,
Надан дя̄р тогор деелкэн ōhилкэн

Подобно мне, неукротимый,
С богатырскими жилами,
С двумя ногами,
С гибкими суставами,
С плавающей душой-матерью?» —
Упавшим голосом
Сказал он.
Тогда славная девушка
Аякчан Ивекчан,
Нежно взглянув на брата округлыми глазами,
Как у пьющей воду кобылицы, сказала:
«Если наше имя сильно прославится,
Наша слава распространится,
То придут еще неведомые чужеземцы,
Поэтому ты очень не печалься».
Сказав так, она ушла в чум, где спала, и сразу уснула.
После этого —
Храбрый Содани-богатырь
Расстелил свою рысью подстилку,
Положил свою соболиную подушку,
Укрылся лисьим одеялом и уснул.
После этого —
В ту ночь он
Не мог спать спокойно:
Много думал о том и о сем,
В мыслях своих далеко уходил.
Храбрый Содани-богатырь,
Этот эвенк-человечище,
Разве станет спокойно лежать?
Тут же вскочил,
Надел охотничью свою одежду,
Быстро поел,
Встал, лук свой схватив,
И наружу выбежал.
Туда и сюда посмотрел:
«Ничего не видно хорошего,
День наступил
Недобрый», —
Сказал он так про себя,
Поговорил сам с собой.
После этого —
Он надел серебряные лыжи *
В тридцать пядей [длиной],
Схватил огромную палицу *
С половины лиственницы,
Взял обоюдоострое копье *
С лезвием в три пяди,
Прихватил свой *утхэн*

Уткэ̄нмӣ ӈа̄лиһинан-да̄
Илан-дыгин саһа̄нӈӣлди гиранӣлдяка̄ттан.
Де эр ӈэнэһиндерэкин
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄н-улгӯр до̄лдывран.
Арай тара̄ долдынан
Дю̄ткӣн мэ̄нин нэкунин
Ая аһӣ Ая̄кча̄н Ивёкча̄н,
До̄гӯгда тэты̄тпӣ ю̄ксэ̄,
Акин гунды̄ акинмӣ бодоптыкӣ,
Дуяк-дуяк гиранӣна-гиранӣна,
Со̄мат мэргэ̄рӣ тӯрэ̄ндиви
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н
О̄на-о̄на илитчача̄н:
«Дэвэ̄-дэвэ̄ дэ̄вэ̄нин!
Дулин энин бугадӯ
Иркин бэю̄н дю̄р иегэчӣнин
Дёрэлэснэ балдынав
Акин гунды̄ акинми,
Дулин буга бою̄нин
Со̄ бэе Со̄да̄нӣ ма̄та̄,
Токто̄кол-болгойкол!
Бӣ тӯрэ̄нмэ̄в
Иргэлэ̄вӣ иктэвкэл,
До̄ла̄вӣ до̄лдыкал,
Сёндӯвӣ силдыкал!
Бӣ ӯр долбо
Толкинма толкичим,
Битпэ биттэним!
Ӈэ̄лэвсё-вэл биргэв!
Тар ёкун гунэкис,
Дылача̄ ю̄птугӣдин,
Дылача̄ элэкэс дэгдэдерэкин,
Конӈорӣн туксу
Дылача̄ва липкирэн.
Тар амардукин
Аһӯна-да̄ энэ биһи
Бӣ балдыкса̄ толкиндӯ-да̄ эчэ̄в ичэрэ,
Сураккāн-да̄ энэв до̄лдыра,
Умкактачӣ аһикта һанянӈачӣнин
Ёкунмадӯ-да̄ коловурмая а̄чин
Ӣртыкӣ-дэ̄ дэрэн гундэ̄
Дю̄гӯн эһӣ са̄вра —
Арай бӣ ичэрэкив
Умун сэлэмэндё һалгалка̄н,
Тыӈэнмӣ дулиндукин умун ӈа̄лалка̄н,
Һэ̄ёвӣ дулиндӯн умун ёһалка̄н,
Гэдумуккӣ дулиндӯн умун сёлка̄н —
Ёкун гӯкӣчитын биркэ бо̄лла?

С лезвием в семьдесят пядей
И зашагал [шагами] в три-четыре сажени.
Когда он отправился,
Послышалась ему какая-то речь.
Он прислушался:
Славная девушка
Аякчан Ивекчан, его сестра,
Выйдя из дома в одной нижней одежде,
Вслед за старшим братом, родным братом своим,
Мягко-мягко ступая,
Остановилась,
Печальным голосом
Такие слова говоря:
«*Дэвэ-дэвэ дэвэнин!*
Храбрый Содани-богатырь,
Богатырь Средней земли,
Старший брат, родной брат мой! *
На Средней земле
Мы родились с тобой парой,
Как два рога дикого осеннего оленя!
Постой, подожди!
Мои слова
Вбей [себе] в мозг,
Учуй нутром,
Вкрути в уши!
Этой ночью
Приснился мне сон,
Зловещий сон!
Горе мне!
Если спросишь, о чем он,
То [отвечу:] в той стороне, где солнце восходит,
Когда солнце едва еще поднималось,
Его закрыла
Черная туча.
После этого —
Тотчас, без промедления [появилось] такое,
Чего я от рождения даже во сне не видела,
Слыхом не слыхивала.
Оно словно тень заснеженной ели,
[Больше] ни на что не похожее!
С какой стороны у него
Хоть подобие лица — не разберешь!
Мне показалось только, что у него
Одна огромная железная нога,
Одна рука посредине груди,
Посредине лба один глаз,
На затылке одно ухо.
Как называется — неизвестно.

Илан лавāлкāн кудукиндāӈит
Илан лавāвāн умундӯ камуиһиникса,
Тар оёдӯн тэгэксэ,
Ёдӯ-дā сатамдюя āчин.
Тарā биһэмдэ сӣ
Дӯор дяпкун ōватылкāн алаӈатпӣ
Коӈнорӣн һāкинин дулмадӯн
Гарпанды-дā эчэс нāра,
Чāгӯ огёӈā ōн-ка некэнэн,
Сӣ нӯорис ӯскӣ тёнчаксōран.
Тар амардукин
Сӯ дюкрэ тэрэӈмэт қуһӣлчэһун-дэ
Ōн-дā ōдярӣваһун эделӣв ичэрэ,
Минэвэ йргӣт-тэ эмэнэн энэ сāвра,
Āһивун бёв дыклэн
Ӯтэн дювун калтакавāн
Нэптэрэгэр тāникса,
Минэвэ дэгиливрэн,
Дылачā йктэткин эксэрэн.
Де тар ёкун толкинин
Биргӯн бōлла!
Акӣ, экэл суруру!
Сāтар инэӈмэн умундӯ бигэт,
Сурурукис бакалдырӣт эһин сāвра.
Токтōкол-болгойкол!» —
Гуниттэн ивит эр ая аһӣ
Аякчан Ивёкчāн киливлӣ.
Де тар амардукин
Эр сō бэе Сōдāнӣ мāтā
Ӈӣ бидэвӣ дюлэтпӣ дōлдыдиӈāн:
«Ичэкэл эр кувулгат һунāт
Эһӣтйэкӣ кулӣнин энэ батта
Бодотчō бинэ-бинэ», —
Гунэн-дэ амӈавӣ муӈидин
Игдымият тэпкэнэ-тэпкэнэ,
Нэкундулэвӣ туксана-эмэрэн,
Сёктава һокорогор тāнан,
Һунāтлā туксана эмэрэн:
«Де, кувулгат һунāт,
Ёкун ōксā, бэе бэӯрӣвэн
Нувчā бинэ-бинэ
Тар-гӯ сӣ нувчанадукис
Энэ бэӯктэрэ бидиӈэв?» —
Гуннэ, сō бэе Сōдāнӣ мāтā
Нуӈанман: «Тэде дō? Тэде дō?», —
Сёктаӈитпӣ сирбагалдан.
Нэкунин биһэмдэ дӯор дылачā тэрэӈин
Дӯор аламагай ёһадукин,

На трехвершинное наше священное дерево,
Сразу три вершины его подмяв,
Уселось [это]
Ни на что не похожее.
Тогда ты
Из своего дваждывосьмисаженного лука
В середину его черной печени
Выстрелил, но не попал.
Тот *огенга* что-то сделал —
Твоя стрела назад отскочила.
После этого —
Вы, двое равных [по силе], стали биться.
Я не успела досмотреть, как вы бились.
К месту, где сплю, откуда-то сверху
Явился неизвестно кто,
Напрочь сорвал половину
Нашего *утэна*-жилища,
Меня понес, помчал,
Унес к заходу солнца.
Вот такой был сон
Непонятный!
Братец, не уходи!
Хотя бы день побудем вместе,
А уйдешь — неизвестно, когда встретимся!
Постой, подожди!» —
[Так] сказала эта славная девушка
Аякчан Ивекчан-красавица.
После этого —
Храбрый Содани-богатырь
Разве послушается по-хорошему?
«Посмотри-ка на эту притворщицу!
С этих-то пор так хитрит
И смеет еще бегать за мной!» —
Грозно он закричал.
Громко продолжая кричать,
К сестре вернулся бегом.
Сорвал тальник,
К девушке подбежал.
«Ну, притворщица,
Как ты смеешь
Запрещать мне идти на охоту!
Из-за твоих запретов
Мне сидеть и не охотиться?» —
Сказал ей храбрый Содани-*мата*
И стал хлестать ее тальником [говоря]:
«Разве не так? Разве не так?»
Из двух добрых глаз сестры,
Подобных двум солнцам,

Дӯр мэӈукэр мӯл,
Мол-мол * тыкнэл-тыкнэл,
Акинмӣ никинмадукин эӈэнӣт кумнэрэн,
Тыкэн гуннэ тӯрэлкэн ӧдан:
«Дэвэ-дэвэ дэвэнин!
Акин гундӹ акинми,
Сӧма бэе Сӧданӣ мата,
Токтӧкол-болгойкол!
Бӣ синдӯ ӧн улӧкитчиӈэв,
Бӣ улӧкитнэв йлэ исчиӈан,
Гуннэ тыкэн тыкӯлдянды?
Кэ, тэде тыкэн эмӣ тэдӗрэ,
Инэӈ дулинмактӯн сатар этэвкэл.
Ачиндӯс бӣ эр-тар ӧракив,
Минэ энэвӣ дӧлдыра
Мэнды кэмсиндиӈэс.
Итык тӯрэнмэв илинкал,
Мэӈун тӯрэнмэв дӧлдыкал!
Эмӣ дӧлдыра
Тар мэндӯс сӧ комолто ӧдиӈан.
Сатар мэнды ичэтчэрэкис,
Ӧн-да ӧнав hулэкэ
Миндӯ-дэ, синдӯ-дэ.
Акинмӣ-ниӧн бимӣ
Минэ экэл эмэнэ.
Дӯр мэндуккэр
Эмнӣн салдыра hуеттыт
Дялдарӣдӯ-да эрӯ бидиӈэн,
Мэнды-дэ дялдӯс этэн ая бидиӈэн,
Ӧн улӧкит улгӯрдэн, гуннэ,
Тыкэн тыкӯлинды?
Бӣ тӯрэнмэв тэде улӧккӧн
Илэ мэндивӣ сакса тыкӯлдавӣ!
Ката бэевӣ бэекэкэл,
Ahӯн бичэс, ичэвкэкэл!» —
Гуниттэн эр ая ahӣ
Аякчан Ивекчан киливлӣ.
Де акинин дулин бута бӧюнин
Сӧ бэе Сӧданӣ мата биhэмдэ
Ая ahӣ Аякчан Ивекчанма
Аят уйдэнэ ичэнэн,
Тэдемэ-дэ ӈэрӣhӣ ирас сэксэн сивримэдин
Ая ӈэрӣhӣ ирэндэн мултерӣдин
Дӧдуккӣ мэргэчэгэчин оча ивит.
Тара ичэксэ, сӧ бэе Сӧданӣ мата
Гунмурӣ бэеӈку бэе биhэмдэ
Нэкунмӣ син мулан бадага —
Мэнин-дэ тоголкӧн ӗhан

Двумя серебряными струйками
Потекли крупные слезы.
Она крепко обняла брата за шею
И сказала такие слова:
«*Дэвэ-дэвэ дэвэнин!*
Старший брат, родной брат мой,
Храбрый Содани-богатырь,
Постой, подожди!
Зачем мне тебя обманывать,
Обманом ведь ничего не добьешься.
Почему ты так сердишься?
Хорошо! Раз ты не веришь, что я права,
Задержись хотя бы до полудня.
Если со мной без тебя что-то случится,
Ты сам пожалеешь,
Что меня не послушался!
Поверь моим заветным словам,
Выслушай мою серебряную речь! *
Не поверишь, —
Очень пожалеешь об этом!
Если что случится со мной
На глазах у тебя,
Для меня и для тебя будет лучше.
Брат мой, если ты вправду мне брат,
Не оставляй меня!
Если мы двое
Расстанемся, ничего друг о друге не зная,
Нам самим вспоминать это будет трудно,
И твоей душе будет плохо.
Зачем же ты так рассердился,
Думая, что я обманываю?
Если ты узнал, что мои слова и вправду
Лживые, тогда бы на меня и сердился!
Лучше мужайся, как подобает мужчине,
Покажи, какой ты есть!»
[Так] говорила эта славная девушка
Аякчан Ивекчан-красавица.
Тогда ее брат, богатырь Средней земли,
Храбрый Содани-богатырь,
Пристально посмотрел на
Славную девушку Аякчан Ивекчан.
Оказывается, она вправду была опечалена.
Светлая, чистая кровь ее потемнела,
Красивый, светлый облик ее потускнел.
Увидев это, человек-человечище
По имени храбрый Содани-богатырь,
Кажется, свою сестру пожалел.
Огонь, пылавший

Тогон кургирӣн мултӗрэн,
Тыкӯлнан сӗксэн тӯктан.
Тар амардукин
«Ӗ, тэдемэ, умун нэкунмӣ умундин
Ӗдӑ-ӈӑн соӈовчодём», — гуннэ,
Мӗнин мӗнмӣ сэмэлӗрэн.
Тар амардукин
Нэкунин мэӈун мӯлкӗн ӗhан мӯн
Hэргискӣ эӗннэ тыкнэвӗн,
Hанӈатпӣ аракӯн булиhинэн.
«Кэ, нэкӯ, тэдевэ гунэкис,
Эhим суруру, экэл соӈоро.
Инэӈмӗн синнӧн инэчим.
Де тавар тӯрӗнды улӧк ӧдакин
Тэдемэ этэп ситана —
Мӗндуккӣ коргутчиӈӑс!» —
Тыкӗн гуниксэ, эр сӧ бэе
Сӧдӑнӣ мӑтӑ биhэмдэ
Нэкунмӣ чӯлӑндулӑн уӈрэн.
Мӗнин сӧӈку бэе биксэкӗн
Сугун ӗдӑ бидиӈӗн —
Эмӈэ лӑйдаӈлӑвӣ эврэн,
Кӯрбэ иӈӑндӯлди мэчиккэтнэ эвӣрэн.
Эр-тар урэлдӯ ирэктэлвэ
Ниӈтэтэй-нэлгэтэй нэптэлмӣгдэ тӑниксӑ,
Тэлгэhэлэвӣ иннэ эмувуксэ,
Симӈӯлэнмэ иливкӑтна эвӣрэн.
Тариӈлӑн биhэмдэ аксӑман эhӣ сӑвра орон
Симӯтнэде эмэдевкӣ ӧда ивит.
Тар амардукин
Аhӯна бидиӈэн ӧвчӑ ӧнӣ,
Ананчӑ аилга бирдэгэ —
Ӯр hунат гуннэгэчӣнин
Дылачӑ элэкэс дэгдэдерэкин
Эргӣт-таргӣт эдын-эдын иктэлдэн,
Эргӣт-таргӣт багдарир туксул барӑлда,
Коӈнорир туксул коюна,
Hуларӣр туксул hуктырэ.
Тар туксул дурук
Ӯгӯ кумтӯр няӈня оёлӧн
Дурук умундӯ кӯгунӑнал
Гукчаннал туктырэ,
Дылачӑва йлӣ-кэт умнэт
Эhӣдин ичэврэ липкирэ.
Де тавар амардукин —
Нимӈӑкӑндӯ эвкӣ удара,
Дурукин hӣмӑт ӧвувкӣ —
Эдын бого эӈэhӣӈин ӧдан,

В яростных глазах его, поугас,
Сердитая кровь его поостыла.
После этого —
Упрекнул сам себя, сказав:
«Зачем я довел до слез
Свою единственную сестру?»
После этого —
Ласково вытер ладонью
Катившиеся вниз
Серебряные струи слез.
«Ну, сестра, если говоришь правду,
Я не уйду, не плачь!
Пробуду с тобой этот день.
Но если ты сказала неправду,
Будет неладно,
Сама на себя обижайся!» —
Сказав так,
Храбрый Содани-богатырь
Отправил сестру в чум *.
Сам же сильный человек
Разве останется спокойным?
Он спустился на свою широкую *лайду*,
Поиграл камнями, подбрасывая, как мячи.
На окрестных горах повырывал
С корнями и землей лиственницы,
Принес их на плече во двор,
Играючи построил навес,
И олени его, число которых неведомо,
Приходили туда отдыхать *, говорят.
После этого —
Вскоре наступило предсказанное,
Судьбой предопределенное —
О чем говорила недавно девушка.
Когда солнце стало подниматься,
Оттуда-отсюда налетели ветры,
Оттуда-отсюда появились белые тучи,
Сгустились черные тучи,
Сбежались красные тучи *.
И все эти тучи,
Враз, со свистом
Поднялись вперегонки, говорят,
К верхушке опрокинутого неба *,
Закрыли собой солнце,
И его совсем не стало видно.
После этого —
В сказке ничто не задерживается,
Все быстро делается * —
Налетел сильный ветер,

Тыгдэ бого сōŋин ōдан,
Агды бого, чагилган,
Талину бого ōдан.
Де мит бэеŋит
Сō бэе Сōданӣ мāтā
Де дōдуккӣ элдэн тэһийдэ,
Дюлэкӣвэ дю̄р дяпкун ōвāтылкāн алаŋавӣ
Аŋаннāна-тāнӣвāтна бэлэкэдерэн ивит.
Де эр-дэ эмэдерӣ туксу
Эчэ горово удаŋутта —
Тар-дāт тыгдэтэй-агдытай
Һӣмāмият ӣлтэмэлчэрэн.
Тар амардукин
Арай дылачā тоговōн липкирӣ
Илан дыличӣ уксукиндē *
Дэгнэ дэвдылэ̄нчэнэ эмэрэн.
Де эр бэе Сōданӣ мāтā
Ē̄ватадӯн * илитты
Илан лавāлкāн
Āл кудӯк мōндядӯ
Илан лавāвāн умундӯ камуиһиниксā,
Тар оёдӯн дōксā,
Эртыкӣ-тартыкӣ ловик-ловик мунӣллӯрэн,
Килэп-калип ичэһиŋнэрэн.
Саксак-саксак гивэнэрэн.
Тар амардукин
Чāгӯ эмэ мāтā
Мит бэеŋит дюлэдӯн
Илэ мэнӣн ōксā тыктэн,
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄нин тулдӯмнэ,
Улгӯрин уŋкулбунэ
Дэ бэе гундэ ӣргӣт-дэ
Дю̄лин эһӣ сāвра
Адясма адяраин ōдан.
Де нуŋан тӯрэ̄нмэ̄н арай
Долчӯрӣлāвӣ-нюн иһирдага.
Де тыкэ̄н гуннэ тариŋин биһэмдэ
Адяс эчэ̄лӣн ситана
Сэ̄һэлкэ̄н ōдан,
Улōк-дō бичэ̄лӣн
Улгӯрилкэ̄н ōдан,
Ē̄маӣ-да бичэ̄лӣн
Икэ̄лкэ̄н ōдан:
«Киŋир-киŋир киŋирдэ̄нин!
Эрэ̄вэ-нюн эрэ̄
Ичэкэл-ичэкэл!
Дулин ай букатырин
Со бэе Сōданӣ мāтā,

Полил сильный дождь,
Загремел оглушительный гром с молнией,
Заполыхали зарницы.
Наш человек,
Храбрый Содани-богатырь,
Не утерпел, изготовился,
Стал натягивать и отпускать
Тетиву дваждывосьмисаженного лука.
Набежавшая туча
С громом и ливнем,
Не задержавшись,
Мигом умчалась.
После этого —
Почти закрыв свет солнца,
Прилетел трехголовый,
Взъерошенный орлище.
На стоявшее во дворе
Храброго Содани-богатыря
Трехвершинное
Священное огромное дерево *
Он уселся,
Сразу подмяв под себя три вершины.
Туда-сюда головами повертел,
Зыркнул глазами,
Крыльями встряхнул, перья взъерошил.
После этого —
Прибывший богатырь
Перед нашим человеком,
Представ в своем обличьи,
Отрывисто заговорил,
Повел разговор.
Неизвестно кто это был,
Человеком его не назовешь,
Был он настоящий *адярай.*
Пришлось выслушать
Его речь.
Тот заговорил:
Хоть и невпопад,
Стал он говорить;
Хоть и врал,
Стал рассказывать;
Хоть бестолково,
Стал он петь:
« *Кингир-кингир кингирдэнин!*
Вот это и вот это *
Посмотри-ка, посмотри-ка!
Богатырь Среднего [мира]-*аи,*
Храбрый Содани-богатырь,

Сōди-сōди тургэнди
Ӯтэкэнми дōдукин
Нэкун гундӹ нэкунмӣ
Ювмэлчэкэл миндулэ!
Тар амардукин
Дюкрэ дорōвоё дявакалду,
Амаргӯптын улгӯр оӈнан!
Де эр минэвэ
Ӣргит тэкэлкэн-сэксэлкэн
Мāтā ōданды гунэксун,
Ӈэргӯ егин бистӯн ōскēчэ
Тукала Маӈӣ этыркэн
Омолгин дыгин кирӣлкāн
Сэлэмэ Девиндэр сōниӈ гунмурӣ
Ӈэргӯ буга атамāнин
Авāӈи омолгин биӈнэм.
Ēкун нāда ōксā
Дулин тукала бугалā
Тӯмнэилкэн ōданды гунэкис,
Эр сӣ сōниӈ ай эвэнкӣ бэенюн
Иркин бэюн иегэчӣнин
Дēрэлэснэ балдычā
Нэкун гундӹ нэкунмэс
Ая аӈӣ Аякчāн Ивēкчāн
Гунмурӣ-гӯ киливлӣва
Умучӣдуккӣ улдымӈӯевӣ,
Дючӣдуккӣ дювчамӈӯявӣ,
Илачӣдуккӣ анал аӈӣявӣ
Гадӹмадӯ ганāдя
Илэ-бодо мэнми
Мēлкэн мэндивӣ эмэм тавар.
Ая-гӯ эет бӯчинды,
Уӈа-гӯ эет бӯчинды?
Бӯрэкис-дэ гачим,
Эӈикис-дэ гачим!
Сōт тургэнди дялвӣ сāвкāкал!
Миндӯ-вэӈӣн авгӯн-дā умун,
Ката мэндис сивайбаӈдиӈав,
Ката эр-тар энэ ōра
Нэкун гундӹ нэкунмӣ
Буга бэюнӈэчӣнин симэкэл,
Сэвэкӣ оронмōнӈочӣн тэтувкэл,
Сōӈку бэедӯ сō ает дявавкāкал!
Ӈа-ӈа-ӈак!» — гуннэ,
Амӈандявӣ āӈаннāран.
Де тарбāва дōлдычā
Сō бэе Сōданӣ мāтā,
Сōӈку бэе бидеден эӈилэ:

А ну-ка побыстрее
Приведи ко мне
Из своего *утэнчика*
Младшую сестру, родную сестру твою!
После этого —
Вы двое, привет примите,
А потом будет разговор! *
Если спросишь меня:
„Кто ты, мата,
По роду и крови?“ —
То [отвечу]: я сын
Тукала Манги-старика
Из девяти племен Нижнего мира,
Имя мое — сын *авахи*, четырехгранный
Сэлэмэ Дэвиндэр *,
Атаман Нижнего мира *.
Если спросишь, ради чего
Я ступил
На Среднюю глиняную землю,
То [отвечу]: чтобы взять в жены
Младшую сестру, родную сестру
Эвенка-человека, богатыря-*аи*,
Красавицу по имени
Славная девушка Аякчан Ивекчан,
С которой вы родились вместе
Словно рога осеннего дикого оленя!
В год [от роду] ей суждено было стать моей невестой,
В два года — хозяйкой моего чума,
В три года — моей женой! *
В собственном облике
Я за ней явился!
Волей отдашь
Или неволей отдашь?
Отдашь — возьму,
Не отдашь — возьму!
Без промедления ответь, что ты думаешь!
Мне все равно.
Только как бы тебе не стать моим свадебным угощением!
Не упрямься,
Младшую сестру, родную сестру свою
Наряди, чтобы стала похожа на лесного оленя,
Укрась, чтобы стала похожа на священного оленя *,
Сильному богатырю ее, как подобает, выдай!
Ха-ха-хак!» —
Говорил он, разевая пасть.
Услышав это,
Храбрый Содани-богатырь,
Сильный человек, не мог сдержаться.

Дӯр чавургайдукин
Дя̄н сӗрэ того дя̄нӯһинчаран,
Дя̄н чараткӣдукин
Буюксу сӗксэ чикнӣһинчэрэн,
Тыкӯлнан сӧдӯн
Умун тогор угискӣ угириврэн,
Дыгин ӈа̄ла дырамулдан,
Игим сӗксэн ӗһалдула̄н истан,
Ӧрда̄к сӗксэн олукмала̄н эмэрэн,
Ниравӣ сӗксэн мӗвандула̄н иктэрэн,
Бардам сӗксэн бӗлгэлдулэ̄н тыктэн,
Уһук сӗксэн урдӯн дялуптан,
Тэттӹ тэтӹн элӣ-талӣ
Аран эчэ тэкӗмдэ.
Тар некэксэ, аһӯн-да̄ эчэ биһи —
Дӯр дяпкун алаӈавӣ гакса̄,
Нуӈандӯн ча̄гӯ сӗма̄ктӯвӣ
Та̄нӣна-та̄нӣна, иткӯна̄на-иткӯна̄на
Тыкэн гуннэ тӯрӗлкэ̄н
Ӧдяран ивит нуӈан:
«Гирӧ-гирӧ гирӧка̄нин!
Эр-кэ эр-кэ ичэкэл,
Һэргӯ бута ава̄һин атама̄нин
Дыгин кирӣлка̄н Сэлэмэ Девиндэ̄р сӧниӈ,
Дӧмдӯн дорӧво бигин,
Амаргӯптын ӗман улгӯр ӧгин!
Эр минэвэ
Ӣргӣт тэкэлкэ̄н-сӗксэлкэ̄н
Ма̄та̄ ӧданды гунэкис,
Дулин аӣн эвэнкӣн биӈнэм,
Сӧ бэе Сӧда̄нӣ ма̄та̄
Гунмурӣ гэрбӣлкэ̄н биӈнэм.
Тадук ӧдакин
Эр-кэ сӣ ӣр бугадӯ ава̄һи,
Аймӈӯ аһа̄тка̄нма аһӣлакса̄,
Аһӯн алаһа дӯва та̄никса̄,
Того эһэкэвэ илакса̄,
Һутэвэ балдывукса̄,
Авдӯва иргиксэ̄,
Нимэ̄р ӧна ниргийнэ
Бэе бинӣвэ̄н бинэвэ̄н ичэксэ̄,
Тавар улӧкмо улгӯрит
Минэвэ бакаличинды?
Де сэрэнкэл-сэрбэнкэл —
Сэп сурурун!
Сӧ бэевэ энэ са̄вка̄на
Ая бэевэ энэ мэтэврэ
Тэптырэн гунденды!

С обоих его висков
Десять снопов искр * полыхнули.
С десяти его пальцев брызнула
Жидкая кровь.
От сильного гнева
На одну пядь вырос вверх,
На четыре пальца раздался вширь,
Глаза его наполнила гневная кровь,
В грудь вошла сердитая кровь,
В сердце ударила отважная кровь,
К коленям хлынула дерзкая кровь,
Живот залила густая кровь.
Одежда, в которую он был одет,
Чуть не лопнула.
Когда это случилось, без промедления
Он взял свой дваждывосьмисаженный лук,
Стал целиться,
Угрожающе оттягивая [тетиву] до самого уха,
Такие слова
Сказал, оказывается:
«*Гиро-гиро гироканин!*
Вот, посмотри-ка,
Атаман *авахи* Нижнего мира,
Четырехгранный Сэлэмэ Дэвиндэр-богатырь!
Как полагается, привет [тебе],
Потом будет кой-какой разговор!
Если спросишь меня:
„Кто ты, *мата*,
По роду и крови?“ —
То [отвечу]: эвенк-*аи* Среднего мира,
Храбрый Содани-богатырь
Зовусь я.
После этого —
В какой стране ты видел,
Чтобы *авахи* взял в жены девушку-*аи*,
Поставил для семьи чум,
Развел огонь-дедушку,
Родил детей,
Вырастил скот,
С семьей счастливо
Жил бы как человек?
С этой лживой речью
Зачем ты ко мне пристаешь?
Ну, берегись, держись —
Пошла стрела!
Ты [не] скажешь, что я стрелял
В сильного человека, его не известив,
В доброго человека, его не предупредив.

Коӈнорӣн hӑкинды дулмадӯн
Нюрбӣ катӑдялим!
Улгӯр урумкӯн,
Эмэнэс удяс эмӈэ!
Авгӯва сӣнмачинды:
Ӯhикинми-гӯ дявачинды?
Инэӈӣдук-кӯ мӣчинды!
Тарӑ мэнды сӣнмакал!
Миндук эӈэт коргутта бимӣ,
Эр лукӣвэ гакал!
Гирӧ-гирӧ гирӧкӑнин!» —
Гуниттэн эр мит бэеӈит
Сӧ бэе Сӧдӑнӣ биhэмдэ.
Тар амардукин
Де ӗдягин-кат гуннэ
Авӑhиндя атамӑнин
Коӈнорӣкӑн hӑкинин
Дулмамадӯн гуннэ
Алаӈавӣ ӑӈаран-да,
Нуӈан биксэ, удадиӈан дӧ —
Тар-дӑт бэрин ӣгин
Няӈнямалӑ доргуйдан,
Дӯндэлэ ниргийдэн
Ивит нӧрин биhэмдэ.
Авӑhи омолгин адагаксӧран,
Тар адагадяракин
Сэлэмэ кунякин hумнэвэн
Тавдурагар нӧр эмэксэ йлтэнэн.
Тар амардукин
Авӑhи омолгин адагаксӧран.
Мит бэеӈит биhэмдэ коӈнорӣн
hӑкинин дулмаван гарпаран.
Тар-дӑ бичэлӣн
Мит бэеӈит эмэдерӣ нӧрдук
Иркимэктэ иркин бэӧнӈэчӣн
Нӑн адагаксӧран ивит.
Де тар амардукин
Дӧр сӧӈку сумут мӑтӑ биксэл,
Илитчиӈатын-ӈӯ эhилэ:
Надан дӑн ӧhилкэн
Уткэндивэр дэптылдырэ,
Де эр дэрэт-ӗhат
Гуннэл энэл одӗлдыра
hорӧн-hорӧндуккар hэргискӣ
Дюлӑкин дюлаймавар
Тыкивмэтнэл ӧлдылдякӑтта.
Тар-дӑ уткэртын

В середину твоей черной печени
Вонзится моя стрела!
Разговор короткий —
Путь обратный тебе открыт!
Что захочешь:
Выбрать обратный путь
Или погибнуть?
Сам это выбирай!
Без обиды
Прими мою стрелу!
Гиро-гиро гироканин!» —
Сказал наш человек,
Храбрый Содани-богатырь.
После этого —
Сказав: «Будь что будет», —
В середину
Черной печени
Атамана *авахи*
Из лука он нацелился.
Он не промедлил:
Звук от пущенной стрелы
Тут же разнесся по небу,
Загрохотал по земле, —
[Такая] его стрела, оказывается.
Сын *авахи* увернулся.
Когда увертывался,
Стрела на лету пробила
Край его железного панциря.
После этого
Увернувшись, сын *авахи*
Выстрелил в середину
Черной печени нашего человека.
Однако
Наш человек тоже увернулся,
Очень ловко, словно дикий олень
Со свежеоголенными рогами *.
После этого —
Разве остановятся
Два храбрых сильных богатыря?
Свои *уткэны*
С семидесятисаженными выемками они скрестили.
Ни лиц, ни глаз своих
Не щадя,
По макушке,
По голому темени
Рубили друг друга.
Но своими *уткэнами*

Ёва-дӑ эһи некэрэ —
Ӳлэн атыркӑн нӧливунӈэчӣнин
Эһӣгэр гэкӣлӣ һэмкэрэ,
Тарилва биһэмдэ амаскӣ гаратта.
Илан тогор деелкэн
Унигдама гидалвар
Һимӑмиӈат чӑварӣлдыра,
Тариӈитпар дэптылдырэ.
Коӈнарӣн һӑкимат гуннэл
Абатыйнал-абатыйнал,
Бӑлдырӣмадӯ дялдӑксӑл,
Гидалдивар тыкивмэчилдэ,
Тариӈитын ӯс этыркэн
Ёт котон дугэгэчӣнин
Токчокомо ӧнаватын
Һорӧрбор оёлӣтын уһэгэттэ.
Тар амардукин
Тунӈа дӑн бӯтылкӑн
Дёломо мэчикилдивэр
Ӯскӣтӑна гаратмӑтнал
Ӧнӣкӑрвар ӧлдылда.
Тарӑ-дӑ аһӯчара-кат эчэл —
Илан инэӈӣлэ энэл иһивра
Ороло̄с нӣкӣ умуктаванӈачӣн
Элӣ-талӣ услӣрэ.
„Кэ, эвэдыт-тэ бигин!“ — гуниксэл,
Илэ мэрдивэр тыкилдырэ.
Дӑн делэкӣвэ ӯскӣтӑна дявавчӑгачӣн
Катапчума чараткӣлдивар
Кавсагаит чӑварӣмачилда,
Коӧ улдэ колтолдивар
Сёмадӯвар иктэлдынэл йлдылдэ,
Ирэктэлвэ илӯһинэ,
Аһикталва анӯктара,
Нӑликин мӧва нялбурагар,
Бучӯкин мӧва буктарагар
Иедэктэмэтнэ куһйдерэ.
Томтор дӯндэвэ тонӈорогор тӯрэ,
Оӈкучак дӯндэвэ омчорогор тӯрэ,
Урэлбэ бимӣ һэкӣрэ,
Кочолбо бимӣ кӑһиӈмара,
Маӈа дӯндэвэ һэнӈэклӣвэр оло̄ро,
Дую дӯндэвэ дугукӣклӣвэр тыпӑра,
Маӈанда дӯндэвэ бадарӑӈда,
Бадарӑн дӯндэвэ һалгардивал уркӯра.
Тадук биһэмдэ
Эр мӑтӑл биһэмдэ
Горово-до куһӣнэвэр эчэл сӑра,

Вреда друг другу не причинили:
Как скребки старухи мастерицы,
Уткэны их затупились *,
И они их назад отбросили.
Обоюдоострые копья
С лезвием в три пяди
Быстро они схватили,
Друг в друга ударили.
Распаляясь гневом,
В бешенстве
Старались ударить друг друга копьем
В черную печень.
Но копья их
Стали как кривое острие ножа
Старика кузнеца *,
Они их через свои макушки бросили.
После этого —
Стали решать свою судьбу,
Бросая друг в друга
Пятидесятипудовые
Каменные ядра.
Их ненадолго хватило —
Даже трех дней они не выдержали,
Облупились как яйца утки-гоголя,
Они их в разные стороны побросали.
«Ну, теперь по-эвенкийски!» * — сказав,
Сами [без оружия] стали биться,
Их гибкие пальцы ловко сцепились,
Уподобившись десяти горностаям, сложенным рядом
Головами то в одну, то в другую сторону.
Тяжелыми кулаками
Стали они бить друг друга в самое ухо.
Ломая лиственницы,
Толкая ели,
Сваливая растущие деревья,
Дробя в щепки высохшие деревья,
Словно бодаясь, они дрались.
Холмы они растоптали,
Низины втоптали,
Раскрошили горы,
Размесили долины рек.
В мягкой земле утопали по бедра,
В твердой земле вязли по колена,
Твердь превратили в болото,
Болота размесили ногами.
После этого —
Эти богатыри
Не знали, долго ли бились,

Дагава-да куһӣнэвэр эчэл сāра.
Нуӈартын биһэмдэ
Тугэрвэн имандадин сāра,
Нэлкирвэн лэптэркэндин сāра,
Дюгарвāн тыгдэдин сāра,
Болорвōн бōктадин сāра.
Де тарит нуӈартын ōлдылнатын
Тугурук анӈанӣ ōдан.
Тар усталкāн тōрадӯн
Энэл тэгэһинэ-илиһинэ
Ōлдыдярдактара эр мāтāл.
Де тар амардукин
Бӣ ичэрэкив, чāгу бэе
Һэргӯ огēӈā бого омолгин
Суптырӣ туксугучӣн кувулгатпӣ ӣвчэ,
Ӣлтэндӹ туксугучӣн албаспӣ дявачā —
Ӣлӣ-дэ бэе коӈнорӣн улдэ
Колтотпӣ эһӣн тэптырэ
Сэлэмэ куняккӣ һэкӯлгӣнэн
Тогодӯ далгавчāгачӣн һэкӯлчэ.
Тара биһэмдэ мит бэеӈит
Ōкин-дā албаспа-кувулгатпа
Эчӣн идэтэрэ эдэр мāтā ōксā,
Авāһи албаслāн илэ мэндивӣ
Ӣксэ бӯрэн ивит.
Де эмӈэ кэӈтырэн тыēлдэн,
Ӈонум дялин урумӯлдэн,
Тогочӣ ēналин һактыралда,
Сōниӈ сумулин сӯнилда,
Буксэ дяланин мултēлдэн,
Улдэн сāһин нӣвулдэн,
Улōр улдэн сукчавулдан,
Увагас сэксэн уӈкулбулдэн,
Дырам нандан тэкэмулдэн,
Ӈэрӣһӣ инэӈӣӈин сӣвулдэн,
Будэрӣ бого боконон,
Соӈомӯрӣ сорун ōдан,
Болгонōрӣ бого бӯлāран.
Эһиткэн эмэксэ эрӣксэвэн
Оруһуйдӹ ӈӣ-кэт āчинмāн дēнан,
Тадук дялин һāвупна тыктэн,
Эр-дэт будэрӣӈин боконон,
Кāрēн тыргӯр дылачā тогон
Нуӈандукин городдон,
Сōма городō сурурун.
Де мит бэеӈит сō бэе Сōдāнӣ мāтā
Ōн-дā некэксэ эр
Адярай огēӈāн эмӈэ амӈадукин

Не знали, недолго ли бились.
Они
Зиму по снегу узнавали,
Весну по пушистому снегу узнавали,
Лето по дождю узнавали,
Осень по граду узнавали.
Вот прошел круглый год
С тех пор, как начали биться.
Все это время,
Не останавливаясь, не уставая,
Дрались эти богатыри.
После этого —
Я увидел *, что враг [нашего] человека,
Страшный сын нижних *огенга*,
Стал ловчить, как убегающая туча,
Стал хитрить, как уходящая туча.
Чтобы человек
Голым кулаком * не пробил
Его железный панцирь, он раскалил его,
Как на огне.
А наш человек,
Молодой *мата*, не знающий
Ни хитростей, ни коварства,
На хитрость *авахи*
Попался, оказывается.
Широкая грудь его сузилась,
Долгие мысли укоротились.
Огненные глаза его потемнели,
Богатырские жилы растянулись,
Упругие суставы ослабли,
Крепкие мышцы расслоились.
Здоровое тело его стало дряблым,
Жидкая кровь полилась,
Толстая кожа стала рваться.
Свет его дня стал гаснуть,
Подступила страшная смерть.
Наступило слезное горе.
Его охватила безысходная тоска:
Дыхание его спасти
Никто не придет — он понял,
И потому еще больше сник.
А смерть уже над ним нависла.
От него удалился,
Ушел далеко-далеко,
Свет лучистого солнца.
Нашему богатырю, храброму Содани-богатырю,
Что бы он ни сделал,
От широкой пасти *адярая-огенга*

Суптырӣн саӈāриӈин āчин ōдан.
Авāһи омолгин амӈандя̄н
Аӣ увагас сэ̄ксэдин сивӣран,
Оһиктандя̄лин һулāлӣ сэрэ̄врэ.
Сāтар эрӣксэвэ̄н энэ этыттэ
Ӣникинды̄ тулгӯ куӈ улдэвэ̄н
Илан дя̄н анӈанӣдӯ девидийчэ̄
Койгō сэлэмэ ӣктэлдивӣ
Ӣникин бэевэ ӣникинды̄
Кэ̄ӈӣктэмэт муӈнāдяран.
Мит бэеӈит тэде
Кэӈтырэ̄н тыēлдэн,
Дялин урумӯлдэн,
Мэ̄нин мэнтыкӣвӣ
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н ōдан:
«Гирō-гирō гирōкāнин!
Балдыдя̄к энин бугав,
Тадук умундӯ ōскēнэв
Нэкун гунды̄ нэкунми
Ая аһӣ Аякчāн киливлӣ,
Алаһа дю̄в, того эһэкэ̄в,
Ӈэ̄рӣһӣ дылачāв —
Дурукиһун дōлдыкалду!
Эр бӣ кāрēн-мал мулāнē-вал
Ӈэ̄рӣһӣ эрӣксэв этыргэрӣгдэн ōдан!
Соӈомō-вал сорилби,
Будэрӣмэ биргэндēлби ōда!
Ӈӣ нонон буикэксэ̄ * арчā
Буды̄ ургэвэ̄н сāдян!
Сигӯн һэрэдӯн, тукала оёдӯн
Будэрӣдук ургэ ēкун биден!
Эр ӈӣ тыкэ̄н будерэн,
Мундерэн гуннэл
Ӈӣ-вэл долдымӯрӣ биһикин,
Дулин буга бōюнин
Сō бэе Сōдāнӣ мāтā биӈнэм.
Ӣр, ēкун ōданды гунэксун,
Һэргӯ буга авāһин атамāнин
Дыгин кирӣлкāн
Сэлэмэ Девиндэ̄р гунмурӣ
Огēӈā омолгин
Ӣлтэнды̄ туксугучӣн албаһитпӣ,
Суптырӣ туксугучӣн кувулгатитпӣ
Минэ улōкӣрэн, давдыран.
Эдук-тэ̄, ӈӣ эмэксэ̄,
Минэвэ эрӣксэвэв эруһуйден?

Скрыться пути уже не было.
Пасть сына *авахи*
Наполнилась жидкой кровью-*аи*,
Когти его покрылись красной [кровью].
Еще не прервав дыхания [Содани],
Своими зубами, подобными
Покрытому тридцатилетней ржавчиной
Железному кайлу,
Он принялся грызть, терзать
Верхний слой тела живого человека.
У нашего человека
Сузилась грудь,
Укоротились мысли.
Сам себе
Сказал он такие слова:
«*Гиро-гиро гироканин!*
Родная земля-мать!
Вместе со мной родившаяся
Младшая сестра, родная сестра моя,
Славная девушка Аякчан Ивекчан!
Родной мой чум, огонь-дедушка мой!
Светлое мое солнце!
Меня послушайте!
Настал [час] прерваться моему светлому
Легкому дыханию! Жаль его!
Слезное горе,
Смертная мука настали!
Только тот, кто умер и ожил,
Поймет, как тяжело умирать!
Под солнцем, на глиняной [земле]
Нет ничего тяжелее смерти.
Если есть какой-нибудь человек,
Который хочет узнать, кто это
Пропадает-гибнет,
То [скажу]: богатырь Среднего мира,
Храбрый Содани-богатырь.
Если спросите, что со мной случилось,
То [отвечу]: атаман Нижнего мира
По имени четырехгранный
Сэлэмэ Дэвиндэр,
Сын *огенга*,
Хитростью, подобной уходящей туче,
Коварством, подобным убегающей туче,
Меня обманул, победил.
Кто же придет
Спасти мое дыхание?

Эр эһӣт эрӣксэв
Этыргэрӣн инэӈӣӈин ӧдан.
Эр илан сивӣр оёлӣн
Минэ мулӑндӹ ӈӣ-дэ
Энэн балдыра со-да
Соӈомун ӧдан!
Ӑнай-тонай авакқав!
Ая аһӣ Аякчӑн Ивёкчан киливлӣ,
Нэкун ӈундӹ нэкунми,
Буралия бурасты!
Гиро-гиро гирокӑнин!» —
Гуниттэн будэрӣ мӑтӑ биһэмдэ.
Де тар амардукин
Аһӯна-да эчэ биһи
Эргӣт-таргӣт
Коӈнорӣн туксу коюнан,
Багдарӣн туксу барӑлдан,
Ӈуларӣн туксу ӈуктырэн.
Ичэһинисэ, ӈурумдиӈа эвгидэлӣн,
Тӯрэчиһиниксэ, эрӣһиндиӈэ эвгидэлӣн
Эр-дэт эдынин эрӣнин эмэрэн,
Дэптынмумэрэ эһӣт эӈэһӣт иктэлдэн.
Тавир-тавир тыгдэ тыкилдэн,
Топир-топир бокта бонолдан,
Илэ тогот ӈёрки ӈёркилдан,
Нир-нир агдӹ агдылдан.
Эр ӈигин биһэмдэ
Нӑяликин мова нялбурагар иктэрэн,
Бучӯкин мова буктарагар иктэрэн,
Дӯндэ оёдӯн ёкун коӈнотӧрӣва
Дуруккӑн няӈня норондулӑн
ӈувнэ дэгиливрэн ивит.
Эр со бэе Содани мӑтӑ
Эӈнэкэн боговон эдын эксэрэн,
Кувэр боговон ӈигин уркӯран,
Нями боговон няӈнялӑ дэгиливрэн,
Сирӯ боговон сёктадӯ сивӑран,
Укчак боговон урэлдӯ умивран,
Акта боговон авлаһалдӯ чипчиран.
Де тарбӑ ӈигинма
Эр со бэе Содани мӑтӑ
Аран-аран элӣ-талӣ
Уйдёлтэк-элтэк
Эл-дэл ӈуклэдерэн.
Тар амардукин
Эр агдылкӑн ӈигин йлтэмӯрэкин,
Мит бэеӈит элӣ-талӣ уйдёнэн,
Арай тӯрэн-тӯрэн, улгӯр-улгӯр биһин.

Вот-вот настанет день,
Когда прервется мое дыхание.
Ни в одном из этих миров
Не родился никто,
Кто бы меня пожалел!
О, слезы мои!
О, горе мне!
Славная девушка Аякчан Ивекчан-красавица,
Младшая сестра, родная сестра моя!
На долгие годы прощай!
Гиро-гиро гироканин!» —
Говорил умирающий *мата*.
После этого —
Без промедления,
Оттуда-отсюда
Сгустились черные тучи,
Умножились белые тучи,
Сбежались красные тучи.
Прежде чем, взглянув, моргнешь,
Прежде чем, вздохнув, заговоришь,
Налетел ветер, стал дуть так сильно,
Что нельзя было выдержать, [стоя] к нему лицом.
Пошел дождь: кап-кап,
Дробно посыпался град,
Живым огнем засверкала молния,
Раскатами загрохотал гром.
Этот вихрь
Растущие деревья повалил [на землю],
Высохшие деревья разбил в щепки,
Все, что, двигаясь,
На земле чернело,
Сдул к макушке неба, оказывается.
У храброго Содани-богатыря
Унесло ветром много оленят,
Затянуло вихрем много оленей-быков,
Много важенок подняло в небо,
Много оленей-самцов к тальникам прибило,
Много верховых оленей согнало в горы,
Много холощеных оленей скучило на полянах.
А наш храбрый
Содани-богатырь
Лежал едва-едва [живой],
Не ощущая
Этого вихря.
Потом —
Грозовой вихрь умчался,
Наш человек немного пришел в себя.
Тут речь, разговор [послышались].

Тарā дōлдыракин,
Тыкэн гуннэ ивит:
«Угэлē-угэлē угэндэр!
Эр-кэ, эр-кэ ичэкэл,
Ӈэргӯ буга авāӈиндян
Дыгин кирӣлкāн
Сэлэмэ Девиндэр сōниӈ!
Ноноптын дорōво бигин,
Амаргӯптын улгӯр ōгин!
Эр минэвэ йргӣт
Тэкэлкэн-сэксэлкэн
Мāтā ōданды гунэкис,
„Эр дулин бугадӯ
Ēкун тэмтэргэн ōвракин
Дулин ай эвэнкӣлдӯн
Ая, мандӹ дурдатын
Ōкал“, — гуннэ дōмнāнатын бичэв.
Эдēн Ēēксит энилкэн бичэв,
Ай Бэгин амилкāн бичэв,
Сō бэе Сōданӣ мāтā акилкāн бичэв,
Ая аӈӣ Аякчāн Ивēкчан экилкэн бичэв.
Иркин бэӈон укчакилкāн
Иркинӣчэн гунмурӣ
Ай эвэнкӣ букатырин
Илэ мэндиви эмэм.
Ēдā эмэнды гунэкис,
Мулāнē-вал умун акинмав
Авāӈи атамāнин
Дыгин кирӣлкāн
Сэлэмэ Девиндэр
Дептэн гуннэдӯтын ӯтāксā,
Эӈэнӣ эӈэӈӣт иркин
Бэӈон авдӯвӣ илбēнэв,
Эдӯ биӈӣ орон сōӈувэ
Эрӣксэнин эдынин
Эксэрэн эчэ бирэ дō!
Де эр, Девиндэр сōниӈ,
Дулин аи бōюӈалвāн
Ōкиптыдук сэнэнэ татыксā,
Тавар ēкун уӈава ōчā
Сō бэе Сōданӣ мāтāва
Сāтар эрӣксэвэн энэ этыттэ
Йникиндӹ девунды?
Тыкӯнē-тэлбэнē биргэндēв!
Тавар ōнас авадӯн эр-ты эӈит
Ōӈкāптыкӣ гарадāксā,
Кэӈтырэндēс угуктавāн
Унякандивӣ урӣӈиниксā,

Когда он прислушался,
Оказалась такая речь:
«*Угэлэ-угэлэ угэндэр!*
Вот, вот, смотри-ка,
Авахи Нижнего мира,
Четырехгранный
Богатырь Сэлэмэ Дэвиндэр!
Сначала привет,
Потом уже разговор!
Если спросишь меня:
„Кто ты, богатырь,
По роду-крови?" —
То [отвечу]: я тот, кому завещали:
„На этой Средней земле,
В случае беды,
Эвенкам среднего мира-*аи*
Будь надежной защитой!"
Эден Еексит — моя мать,
Аи Бэгин — мой отец,
Храбрый Содани-богатырь — мой старший брат,
Красивая девушка Аякчан Ивекчан — моя сестра *.
Сам я зовусь Иркиничэн, ездящий
На диком осеннем олене.
Богатырь эвенков-*аи*,
Я в собственном облике сюда явился!
Если спросишь, почему я пришел,
То [отвечу]: сказали мне,
Что единственного моего
Бедного старшего брата
Одолел атаман *авахи*,
Четырехгранный Сэлэмэ Дэвиндэр.
И я так поспешно
Гнал своего дикого осеннего оленя,
Что ветром, поднявшимся
От нашего дыхания,
Сдуло всех оленей.
А ты, Дэвиндэр-*сонинг*,
С каких это пор ты перестал бояться
Богатырей-*аи* Среднего [мира]?
Что сделал плохого
Храбрый Содани-богатырь,
Которого ты ешь живьем,
Даже дыхания его не прервав!
Как это обидно! Горе мне!
За обиду, тобой нанесенную,
Я сейчас брошу тебя навзничь,
Твою становую жилу
Вырву указательным пальцем *!

Увагас сэ̄ксэвэс
Олō̄кō̄тно эвӣдиӈэ̄в,
Ӈонум гирамдадис
Дю̄ка̄ка̄тна эвӣдиӈэ̄в,
Урум гирамдавас мō̄ра
Урускалдӯн умӣвка̄тна эвӣдиӈэ̄в.
Таваргачӣн быһӣтпӣ
Син аһӣламдак эмэчэ̄
Адярай омолгин бирдэгиӈ.
Таваргачӣн дэрэтпӣ
Аһӣва ō̄н дэ̄пты̄ндиӈэ̄в гунинды!
Бакай! Кирē! Бугӣ! Ча̄скӣ!
Куһӣкӣт куӈтыкэлэ̄ ӈэнэмэлчэкэл!
Сō̄т тургэнди оӈкой буксэткэ̄ндин
Ō̄нӣка̄рбар ō̄лдыга̄т,
Ивгӯнай урэ сē̄ктатка̄ндин
Сигдэкэ̄рвэр илэлдыгэ̄т!
Угэлē-угэлē угэндэ̄р!», —
Гуниттэн ивит эр
Иркимэктэ иркин бэю̄н укчакилка̄н
Иркинӣча̄н сō̄ниӈ биһэмдэ.
Де эр ава̄һи омолгин
Бэе турэ̄ттэн гуннэ
Ичэһинэ-кэт эчэ,
Орон эӈтэрэн гуннэ
Этэ̄һинэ-кэт эчэ —
Бэеӈӈӣ кэ̄ӈӣдеӈнэрэн.
Эр эмэ̄ бэе
Сō̄гур тыкӯлдан-да̄
Ӣктэлбӣ кавиринды̄н
Ӯгӯ бугала̄ уһӯта̄ран,
Һэргӯ бугала ниргийдэн,
Нуӈан биксэ̄ удаӈа̄т-да̄
Бэе бидиӈэ̄н-дō —
Бэевэ кэ̄ӈӣдерӣ ава̄һива
Гэдумукмэдӯн дёломо
Ургэ колтотпӣ тыкиврэн.
Ава̄һи омолгин биһэмдэ
Умун ēһандя̄н умундивӣ
Умун тогормō̄ктӯ
Билчас-билчас ō̄ва̄ттан.
Тар амардукин
Кэ̄ӈӣдерӣ бэеӈӈӣ де гарада̄ран,
Мит бэеӈит Иркинӣчэ̄нтыкӣ
Адирис-адирис ичэһинэн,
Ēда̄-ла сō̄т давдыча̄гачӣн
Дэрэмиēн барчик-барчик некэрэн.
Тар амардукин

По твоей жидкой крови
Играючи поброжу,
Из длинных твоих костей
Играючи остов чума поставлю,
Короткие твои кости
Играючи свалю на плавник.
Чтобы жениться,
Прийти осмелился
Ты, сын *адярая*!
С таким лицом
Ты хотел смотреть [в глаза] женщине!
Тьфу! Вон! Уходи!
Отправляйся скорей на поле [для битвы]!
Испытаем судьбу
Тальником из распадка,
Похлещем друг другу спины
Тальником с горы, покрытой гарью!*.
Угэлэ-угэлэ угэндэр!» —
Сказал, оказывается,
Этот Иркиничэн-*сонинг*, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами.
А сын *авахи*
Даже не посмотрел [на него],
Подумав: «Человек говорит», —
Даже не обернулся,
Подумав: «Олень хоркает», —
По-прежнему грыз богатыря.
Пришедший богатырь
Сильно рассвирепел,
Заскрежетал зубами —
В Верхнем мире ухнуло,
В Нижнем мире грохнуло!
Не стал он медлить,
Не такой был человек!
Свой тяжелый, как камень, кулак
Стал он опускать на затылок
Авахи, который грыз человека.
Единственный глаз
Сына *авахи*
На одну пядь
Вылетал [из глазницы].
После этого —
Он перестал грызть Содани.
Вращая [глазом], взглянул
На нашего человека Иркиничэна.
Лицо его злорадно задергалось,
Как будто он уже победил.
После этого —

Тыкэн гуннэ
Тӯрэлкэн ӧна тулдӯмулдэн,
Улгӯрилкэн ӧна уӈкулбулдэн:
«Киӈир-киӈир киӈирдэнин!
Ичэкэл, ичэкэл
Эр дулин-тукала бугаӈитын
Боӈнӧн-дӧ бэечӣ бивкӣ ивит,
Аӣ бэелин эвэнкӣл
Акӑри-дӑ ураӈкаичӣл бивкӣл ивит,
Бӣ ёкун уһа уйдӯв
Эр ургэ дёломо колтотпӣ
Тыкивкэтнэ эвӣнды?
Бӣ-дэ синӈэчӣн һорӧн туӣ
Сӧт эһӣн сэнэрэ бэе биһим.
Кэ, кэ! Эр минэ
Гэдумуктукив һэргискӣ тырэксэ,
Һуркавав этыттэвӣ эмэчэ
Эдэр бэе, де эмэмкэкэл!
Дюр сӧниӈ мэрты
Коӈнорӣн улдэ колтолдивар
Колтолдынал колӧкӧткӧт,
Иктэлдынэл илкикэткэт!
Умун кёйчӑ һулэгин,
Ӈӣ давдывчӑ мунигин!
Энэл эрит-тарит
Албаһит ӣлдырэ илэ бодо мэмэлдивэр
Ӧнӣкӑрбар ӧлдыгат!
Сӣ кёймӣ минэвэ девдиӈэс,
Бӣ кёймӣ, синэ сивӑйбатана,
Ая аһӣ Аякчӑн Ивёкчӑнма гадиӈав.
Киӈир-киӈир киӈирдэнин!» —
Гуниттэн огёӈӑ биһэмдэ.
Де тар амардукин
Мит бэеӈит
Иркимэктэ иркин бэӣон авдӯлкӑн
Иркинӣчэн гунмурӣ мӑтӑ
Ёва-дӑ барӑнма энэ тӯрэтчэрэ,
Дэптыкӣ энэ ичэһинмукэнэ
Дӣор һалгалкӑн ӈалатпӣ
Тыкчэрэн ивит.
Чагӯ бэе син дюличӣ * бидэвӣ
Иксӑран бадага —
Сӧт эрэ-тарӑ чӑварӣран-дӑ
Мит бэеӈдукит ёва-дӑ
Сӧт эчэ бакара.
Мит бэеӈит акиндӯн ӈэнэмӣ,
Һуӈту мӑтӑ ӧдан.
Һадыӆдӯн авӑһи омолгин

Так он сказал,
Заговорил отрывисто,
Повел такую речь:
«*Кингир-кингир кингирдэнин!*
Смотри-ка, смотри-ка,
На этой Средней глиняной земле
Есть, оказывается, шутники.
Среди эвенков, людей-*аи*,
Бывают, оказывается, глупые люди!
За какую мою вину
Тяжелым каменным кулаком
Ты ударил меня играючи?
Такой негодник, как ты,
Посмел пренебрегать человеком!
Ладно, подойди, парень,
Если ты пришел
Вырвать мои клыки,
Придавить меня, [схватив] за затылок.
Двое сильных богатырей,
Мы в кулачном бою
Побьемся голыми кулаками,
В битве испытаем друг друга.
Только победивший останется,
А побежденный сгинет!
Не пускаясь
На разные хитрости,
Полагаясь только на свои силы, испытаем судьбу.
Если ты победишь — я погибну,
Если я одолею — тебя на своей свадьбе съем,
Женюсь на красивой девушке Аякчан Ивекчан!
Кингир-кингир-кингирдэнин!» —
Сказал *огенга*.
После этого —
Наш человек,
Мата по имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Не стал долго с ним говорить,
Даже не дал ему себя рассмотреть,
Обеими руками и ногами
Принялся его бить, оказывается.
А тот человек — будто имел рассудок —
Дрогнул, оторопел.
Вхолостую замахал [кулаками],
В нашего человека
Попасть не смог.
По сравнению с братом [Иркиничэн]
Был совсем другим человеком.
Так крутился-вертелся,

Умукōмо ēһандя̄н
Аят-тā эһӣдин ичэрэ
Итикивна һаватāрӣ
Мāтāкāн ōдан.
Авāһи сōниӊ нуӊан-дā бимӣ
Син давдырӣ бэеӊичӣ ивит,
Тэде эӊэһӣн эһӣн кēйда бэелэ̄ ӣмӣ
Элэкин-дэ̄ бинэ некэдечэ̄ ивит.
Тар-дā бинэ мэ̄нин эӊэһӣн кēйды̄дӯн
Син сōӊаһагачӣн ивит:
Тувэснэвӣ тонӊорогор иктэрэн,
Нāвкāннавӣ наптарагар иктэрэн,
Дяванавӣ чакилдан,
Дэ̄пты̄ннэвӣ дептэн,
Ирэ̄ктэлвэ илӯктэрэн,
Аһикталва анӯктаран,
Мōлва монӊӣран,
Мугдэкэрвэ мучуттэн,
Ēлдāмтылва иткӯнāттан,
Кӯрбэндēлвэ кумнӯттэн,
Дёлондёлво дюлкулōттон.
Мит бэеӊит биһэмдэ
Иркимэктэ иркин бэю̄н авдӯлкāн
Иркинӣчэ̄н гунмурӣ мāтā
Тар устадӯн авāһи оһиктадӯн-дā,
Ӣктэдӯн-дэ̄ улōр улдэвӣ
Эрэгэмэ эчэ һэркуврэ,
Колтодӯн-дā эчэ нāвра.
Авāһи сōниӊ
Илан дявачӣ дягдагачӣн
Ургэ уилкэ̄н ӊāландя̄тпӣ
Ӯгӣдин тикиврэкин
Олдōнтыкӣн ōттан,
Һэргӣлӣ һэ̄мкэ̄тнэ иктэрэкин
Угӣдэ̄дӯн ōттан.
Āнтыкӣ анāн дайбāракин
Дегинӊӣдин эмэксэ̄: дегмиēвэ̄н
Кал ōһинчакнан иктэттэн.
Дегинтыкӣ дайбāракин,
Āнӊӣдин дагамаксā, анчандя̄вāн
Һанӊатпӣ тыпкāлӣттан.
Де тарит эр огēӊā-дā бимӣ
Эр-тар кувулгатйа āчин
Илэ бодо мэ̄рдивэр
Илэ бодо эӊэһӣтпэр
Кēилдыгāт гуннэ
Мэ̄нин ӣксэ̄ бӯнэвӣ
Кэмсинды̄н-дэ̄ инэӊӣн

Что единственный глаз
Сына *авахи*
Иногда ничего толком не видел, —
Такой богатырь был [Иркиничэн].
Силача-*авахи* стал одолевать
Наш человек, оказывается.
Храбрился [*авахи*] перед тем, кого мог победить,
Перед по-настоящему сильным сразу сник.
Когда этот силач побеждал,
Казался могучим:
На что наступал — выдирал с корнем,
Что попадалось под руку — сплющивал.
За что хватался — ломал,
Что попадалось ему — пожирал.
Лиственницы [на него свалившиеся] — волочил,
Сосны расталкивал,
Деревья выдергивал,
Пни выворачивал,
Обгоревшие деревья отбрасывал,
Валуны обнимая, хватал в охапку,
Глыбы камней сдвигал.
А наш человек, *мата*
По имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
За время [боя] ни разу не дал
Задеть свое здоровое тело
Ни когтям,
Ни зубам *авахи*.
Когда сильный *авахи*
Ударял его сверху
Своей ручищей,
Подобной сосне с тремя трещинами,
Он отскакивал в сторону.
Если [*авахи*], нацелившись, ударял снизу,
Он над ним подскакивал.
Если [*авахи*] справа замахивался, —
[Иркиничэн] подскочив, слева бил его в челюсть,
Так, что она от удара щелкала.
Если [*авахи*] слева замахивался —
[Иркиничэн] заходил справа,
Ладонью давая ему затрещину.
Вот тот *огенга*, который сам захотел, чтобы
Без всяких хитростей,
Одной своей
Собственной силой
Попытались они одолеть друг друга,
Оказался слабее [Иркиничэна].
Настал день, когда

Ōдан ивит бадага.
Айргӯ мāтā бимӣ
Улōр улдэн йлӣ-дэ
Эчӣн hэркуврэ ивит.
Нуӈан ēдӯ дэрдиӈэн,
Авāhива тар-дāт давдыдяран ивит.
Авāhиӈин элэксу-дэ ōлчā бадага.
Де тар амардукин
Мит бэеӈит тыкэн гуннэ
Тӯрэлкэн ōдячāн уhу:
«Угэлē-угэлē угэндэр!
Ичэкэл эри, ичэкэл эри,
Hэргӯ буга авāhин
Дыгин кирӣлкāн
Сэлэмэ Девиндэр сōниӈ,
Де, сэрэнкэл-сэрбэнкэл!
Миндук ēва коргутчанды,
Мэндуккӣ коргуткал!
Сōӈку бэевэ энэ сāвкāна
Бāлтаран * гундиӈэс,
Сумут бэевэ энэ мэтэврэ
Давдыран гунденды.
Мэнды тӯрэнды мандыкāн бинэ
Амаргӯт йвдиӈэн гуннэ
Уhōм манчатмӣ-дā
Сӣ эчэс сэнēрбурэ.
Инэӈи-долбони ӈэнэрэн,
Ōкиндалā си сэнэс
Йрӣвэн-ӈӯ, эhӣвэн-ӈӯ этэвдем.
Эhилэ би элэтпӣ
Тыктэлэвӣ иhим,
Элэкинмэн каритпӣ-тыдякӣтпӣ
Оēчотмӣ уhōм,
Эчэс миннōн урэттэ.
Мэнды гуннэс тӯрэнды биhин:
„Умун кēйчā hулэгин!“ —
Гунчэс эчэ бирэ дō?
Де, би ōдам, давдым,
Сӣ будэнды, мунинды!
Аран ая биӈэhӣвӣ
Буhӣк тэтывӣ куптӯкэл,
Аран эрӣчӣ биӈэhӣвӣ
Кэрēс улгӯрвӣ улгӯркэл,
Аран сэнэчӣ биӈэhӣвӣ
Колдюга укчаккӣ эрӣкэл,
Ӈэрӣhӣ инэӈиӈӈӣ,
Балдыдяк бугавӣ
Бурастыскал! *

Пришлось ему пожалеть [о том].
А здоровое тело
Богатыря-*аи*
Нигде не было задето.
От чего ему было устать?
Авахи был побежден,
На большее его уже не хватало.
После этого —
Наш человек сказал так,
[Такая] речь его была, говорят:
«*Угэлэ-угэлэ угэндэр!*
Посмотри-ка, посмотри-ка,
Авахи Нижнего мира,
Четырехгранный
Сэлэмэ Дэвиндэр-богатырь!
Ну, берегись, приготовься!
На меня не обижайся,
На себя обижайся!
Ты [не] скажешь, что я напал
На храброго человека, его не известив,
Ты [не] скажешь, что я убил
Сильного человека, его не предупредив!
Ты на словах силен.
Я ждал, что позднее
Ты начнешь [крепко биться],
Но мощи твоей не прибавилось.
Дни и ночи прошли, —
Ты не собрался с силами.
До каких пор мне ждать?
Теперь я со всей силой
Нападу [на тебя].
Хватит мне
Поддерживать тебя руками и ногами *.
Ты не смог биться на равных.
Ты сам говорил:
„Только победивший останется“, —
Разве не так ты говорил?
И вот я победил,
А ты погиб, пропал!
Пока ты еще жив,
Надень погребальную одежду *,
Пока ты еще дышишь,
Скажи свое завещание,
Пока ты еще в силах,
Позови погребального оленя *,
Попрощайся на долгие годы
Со светлым днем,
С родной землей!

Угэлэ̄-угэлэ̄ угэндэ̄р!» —
Гуниттэн эр мит бэеӈит
Иркимэктэ иркин бэ̄ӈон авдӯлка̄н
Иркинӣчэ̄н гунмурӣ ма̄та̄тка̄н.
Тар амардукин
Ава̄hи омолгин:
«Эрэ̄-вэнкӈн эрэ̄,
Эр эвэнкӣ омолгимӣн
Турэ̄нин ӗдӯ тыкӯлна̄тараи
Гуниксэ̄, ай бэевэ̄н
Оӈоктодӯн кокӧскада̄вӣ,
Тариӈӈӣ ура̄ксэ̄,
Дюлэвӣ нуркӯнчадяракин
Тармалит доӈото тукалава
Егин сahа̄ма̄кла̄ чэпэкнэн
Ливгэрэгэр гарада̄ран,
Дыгин ӈа̄ла деечӣ котокӧндивӣ
Кавкава̄н чагдырагар та̄нан,
Нуӈан кэрӗс тӯрэнмэ̄н
Сӧт-та̄ эчэ этэвдерэ.
Ава̄hи омолгин биhэмдэ
Аран амӈандя̄вӣ
Аппак-аппак аӈа̄ӈна̄ксэ̄,
Арака̄ка̄н тӯрэнин ӧрэн,
Эрӣксэвӣ тыссэмэ̄тнэ
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄тчэчэ̄н:
«Киӈир-киӈир киӈирдэ̄нин!
Иркимэктэ иркин бэ̄ӈон авдӯлка̄н
Иркинӣчэ̄н гунмурӣ ай эвэнкӣн,
Гэрбӣс гэенӈэ̄тпӣ-тэ̄ гэенчэ̄ ивит,
Суракис суруӈӧтпӣ-дэ̄ суручӧ ивит.
Тэде сӧӈку сумут ма̄та̄ ӧданды,
Эр гиркундӯ минэ эчэс бэеӈдэ.
Тар-да̄ бичэ̄лӣн минэвэ умун кэ̄йнатпӣ
Кэ̄йим гуннэ экэл сӧкана.
Минэвэ илара̄ка̄н кэ̄ймӣ,
Кэ̄йим гундэ̄вӣ.
Ба̄рӣвӣ ба̄нды-да̄,
Омолги hутэс лукӣлтӯдерэкин,
Hунэ̄т hутэс киптыилтӯдяракин
Синдулэ̄ мучӯдиӈа̄в.
Тадӯ аят ӧнӣка̄рвар ӧлдыдиӈа̄т,
Ӈӣ ӧдарӣн тадӯ са̄вдиӈа̄н.
Киӈир-киӈир киӈирдэ̄нин!» —
Гунэн-дэ̄ умун ӗhавӣ
Умнэ hурумуhинан-да̄
Ӗhадукин hуларӣн тогокӧн

Угэлэ-угэлэ-угэндэр!» —
Сказал наш человек, *мата*
По имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами.
После этого
Сын *авахи* [сказал]:
«До чего же
Обидны слова
Этого эвенкийского выродка!» —
Сказав так, он хотел сунуть
Под нос человека-*аи* кукиш *,
Не дотянулся —
И упал ничком.
Тут [Иркиничэн] вбил его
В мерзлую землю
На глубину в девять саженей.
Ножичком с лезвием в четыре пальца
Перерезал ему горло,
Даже не стал ждать
Его прощальных слов.
Сын *авахи*,
Едва разевая
Свою пасть,
Кое-как выдавливая слова,
Отрывисто дыша,
Заговорил так:
«*Кингир-кингир кингирдэнин!*
Эвенк-*аи* Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами!
Не зря прославилось твое имя,
Не зря распространилась о тебе слава.
Ты и вправду сильный богатырь-*мата*.
В этой битве я не был тебе [равным].
Сейчас меня победив,
Не слишком своей победе радуйся.
Если трижды меня победишь,
[Тогда] скажешь, что победил *.
Ты меня одолел,
Но мы с тобой еще раз испытаем судьбу,
Увидим, кто победит,
Когда мальчик, твой сын,
Начнет пускать стрелы,
Когда девочка, твоя дочь,
Начнет кроить ножницами!
Кингир-кингир-кингирдэнин!» — сказал он.
Моргнул единственным своим глазом, —
Красный огонек из его глаза,

Оһинӈачӣн угискӣ гарадāвран-дā
Ӣлэ̄-дэ̄ иснан энэ сāвра
Āчин-нӯон ōдан.
Эр огēӈā тар-дāт
Кулдюн кувулгатытпӣ суптыран.
«Бэи тадӯ-дā чӯкадӯ-дā
Тыкчэ̄к ōнӣ сāдиӈāн», —
Гунчэксэ̄ огēӈā гирамдавāн
Элӣ-талӣ урэйкэ̄тнэ эвӣрэн,
Дылмия̄вāн тонӈорогор тāнан,
Кӣһэ̄н урэдӯ һукэлчэвкэ̄тнэ эвӣрэн,
Кэӈтырэ̄ндēн коӈнорӣн сэ̄ксэдин
Ӯгӯ няӈня коӈнорӣн туксу итэгэстӯн
Услӣкэ̄тнэ эвирэн.
Эвтылэ̄ндēн гирамдадин
Дюкчāя иливкāтна эвӣрэн.
Нирӣндя̄лин гирамдадин
Иӈāран итэгэспэ̄н дялувран.
Нюӈӣн умэкӣн гирамдавāн
Иһэ̄г урэ дяпкадӯн дяяран.
Кэндэкэндēн гирамдавāн
Кадāр капчакта иӈāн
Дяпкадӯн лапкуран.
Де тар амардукин
Мит бэеӈит биһэмдэ
Эр сō бэе Сōдāнӣ мāтāва ичэнэ̄рэн.
Тариӈин биһэмдэ
Ӣдӯ-дэ̄ улдэкэ̄нэ āчин
Гирамдан-нӯон сулавуксā
Дардāладяран ивит.
Де тарā ичэксэ,
«Эргэчӣн-дэ̄ бинэ ēкун дӯгӯдӯн
Гэрбӣн гэенчэ̄н,
Суракин суручōн!» —
Гуннэ дōдӯвӣ сōмат комойдон.
Тар амардукин
Нуӈан биһэмдэ
Горово эчэ дявавра:
Ӯр нэкунмӣ ая аһӣ
Ая̄кчāн Ивēкчāн гунмурӣ
Аһāткāн куӈāкāндулā
Суруксō, ичэктэ гуннэн биһэмдэ —
Нондоксо сэктэвунин-нӯон,
Сулакӣкса һулдан-нӯон,
Некэ̄ксэ тырӯн-нӯон биһин,
Мэ̄нин эрэгэмэ āчин ивит,
Нэкунин дӯгидэ̄лӣн ӯтэ̄нин
Калтакаман эдергэчэ̄ ивит.

Как искра, взметнулся вверх,
Неизвестно куда долетел —
Пропал.
Этот *огенга* опять убежал
С помощью своей невиданной хитрости.
[Наш человек] подумал: «Решит судьба,
Упавшая на зеленую траву» *.
Кости *огенга*
Играючи он [разобрал] по суставам;
Голову его огромную оторвав,
Поиграл ею, катая по обледенелой горе.
На черные тучи высокого неба
Играючи разбрызгал черную кровь
Из его огромной спины,
Из реберных его костей
Играючи поставил остов чума;
Кости его позвоночника
Бросил на галечник;
Голенные его кости
Спрятал в расщелину горы.
Огромную кость лопатки
Засунул среди отвесных скал,
Между камнями.
После этого —
Наш человек
Взглянул на храброго Содани-богатыря.
От него
Не осталось и кусочка мяса,
Одни кости
Лежали, громоздясь.
Увидев это,
Сильно огорчился [Иркиничэн], подумав:
«Если он был таким [слабым],
Почему прославилось его имя,
Разошлась о нем слава?»
После этого —
Долго
Не задерживаясь,
К младшей сестре своей по имени
Красивая девушка Аякчан Ивекчан,
К молодой девушке,
Он пришел, хотел на нее посмотреть.
Рысья подстилка была [на месте],
Лисье одеяло,
Соболья подушка,
А самой сестры вовсе не было.
Верхняя часть *утэна* сестры
Наполовину разрушена.

Де тарā ичэксэ,
Эр Иркинӣчэн мāтā
Аракӣйа āчин соктōрон,
Соктōё āчин ӣрилдэн,
Элӣ-талӣ туксаран.
«Ēкун энӣн ичэврэ
Ӣлтэндӹ туксугучӣн албаһилкāн
Илэ авāһин,
Суптырӣ туксугучӣн кувулгатылкāн
Илэ огēңāн,
Эмэксэ, эксэчэ бирдэгэй?» —
Гуннэ эр сō бэе Сōдāнӣ мāтā
Балдыдякин эēнэ бираңңāн
Дāптудукин дэрэмэклэн
Баргӯ-миткӯ урэлбэн
Энэ сулāра умнэкэмэ пэрӣһинэн-дэ
Ēва-дā эчэ сāра.
Де тар амурдукин
Эһӣт ӯтэндӯлэ дюптӹ пэрӣнэ эмэксэ,
Эдергэвчэ ӯтэнмэ аят ēруктанан,
Арай умун мōдӯн
Илан оһикта удян биһин ивит.
Тарā ӣртыкӣ ӧлгилкāн
Дэгӣ биркэ гуннэ,
Аят ичэнэн биңэмдэ,
Дылачā ӣктэмэвэн ңэнэрӣ
Дэгӣ биңэт ивит.
Де таркāндук сэрэйдэн-дэ
(Ударадиңāн дō нимңāкан биксэ)
Мит бэеңит
Иркимэктэ иркин бэюн авдӯлкāн
Иркинӣчэн гунмурӣ мāтāткāн
Иркимэктэ иркин бэюн авдӯвӣ
Умнэ-дюрэ эңтэвкэһинэн-дэ
Иркимэктэ иркин бэюн авдӯн
Ичэһиниксэ, һурумдиңā эвгидэлӣн,
Тӯрэһиниксэ, эрӣһиндиңэ эвгидэлӣн
Эр-дэт умутōккōтно, лэлӯкэтнэ эмэксэ,
Дюлэдӯн дергэс илиһинчаран.
«Ōн ōдап?» — гунчэгэчӣн
Дюр сēнмӣ сэрбэлӣвчэрэн,
Эртыкӣ-тартыкӣ унңэтлӯрэн *.
«Элэ эмэкэл», — гунчэгэчӣн
Эвэкэниксэ, илнавāн ичэмӣ,
Колōрӣдӯ коловурин āчин,
Ичэдэдӯн ēкун урэтчэн!
Иркимэктэ иркин бэюн бараксан
Ирэндэткэнин тэде гудēēһи ивит.

Увидев это,
Иркиничэн-*мата*
Опьянел без араки,
Хоть не пьян, с ума сошел,
Туда-сюда забегал [думая]:
«Какое невидимое,
Хитрое, как уходящая туча,
Существо-*авахи*,
Коварное, как убегающая туча,
Существо-*огенга*,
Пришло и увело [сестру]?»
Храброго Содани-богатыря
Родной реки
От ее истока до устья,
С обеих ее сторон, [все] горы,
Не пропуская, он пробежал —
Ничего не узнал.
После этого —
Снова вернулся к *утэну*.
Разрушенный *утэн* рассмотрел хорошенько.
На одной из его опор
Следы трех когтей оказались.
«Откуда прилетела
Эта птица?» — он подумал,
Внимательно присматриваясь.
В сторону заката солнца
Улетела птица, оказывается.
Рассмотрев следы,
(Разве в сказке долго тянется?) —
Наш человек
По имени Иркиничэн-*мата*, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Раза два прохоркал
Своему дикому оленю со свежеоголенными рогами.
Его дикий олень со свежеоголенными рогами
Прискакал, как прилетел,
Встал перед ним, красавец, —
Прежде чем взглянув, моргнешь,
Прежде чем вдохнув, заговоришь.
Словно спрашивая: «Что случилось?» —
Обоими ушами прядал,
Туда-сюда принюхивался.
Словно подзывал: «Иди сюда», —
Приблизился.
Не с чем было его сравнить,
Невиданно красив он был!
Славный дикий олень со свежеоголенными рогами
С виду удивительно был красивым.

Кӗвуткэнин ӗдӳ багас дялумтаран,
Йлӣ-дэ туникая ачин
Умун дэкси һӳвуһинмучэгэчӣн
Бултылама ая кӗвулкэн.
Мэндуккӣ мэӈумэ нэмэлкэн,
Корголдюн онӗлкон горгилкан,
Колопка некэ допӳлкан,
Мэндуккӣ мэӈун улгэр нӗгӳлкан ивит.
Де тар амардукин
Эр иркимэктэ иркин бэюн авдӳлкан
Иркинӣчэн гунмурӣ мататкан
Иркимэктэ бэюн оёлон
Һэтэкэнчэрэн-дэ
Со бэе Содани мата оёлӣн
Умутогивчэнэ * йлтэнимнӣн
Акинмӣ гирамдаван септӳвӣ дырэн.
Укчаккӣ мэнмӣ аналлак-мунэллэк
Энин бугалавӣ
Букиндек яӈ гунмурӣ
Дулин буга чуӈурун
Гукиттулэтын салаиксэ,
Эдӳ-тадӳ тувкэннэ нэнэвкэндерэн,
Нуӈан биксэ удадиӈан до —
Тар-дат мэнин алаһа дюлавӣ,
Того эһэкэлэвӣ иһиксэ,
Дювӣ уркэлэн эмэксэ, уркэвӣ никсэ,
Умучидуккӣ улдымӈулэвӣ,
Дючидуккӣ дювчамӈулавӣ,
Илачӣдуккӣ анал аһӣлавӣ
Йксэ, тыкэн улгурдерэн ивит:
«Угэлэ-угэлэ угэндэр!
Егин дарилкан
Нолур солко нюриктэлкэн
Солкондор киливлӣ катун
Гиркив, доровоё дявакал!
Тар амардукин
„Он гиркунды?“ — гуннэ
Улгумивкӣ одакис,
Эр дулин энин бугав иччин орӣдӳ
Увагас сэксэдук онӣлкан,
Бэе тэкэнмэн тэрийдыдӳ
Тынис сэксэдук дилгалкан
Акин гунды акинмав
Со бэе Содани матава
Овнан онӣдукин
Һэргӳ огӗӈэ сониӈин, эмэксэ,
Балтакатна эвичэ.

Он был как налитой,
Ни одной ямочки на нем не было.
Будто дунули [на его шерсть],
До того он был гладкий.
У него от рождения были
Серебряное седло
С подпругой, украшенной оловянными [накладками],
Подседельником из лучшего соболя,
Витой серебряный поводок *.
После этого —
Иркиничэн-*мата*, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Вскочил на оленя со свежеоголенными рогами.
Над храбрым Содани-богатырем,
Над костями его проезжая,
Засунул кости брата в карман *.
Своего верхового оленя
Он разогнал,
Направив его
К родной земле-матери,
К самой ее середине,
Именуемой Букиндек-гольцом.
Не задерживаясь,
Тотчас к своему чуму-жилищу,
К огню-дедушке прибыл.
Подойдя к двери чума, дверь открыл.
[Женщине], которой в год [от роду] суждено было стать его швеей,
В два года — хозяйкой его чума,
В три года — его собственной женой,
Такие слова он говорил:
«*Угэлэ-угэлэ угэндэр!*
Солкондор-красавица
С девятисаженной волнисто-
Шелковистой косой, почитаемая
Подруга моя, прими привет!
После этого —
Если спросишь:
„Как сходил?“ —
То [отвечу]: старшего брата, родного брата моего,
Храброго человека Содани-богатыря,
Которому по жидкой крови его суждено было
Стать хозяином этой Средней страны-матери,
По крепкой крови его предопределено было
Стать предком людей,
Этого человека со счастливым предназначением,
Убил играючи
Нижний богатырь-*огенга*.

Бӣ, талā иһиксā,
Һэргӯ буга һэгдыӈэ букатырвāн
Дыгин кирӣлкāн
Сэлэмэ Девиндэ̄р сōниӈӈа
Илэ-бодо мэ̄нми
Эӈэһӣтпӣ давдыксā,
Умун анӈанӣдӯ анӈалдыксā,
Муданмāн иһивуксā,
Элэвэ̄н ичэксэ̄,
Эӈэһӣвэ̄н эллēксэ̄,
Сōниӈ сумувōн сӯнӈӣксā,
Мандӹ сумувōн манаксā,
Маӈа улдэвэ̄н овдовкōниксā,
Омолги мэ̄нмэ̄н уядытыксā,
Уһа уйвāн сӣксэ̄,
Ургэ эрӣксэвэ̄н этытиксэ̄,
Дырам нандавāн һуктэксэ̄,
Эрӯ урвэ̄н уркӯксā,
Уһук сэ̄ксэвэ̄н уӈкуксō,
Урум гирамдавāн урэим,
Ӈонум гирамдавāн нōдӯм.
Кӣһэ̄н урэдӯ чугӯма дылидин
Мэ̄чиккэ̄тнэ эвӣксэ̄, эмэм.
Тар амардукин
Нэкун гундӹ нэкунмӣ
Ичэктэ гуннэв,
Ӯтэ̄нин калтакавāн
Нэптэрэгэр тāниксāл,
Мэ̄нмэ̄н дылачā йктэмэвэ̄н
Эксэчэ̄л биӈэ̄тыл.
Оһикталкāн биксэ̄
Сōӈман биӈэ̄т,
Кувулгат кулӣнин,
Тōккун һэгдэгӯн,
Депнэ̄де мэ̄нин,
Бāнāдя аминин
Мэ̄мэн биӈэ̄т.
Кэ, эдэ, катун гиркив,
Сōт тургэнди бōюн бэе
Девгэ̄ен ōмалчакал.
Гороло̄ ӈэнэрӣ
Иргиһэви девуктэ,
Барāнма гиркурӣ
Сэнēēвӣ силӯктэ.
Сōниӈилнӯон сукчалдырӣ
Сорукив эмэрэн,
Огēӈāлнӯон ōлдырӣ
Болдёкив боконон.

Придя туда,
Одной своей силой,
Сам я одолел
Могучего богатыря Нижнего мира,
Четырехгранного богатыря
Сэлэмэ Дэвиндэра.
За один год
Я с ним покончил.
Силы его истощились,
Я увидел его последние судороги,
Растянул его сильные жилы,
Вытянул его крепкие жилы,
Искалечил его жесткое тело,
Сломил его молодую силу,
Остановил гнусные мысли,
Прервал тяжелое дыхание,
Разодрал толстую кожу,
Разворотил его утробу,
Пролил его густую кровь.
Раскидал его мелкие кости,
Разбросал его длинные кости,
Поиграл на ледяной горе,
Подбрасывая как ядро его чугунную голову.
После этого —
Я решил взглянуть на
Младшую сестру, родную сестру мою.
Половина ее *утэна*
Напрочь был сорвана,
В сторону заката солнца
Ее унесли, оказывается.
Сильнейший
Из когтистых,
Коварный оборотень,
Могучий грабитель,
Самый прожорливый,
Отец убийц
Сам [унес].
Ну, милая, почитаемая подруга моя!
Поскорее приготовь
Богатырскую пищу!
Направляясь вдаль,
Поем-ка я сытно!
Перед большим походом
Наберусь-ка я сил!
Пришла пора
Сразиться с силачами,
Схватиться с *огенга*
Пришло время.

Чӯт солко чӯкалкāн
Энин дӯндэ оёдӯн,
Тыргӯр дылача hэрэдӯн
Эвӣрӣ дӯндэлэ тыкчэк
Сэрибēив * бирдэгэ.
Кэ, катун гиркив,
Гиркун бэеӈӈэн
Экэл сирӣчивчара,
Аян бэеӈӈэн
Экэл алāчивчара.
Ая ӈалатпӣ астāксā,
Аивут девувуксэ, уӈкэл.
Угэлē-угэлē угэндэр!» —
Гундерэн эр мāтā.
Де тар амардукин
Ӯгӣт умун томкодын
Уhӣе āчин
hэргӣт умун hирэӈӈэчӣн
Ситимйэ āчин
Солкомо дюкчā дӣо
Уркэн нӣврэн.
Егин дāрилкāн
Солкомо нӣориктэлкэн
Солкондōр киливлӣ гунмурӣ
Аhāткāн, ӣоксэ,
Бэгин гиркивӣ
Анал мэнин мэӈумэ тэгэккэн
Дагадӯн нэрэн, тэгэвкэнэн.
Тар амардукин
Мэнин биhэмдэ, тулискӣ ӣоксэ,
Дыгин нулги пэрӣhиктэлкэн
Мэӈумэ курēндēвӣ уркэлэн эмэксэ,
Умнэ-дӣорэ эӈтэвкэhиннэн,
Илан дэткэн дэлэмӣчэн
Курēвэ дялум ӣhинчэрэн.
Тар амардукин
Эр ahӣ биhэмдэ
Илан нямā илан дāн илан
Актама орондук
Аяргӯвāн сӣнмаран,
Надан дāн надан
Байтаhун нямӣлдук
Бастыӈӈатын бāран,
Нюӈун дāн нюӈун
Байтаhун бēдук
Бургургӯвэн бакаран,
Кур огус мунакаӈӈāн * бāран,
Байтаhун инак бастыӈӈāн бāран-дā

[Вот] жребий,
Выпавший мне на этой земле,
На земле-матери
С вечнозеленой шелковой травой,
Под лучистым солнцем.
Ну, почитаемая подруга моя,
Путника
Не задерживай,
Странника
Не заставляй ждать!
Приготовь [пищу] добрыми руками,
Проводи, сытно накормив!
Угэлэ-угэлэ-угэндэр!» —
Сказал этот *мата.*
После этого —
Сверху ни одной ниточкой
Не закрепленного,
Снизу ни одним конским волосом
Не привязанного
Шелкового чума-жилища
Дверь открылась *.
Вышла девушка,
Красавица по имени Солкондор
С девятисаженной
Шелковистой косой.
Почитаемому другу своему
Собственное его серебряное сиденье
Придвинула, усадила его.
После этого —
Она вышла наружу,
Подошла к воротам серебряного загона
В четыре кочевки по окружности
Раза два похоркала,
И олени, кони, коровы *
Тотчас битком набились в загон.
После этого —
Эта женщина
Из трехсот тридцати трех
Холощеных оленей
Выбрала самых лучших,
Из семидесяти семи
Яловых оленей
Забила первейших,
Из шестидесяти шести
Яловых кобылиц
Забила самую жирную.
Разжиревшего быка забила,
Отборных яловых коров забила

Ичэһиндиңэ эвгидэлӣн
Астāксā этэрэн.
Дыгин баганалкāн
Чāлбāн мō мандыңин
Остōлбӣ матайдымадин
Урӣксā, девгэлвӣ тэврэн.
Дюр мэнтын того эһэкэнюнмэр
Девгэвэр элӣ-талӣ депмэндэрэ.
Де тар амардукин
Сигӯнтын тыкиксэ,
Сӣксэнӣ сэрӯнтэрэн *,
Барāн оһикāкта аргиһилкāн
Һактыраһӣ долбонӣңитын эмэрэн.
Һарāнмар аят ōксāл,
Ноңдо ая толбочӣңин
Сэктэвунмэр ōксāл,
Сулаки колōпкаңидин колбōно ōвчā
Һулдавар һулдавра,
Некэ колōпкаңидин тарāна ōвчā
Тырӯвэр тырӯксэл,
Аямат илан долбонӣлкāн
Инэңидӯ āксāл,
Амӣвар бокониксāл,
Иланӣтын тыманӣлā илда.
Эēнэ бираңңар ирāс мӯдин
Дялум ирэндэвэр авуксāл,
Анал ай девгэвэр дептэ.
Де тар амардукин
Эр Иркимэктэ иркин бэюн авдӯлкāн
Иркинӣчэн сōниң биһэмдэ
Гиркундӯ ōвчā тэтылвӣ тэттэн,
Куһиндӯ дяварӣ сэвулвӣ тэринэн.
Тулискӣ юксэ,
Тулгӯ тēргэнмӣ ичэнэн
Ōл * ирэктэңдӯн
Иркимэктэ иркин авдӯн
Илан инэңӣлкэн долбонӣдӯ
Уйчэчэ ивит тадӯ:
Уриткэнин экчэлӣкэн юмчэ,
Ирэндэн сōгурма дёкчā,
Эңэнӣмэ гудēйлчэ.
Мэндуккӣ мэңумэ нэмэн,
Мэңун улгэр нēгӯн
Эрэгэмэ бэлэн орон ивит.
Эр бэе биһэмдэ
Иркин бэюн авдӯвӣ оёдӯн
Коңнорӣн һорокӣткāнңачӣн
Капкāн һэтэкэнчэрэн-дэ

И, прежде чем взглянешь,
Все приготовила.
Разложила еду на
Столе из прочной березы-дерева
На четырех ножках,
Так, что он прогнулся.
Они вдвоем, вместе с огнем-дедушкой,
Еду свою быстро съели.
После этого —
Село солнце,
Наступила вечерняя прохлада,
Пришла темная
Многозвездная ночь.
Хорошенько приготовили место для сна,
Постелили постель
Из переливающихся отборных рысьих шкур.
Укрылись одеялом,
Сшитым из лучших лисьих шкур.
Подложили подушки
Из отборных собольих шкур,
Хорошо три дня
И три ночи они проспали,
Всласть выспались.
На третье утро встали,
Водой из широкой реки
Умыли свои гладкие лица,
Поели еды людей-*аи*.
После этого —
Богатырь Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Надел одежду, приготовленную для похода,
Взял оружие, предназначенное для боя,
Выйдя наружу,
Во дворе увидел
Своего дикого оленя со свежеоголенными рогами.
Три дня и три ночи
Был он на привязи
У растущей лиственницы.
Стал он очень стройным,
Обличьем стал еще лучше,
На удивление стал красивым.
При нем всегда были наготове
Серебряное седло,
Серебряный витой поводок.
Наш человек
Ловко, как черный глухарь,
Вскочил на своего
Дикого оленя,

Эēнэ бираңлāвӣ
Адырāкӯн тӯвкэннэ эвуксэ,
Авдӯвӣ умувран,
Лāйдаңлāви ӈуктувнэ туктырэн,
Лāйдаңңӣ дулиндулāн иӈиксā,
Укчаккӣ кантаӈōкин тāнчана,
Эргэчӣн улгӯрилкэн бичэн:
«Угэлē-угэлē угэндэр!
Эр-кэ, эр-кэ ичэкэл,
Катун гиркив,
Ӯгӯ бэгин амилкāн
Ӯгӯ катун энилкэн,
Егин дāрилкāн
Солкомо нӯриктэлкэн
Солкондōр гунмурӣ
Мэңун гиркив!
Бӣ тӯрэнмэв тэкэндукин дугэмэклэн
Дōлāвӣ дōлдыкал,
Сēндӯвӣ силдыкал,
Иргэлэвӣ иктэвкэл!
Эр минэвэ йлэ тыкэн тэриниксэ,
Тэвинмукэнинды* гунэкис,
Сōлӣ гороло дялдāксā, дявдиндям:
Нэкун гундӹ нэкунми
Ая аӈӣ Аякчāн Ивēкчāн киливлӣ
Доңото удяван удяна,
Ӯникин удяван ēрӯна,
Ӈуркэн куңāкāн ōвнан
Ōнӣваң аӈамāтна
Гиркунма гиркунāм.
Аӣ эвэнкӣ аймакилваң
Мулāндӹдӯ овчā
Ōнӣлкāн бичэв гуннэ,
Нэкун гундӹ нэкунмӣ
Аваӈи амңадукин
Ӈуēнңӣдем-мэл гуннэ ңэнэдем.
Ōкин-дā эмэрӣвӣ
Сōт эчэв сāра,
Тарит гунмӣ
Сōт ӈӣмāт биӈикин
Тугурук анңанӣлӣ,
Дулинди гунмӣ
Дӯр тугурук анңанӣлӣ,
Ңонумут гунмӣ
Илан анңанӣлӣ эмэдиңэв.
Будэрӣтпӣ этэм будэ,
Мундӹтпӣ этэм мундэ.
Бамāттӹнӯн бāмāтчиңāв,

В несколько прыжков добрался на нем
До широкой реки,
Напоил верхового [оленя].
Вскачь поднялся [на олене] на свою поляну,
Посреди поляны остановился,
Подтянув поводок оленя,
Заговорил так:
«*Угэлэ-угэлэ угэндэр!*
Вот, вот, посмотри
Почитаемая подруга моя!
Дочь Угу Бэгина,
Дочь Угу Катун
По имени Солкондор
С девятисаженной
Шелковистой косой,
Подруга моя!
Мои слова от начала до конца
Учуй нутром,
Вкрути [себе] в уши,
Вбей в мозг!
Если спросишь меня: „Куда собрался,
Куда помчался вскачь?“ —
То [отвечу]: я иду очень далеко и тороплюсь
Выследить остывшие следы,
Высмотреть свежие следы
Младшей сестры, родной сестры моей,
Красивой девушки Аякчан Ивекчан-красавицы!
Отправляюсь в поход —
Так мне, молодому человеку,
Предназначено судьбой.
Быть защитой
Племени эвенков-*аи* —
Моя судьба.
Из пасти *авахи*
Я вырву, быть может,
Младшую сестру, родную сестру мою.
Когда вернусь —
Совсем не знаю,
Поэтому скажу:
Если очень быстро —
Через круглый год;
Не очень [быстро] —
Через два круглых года;
Не скоро —
Через три круглых года.
Умереть-то я не умру,
Пропасть-то я не пропаду!
С убийцами сражусь,

Куһӣрӣнӧн куһӣдиӈэв,
Удянавӣ бокондиӈав,
Аһанавӣ амӈаһиндиӈав,
Устӧккӣ уһӧдиӈэв,
Дялдӑнавӣ дявадиӈав,
Нӑлдынавӣ давдыдиӈав.
Кэ, катун гиркив,
Си экэл ӈэлэрэ,
Синэвэ ӈэрӣн сигӯн
Тыргӯр тогон эмукин ичэгин.
Суптырӣ туксу кувулгатын
Эгин синэ бакара,
Ӣлтэндӹ туксу албаһин
Эгин синэ давдыра.
Будэрӣ инэӈӣ эмэрэкин
Итчилэк тӯрэнмӣ
Эдындӯ иктэвкэтнэ уӈдэвӣ,
Ӣду-дэ бимӣ дӧлдыдиӈав!
Угэлӗ-угэлӗ угэндэр!» —
Гуниттэн эр мӑтӑ.
Де тар амардукин
Эр иркимэктэ иркин бэӧн авдӯвӣ
Дылачӑ ӣктэмэвэн салаиксӑ,
Илбэнэн биһэмдэ
Томтор дӯндэвэ тонӈорогор тэвинэн,
Оӈкучак дӯндэвэ омчорогор согинан,
Нӭликин мӧва нялбурагар,
Бучӯкин мӧва буктарагар ӈэнэвкэһинэн.
Нуӈан эрӣксэндӯн энэл тэрэрэ
Чӑлбӑн мӧл мэн мэндуккэр
Чӑварӣмнӣн эмэнмурэ,
Сектал мол сирбагачимнӣн эмэнмурэ.
Иркимэктэ иркин бэюн биһэмдэ
Ӈэнэрӣн эделӣн ӈӯӈнэнэ
Егин дэ̄р дӑрикталкӑн
Солкомо нӧриктэлкэн
Солкондӧр киливлӣ
Лӑйданлӑвӣ эвуксэ,
Эдывӣ амардукин аһавна ичэтчэнэ
Тыкэн гуннэ тӯрэлкэн ӧдан:
«Деӧ-деӧ деӧкэнин!
Иркимэктэ иркин бэӧн авдӯлкӑн
Иркинӣчэн гунмурӣ
Дулин буга букатырин,
Бэгин гиркив,
Бӣ тӯрэнмэв
Иргэлэвӣ иктэвкэл,
Дӧлавӣ дӧлдыкал,

С задирами подерусь,
Кого выслеживаю — догоню,
За кем погонюсь — уничтожу,
Врагу отомщу!
Кого захочу — поймаю,
С кем столкнусь — одолею!
Ну, почитаемая подруга моя,
Живи спокойно,
Пусть на тебя глядит
Только лучистый свет ясного солнца!
Пусть тебя не найдет
Хитрость убегающей тучи,
Пусть тебя не одолеет
Коварство уходящей тучи *!
Если придет день твоей смерти,
Пусть ветер домчит
Твои ударяющиеся [друг о друга] слова,
Где бы я ни был — услышу!
Угэлэ-угэлэ угэндэр!» —
Сказал этот *мата.*
После этого —
Своего дикого оленя со свежеоголенными рогами
Прямо к восходу солнца он направил.
Когда погнал [оленя],
Холмы [олень] растаптывал,
Низины заваливал,
Растущие деревья сваливал,
Засохшие деревья дробил в щепки.
Не выдерживая силы его дыхания,
Березы остались [позади],
Схватившись друг за друга;
Тальники остались [позади], упруго качаясь.
Пока дикий олень со свежеоголенными рогами
Не пустился в путь по-настоящему,
Солкондор-красавица
С девятисаженной
Шелковой косой
Спустилась на свою *лайду*,
Глядя мужу вослед,
Сказала такие слова:
«*Дею-дею деюкэнин!*
Богатырь Среднего мира
По имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Почитаемый друг мой!
Мои слова
Вбей в мозг,
Учуй нутром,

Сēндӯвӣ силдыкал!
Эр минэвэ
Дёhун нимэр hунāдин бинэ
Сāма тӯрэнмӣ энэ улгӯрдэ
Эмэнмурэн гундиӈэс,
Де тарит би дялвӣ улгӯриктэ.
Тавар сӣ сōма уhа уилкāн
Уhа бугалдулā дюлэлэнды.
Сōт мандывкал,
Бэевӣ бэекэкэл,
Сōвӣ сōкакал!
Умун эниндук ӯнэвӣ
Илэ ирэндэтпӣ гиркумӣ
Ӣлē-дэ эhӣс иста бугас бидиӈэн.
Ēмӣ-кат суптырӣ туксугучӣн
Кувулгатылкāн бимӣ,
Ӣлтэндӹ туксугучӣн
Албаhилкāн-нӣон бимӣ,
Умун инэӈӣпты
Дыгин дя̄н дыгин оhол амин
Гунмурӣ ōнӣвāн этэӈӈэ ӣлтэндиӈэс.
Тадук тавар
Иркимэктэ иркин бэӯон авдӯс
Ēкун энчивэ дурукка̄н
Сāчадарян бидиӈэн.
Ē-вал сāмава сāмӣ
Эвэдӹ икэлкэн,
Бэедӹ улгӯрилкэн ōдиӈāн.
Тарā эӈнэкэл лэгӣрэ,
Тӯрэнмэн дōлдыӈнакал.
Кэ, эдэ гирки,
Дӯор hалгалкāндӯ дюлэвӣ экэл бӯрэ,
Дӯор ӈалалкāндӯ экэл давдывда,
Мӯ дялалкāндук экэл судурдэ,
Гирамда тыӈэлкэндук экэл тыктэ,
Эмэр тӯрэлкэн эгин тэптырэ,
Кирӣс тӯрэлкэн эгин кēйда,
Алгис тӯрэлкэн аргистаhигин,
Уруй икэлкэн илкэигин,
Гиркун аяргӯн ōгин!
Сэмчэвэ бакакал,
Суптычāва бококол,
Сукчачāва сӯhаркал,
Бāчāва бāкал!
Деӯ-деӯ деӯкэнин!» —
Гуниттэн эр ahӣ бихэмдэ.
Де тар амардукин
Иркимэктэ иркин бэӯон авдӯлкāн

Вкрути в уши!
Обо мне
Ты [не] скажешь:
„Дочь почитаемых родителей
Не сказала прощальных слов".
Поэтому я скажу тебе, что думаю.
Вот направился ты в плохие,
Злые [страны].
Будь тверд,
Мужайся, как подобает мужчине,
Соберись с силами!
Если будешь ходить только в том облике,
Который достался тебе от матери,
В той стране далеко не уйдешь.
Только если будешь коварным,
Как убегающая туча,
Как уходящая туча,
Будешь хитрым, благополучно минуешь
Сорок четыре напасти,
Которые будут подстерегать тебя
Каждый день.
Потом вот что:
Все, что тебе грозит,
Наверняка знает твой
Дикий олень со свежеоголенными рогами,
Если будет что-то неладное,
Он запоет по-эвенкийски,
Заговорит по-человечьи.
Ты его тогда не брани,
Вслушайся в его слова.
Ну, дорогой друг,
Не уступай двуногому,
Не поддавайся двурукому,
Не дай себя толкнуть тому, у кого в суставах вода,
Не дай себя свалить тому, у кого костистая грудь! *
Пусть остроязыкий не переспорит тебя,
Пусть злоязыкий не одолеет!
Пусть с тобой будет только тот, кто произносит *алгыс*,
Только тот, кто поет *уруй*!
Пусть твой поход будет самым удачным!
Найди потерянное,
Догони убежавшего,
Сокруши разрушившего,
Убей убившего!
Дею-дею деюкэнин!» —
Сказала эта женщина.
После этого —
Мата по имени Иркиничэн, ездящий

Иркинӣчэн гунмурӣ мāтā биһэмдэ
Де ӈэнэвӣ аят ӈӯӈнэнэн.
Иркимэктэ иркин бэӭон
Авдӯ бараксан ӧвнан ӧнӣн,
Де аят дёкиксā,
Ирэндэн эвэкэннэн мэндӯн
Дурукин элэкмэ кēпилкэн ӧксā,
Чимчэрин лас-лас һэкинтӯрӣн
Баргӯ-миткӯ урэлдулэ гугинтадямаран.
Умун-тэгин урӯкāрин
Дюлэскӣ-дэ, амаскӣ-дā урэтнэл улгунмāтчара.
Дӭор такимдӯн биһэмдэ
Доӈото тукаладук тэвиндын эрчимдӯн
Коӈнорӣн тукала королӣкāн бододёрон,
Дӭор нёгӯн дюлэдӯн
Багдарӣн тамнакса һуюдюрун.
Эр бэеткэн ӈэнэвэн
Олдонӈӣдин ичэтчэл мāтāл:
«О! Тавар ēкун сониӈ
Сӧгӣн сурурун!» — гуннэл
Сӧт тарā сӧнӣнал
Эмэнмучэтын уһу.
Де эр бэеӈку бэе биһэмдэ
Горово-дӧ сурунувӣ эчэ сāра,
Дагава-дā сурунувӣ эчэ сāра.
Нуӈан умун тэвиннэн һалганин,
Умун ичэһиннэн ēһан.
Эр гороло ӈэнэксэ,
Дэрим гуннэ йдӯ-дэ
Эһин дэримкӯрэ.
Орон-дӧ орон, бэе-дэ бэе —
Авгӯтын-дā тэрэӈил,
Суму бигин, дялан бигин.
Де дулин энин бугава манаксā,
Һэргӯ ургэ бого уилкāн,
Эрӯ ургэ унӈӯлкэн
Һэргӯ бунӣ бугаван
Инилтак ӈэнэвкэндерэкин
Дюлгӣлӣн биһэмдэ
Ēдук-дā сӧ эӈэһи
Эдын-дэ һигин һэгдыӈэн
Нуӈанмāн дэптыкӣ дэгнэ,
Тыснэ * нāлдылчā ивит.
Эр бэеткэн биһэмдэ
Тарā тар энэ гуннэ
Ичэһиннэвӣ ēнавӣ һурумумкāра энэ,
Тэвиннэвӣ һалгандивӣ чугуймара эчэ.
Де сӧ нуӈандукин

На диком олене со свежеоголенными рогами,
По-настоящему в путь пустился.
Славный дикий олень
Со свежеоголенными рогами,
Почуяв предстоящий [поход],
Стал рваться в путь.
Наружность его была точно такой, как подобает.
Маленькие задние его копытца стуком стучали,
Отзываясь в ближних и дальних горах,
Ровные копыта его
Равномерно выбрасывались то вперед, то назад.
Когда задние ноги его касались мерзлой земли,
У задних его подколенников
Вихрем взлетали черные комья,
Под передними его ногами
Клубилось белое облако.
Богатыри, смотревшие со стороны
На езду нашего паренька *, думали:
«О! Что это за могучий
Богатырь проехал!» —
И оставались [стоять]
Очень удивленные увиденным.
Этот человек-человечище
Не знал, долго ли ехал,
Не знал, недолго ли ехал.
Ни разу не шевельнул ногой,
Ни разу не моргнул глазом *.
За всю долгую дорогу
Совсем не устал,
Не отдыхал.
Каков был олень, таков был и человек,
Оба были друг другу под стать
Проворством и силой.
Они прошли через весь Средний мир
И должны были уже подъехать
К зловещему Нижнему [миру],
Гиблому Нижнему миру
С его смрадным запахом,
Тут спереди
На них
С остервенением
Набросился, оказывается,
Страшный ветер-вихрь.
Наш человек
Даже не обратил на него внимания,
Смотрел, не моргнув глазом,
Сидел, не шевельнув ногой.
Был он

Эһӣ тагара тэптӹ дялилкӑн
Мӑтӑ ӧксӑ бӯрэн бадага нуӈан.
Де тар амардукин
Эр эӈэһӣ һигилкӑн коӈнорӣн туксуву
Ят ичэнэн биһэмдэ —
Коӈнорӣн туксу дӧдӯн
Һуларӣн туксу ӧдан.
Тар дӧдӯн һӧлаӈӑ соногос
Нуӈанмӑн дэптыкӣ дӯр һуларӣн
Мэӈун бэрэмэдэйбӣ * дэктэндэлэксэ,
Дэгнэ кӯгунӑна эмэрдэгэ.
Де эр мит бэеӈит
Нуӈандулӑн ёва-дӑ энэ сӑрӑра
Нӑн дэптыкӣ иркимэктэ иркин
Бэӯн авдӯтпӣ нӑлдыдяран ивит.
Де тар амардукин
Эр чӑгӯ бэе
Һуларӣн туксу соногоһин
Чугус некэксэ, илиһинчаран,
Оӈоктовӣ пӣр-пӣр пӣсканӣран,
Эвэнкӣ дӯр киӈнэвэн
Дарӑн дявавчӑгачӣн
Дӯр мэӈумэ сёрвӣ
Чороһӧкин иливуксӑ,
Чӑскӣ амаһиклӑлдан.
Тара биһэмдэ мӑтӑ бэе
Контосвӧн * тӑнчана илитчана,
Мит бэеӈӈэт дэптыкӣ ичэтчэнэ
Тыкэн гуннэ тӯрэлкэн ӧчӑн:
«Ӯлыр-ӯлыр ӯлырой!
Эр-кэ, эр-кэ
Ӣргӣт тэкэлкэн мӑтӑ эмэнды?
Ӈӣ-дэ бимӣ дорӧвоё дявакал,
Амаргӯптын улгӯр ӧгин!
Эр минэвэ ӣргӣт
Тэкэлкэн сэксэлкэн мӑтӑ
Эмэнды гунэкис:
Ӯгӯ илан бӣстӯн ӧскёчэ
Ӯгӯ Улгэр Бэгин амилкӑн,
Ӯгӯ Онёдор Катун энилкэн,
Һэгдэгӯ һӧлаӈӑ туксу соногоһилкӑн,
Ӯгӯ Һёркининдя гунмурӣ
Ӯгӯ аӣ акилкӑн,
Нӣдэгӯ һӧлаӈӑ соногоһилкӑн
Омолги бэе Ӧлиӈачӑн
Сӧниӈ гунмури одам.
Ёкун сӧма һэгдыӈэ
Нӑдалкӑн ӧксӑ, эр бугалва

Таким смелым,
Что нисколько не испугался.
После этого —
Он внимательно рассмотрел
Ту вихревую черную тучу.
Внутри черной тучи
Была красная туча,
Внутри нее был молодой конь-радуга *,
Он с шумом летел навстречу [Иркиничэну],
Раскинув свои крылья —
Две золотые переметные сумы *.
Наш человек,
Ничуть не испугавшись,
Тоже направил ему навстречу
Своего дикого оленя со свежеоголенными рогами.
После этого —
Молодой конь
Того человека из красного облака
Остановился как вкопанный.
Из ноздрей его вырвалось громкое фырканье.
Двум эвенкийским лыжам,
Рядом поставленным, подобные
Серебряные уши свои
Он поднял кверху,
Назад попятился.
Тот человек-*мата*,
Натянув поводья, остановил коня,
Глядя прямо на Иркиничэна,
Сказал такие слова:
«*Улыр-улыр улырой!*
Ну вот,
Откуда ты прибыл, *мата*, какого ты роду?
Кто бы ты ни был, прими привет,
Потом будет разговор!
Если спросишь меня:
„Откуда ты, *мата*, прибыл,
[Кто ты] по роду-крови?“ — [отвечу]:
Мой отец — Угу Улгэр Бэгин
Из трех верхних племен,
Моя мать — Угу Онёдор Катун;
Угу Херкининдя, ездящий
На молодом коне — старшей радуге-туче —
Имя моего старшего брата,
Мое же имя —
Парень Олингачан-богатырь, ездящий
На молодом коне — младшей радуге *,
Если же спросишь меня,
Какая такая нужда

Гиркӯндянды гунэксун,
Дулин ай аһāткāнмāн
Һэргӯ огеңā омолгин
Дыгин кирӣлкāн
Сэлэмэ Девиндэ̄р гунмурӣ,
Деңкирмэ депнэ̄де
Илэ мэ̄нин умундӯ балдынан
Нэкун гундӹ нэкунин
Алтама таратāйка сергалкāн,
Антага урэдӹн
Сирӯ огус укчакилкāн
Дыгин кирӣлкāн
Сэлэмэ Дыгиңдя̄ гунмурӣ
Һэргӯ буга авāһилдукин
Аминдагӯматын мэ̄нин мэ̄ндивӣ
Һунāтпа эксэчэ̄ гундерэ.
Тарā биһэмдэ бӣ акин гундӹ акинми,
Тала эвуксэ̄, тар аһāткāнма
Ӧн ичэрӣвэтын сипкитна бидерэн.
Эр-ты эһит һэгдыңэ куһӣн
Суксалдымāчин содӧмун
Ӧдāвӣ бидерэн.
Тар он-мал ӧдалāн
Бугалāвӣ мучāндярӣ мāтā ӧдам.
Эр-кэ сӣ иркимэктэ иркин
Бэ̄ӧн авдӯс ēдӯ сӧтаран!
Эрӣксэ̄нин ēдӯ эңэһӣтэрэн!
Илиһиниксā, гэ̄лнэ̄рӣ гэрбӣвӣ улгӯркэл,
Сӧлтама сураккӣ сāвкāкал!
Дӧ̄р ай мāтāлин,
Мэ̄рты сāлдыксāл,
Һэргӯ буга сӧниңилдулāн тыкчиңэ̄т,
Огеңāл эңэһӣлтын элэвэтын ичэдиңэ̄т,
Ӯлыр-ӯлыр ӯлырӧй!» —
Гуниттэн чāгӯ бэ̄е.
Мит бэеңит
Бэ̄е тӯрэ̄ттэн гуннэ
Ичэһимэ̄рэ-кэт эчэ;
Авдӯ эңтэрэн гуннэ
Этэ̄нимэ̄рэ-кэт эчэ.
Ичэһиннэн ēһан эчэ-кэт һурумда,
Тӯнэн алганин эчэ-кэт тāнмура,
Аява дӧлдым гуннэ
Инемдэ̄лдэ-кэт эчэ,
Уһава улгучэ̄нинды гуннэ
Болгонӧлдо-дӧ эчэ.
Иркин бэ̄ӧн авдӯвӣ
Анакāнди нёгӯвāн тāниһинчаран-дā

Привела меня в эту страну, [отвечу]:
„Девушку-*аи* Среднего мира [унес]
Сын нижних *огенга*
По имени четырехгранный
Сэлэмэ Дыгияндя, ездящий
На медной нарте-таратайке *
С огромным, как скала,
Нехолощеным быком.
Родной брат,
Младший брат
Ненасытного обжоры,
Четырехгранного
Сэлэмэ Дэвиндэра,
Хитрейший из
Авахи Нижнего мира,
Сам он унес [эту] девушку", — мне сказали.
Старший брат, родной брат мой,
Спустившись вниз, смотрит,
Как содержат эту девушку.
Вот-вот начнется
Большая битва,
Сокрушительное побоище.
Пока оно еще не началось,
Я, богатырь, возвращаюсь на свою землю.
До чего же силен твой дикий олень
Со свежеоголенными рогами!
До чего же мощно его дыхание!
Остановись, скажи свое звонкое имя,
Поведай о своей громкой славе!
Двое богатырей-*аи*,
Друг с другом мы познакомимся,
Нападем на богатырей Нижнего мира,
Полюбуемся на бессилие силачей-*огенга*!
Улыр-улыр улырой!» —
Сказал тот человек.
Наш человек
Даже не посмотрел [на него],
Подумав: «Человек говорит».
Даже не оглянулся,
Подумав: «Олень хоркает».
Смотрел вперед, не моргнув глазом,
Сидел [на олене], не шевельнув ногой.
Подумав: «Хорошее слышу», —
Не улыбнулся,
Подумав: «Плохое слышу», —
Не забеспокоился.
Дернув за повод
Дикого оленя,

Ӣлтэндӹ туксугучин элэс-нӣон некэрэн,
Суптырӣ туксугучӣн умнэкэмэ сэмдэн.
Де тар амардукин
Чӑгӯ бэе дӧдӯвӣ һэгдыңэт
Сӧһӣна эмэнмурэн.
Де эр мит бэеӈит
Иркимэктэ иркин бэӣон авдӯвӣ
Де ает илбэрэн ивит.
Иркин бэӣон авдӯ бараксан
Аянмӣ ает һавдяракин
Һэргӯ бого бунӣ бӧм
Бугалаӈ һэргӣ тыккӣчитын
Оһокилкэн-сэксэлкэн мурин
Кавкаваӈ һуктэтӹксэ,
Һэргискӣ гарадавчагачӣн
Сэлэмэ ӑртык амӈан уркэлэн
Умутӧгно иһиксӑ,
Иркимэктэ иркин бэӣон авдӯн,
Доӈото дӯндэвэ һэнӈэрвӣ
Дулмактӯн товулу тӯксэ,
Дыгин һалганмӣ дыгин муһэт тӯксэ,
Дӣор сёнмӣ дюлэскӣ-амаскӣ
Олбу-солбу сэрбэлӣрэн,
Дӣор сёлӯндулӣвӣ пӣс-пӣс пӣскэнэрэн.
Тар амардукин
Бэедӹт тӯрэрбулдэн,
Авдӯдӹт эӈтырӯлдэн,
Эвэдӹт икэлдэн:
«Эӈтэвлэнин-эӈтэвлэнин!
Эр-кэ ичэкэл, иччирэнми
Иркин бэӣон авдӯлкаӈ
Иркинӣчэн гунмурӣ эвэнкӣ,
Бэе бимӣ бӣ тӯрэнмэв
Сёндӯвӣ силдыкал,
Иргэлэвӣ иктэвкэл,
Дӧдӯвӣ дӧлдыкал!
Эр бугат аӣ эвэнкӣн авдӯн
Эһӣн гиркура эрӯ уилкаӈ,
Эрӯ онӣлкаӈ буган ӧдан.
Де мит дӣор мэнты
Дӣор муһэт гиркурӣлавар истап.
Минэвэ энэлдэн гуннэ экэл тыкӯлда.
Гиркурӣ айлкаӈ
Анал бугава манам.
Инэӈӣ аӣ бэен
Дяпкун ӣлкэн эгдэн энин
Буган эрит этэрэн.

Промелькнул, как уходящая туча,
Исчез, как убегающая туча.
После этого —
Тот человек
Очень удивился.
А наш человек вовсю погнал, оказывается,
Своего дикого оленя со свежеоголенными рогами.
Славный дикий олень,
Ускорив бег свой, помчался.
В Нижний гибельный мир
Со страшными его преградами
Вела подобная залитому
Сгустками крови,
Разрезанному конскому горлу,
Устремлявшаяся вниз
Железная тропа.
Ее зияющего отверстия
Вскачь достиг
Дикий олень со свежеоголенными рогами,
Погрузившись по колена
В мерзлую землю четырьмя своими
Ногами, расставленными в четыре стороны,
Поводил поднятыми ушами туда-сюда.
Из обеих его ноздрей раздалось громкое фырканье.
После этого —
По-человечьи заговорил он,
По-оленьи захоркал,
По-эвенкийски запел:
«Энгтэвлэнин-энгтэвлэнин!
Вот посмотри-ка, хозяин мой,
Эвенк по имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами!
Если ты человек, то слова мои
Вкрути себе в уши,
Вбей в мозг,
Выслушай нутром!
Олени эвенков-*аи* не могут
Ходить по этой страшной стране —
Так она устроена.
Нам двоим
Придется дальше идти в разные стороны.
Не сердись на меня, думая, что я ленюсь.
Земля, по которой я могу ходить,
Мной уже пройдена,
Светлая, восьмиободная,
Таежная земля-мать * людей-*аи*
Здесь кончается.

Эһилэ эвэнкӣ бэен
Эр-тар албаһин барāн гуӈкитин.
Тарит ēкун сāрӣ
Албаһилкāн бимӣ
Мэ̄нды эмукин суруксō,
Сāрӣтпӣ гиркудякал.
Эмэдэлэс бӣ Ēексит энӣвэ укуктэ,
Аӣ аминми оӈковōн оӈкокто.
Ōкин нāда ōмӣ
Иччилэкмэ тӯрэнмӣ
Эдындӯ иктэвкэ̄тнэ уӈдэвӣ.
Ӣдук-дэ̄ минэ э̄рӣрэкис
Этэ̄м эндэйдэ, эмэдиӈэв.
Эӈтэвлэ̄нин-эӈтэвлэ̄нин!» —
Гуниттэн эр иркимэктэ
Иркин бэ̄ӧн биһэмдэ.
Де тарā эр бэе биһэмдэ
Дӯндэлэ̄ һэтэкэнчэрэн-дэ̄
Мэ̄ӈун улгэ̄р нēгӯвāн
Мэ̄ӈумэ нэ̄мэн оёлōн гарадāран,
Инэ̄ӈӣ дулмаван салайдан.
Тар амардукин биһэмдэ
Иркимэктэ иркин бэ̄ӧн авдӯвӣ
Амардукин аһавна ичэтчэнэ
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н ōчāн уһу:
«Угэлē-угэлē угэндэ̄р!
Эр-кэ, эр-кэ ичэкэл,
Иркимэктэ иркин бэ̄ӧн авдӯв,
Дэгри дэктэндэв,
Туксарӣ һалганми,
Сӣ нян бӣ тӯрэ̄нмэв
Сēндӯвӣ силдыкал,
Дōдӯвӣ дōлдыкал,
Иргэлэ̄вӣ иктэвкэл!
Эр минэвэ
„Сōӈку сумут мāтā бинэ
Сāма тӯрэ̄нэ энэ гарадāра
Ӈэнэрэн“, — гундиӈэ̄с.
Эр би дюлэв эрӯвэ̄н
Мэ̄нды сāнды бидиӈэ̄н.
Тарит ēһалкāн-дэрэлкэ̄н
Этэврӣ-алāттӹ болдёкко
Ōн-дā эрбэ̄н-тарбāн гуннэ
Эмӯһим бӯрэ
Ōкин суручōӈӈи бакамӣ,
Ӈāладӯвӣ дявамӣ
Сӣ гундэгэчӣнды эдындӯ
Тӯрэ̄нэ уӈдиӈэ̄в.

У эвенка-богатыря
Много разных хитростей, говорят,
Поэтому ты дальше
Пойдешь сам.
С помощью тех хитростей, которые знаешь,
Будешь ходить как сумеешь.
Пока ты не вернешься, я попью [воды] матери-покровительницы,
Попасусь на пастбище отца-*аи* *.
Когда понадоблюсь,
Свои вещие слова
Пошли мне с ветром,
Откуда бы ты ни позвал,
Не пропущу их, примчусь.
Энгтэвлэнин-энгтэвлэнин!» —
Сказал этот дикий олень
Со свежеоголенными рогами.
Тогда этот человек
Спрыгнул на землю,
Набросив на серебряное седло
Серебряный витой поводок,
Направил оленя прямо к полудню.
После этого —
Глядя вслед своему дикому оленю
Со свежеоголенными рогами,
Он стал говорить такие слова, оказывается:
« *Угэлэ-угэлэ, угэндэр!*
Вот-вот, смотри, мой дикий олень
Со свежеоголенными рогами!
Летающие крылья мои,
Бегающие ноги мои!
Мои слова ты тоже
Вкрути [себе] в уши,
Учуй нутром,
Вбей в мозг!
Если обо мне
Ты подумаешь:
„Храбрый сильный *мата*
Ушел без прощальных слов“, — [то скажу]:
Знаешь сам,
Мне предстоит поход.
Поэтому я
Не могу назвать
Приметы срока,
Когда меня ждать.
Если найду ушедшего,
Схвачу его своими руками,
Тогда, как ты просишь, с ветром
Пошлю свои слова.

Тадук ōдакин
Ē-вал кулдюн кувулгат бакаракин,
Дйкэй дивилгэт девуксэлдэкин,
Минду итчилэ̄к тӯрэнмӣ уӈиӈнэкэл.
Би-дэ̄ йдӯ-дэ̄ бимӣ
Этэ̄м эндэйдэ, эмэдиӈэв,
Эрйксэвэс эруhуйдиӈэ̄в,
Эрэйдукис бйhа̄диӈа̄в,
Ава̄hиӈӈас а̄чиӈдиӈа̄в,
Ба̄на̄дяӈӈас ба̄лтадиӈа̄в.
Де ēдук-да̄ аят бинэ
Оӈковӣ оӈкокол,
Ēēксит энинмӣ укукул,
Дэлбимэ бургукул,
Бакалдыдала бураhа̄й бигин!
Угэлē-угэлē угэндэ̄р!» —
Гуниттэн ивит.
Де тар амардукин
Иркимэктэ иркин бэю̄н авдӯн
Дылви луглӣhинэн,
Дыгин hалганмӣ дыгин муhэ̄т
Амаскӣ-дюлэ̄скӣ согинтӯран-да̄
Сумут умутōгиндивӣ муннэгдеhинэн ивит.
Де тар амардукин
Эр мит бэеӈит
Иркимэктэ иркин бэю̄н авдӯлка̄н
Иркинйчэ̄н гунмурӣ ма̄та̄тка̄н,
Эр hэргӯ бугала̄ тыккйт
Сэлэмэ hоктотын уркэлэ̄н
Эмэксэ̄, ичэнэн биhэмдэ
Дылача̄ва дэ̄птыкӣ нйврӣ
Ӯhикин уркэлкэ̄н ивит.
Дегинӈӯ кирӣдукин та̄нмурӣ
Сэлэмэ гилдылка̄н ивит.
Тадук дявакса̄, эр бэе та̄ннан
Ēкур-ēкур биргӯтын
Со̄т-со̄т hэгдыӈэт
Тас-тас hоко̄мдо,
Килир-килир иӈнӯрэ,
Уркэ бими нэлэскэ̄н нйврэн.
Тара̄ ичэнэн: дяпкун муhэ̄дук
Ло̄м сэлэндēлӣ до̄гйт гоколо̄вко̄ннотын
Сэлэӈилтын hоко̄мчо̄л ивит.
Де тар амардукин
Эр Иркинйчэ̄н со̄ниӈ биhэмдэ
Сэлэмэ hоктолӣ hэргискэ̄кӣ тыктэвӣ
Уhо̄рон йксэтмӣ-дэ̄
Со̄ниӈ илэ мэ̄ндивӣ

После этого —
Если тебе встретится ловкое коварство,
Если тебя станет убивать злая хитрость,
Свои заветные слова отправь мне!
Где бы я ни был,
Не пропущу [их], приду,
Спасу твое дыхание,
Избавлю тебя от мучений.
Уничтожу *авахи*,
Убью твоего убийцу!
Живи хорошо,
Пасись на пастбище,
Пей воду своей матери-покровительницы,
Нагуливай жиру!
Прощай до встречи!
Угэлэ-угэлэ угэндэр!» —
Сказал он, оказывается.
После этого —
Дикий олень со свежеоголенными рогами
Мотнул головой,
Четырьмя своими ногами в четыре разные стороны
Взад-вперед взбрыкнул
И вскачь умчался, оказывается.
После этого —
Наш человек,
Мата по имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Подошел к двери,
За которой железная тропа
Спускалась в Нижний мир, и увидел,
Что [дверь] открывалась
Против хода солнца *.
В левом углу
Было железное кольцо.
Взявшись за него,
Наш человек потянул;
Что-то очень-очень громоздкое
Сломалось: бух-бух,
Зазвенело: дзынь-дзынь.
Дверь настежь открылась.
Посмотрел он: восьмислойный крюк,
Железный запор, подпиравший дверь,
Сломался, оказывается.
После этого —
Иркиничэн-богатырь
По железной тропе попытался
Спуститься вниз,
Но не сумел

Эрэгэмэ эчэ батта.
Де тар амардукин
Иларāкāн һунӣлдэһинэн-дэ̄
Ӈāлан-һалганин эһӣ ичэврэ
Умун тэгин бултэ̄мэ-нӣон
Бултэ̄лэмэ Бултэрикэ̄н омолги ōксā,
Де куӈул һэргискэ̄кӣ һукэлчэнэ
Кирилēстук кирилēслэ̄ бултэ̄гдеһинэн ивит.
Де эр Бултэрикэ̄н биһэмдэ
Горово-дō, дагава-дā тыкнэвӣ
Эрэгэмэ энэ сара
Бултэ̄гдэдерэн ивит.
Тар-да бичэ̄лӣн
Бōюн бэе кувулгатын биксэ̄,
Нимӈāкāн биксэ,
Удян нӣян тар-дāт
Эчӣн силэпрэ мунду силэгэчӣнин
Тамнакса һактыра бугамӣлā истан-да
Нуӈан биксэ̄ бидедиӈэ̄н дō —
Тар-дāт дыгин кирӣлкāн
Сэлэмэ ампāр дӣолā истан.
Де эр биһин ивит
Екун-да дӣолйэ āчин
Нӣо-да нӣя тӯрэ̄н гундэ̄
Тӯрэ̄нтын-дā дюлэн-амарин эһӣ сāвра.
Айдāн сōӈин
Соӈодерӣ-дā, инедерӣ-дэ̄ эвкӣ сāвра,
Инелчэ̄-дэ̄, икэ̄лчэ-де ӈӣвэ̄н-дэ̄
Бэе эһин дӣоллēрэ
Огēӈāлтын бивкӣл ивит.
Де тар-дā биһикин
Мит бэеӈит ӈӣдук-дэ̄ энэ тāнчара
Огēӈа норōтын астāмӈӯлтын
Ēкурва-ēкурва ирӣнэл
Эймэгдерӣлдулэ * эмэксэ̄,
«Миндӯ борӣкал!» — гуннэ
Һанӈавӣ алӣттан-дā
Ӈāладӯвар ēкун биһӣдин
Дурукидин Бултэрикэ̄нмэ иктэксōттэ-дэ̄,
Бултэрикэ̄н бултэрис һуқэлчэттэн-дэ̄
Нуӈанмāн кото-дō дугэ̄н,
Сукэ-дэ̄ деен
Эһӣн тэптырэ ивит,
Бултэрис адагаксōттан ивит.
Де огēӈāл аһактадяманал
Уһōтто буктагатмӣ-дā
Бултэрикэ̄н бултэрис адагаксōттан.
Тар некэдерэктын

Протиснуться.
После этого —
Трижды перевернувшись,
Он превратился в круглого, гладкого
Бултэрикэна-парня
С невидимыми руками-ногами
И покатился свободно вниз.
Перекатываясь по ступенькам,
Этот Бултэрикэн
Совсем не знал,
Долго, недолго ли он спускался —
Катился себе и катился, оказывается.
Между тем —
В сказках так бывает —
Следы человека-богатыря,
Владевшего разными уловками,
Достигли страны, покрытой туманом,
Подобным мутной ухе из недоваренного гольяна.
Разве он мог там задержаться?
Тут же подкатился к четырехугольному
Железному дому-жилищу.
В нем, оказывается,
[Слышалось] что-то, что речью не назовешь — один вой.
Ни начала, ни конца разговора —
Ничего нельзя было понять,
Страшный шум.
То ли плачут, то ли хохочут,
То ли пляшут, то ли поют —
Этих *огенга* человеку
Не понять, оказывается.
Все-же
Наш человек нисколько не испугался,
Подошел к тем, которые, суетясь,
Готовили еду для племени *огенга*,
Варили непонятное что-то,
Он подставил ладонь и сказал:
«Меня угостите!»
Стали они бить Бултэрикэна
Тем, что попалось под руку.
Бултэрикэн ловко увертывался.
Ни острием ножа,
Ни лезвием топора
Не могли его поранить —
Ловко увертывался он, оказывается.
Огенга за ним гонялись,
Хотели его побить,
Но Бултэрикэн ловко увертывался.
Увертываясь,

Нектэ бэевэ оёлӣн һэтэкэнэн,
Гугда бэевэ һэрэлӣн һукэлчэрэн,
Сэлэмэ ампӑр дю̄ малӯткӣн суптыран.
Сурутур о̄дяна
Де огёӈа̄ норо̄тын умӣвуксӑл,
Ая аһи Аякчан сивӑйбан гуннэл
Астӑчӑл бичэ̄л ивит:
Сэлэмэ осто̄лилва таниксӑл,
Аи бэен эһӣмэн дагамара
Ургэ унӈӯчӣ осто̄лилва
Девгэ̄тэй-ётай эрӯ-ургэ унӈӯлкэ̄н
Девгэ̄вэ тӑнчӑл ивит.
Ая аһӣ Аякчан эрэйдэктӯ
Аӣ бэен дылва̄н нэчэ̄л ивит.
Тара ичэһиннэ̄н Бултэрикэ̄н ма̄та̄
Амурикта һалгардивӣ
Девгэмӣлтын оёлӣтын
Һэтэкэснэ ӯгӯ бо̄юнин
Һо̄лаӈа̄ соногоһилка̄н һёркининдя̄ ма̄та̄я
Дыгин кирӣлка̄н Сэлэмэ Дыгияндя̄
Дюлэлӣтын ӣлтэнэн.
Тара̄ ичэксэ,
Ӯгӯ буга букатырин
Һо̄лаӈа̄ соногоһилка̄н
Һёркининдя̄ гунмурӣ ма̄та̄
Илдан-да сэлэмэ осто̄лба
Кумтэптыкӣ һэкиһинэн.
Де тар амардукин
«Огёна̄л багас сӯ,
Таваргачир бинэл
Сивӑйбалтӯһал биһис гӯ?
«Бугӣ! Тулискӣ! Юкэл!» —
Гунэн-дэ ава̄һи со̄ӈӑн
Оӈоктомодӯн кокоскаран.
Сирэ гарпавча̄ сатма̄р эһэмиёгэчӣн
Тывириһинная ава̄ҳиӈин биһэмдэ,
Дулмадӯвӣ дявачӣ дягдандягачӣн
Каридявӣ тыпканикса̄,
Аӣ бэевэ̄н тыкивтыликсо̄рэн.
Де дю̄р со̄ниӈ
Ситандиӈа̄тын ба̄ра до̄ —
Коӈнорӣн улдэ колтолдивар
Дэрэ дэрэвэр дэлпэгэмэ̄тнэл,
Ёһа ёһавар энэл одёлдыра
Тыкивтымэчилдэ ивит.
Дюдук тулискӣ ю̄рӣвэр устадӯн
Дюдӯ биһӣ огёна̄лва
Нӑнавар ӑчиӈда,

Он перепрыгнул через низкорослых *огенга*,
Проскочил под большими *огенга*
И заскочил в *малу* железного дома-жилища.
Оказался он прямо там,
Где собрались люди-*огенга* —
Для свадьбы славной девушки Аякчан
Угощение готовили, оказывается,
Столы железные расставляли.
Человек-*аи* не мог бы приблизиться
К тем столам из-за зловония.
От всей приготовленной еды
Страшно воняло.
Перед бедненькой славной девушкой Аякчан
Положили голову человека-*аи*.
Увидев это, испачкавший калом ноги
Бултэрикэн-*мата*
Запрыгал по яствам *огенга*
Перед богатырем Верхнего мира
Херкининдей, ездящим
На молодом коне-радуге,
И четырехгранным богатырем Сэлэмэ Дыгияндей.
Увидев это,
Богатырь Верхнего мира по имени
Херкининдя-*мата*, ездящий
На молодом коне-радуге,
Встал и пинком
Опрокинул железный стол.
После этого —
«Вы, такие
Гнусные *огенга*,
Свадьбу устраиваете?
Тьфу! Вон! Убирайтесь!» —
Сказал и сунул кукиш под нос
Главному из *авахи*.
Авахи, словно раненый
Матерый медведище, рявкнул, брызгаясь слюной.
Оголив руку, подобную огромной сосне
С расщелиной посередине,
Он принялся колотить человека-*аи*.
Два сильных богатыря
Разве поладят по-доброму?
Голыми кулаками
Стали разбивать друг другу лица,
Выбивать друг другу глаза.
[Так] они бились, оказывается.
Из дома, сражаясь, вышли:
Из *огенга*, которые были внутри,
В кого попали — тех уничтожили,

Тӯнэвэр туӈнэрдэ,
Һэркунэвэр ӈэнэ̄дэрэ.
Тар умун ӫорӣдӯвэр
Огёӈа норо̄тын илан некэвчэ
Умунмо̄н ба̄лтара бадага.
Де эр бэел, тулискӣ ӫоксэ̄л,
Илан нулги тугурумчэлкэ̄н
Бо̄юндаһивун бо̄лак оёло̄н
Умун-тэгин дайба̄ма̄тнал
Ёва-да̄ о̄навар энэл са̄ра
Тэрэӈкэкӣмэ букталдака̄н иктэлдынэл
О̄нӣка̄рвар о̄лдыдяра ивит.
Тар амардукин
Эр мит бэеӈит Бултэрикэ̄н биһэмдэ
Дӯга̄н огёӈалва энэ девувкэ̄нэ
Дэлби дерэ̄дэрэн.
Огёӈа̄л биһэмдэ, тыкӯликса̄л,
Бултэрикэ̄нмэ аһалитта.
Мит бэеӈит биһэмдэ
Умун токсокӣва чаварӣһинан-да̄
Огёӈа̄л атама̄рватын
Аһама̄тнал эмэчэ̄лвэ
Токсокӣӈитпӣ так мёстэлэкэ̄тнэ
Эвӣттэн ивит.
Аһӯн-да̄ со̄ниӈилва
Аяга̄ка̄нма дурукка̄тын
Ба̄лтака̄тна эвӣрӣ ма̄та̄ ивит.
Де амаргӯт тара̄ са̄ксэ̄л,
Һа̄дыл эрэ-тара̄ эһӣл дёргойро *
Эр ӯргэн ма̄та̄л эрэгэмэ
Нуӈардуктын туксанча̄л ивит.
Де тар амардукин
Иркимэктэ иркин бэюн авдӯлка̄н
Иркинӣчэ̄н гунмурӣ мит бэенит биһэмдэ,
Мэ̄нин мэ̄ндиви о̄ксэ̄,
Ӯр ая аһӣ
Аякча̄н Ивёкча̄н киливлӣва
Эмэрэн-дэ̄, гаксэ̄,
Сёптӯвӣ дыксэ̄,
Тулискӣ ӫорӣдӯвӣ
Сэлэмэ ампа̄рва
Умун эркинмэ̄н
Нэптэрэгэр һэ̄киһиннэ ӫорэн.
Тадук тулискӣ ӫоксэ̄,
Ӯр бо̄юһалва ичэһиннэн биһэмдэ
Де авгӯ-да энэл тэптылдырэ
Тэрэӈит тэвиндерэ,
Урэ̄тмэт куһӣдерэ ивит.

На кого наступили — тех опрокинули,
Кого задели — тех погубили.
Пока выходили,
Одну треть народа *огенга*
Перебили, кажется.
Эти два человека вышли наружу,
На боевую площадку богатырей,
В три кочевки по окружности,
Не переставая, били друг друга наотмашь,
Не разбирая, куда.
Сражались на равных,
Свою судьбу испытывая.
После этого —
Наш человек Бултэрикэн
Стал проказничать, мешая есть
Тем *огенга*, которые были в доме.
Разозлились *огенга*,
Стали за Бултэрикэном гоняться.
Наш человек
Схватил шестую позвоночную кость
И костью
Играючи отколотил *, оказывается,
Самых бойких *огенга*,
Которые за ним гонялись.
Из многих богатырей [*огенга*]
Всех самых сильных
Играючи убил *мата*, оказывается.
После этого, узнав его [силу],
Некоторые богатыри послабее,
Не гонявшиеся за ним,
Совсем от него убежали.
После этого —
Наш человек, зовущийся Иркиничэном, ездящим
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Снова самим собой стал.
К славной девушке
Аякчан Ивекчан-красавице
Он вернулся, взял ее
И засунул в свой карман.
Выходя наружу
Из железного дома,
Одним пинком
Разрушил его стенку,
Затем, когда вышел наружу,
Посмотрел на тех богатырей,
Никто из них другого не мог одолеть,
Схватка была на равных,
Под стать друг другу они были.

Авгӯ-да аһӯндӯн-да
Давдылдырӣтын эӈэт сӑвра,
Мэрвэр эрӣксэндӯвэр
Һуӈтуву ёва-да эӈэт сӑра
Аилӑкил ӧчӑл ивит.
Тыкӯлнатын-аварнатын-да сӧ бадага,
Тар-да бинэл сӧӈдямара ивит.
Тарӑ ичэксэ, мит бэеӈит
Иркимэктэ иркин бэӣон авдӯлкӑн
Иркинӣчэн гунмурӣ мӑтӑ биһэмдэ
Сӧниӈ сумун нюмурӣвран,
Эӈэһӣ дялин бӧралдан:
«Тавар орёӈава энэ эрӣһинмукэнэ
Элэвэн ичэчэ бэе», — гунчэрэн.
Тар амардукин
Куһӣдерӣ бэелвэ дагамаксӑ,
Дагадӯтын тэгэксэ,
Тыкэн гуннэ тӯрэлкэн ӧдячӑн:
«Угэлё-угэлё угэндэр!
Эр-кэ, эр-кэ ичэкэл,
Ӯгӯ илан бӣстӯн ӧскёнӣ
Һэгдэгӯ һӧлаӈӑ туксу соногоһилкӑн
Һёркининдя гунмурӣ мӑтӑ,
Ӈӯӈнэ нӣордӯс, дялӯра бӧмдӯс
Доро̄во бигин,
Амаргӯптын улгӯр ӧгин!
„Ӣргӣт тэкэлкэн-сэксэлкэн
Мӑтӑ, эмэксэ,
Доро̄волкӧн-улгӯрилкэн ӧданды?“ — гунэкис,
Эден Ёёксит энилкэн бичэв,
Аӣ бэгин амилкӑн бичэв,
Иркимэктэ иркин бэӣон авдӯлкӑн
Иркинӣчэн гунэрӣ
Аӣ эвэнкӣн ӧдам.
„Ёкун сӧ нӑдадӯн
Эмэнды?“ — гунэкис,
Сӧ бэе Сӧданӣ мӑтӑ акилкӑн
Ая аһӣ Аякчӑн Ивёкчӑн киливлӣ
Гунмурӣ аӣ эвэнкӣ һунадин
Ая һунатпа
Тавар куһӣдерӣ катыкиндяс
Дыгин кирӣлкӑн
Сэлэмэ Дыгияндя кувулгат,
Дёромоксӧ, эмувнэвэн
Эр, эмэксэ, бакам.
Де тар амардукин
Мит дӣокрэ дӣор аӣ эвэнкӣн
Умун улгӯрйэ улгучэмэткэт.

Кто из них победит
И когда — было неведомо.
Они разъярились до того,
Что уже ничего не помнили,
Стали как одержимые.
Рассерженные, разъяренные, они
Бились насмерть,
При виде этого у нашего человека,
Богатыря по имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Стали зудеть богатырские жилы,
Всколыхнулись сильные мысли.
«Увидеть бы мне, как пропадет
Этот *огенга*, когда я лишу его дыхания», — подумал.
После этого —
Он приблизился к дерущимся людям,
Поблизости сел,
Сказав такие слова:
«*Угэлэ-угэлэ угэндэр!*
Вот посмотри-ка,
Родившийся среди трех верхних племен
Богатырь по имени Херкининдя, ездящий
На молодом коне — старшей радуге-туче!
Сначала привет
Твоему гладкому лицу и твоей мудрости,
Потом разговор.
Если спросишь: „Кто ты по роду-крови,
Мата, прибывший
С приветом и разговором?“
То [отвечу]: моя мать — Эден Еексит,
Мой отец — Аи Бэгин.
Я эвенк-*аи*
По имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами.
Если спросишь: „С какой
Нуждой ты пришел?“ — то [отвечу]:
[Я пришел] за славной девушкой Аякчан Ивекчан-красавицей.
Старший брат ее — храбрый Содани-богатырь,
Она дочь эвенков-*аи*.
Эту славную девушку,
Похищенную и унесенную
Коварным четырехгранным
Сэлэмэ Дыгияндей,
С которым ты бьешься,
Я нашел, придя сюда.
После этого —
Мы, двое эвенков-*аи*,
Поведем разговор, будем заодно.

Сӣ-дэ̄, бӣ-дэ̄ умун ҳоктодӯ
Сӯгӑривча̄л со̄ниӈил о̄дап.
Тарит сӣ эҳит
Токто̄кол-болгойкол!
Тавар огёӈа атама̄нма̄н
Бӣ-кэнэ̄ со̄мканикта *,
Оӈкой буксэткэ̄ндин о̄ника̄нма̄н о̄кта,
Ивгӯнай урэ̄ буксэткэ̄ндин
Сигдэндёвэ̄н гивгукта.
Сӣ городук гиркудярӣ бэе
Куҳӣндук дэрумкӣҳикэл.
Тыкэ̄н урэ̄ттӹ ма̄та̄,
Бара̄н коӈнорӣн нёҳэӈин
Коӈнорӣн тӯр бугадӯ уӈкулбуксэ̄,
Кёйми-да̄ кёйдиӈа̄с.
Дюрсу горулиндалмӣ *,
Бара̄н албаҳилка̄н бимӣ
Мэ̄нмэс эллёдиӈэ̄н.
Аила̄гин дӯор ай бэен
Ичэтмэ̄тнэл умун о̄га̄т —
Бӣ дялив таргачӣн.
Сӣ дялвӣ со̄т тургэнди са̄вка̄кал.
Элэкин гунэкис,
Эр-ты эҳит усто̄кло̄ тыкичим.
Угэлё-угэлё угэндэ̄р!» —
Гуниттэн ивит эр мит бэеӈит.
Де тара долдыкса,
Ча̄гӯ ма̄та̄ дӯор ёҳан
Дӯор чолбон оҳика̄ктагачӣн
Угискӣ ҳута̄птӹҳинчаран,
Увагас сэ̄ксэн девирбуҳиҳинчэрэн,
О̄рда̄к сэ̄ксэн о̄луктӯн ҳуюлдун,
Ба̄рда̄к сэ̄ксэн бэ̄лгэлӣн бёлкивран,
Уҳук сэ̄ксэн урдӯн дялупран,
Ниравӣ сэ̄ксэн нёвандула̄н истан.
Тыкӯлнавӣ со̄дӯн
Умун тогор угискӣ ондойдон,
Дыгин ӈа̄ла дырамулдан.
Дырамдулӣвӣ аран эчэ ҳитаргара,
Нэмкӯндулӣвӣ аран эчэ этыргэрэ.
Ӣктэлвӣ кавиринакин ӣктэлдукин
Илэ тогол оснӣҳинчара.
Тыкӯлнавӣ со̄дӯн ава̄ҳи омолгива̄н
Оӈоктондёво̄н дэ̄птыкӣ кокоскаран.
Тариӈин биҳэмдэ конӯва дялум
Комордо̄с бого ко̄нчо̄кё о̄ҳинчаран,
Иҳэлэ бого нилба̄кё о̄ҳинчаран.
Де тар амардукин

На нашей тропе и твои и мои
Зарубки одинаковые.
Поэтому ты теперь
Постой, подумай!
Попробую и я испытать силы
Этого атамана *огенга*!
Тальником из распадка похлещу его!
Тальником с гаревой горы
Отделю от позвонков [его мясо]!
Ты человек, пришедший издалека.
Отдохни от боя!
Равного тебе богатыря
Ты победишь только [тогда],
Когда прольешь на черную землю
Много черного пота!
Если дальше станешь [биться],
Он пойдет на хитрости,
Тебе от него достанется!
Лучше мы, двое людей-*аи*,
Будем заодно,
Я так думаю.
Как думаешь ты, скажи скорее.
Если скажешь: „Хорошо", —
Тут же вступлю в бой!
Угэлэ-угэлэ угэндэр!» —
Сказал этот человек, оказывается.
Когда Херкининдя-*мата*
Услышал это, из двух его глаз,
Подобных двум утренним звездам,
Полетели вверх искры.
Жидкая его кровь стала будто ржавая,
Яростная кровь заклокотала в горле,
Вспыльчивая кровь выплеснулась из колен *,
Густая кровь заполнила все нутро,
Буйная кровь ударила в сердце,
От страшной злости
Вырос он на одну пядь,
На четыре пальца раздался вширь.
В широких местах [туловища] он чуть не лопнул,
В узких местах едва не разорвался.
Зубами он заскрежетал так,
Что полетели искры.
В страшной злости он сунул
Кукиш под нос сыну *авахи*.
Все поле тогда заполнилось
Множеством снующих жуков,
Множеством ускользающих ящериц *.
После этого —

Эр һōлаӈā туксу соногоһилкāн
Һēркинӣндя̄ букатӹр биһэмдэ
Мит бэеӈит улгӯрдӯн
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н ōчāн уһу:
«Юкир-юкир юкирмōй!
Эр-кэ ичэкэл,
Дулин-буга бōюнин
Иркимэктэ иркин бэю̄н авдӯлкāн
Иркинӣчэ̄н гунмурӣ мāтā,
Дорōводӯс дорōво сурурун,
Улгӯрдӯс улгӯр бигин!
Эр минэвэ сэнэ̄рӣс-тэ̄ сō ивит.
Сӣ сэнэ̄чэ̄лӣс
Ӯгӯ илан бӣһин
Сōниӈ букатӹрин
Сōлаӈā туксу соногоһилкāн
Һēркининдя̄ гунмурӣ
Сōӈку сумут мāтā биӈнэм.
Сō дулин буга бōюһалдӯн
Сугун эһӣ сэнэ̄врэ
Мāтā сōниӈ биӈнэм.
Эргэчӣн умун һалгалкāн,
Эргэчӣн умун ӈāлалкāн
Огēӈā омолгидӯн
Ама дю̄р һалгалкāнма бэлэчивчэдиӈэ̄в-гӯ?
Де тэдемэ-дэ
Сэнэ̄рӣс ēдӯ сōтаран,
Соӈомō сориндя̄в!
Тыкӯнē-тэлбэ̄нē биргэндēв!
Эр-ты эһит-пэл соло-дō эчэв биһи:
Тырчигинэс сумувӣ
Эчэ кēйда ōнавас,
Тыкилӣмэ ōвканиксā,
Уилдын ургуну дялалкāн
Суму-ню̄н тараһадис уӈимчэ̄в.
Сōӈку бэевэ сэнэ̄нэвэс
Илан анӈанӣ дōгидāдӯн
Синдулэ̄ ēмӣ-кат исчиӈāв.
Тардалāн ōн-мал тулуйкал.
Тадӯ аят
Сумувкōдиӈэ̄т.
Тардалāн буралия бурастӹ! —
Юкир-юкир юкирмōй!» —
Гуниттэн чāгӯ бэе биһэмдэ.
Мит бэеӈит:
«Де тыкэ̄н биһикин бигин
Эдӯ-дэ̄, тадӯ-дā бӣ ня̄н бидиӈэ̄», —
Гунэн-дэ де балдыдя̄к бугалāвӣ

Богатырь Херкининдя, ездящий
На молодом коне — радуге-туче
На слова нашего человека
Такой речью ответил, говорят:
«*Юкир-юкир юкирмой!*
Вот посмотри-ка,
Богатырь Среднего мира,
Мата по имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами!
К привету идет привет,
На твою речь я отвечу!
Ты меня ставишь ни во что, оказывается!
Ты мной пренебрегаешь,
А я сильный, храбрый *мата*,
Родившийся среди трех верхних племен,
Могучий богатырь
По имени Херкининдя, ездящий
На молодом коне — туче-радуге.
Я такой *мата*, что
Не стерплю обиды
От сильных богатырей Среднего мира.
С этим одноногим,
С этим одноруким
Сыном *огенга*
Неужели я не справлюсь без двуногого?
Как сильно
Ты мной пренебрегаешь,
Даже хочется плакать!
Какое горе, досада!
Был бы я сейчас свободен,
Поубавил бы неуемную силу
Твоих упругих жил.
Свалил бы тебя,
Отпустив с одними хрящевыми суставами
С жилистой брюшиной.
За эту обиду, я, сильный богатырь,
В течение трех лет
Непременно доберусь до тебя.
До того как-нибудь потерпи!
А там хорошенько испытаем друг друга,
Силой померяемся.
До того времени прощай!
Юкир-юкир юкирмой!» —
Сказал тот человек.
Наш человек сказал:
«Пусть будет так,
Я согласен на то и на это», —
И отправился вверх

Угискӣ туктыдерэн ивит.
Нуӈан биксэ ӗдӯ тӑнмуӈӑт
Бэеӈку бэе биден —
Эр hэргӯ эрӯ эрӣксэлкэн
Огӗӈа бӣhин дулин ай бугала
Уhа уилкӑн удятын hоктон
Оhокилкэн-сэксэлкэн сэлэмэ hоктолӣтын
Дулин энин бугалавӣ
Пэрӣhин гиркундӯвӣ
Ай бэен тыӈилэкин
Дӯндэмэвэ энэ сара
Били Бултэрикэн ӧксӑ
Hукэлчэнэ эвнэвӣ hоктовӣ
Ускакӣ туктыдерэн ивит.
Нуӈан биксэ удадиӈӑн дӧ —
Тар-дӑт дяпкун ӣлкэн-сагалкӑн
Дулин энин буга оёлӧн
Уhулу улгӯнчана ӧксэ,
Ят ичэнэн биhэмдэ:
Аилиннан анал буган бараксан
Ӗдӯ багас аятаран!
hэргӯ огӗӈа бугадӯн ӈэнэмӣ,
Дылачӑн гарпатна-hӗгӯна,
Ӗдӯ багас аятаран!
Балдыдяк буган мӧн-чӯкан
Ӗдӯ багас гудейтэрэн
Де талӑ туктыксэ,
Иларакӑн hунӣлдэhинэн-дэ,
Иркимэктэ иркин бэӧн авдӯлкӑн
Иркинӣчэн мэнин мэндиви ӧран-дӑ
Ӯр нэкун гундӹ нэкунмӣ
Ая ahӣ Аякчӑн Ивекчӑн гунмурӣ
Киливлӣва септуккӣ гаксӑ,
«Дулин ай бугавӣ
Дылачӑн ӈэрӣвэн ичэксэ,
Урункэл!», — гуниксэ,
Окин-дӑ эчӣн hокоргоро
Чӯт чӯкалкӑн лӑйда оёдӯн
Иливнан Аякчӑн Ивекчӑн киливлӣ,
Ая ahӣ Аякчӑн Ивекчӑн бараксан
Аилинна балдынавӣ
Анал дяпкун ӣлкэн-сагалкӑн
Эгдэн энин бугавӣ
Дэлэй нюрбӑн ичэксэ,
«Дӧрэ балдычӑ аяван
Ӈӣ сӑнан биден!» — гуннэ
Дӧскӣ-тулискӣ эрӣhинэн,
Эӈэнӣмэ эмӈэлдэн,

В страну, где родился.
Разве такой могучий
Человек-человечище задержится?
От нижних зловонных
Племен *огенга* — в Средний мир-*аи*,
По страшным следам,
По заляпанной сгустками крови железной тропе
Он пошел назад,
На свою землю-мать.
Пятки человека-*аи*
Не касались земли,
[Быстро] он возвращался назад
По тропе, где катился,
Когда стал Бултэрикэном.
Он не задержался —
Тотчас оказался на восьмиободной,
Восьмикрайней Средней земле-матери.
Встав во весь рост,
Внимательно осмотрелся:
До чего же хороша
Славная родная земля!
До чего она хороша
Под светлыми лучами солнца,
Не то, что страна нижних *огенга*!
Родной земли травы-деревья
До чего красивы!
Придя назад,
Он трижды покатался [по земле],
Приняв свой собственный облик * — Иркиничэна, ездящего
На диком олене со свежеоголенными рогами.
Достал из кармана
Младшую сестру, родную сестру свою по имени
Славная девушка Аякчан Ивекчан-красавица:
«На среднюю землю-*аи*,
На светлое солнце взгляни, порадуйся!» —
Сказал и поставил
Аякчан Ивекчан-красавицу
На *лайду* с нетронутой
Вечнозеленой травой.
Милая славная девушка Аякчан Ивекчан,
Увидев широкие долины
Родной таежной
Восьмиободной, восьмикрайней
Земли-матери, [сказала]:
«Как хорошо родиться второй раз,
Могу сказать только я», — сказала
И глубоко вздохнула.
Она успокоилась,

Сэксэтэй уваран,
Гирамдатай энюмулдэн,
Улдэн сахин ниврэн,
Аламай ехатай ӈэрилдэн.
Де эр айткар бэел бихэмдэ
Эмӈэ лайдаӈӈар оёлин
Дюкрэ даран гиркудянал
Эр иркимэктэ иркин бэюн авдулкан
Иркинйчэн гунмурй мата
Тыкэн гуннэ турэлкэн очан уhу:
«У гэдё-угэлё угэндэр!
Ичэкэл, эр би
Дэгрй дэктэндэв,
Туксарй hалганми,
Суптырй сониӈ сумув,
Тынис сэксэдук тэкэлкэн,
Одун сэксэдук онйлкан
Аналак мэнми укчакив,
Иркин бэюн авдув,
Итчилэк турэнмэв
Иргэлэвй иктэвкэл,
Долавй долдыкал,
Сендувй силдыкал!
Сот тургэнди эмэмэлчэкэл!
Сэмчэӈӈэр бакам,
Дялиӈӈар дялувум,
«Надаӈӈар дявам!
«„Эр ӈй, эмэксэ,
Улгурилкэн онды?“ — гунэкис,
Сй hунӈйс, дулин буга боюнин
Иркимэктэ иркин бэюн авдулкан
Иркинйчэн гунмурй
Ай эвэнкй боюнин одам.
Нэкун гунды нэкунмй
Ая ahй
Аякчан Ивёкчан киливлйва
Hэргу буга hэрэдукин
Эр дулин бугала туктывум.
Сот тургэнди эмэкэл!
Сирй бэевэн экэл сирйчивчара,
Аян бэевэн экэл алачивчара!
Бугалавар сот утарав!
Угэлё-угэлё угэндэр!» —
Гуннэ турэттэн ивит.
Де тар амардукин
Нимӈакан биксэ бидиӈэн до —
Били гэлнэрй гэрбйлкэн,
Сунтарй суракилкан

Кровь [в лице ее] посветлела,
Кости стали легкими,
Телу стало свободнее,
Ясные глаза просияли.
Двое этих людей-*аи*
По своей широкой *лайде*
Шли рядом.
Мата по имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Сказал [оленю] такие слова:
«*Угэлэ-угэлэ угэндэр!*
Вот, послушай!
Ты, летающие крылья мои,
Бегающие ноги мои,
Богатырские жилы, уносящие меня!
По твоему крепкому роду-крови,
По твоей сильной крови тебе суждено
Быть моим верховым оленем.
Мой дикий осенний олень,
Мои вещие слова
Вбей себе в мозг,
Учуй нутром,
Вкрути в уши!
Поскорее вернись!
Потерянное нами я нашел,
Задуманное исполнил,
Кого нужно было, поймал!
Если спросишь: «„Кто это
Пришел с разговором?“ — [отвечу]:
Это я, твой хозяин, богатырь Среднего мира
По имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Богатырь эвенков-*аи*.
Младшую сестру, родную сестру мою,
Славную девушку
Аякчан Ивекчан-красавицу
Со дна Нижнего мира
Я поднял в этот Средний мир.
Приди поскорее,
Не заставляй ждать странника,
Не задерживай путника!
Мы так спешим на свою родину!
Угэлэ-угэлэ угэндэр!» —
Сказал он, оказывается.
После этого —
В сказке ничто не задерживается —
Имеющий звучное имя,
Тотчас примчался вскачь

Сōӈку сумут иркимэктэ
Иркин бэюн авдӯн
Дыӈнӣкэндивӣ муннэкэтнэ
Ичэһиниксэ, һурумдиӈан эвгидэлӣн,
Тӯрэһиниксэ, эрӣһиндиӈэн эвгидэлӣн,
Иркин бэюн авдӯ бараксан
Кэӈтырэдӯн мӯ тэӈкикнэн бургуксō,
Һунӈивӣ дюлэлэн эмэксэ,
Эр коруиһинчаран ивит.
Де тарā ичэнэтын биһэмдэ
Ēкун сэвиһин дурукин
Мэндӯн уӈкувну ōвчāгачӣн
Мэӈумэ ая нэмэтэй,
Мэӈумэ улгэр нēгӯтай
Ōкин-да тыгдэ эчӣн улара,
Ōкин-дā иманда эчӣн тэгэрэ.
Де ирэндэн, ōнӣн-дā
Соруян анāн аилинчā-дā ивит.
Урэмкэдэ ичэдэ āчин,
Колōмкōдō коловур āчин —
Дёкчā-дā ивит нуӈан.
Де мит бэеӈит
Ая аһӣ Аякчāн Ивēкчāн
Гунмурӣ киливлӣва
Āнӈӯ сēптӯвӣ дыксэ,
Иркимэктэ иркин авдӯвӣ оёлōн
Кара һорокӣткāнӈачӣн капкāн һэтэкэнчэрэн-дэ
Балдыдяк ай бугаткāкӣвӣ ӈэнэвкэндерэн ивит.
Эр иркимэктэ иркин
Бэюн авдӯ бараксан,
Дэрумкӣксэ, ēдӯ-дā эһӣ колōвро
Коӈнокилкāн аянин нӣвуксэ,
Кукчāкāрин игдыӣгин
Гӯла урэлдулэ гуӈинтāлдан,
Нāяликин мōва нялбурагар суруӈрун,
Бучӯкин мōва буктарагар ӈэнэрэн.
Тэнӣнэгэчӣн дӯндэлди
Нэптэлмӣгдэ тэвиннэ,
Томтор дӯндэлвэ
Тонӈорогор тӯтынэ,
Оӈкучак дӯндэлвэ
Омчорогор оймōно
Дюр амаргӣн борбуйдӯн
Коӈнорӣн тукала корōлӣкāн бододёрон,
Дюр нēгӯн дюлэдӯн
Багдарӣн тамнāкса тыпудяран.
Де таргачӣн орон
Ēкун горовōн-мол горонден * —

Прославленный повсюду
Могучий дикий олень
Со свежеоголенными рогами.
Прежде чем взглянув, моргнешь,
Прежде чем вдохнув, заговоришь,
Славный дикий олень,
Откормившиися так, что на спине у него скапливалась [дождевая] вода,
Примчался к хозяину
И встал перед ним, наклонив [голову], оказывается.
Когда они его рассмотрели,
Все на нем оказалось ладным,
Будто вылитое:
Серебряное красивое седло,
Серебряный витой поводок,
Будто никогда не мочил дождь,
Будто никогда не падал снег.
И наружность его и стать
Были как будто выточенные,
Не с чем было его сравнить,
Нигде не было ему подобного, —
Так был он красив, оказывается.
Наш человек
Сунул в свой правый карман
Красавицу по имени
Славная девушка Аякчан Ивекчан,
Словно черный глухарь, взлетел
На своего дикого оленя со свежеоголенными рогами
И в родную страну-*аи*, поехал.
Этот дикий осенний олень
Со свежеоголенными рогами,
Отдохнув, мчался так,
Что его бег не с чем было сравнить.
Громкий стук его копыт
Отдавался в соседних горах.
Растущие деревья он сваливал,
Засохшие деревья дробил в щепки.
Он выбивал комья земли
Величиной с *кумалан*.
Холмы
Он растаптывал,
Низины
Он заваливал.
За его задними подколенниками
Черная земля вихрем вздымалась.
Под его передними ногами
Белый пар клубился.
Для такого оленя
Не далека никакая даль.

Адяс аһӯпчара-кат энэ
Иркимэктэ иркин бэю̄н
Авдӯлка̄н Иркинӣчэ̄н
Мэ̄нин энин бугала̄н
Эр-дэ̄т эмэрэ.
Мэӈумэ сэргэвӣ тэкэндӯн
Иркимэктэ иркин бараксан
Дергэс илиһинчаран ивит.
Тар амардукин
Ӯгӣт томкоды̄н уһӣе а̄чин,
Дӯндэдук сирэ̄нды̄н ситимйэ а̄чин
Солкомо дюкча̄ дю̄дук
Егин да̄рилка̄н
Солкомо ню̄риктэлкэ̄н
Солкондо̄р киливлӣ ю̄мэлчэрэн.
Де эмэчэ̄л бэеӈилвӣ
Дэ̄птыкӣ эмэксэ̄, доро̄ворон.
Иркин бэю̄н авдӯлка̄н
Иркинӣчэ̄н ма̄та̄тка̄н,
Ая аһӣ
Ая̄кча̄н Ивē̄кча̄н киливлӣ,
Егин да̄рилка̄н
Солкомо ню̄риктэлкэ̄н
Солко̄кчо̄н бинэл иланӣ
Ӯгэ̄н һэмурдуктын
Илатал камияк укуню ю̄кнэн,
Һэргӯ һэмурдуктын
Нюӈтэл нē̄ска имӯрэн ю̄кнэн
Иксарит нюканӣма̄тта.
Тар амардукин
Дыгин кирӣлка̄н алаһа дю̄ла̄вар,
Того бэгин эһэкэ̄лэ̄вэр
Элгэмэ̄тнэ ӣрэ.
Де тар амардукин
Эр егин да̄рилка̄н
Солкомо ню̄риктэлкэ̄н
Солкондо̄р киливлӣ, ю̄ксэ̄,
Дыгин дян дыгин нулги
Тугурумчэлкэ̄н мэӈумэ курē̄ндē̄дӯвӣ
Дялум илан дэткэ̄н дэлэмӣчэ̄вэ
Умнэ̄-дюрэ̄ эӈтэвкэ̄һинэн.
Де акта аяргӯн нуӈандӯн,
Байтаһун бастыӈин нуӈандун,
Бē̄ бургургӯн нуӈандӯн,
Огус олусман нуӈандӯн,
Тадук-та̄ һуӈту ай̄ девгэ̄н —
Дурукин нуӈандӯн о̄дан.
Сӣнманавӣ ситанды̄дин аста̄ран,

Нигде не задержавшись,
Тотчас они прибыли
На родную землю-мать
Богатыря Иркиничэна, ездящего
На диком олене со свежеоголенными рогами,
И славный этот олень
У основания серебряной коновязи *
Горделиво остановился, оказывается.
После этого —
Из не закрепленного вверху даже ниткой,
Не привязанного к земле даже конским волосом
Шелкового чума
Вышла красавица Солкондор
С девятисаженной
Шелковистой косой.
К прибывшим людям
Вплотную она подошла, поздоровалась.
Иркиничэн-*мата*, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Славная девушка
Аякчан Ивекчан-красавица и
Солококчон
С девятисаженной
Шелковистой косой
Стали целоваться так крепко,
Что с верхней губы
У них вытекло по три ложки молока,
С нижней губы
Вытекло по шесть ложек жиру.
После этого —
В четырехугольный свой чум-жилище,
К почитаемому огню-дедушке
Пошли они, взявшись за руки.
После этого —
Солкондор-красавица
С девятисаженной
Шелковистой косой
Отошла, раза два похоркала по-оленьи,
И в ее огромный серебряный загон
В четыре кочевки по окружности
Битком набились олени, кони и коровы.
Лучшие холощеные олени,
Первейшие яловые важенки,
Упитанные кобылицы,
Разжиревшие быки,
Любая другая пища [людей] *аи*, —
Все у нее было.
Она приготовила [еду] сноровисто, умеючи,

Ая гиркун маладаһунмāн ōксāл,
Дяпкун һалгалкāн мэңумэ остōлвар
Эрэлӣ тэгэрэ.
Де тар амардукин
Эр егин дāрилкāн
Солкомо нюриктэлкэн
Солкондōр киливлӣ биһэмдэ,
Ӯр солкомо дюткӣ ичэтчэнэ,
Тыкэн гуннэ тӯрэлкэн ōчāн уһу:
«Дею-дею деюкэнин!
Эр-кэ ичэкэл,
Иркимэктэ иркин бэюн
Авдӯлкāн Иркинйчэн гунмурӣ
Аӣ эвэнкӣ амилкāн,
Егин дāрилкāн
Солкомо нюриктэлкэн
Солкондōр киливлӣ энилкэн,
Дулин бугадӯ эмукин ичэн айлкāн
Аӣ эвэнкӣ һунāдин
Тулйвчāн удаган гунмурӣ
Аһāткāн, бӣ тӯрэнмэв
Иргэлэвӣ иктэвкэл,
Дōлāвӣ дōлдыкал,
Сēндӯвӣ силдыкал!
«„Эр-кэ ңӣ, эмэксэ,
Улгӯрилкэн ōданды?“ —
Гунэкис, балдынас
Катун энинды биһим.
„Тар ēдā миндулэ
Дылгалāнды?“ — гунэкис,
Дылача ңэрӣлэн
Айна балдывчā бэгин аминды
Иркимэктэ иркин бэюн авдӯлкāн
Иркинйчэн гунмурӣ
Дулин энин бугa
Сōниң букатӹрин эмэрэн.
Аӣ бэгин эһэкэдук аилинчā
Тэкэн экин гундӹ экинды
Ая аһӣ
Аякчāн Ивēкчāн киливлӣ
Аӣ эвэнкӣ һунāдин эмэрэн.
Де тар гиркунтын
Ая удядӯн
Малāһун девгэвэн ирӣрэв.
Эмэксэ, амилкāн экиндӯвӣ
Аламай дылачā тэрэңин
Ирэндэвӣ ичэвкэкэл.
Гудēйһймэ гаһаткāндӹ

Устроили они в честь удачного похода пир,
Вокруг серебряного стола на восьми ножках
Усевшись.
После этого —
Солкондор-красавица
С девятисаженной
Шелковистой косой,
Глядя на свой шелковый чум,
Сказала такие слова, говорят:
«*Дею-дею деюкэнин!*
Вот посмотри,
[Дочь] Иркиничэна, ездящего
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Эвенка-*аи*, и
Солкондор-красавицы
С девятисаженной
Шелковистой косой!
Дочь эвенков-*аи*,
Девушка по имени Туливчан-шаманка,
Предвидящая все в Среднем мире!
Мои слова
Вбей [себе] в мозг,
Учуй нутром,
Вкрути в уши!
Если спросишь:
„Кто это
Пришел и говорит?“ —
То [отвечу]: твоя почитаемая мать.
Если спросишь:
„О чем ты говоришь?“ —
То [отвечу]: открывший тебе
Свет солнца, почитаемый отец твой
По имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Богатырь-*сонинг*
Средней земли-матери приехал.
Происходящая из рода девушки-*аи*,
Тетя, родная тетя твоя,
Славная девушка
Аякчан Ивекчан-красавица,
Дочь эвенков-*аи*, приехала.
В честь окончания
Славного похода
Я приготовила угощение-еду!
Подойди к отцу и тете,
Обрати к ним свое
Лицо, свет которого подобен солнцу!
Своим дивным, как у стерха,

Дылгандивӣ улгучэкэл.
Тыргӯр дылача̄ тоголо̄н
Синэвэ аикса̄ бӯчэ
Бэгин аминмӣ бакалдыкал,
Тэкэн энинмӣ ичэкэл,
Эе̄нэ улгӯрйэ улгучэмэткэл.
Деӣо-деӣо деӣокэнин!» —
Гуниттэн ивит.
Де тар амардукин
Эр ӯгӯ няӈнядук
Томкодыка̄н-да̄ yhйе а̄чин,
Дӯндэдук сирэндын ситимйэ а̄чин
Егин да̄рилка̄н
Солкомо нӣориктэлкэн
Солкондо̄р киливлӣ мэнин айнан
Солкомо дӣодук биhэмдэ
Умун элэкэс угиривдерӣ
Е̄кун-ла соруян о̄нагачӣнин
Мэндӯн элэкмэ дурук
Муhэн укура̄т о̄нӣлка̄н,
Олус ая ирэндэлкэн
Гирамдалка̄н ӈӯӈнэӈин,
Дэрэлкэн багдарӣӈин,
Сэксэлкэн ӈэрӣhӣӈин,
Аhāтка̄н-да̄ биксэ адясма аяӈин ӯрэн ивит.
Нуӈанма̄н коло̄до̄ коловур а̄чин,
Ичэрӣдӯ ичэдэ урэтын а̄чин.
Нуӈанма̄н арай эмукинди
Аят уйде̄нэ ичэмӣ,
Урумут улгучэнмӣ,
Багдарӣн-да̄ биксэ соӈин о̄ча̄ ивит.
Нуӈан эӈэнӣмэ аян
Багдарӣнин со̄дӯн
Е̄кун-да̄ дэмйэ а̄чин
Тэтыы бутэй улдэн ичэврӣ,
Улдэ бутэй гирамдан ичэврӣ,
Гирамда бутэй уманин ичэврӣ
Ая ӈэрӣhӣ сэксэлкэн,
До̄дуккӣ ahагас улдэлкэн
Ая ahāтка̄н ивит.
Тэтчэрӣ тэтын биhэмдэ
Нӣян мэндӯн элэкмэ о̄вча̄ ивит.
Карилдулӣн томковло̄ндын *
Ка̄рис солко чӯрэктэлкэн,
Нюӈӣлдулӣн йктэвэтты
Но̄лур солко чӯрэктэлкэн,
Тогочӣ hуларӣн сулакӣкса
Сагадукин hэргӯ дилбӣрмэктӯн

Голосом расскажи им [о себе]!
Встречай своего почитаемого отца,
Открывшего тебе
Свет лучистого солнца,
Взгляни на родную тетю,
Поговори с ними по-хорошему!
Дею-дею деюкэнин!» —
Сказала [Солкондор], оказывается.
После этого —
Из не скрепленного с Верхним небом
Даже ниточкой,
Не привязанного к земле даже конским волосом,
Поставленного самой красавицей Солкондор
С девятисаженной
Шелковистой косой
Шелкового чума
Вышла самая лучшая
Из девушек,
Только-только подросшая,
Будто выточенная,
Очень ладная,
Красиво сложенная,
Со стройным станом,
С белым лицом,
Со светлой кровью.
Ее не с чем сравнить,
Нигде не увидишь красавицы, как она.
Если пристально
К ней приглядеться,
Коротко рассказать,
Белизна ее [тела] была удивительной.
Из-за такой
Удивительной белизны
В самом деле
Тело ее сквозь одежду просвечивалось,
Кости сквозь тело просвечивались,
Мозг сквозь кости просвечивался.
С нежной светлой кровью,
С прозрачным телом, —
Такой была эта красивая девушка, оказывается.
Одежда, на ней надетая,
Была ей впору, оказывается.
По кистям [рук] струилась
Тонкая шелковая бахрома,
Об ноги билась
Мягкая шелковая бахрома.
Все одежда была расшита-разукрашена,
От огненно рыжего лисьего воротника

Ихāрдан-дэвэрдэн тэтылкэн ивит.
Дегинңӯ ңāладӯн ананна аилинчā
Анам-тōкӣ бутун агдакадынин
Нюңун укулкōн
Багдарӣн мэңун унтувулкōн,
Āнңӯ ңāладун ананчā
Энӣн-тōкӣ дяпкун эвтылэлкэн
Калтака ихакӣдынин гихилкāн,
Чōрāн ково кēhāлкāн,
Самāhик тэтывӣ сайбāлӣкāн
Тэтчэ ahāткāн, эмэксэ,
Катун энилкэн, бэгин аминмӣ,
Итык экинмӣ сигдылэлӣтын эмэксэ,
Дӣор аламай дылачāва
Дарāн дявавчāгачӣн
Аламай ēhалдивӣ
Инемнэнэкэн ичэчилнэн
Эювсӣлкэн-дэ бивкӣ ивит.
«Тэдемэ-дэ эвэнкӣдӯ-дэ син
Ая ahāткāн балдывкӣ-дā ивит», —
Гунмуңэт аилāк ahāткāн ивит.
Нарин дёкē ңāлатпӣ дорōвоксō,
Нарин адыка hэмукэрдивӣ нюканӣракин
Ӯгӯ hэмурдуктын
Илан камияк укуню ӣоттэн,
hэргӯ hэмурдуктын
Нюңун лōска илэ имӯрэн ююттэн.
Таргачӣн нюканӣмāтнал бакалдыра.
Де тар амардукин
Балдынан бэгин амилкāн
Катун энинин тэрэңин
Тэкэн экиннӣонмӣ
Дыгин кирӣлкāн ампāр дӣолā
Элгэмэтнэ эмэрэн.
Де тар амардукин
Дяпкун hалгалкāн
Мэңумэ остōл дагадӯн
Дяпкун hалгалкāн мэңумэ тэгэктӯ
Амилкāн экинмӣ сигдылэдӯтын,
Эмэксэ, тэгэрэн ивит.
Тар амардукин
Нуңарватын эрэлӣ
Дӣор дылачā тэрэңин
Аламай ēhалдивӣ
Унāрис-унāрис ичэhиннэдекэн
Багдарӣн мэңукэргэчӣн
Ирāс йктэлвӣ дяпкалӣн
Аракӯкāн сӣйна тӯрэлкэн ōдан:

До опушки подола.
В левой руке
У нее был серебряный бубен
С шестью выступами *,
Подобный грудной клетке осеннего лося-самца.
В правой руке ее была
Подобная восьми ребрам
И лопаточной кости лосихи шаманская колотушка *.
В шаманской одежде, с нашитыми украшениями,
С позвякивающими колокольчиками,
Подошла девушка
К почитаемой матери, почитаемому отцу,
Родной тете,
Прошла между ними, улыбаясь,
И глядя ясными глазами,
Которые были будто два стоящих рядом
Светлых солнца.
Как хороша она была!
«Среди эвенков родилась
По-настоящему красивая девушка, оказывается» —
И вправду можно было сказать об этой девушке.
Она поздоровалась с ними своей нежной маленькой ручкой,
Нежными своими губками стала их целовать:
С верхней губы
Вышло у них по три ложки молока,
С нижней губы
Вышло по три ложки жиру.
Поцеловавшись, они встретились.
После этого —
Держа за руки
Своего почитаемого родного отца
И почитаемую тетю,
Родной матери равную,
Она вошла с ними, держа их за руки,
В четырехугольный чум-жилище.
После этого —
За серебряный стол
На восьми ножках, на серебряное сиденье
Между отцом и тетей
Она, подойдя, села.
После этого —
Нежно-нежно поглядывая
На них
Ясными глазами,
Похожими на два солнца,
Блестя белыми, как серебро,
Блестящими зубами,
Чуть растягивая слова, заговорила:

«Кимэ-кимэ кимэнин!
Тыргӯрмачан дылачалā айча
Ай эвэнкӣ бэгин аминми
Иркимэктэ иркин бэюн авдӯлкан
Иркинйчэн сониң,
Егин дарикталкан
Солкомо нюриктэлкэн
Солкондор киливлӣ
Тутум солко уһйлкэн
Бэгин мēванмӣ додукин
Тыргӯр дылачалā нюңничэ
Ай катун энинми,
Увагас сэксэдук уһйлкэн
Ай тэкэн экинми
Ая аһӣ
Аякчан Ивēкчан экинми,
Сӯ нян бӣ улгурвэв
Иргэлэвэр иктэвуксэл,
Сēндӯвар силдыксал,
Сēналавкӣл окалду,
Додӯвар долдыксал,
Дялдавкӣл окалду!
Эр минэвэ: «„Таварба ахакан сахилкан,
Элэкэс ēһавӣ ичэһиндерӣ
Охакилкан һэмулкэн
Нилба һунат * он одан?“ —
Гуннэл экэлду ололдоро.
Бӣ эр-дэ дēкē бинэ
Надан дян надан анңанйпты
Бучэвэ ариврйдӯ
Ай увагас сэксэдук онйлкан,
Тынис тэкэн сэксэдук дилгалкан
Ахаткан биңнэм.
Анал айвӣ илкэйдукин
Йлӣ-дэ һуңту һоктово ңэнэрӣ
Онйв ачин.
Билир аи Бэгин эһэкэндēв,
Ай Катун эвэкэндēв
Ңэрйһӣ нюңнйрлйтын гиркурйдӯ
Гилинтадярӣ гēкарбунатын,
Гуңинар дылгарбунатын,
Гурэн гуктэрбунэтын,
Гэлэнӣ элгэңэрбунэтын,
Моһанӣ һунңйрбунатын биңнэм.
Де тарит бимӣ
Эр мит дурукит тэкэнты она оскēчэ
Дулин энин бугат иччин
Со бэе Содани мата

«*Кимэ-кимэ кимэнин!*
Почитаемый отец мой, эвенк-*аи*,
Открывший мне лучистое солнце,
Иркиничэн-*сонинг*, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами!
Солкондор-красавица
С девятисаженной
Шелковистой косой,
Своим почитаемым сердцем,
Висящим на шелковой жиле,
Открывшая мне лучистое солнце,
Почитаемая мать-*аи*, моя!
Родная моя тетя,
С жидкой кровью в теле,
Славная девушка
Аякчан Ивекчан, тетя моя, —
Все вы! Эти мои слова
Вбив [себе] в мозг,
Вкрутив в уши,
Оцените как следует!
Учуяв нутром,
Подумайте [над ними]!
Не говорите обо мне:
«„Эта девушка еще совсем мала,
Только-только открыла глаза,
На губах еще молозиво,
Только родилась, а что же это она?“
Хоть я и мала,
[Того, кто] семьдесят семь лет назад
Умер, мне оживить
Суждено * по моей жидкой крови,
Предопределено по моей сильной родовой крови,
[Такая] я девушка.
Отступить на другую тропу,
От своих зарубок
Мне не суждено!
Я пойду к свету, давно указанному мне
Почитаемым дедушкой-*аи*,
Почитаемой бабушкой-*аи* *.
Они дали мне говорливые губы,
Звенящий голос,
Свободную речь,
Желанный оленный караван
И назвали хозяйкой тайги.
После этого —
На родной земле
Предка эвенков,
Хозяина Средней земли-матери,

Балдыдя̄к бугадӯн
Эвэнкӣ ай тэгэ̄лин
Аннанӣлва аланнал,
Инэнӣлвэ ӣлтэннэл,
Дялан-дялан бара̄лнал,
Илан дэткэ̄н дэлэмӣчэ̄нди
Бара̄н-бара̄н баяннал,
Гэрбӣкэ̄рты гэеннэл,
Сураккара̄рты сувулуннал
Бидерӣдӯ о̄нӣвча̄л
Эвэнкӣткэ̄р бирдэкпут.
Кимэ̄-кимэ̄ кимэ̄нин!» —
Гундечэ̄ тар Тулӣвча̄н киливлӣ.

Храброго Содани-богатыря
Нам предназначено
Быть эвенками.
Племя эвенков-*аи*,
Перевалив через годы,
Пройдет сквозь дни,
От поколения к поколению умножится,
Сильно-сильно разбогатеет
Оленями, конями и коровами,
Прославит свое имя,
Распространит свою славу!
Кимэ-кимэ кимэнин!» —
Сказала та Туливчан-красавица.

ИҺĀРДАН-ДЭВЭ̄РДЭН ТЭТЫ̄ЛКЭ̄Н ДЭГИЛТЭР СО̄ҢКУ ДЭВЭЛЧЭ̄Н

Билир-билир илан Сибӣр
Мо̄йка̄н сӗргачӣнин
Сӗрилдӯнал о̄скӗчэ̄л уһу.
Дулин буга бимӣ
Тэнӣнэдыкэ̄н тэлгэндечэ̄.
Егин дян егин муһэ̄лӣ
Дюра̄ бирака̄рбудяча̄.
Коҥнорӣн сулакӣ коӧ кила̄нма̄н
Егин дӯндэлӣ дэлпэрэгэр
Дявавча̄гачӣн урэчӣ о̄дяча̄.
Чӯкан бимӣ о̄кин-да эчӣн кагдарийда.
Эр дулин буга
Горово-до̄ бинэвэ̄н, дагава-да̄ бинэвэ̄н
Бӣ эчэв са̄ра.
Ӗкун-да дэгрӣ дэктэндэлкэ̄н,
Мурэ̄лӣ дэгиксэ̄, муданма̄н эһӣн иста
Эмҥэ буга о̄дяран ивит.
Эр бугава ичэмӣ,
Ӗкун-да̄ энэн тэрэ̄ттэ ая ичэдэчӣ
Гудӗӗ-вэл ая дӯндэ.
Аһиктатка̄н мо̄н бимӣ
Га̄ка̄тагачӣн арбаргадяча̄,
Ирэ̄ктэткэ̄н мо̄н бимӣ
Ниргэ̄ктэгэчӣн килунэдечэ̄,
Дягдатка̄н мо̄н бимӣ
Кугас улукӣ иргигэчӣнин балдыдяча̄,
Сӗктан бимӣ сӣиһинмуна ӧдечэ̄,
Нӣвэ̄ктэ мо̄н бимӣ
Никтэрбунэ ӧдечэ̄.
Эр дулин буга бараксан
Эргэчӣн о̄внавӣ оёлӣвӣ
Бара̄н бэйҥэчӣ, авдӯчӣ ивит.
Антага дӯндэлдӯ анам-бэӧнин
Акса̄нин эһӣ са̄вра бара̄н,

ВСЕСИЛЬНЫЙ БОГАТЫРЬ ДЭВЭЛЧЭН В РАСШИТОЙ-РАЗУКРАШЕННОЙ ОДЕЖДЕ

Давно-давно, говорят, появились
Три мира, подобные чутким ушам
Годовалого дикого оленя.
Средний мир
Расстилался с меховой коврик.
В девяносто девяти местах текли по нему
Тоненькие ручейки.
Как густая ость разделенной на девять полос
Шкуры черной лисы
Были на нем горы.
Трава [там] никогда не увядала.
Долго ли, недолго ли была [такой]
Эта Средняя земля,
Я не знаю.
Ни одна крылатая птица,
Летая вокруг, не достигала ее края, —
[Такой] широкой стала эта земля.
Если смотреть на эту землю —
Не с чем ее сравнить,
Красивая, хорошая земля.
Елочки-деревья ее
Распускались, словно подснежники,
Лиственнички-деревья ее
Блестели, как молодая шерсть осеннего оленя.
Сосенки-деревья ее
Росли, подобные хвосту рыжей белки,
Тальники ее, вытягиваясь, росли,
Марниковые березы-деревья *
Росли, пуская корни.
Эта милая Средняя земля,
Так устроенная,
Имела много зверей, скота.
На солнечных склонах жили
Бессчетные лоси.

Ирэ̄г дӯндэлдӯ иркин-бэю̄нин
Ады̄н-да̄ эһӣ са̄вра бара̄н,
Муданӈа дӯндэлдӯ мундука̄н-бэйӈэ̄н
Моёкёма һэтэкӯктэдерэн,
Улгэн дӯндэлдӯ улукӣ-бэйӈэ̄н
Улугэр бара̄н буган о̄дан.
Эргэчӣн ая дӯндэдӯ
Дю̄р һалгалка̄н, дюла̄кин дэрэлкэ̄н,
Боско дылилка̄н ура̄ӈкай бэе
Оскёчэ̄н бидиӈэ̄н гуннэ аямат ичэтмӣ,
Эр бугадӯ оскёчэ̄-ты̄ва̄нча̄ ивит
Умун со̄ӈкума аӣ ма̄та̄тка̄н
Дылдукки һалгама̄ктӯвӣ
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н гунмурӣ.
Эр бэе, дулин бугадӯ о̄скёксэ̄,
Ёкун аймакилка̄н гунмӣ,
Умун аһа̄тка̄н нэкучӣ ивит.
Нэкунин бимӣ ӈӣ гунмурӣ
Гэрбӣлкэ̄н о̄дан гунмӣ,
Егин да̄рикталка̄н солкомо ню̄риктэлкэ̄н
Солкондо̄р киливлӣ гунмурӣ о̄дан.
Нуӈартын ёкунди иргивнэл
Бидерӣл ма̄та̄л гунмӣ,
Икуктэ бэйӈэ̄т иргиврӣл
Ма̄та̄л о̄да нуӈартын.
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н
Икуктэ бэйӈэ̄вэ ва̄рӣ бичэ̄н:
Анам-то̄кӣва
Атакӣн һэ̄дӯн туксалдыкса̄,
Ата̄кӣды̄н-ню̄н дяварӣ бэе ивит;
Иркин бэю̄нмэ
Иргин оёгдодӯн туксакса̄,
Ӣриктэды̄н-ню̄н дяварӣ бэе ивит;
Эһэ-бэйӈэ̄вэ,
Һэриндэн оёгдодун туксакса̄,
Коӈнорӣн комордо̄ска̄нди-ню̄н дяварӣ бэе ивит.
Мэ̄нин эвэнкӣ тэкэнин,
Мит бэеӈит эргэчӣн
Китыграс, сумут бэе
Ёкунди баянча̄ гуннэ ичэмӣ,
Нуӈан балдынан буган
У рэн бимӣ дурукин
Орон со̄һу ивит,
Бирака̄нин дурукин
Эӈнэкэ̄н орор ивит,
Сёкта̄гилин дурукин

В лиственничных местах были
Бесчисленные дикие олени-самцы.
У горных вершин
Бегали вприпрыжку зайцы.
У рек в ельниках было много белок —
[Такой] богатой стала страна.
Если хорошо присмотреться к этой красивой стране,
Думая, не здесь ли должен родиться
Двуногий, гололицый человек-*уранкай*
С легко поворачивающейся головой, —
То, оказывается, в этой стране родился и вырос
Один сильный парень-*аи*
По имени всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде
От головы до пят.
Если спросить, был ли у этого человека,
В Среднем мире родившегося, какой-нибудь родич,
То была у него, оказывается, одна младшая сестра.
Если спросить, как звалась его сестра,
Какое было у нее имя, —
Звалась она Солкондор-красавица
С девятисаженной шелковистой косой.
Если спросить,
Чем питались богатыри *,
То питались они [мясом] разных зверей,
[Такие] это были богатыри.
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде
Любых зверей убивал.
Поравнявшись с задними ногами
Бегущего лося-самца,
Этот человек хватал [его], как паука.
Поравнявшись с кончиком хвоста
Бегущего дикого осеннего оленя,
Этот человек хватал [его], как муравья.
Поравнявшись с загривком бегущего
Медведя-зверя,
[Этот] человек хватал его, как черного жука.
Сам он был предок эвенков.
Таким ловким, сильным
Был наш человек!
Если посмотреть [на него], думая, чем он богат,
То, оказывается, на всех горах
Его родной страны
Был его скот — олени;
По всем ручейкам —
Его олени и оленята,
По всем тальниковым зарослям —

Сирӯткāн орор ивит,
Кӯла * урэӈилин дурукин
Гилгэһэл орор ивит.
Эр бэел горово-кот, дагава-кат
Бинэвэр энэл сāра,
Дулин бугавар бэйӈэдин иргивнэл,
Орон-сōһут баяннал
Бидемӣ-нӣон бидердэктэрэ.
Эр бэел ēдук балдычāл гунмӣ,
Ӣргӣт-кэт тэкэлкэнмэр
Энэ сāра бидерэ.
«Ӯгӯ няӈнядук тыкиксэл,
Дулин бугадӯ билчэл бичэл биһикит,
Һорōндӯт саӈӣксакāр бимчэл», — гуннэл, —
Һорōрбор тэмӣктэрэктын
Ēкун-дā эвкӣ сāвра.
«Һэргӯ бугадӯ
Огēӈāл дӯндэӈдӯтын ōскēксэл,
Дулин бугалā туктыксэл,
Билчэл биһикит,
Һэӈэркэнит дулиндӯн
Тукалакāн бимчэ», — гуннэл, —
Һэӈэрилбэр тэмӣктэрэктын
Ēкун-дā āчин бивкӣ.
«Тарит эр дулин бугадӯ
Балдырӣ чӯканюнин,
Монюнин умукōндӯ
Дулин бугадӯ балдычāл,
Эвэнкӣ тэкэнин ōрӣдӯ ōскēчэл
Мит дюкрэ бидердэкпут», —
Гунивкӣл ивит.
Де эр некэксэкэр,
Иһāрдан-дэвэрдэн тэтӯлкэн
Дэгилтэр сōӈку Дэвэлчэн:
«Ӣдӯ-дā аймакйа āчин бичэлӣв,
Ēма-вал Сивӣрдӯ ōскēчэл
Дюр һалгалкāһар,
Дюлāкин дэрэлкэһэл
Умун-мул мāтā эһӣн бакалдыра
Еду тыкӯлнāтаран», —
Гунчэвкӣ ивит.
Отто һунāт биһэмдэ
Дулин бугадӯ ōн дюкрэкэн
Балдыркалты гуннэ
Кивиһимкāра-кат * эвкӣ ивит.
Ӈи-кэт эһӣ бакалдынāра гуннэ
Эһӣ-кэт комойдо ивит.
Кирадӯ эһӣ киһалина,

Его олени-самцы,
На горных северных склонах —
Его холощеные олени.
Долго, недолго ли жили
Эти люди — они не знали,
Жили себе и жили,
Питаясь зверями своей Средней страны.
Оленей у них становилось все больше.
Если спросить, от кого эти люди произошли,
То они, оказывается, жили и не знали,
Откуда они родом.
«Если бы мы спустились с верхнего неба,
Устроились на Средней земле и начали на ней жить,
То на наших макушках была бы роса», —
Думали они, макушки свои ощупывая,
Но ничего там не находили.
«Если бы мы в Нижнем мире,
В земле *огенга*, родившись,
Поднялись в Средний мир
И стали здесь жить,
То к нашим пяткам
Пристала бы глина», — думали они,
Пятки ощупывая,
Но не было там ничего.
«Значит, на этой Средней земле,
Вместе с растущими ее травами
И деревьями,
На Средней земле мы родились.
Нам обоим суждено было родиться,
Чтобы стать предками эвенков», —
Они сказали, оказывается.
После этого —
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде [сказал]:
«Нет у меня никаких родичей.
Ни в каком из миров не родился
Двуногий,
Гололицый
Богатырь и не навестил [меня],
Как это обидно!» —
Сказал он, оказывается,
Его же сестру
Не беспокоило,
Что на Средней земле
Они родились вдвоем
И никто их не навещал.
Она не огорчалась, оказывается:
Малое [горе] ее не тревожило,

Һэгдыңэдӯ эһӣ ӧлуйда
Мандӹ, сэмэй һунӓт ӧдан.
Де эр биденэл
Нуңартын биһэмдэ
Умун сӣксэнӣдӯ
Депты девгэвэр астӓксӓл,
Девгэвэр депчэл.
Ӓһиндӹтын ӧксӓ,
Дурукин нондо сэктэвундӯн,
Дурукин сулакӣ һулдалдӯ
Дэгилтэр сӧңку Дэвэлчэн,
Ӓһиникса, эрдэ илчӓ.
Нуңан биһэмдэ, эртыкӣ-тартыкӣ мундымнӣн,
Тэлгэһэлэвӣ ӧксэ,
Некэеденэ, уйдэнэ ичэнэн биһэмдэ:
Дылача ӧптугӣдин
Умугун саңнякӓңначӣнин
Багдарӣн тамнаксакӓн
Угиски дэгилдэн.
Тар дэгилдэн-да
Ахӯн-дӓ эчэ биһи —
Багдарӣн туксу барӓлдан,
Коңнорӣн туксу коюнан,
Һуларӣн туксу һуктырэн,
Эдын-эдын иктэлдэн,
Нӓликин мӧва нялбуругар иктэрэн,
Бучӯкин мӧва буктарагар иктэрэн;
Агдӹ бого ниргийдэн,
Һёрки бого һиркинаран.
Тар амардукин
Эһӣпты коңнорӣн туксу,
Мит бэеңит оёлӧн иһиксӓ,
Дулиндулӣвӣ дэлпэрэгэр этэкэнэн.
Тар амардукин
Эр туксудук умун аһӓкӓн-куңакӓн,
Һӓкинмӣ дулмӓктулӓн сигӣһиникса,
Тыкэн гуннэ тӯрэлкэн-сэһэдкэн ӧдячӓ:
«Кимэ-кимэ кимэнин!
Дулин буга букатырин,
Ихӓрдан-дэвэрдэн тэтылкэн
Дэгилтэр сӧңку Дэвэлчэн,
Нономо дорӧвоё дявакал,
Амаргӯптын улгӯр ӧгин!
Минэвэ йргӣт тэкэдкэн-сэксэдкэн
Ахӓткӓн, эмэксэ, дорӧволкӧн-улгӯрилкэн
Ӧнды гуннэ улгумӣрэкис,
Ӯгӯ няңур няңнядӯ ӧскёчэ
Эдён-Ёдяксит энилкэн бичэв,

Большое ее не пугало,
Была она девушкой сильной, мудрой.
Жили
Они так.
Однажды вечером,
Сварили еду,
Съели ее.
Когда пришло время сна,
На рысьей подстилке,
Под лисьим одеялом
Поспал всесильный богатырь Дэвэлчэн,
Рано встал.
Туда-сюда поглядел,
Вышел на двор,
Решил внимательно осмотреться:
Со стороны восхода солнца
Поднялось вверх
Белое облачко,
Подобное дымку курительной трубки.
Как только оно поднялось,
Не задержавшись,
Появились белые тучи,
Сгустились черные тучи,
Сбежались красные тучи.
Налетели ветры,
Растущие деревья повалили,
Высохшие деревья разбили в щепки,
Страшно загремели громы,
Вовсю засверкали молнии.
После этого —
Черная туча,
Над нашим человеком остановившись,
Лопнула, раскололась пополам.
После этого —
Из черной тучи
Высунулась по пояс * одна молодая девушка
И стала говорить такие слова:
«*Кимэ-кимэ-кимэнин!*
Богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде!
Сначала прими привет,
Потом начнем разговор!
Если спросишь меня:
«„Откуда ты, девушка, пришла с разговором-приветом,
Кто ты по роду-крови?“ —
То [отвечу]: мать моя —
Родившаяся на верхнем небе Эден Едяксит,

Ӯгӯ няӈнядӯ ӧскӗчэ-балдыча
Айһитмандя этыркэн амилкан бичэв.
Илан ӈалачи лэптэркэн иманнадӯ
Тӯктэн эһӣ савра
Багдарин тӯксу соногоһилкан
Мэӈункэн гунмурӣ ӧдам.
Ӗкун гэрбӣдӯн эмэнды гунэкис,
Эр сӯ гэрбӣһун
Илан Сивӣрвэ дэлтэрэн,
Сӧниӈ суракиһун
Ситэримэ сувулунан.
Тарит һуӈту бугал
Сӧӈку атамарин
Ӣлтэнды туксугучӣн албаһичӣл,
Суптырӣ туксугучӣн кувулгатычӣл
Сӯ гэрбӣлэһун эмэрӣтын
Дагамаран гуннэ
Синдӯ Эдӗн-Ӗдяксит
Илдитпэ уӈрэн.
Тар ӗкун гунэкис,
Сӧниӈил эмэрэктын сӧмкалмӣ,
Дюлакин ӈалатпӣ йксэ,
Сӧӈку сумувӣ эӈнэгин эллэрэ,
Коӈнорӣн улдэ колтотпӣ йксэ,
Эӈэһӣвӣ эӈнэгин манара.
Ӗмӣ-кат илбиһилкэн унигдама
Гидави нӗравканигин,
Дӣор дяпкун ӧватылкан
Аланатпӣ аһаманигнагин.
Албаһилкардӯ албаһитпӣ,
Кулдюһалдӯ кувулгатытпӣ
У рэтмӣ урэтчиӈэн гунэн.
Тар илдитпэн инчӯнэ эмэксэ,
Элэкин-да ом: дэгрӣ дэктэндэлкэн
Дюр дэктылэн уманин,
Мӯмэ сэксэ ӧксӑ, истын буга ивит,
Дыгин һалгалкан бимӣ, эрэгэмэ эһӣн соруна
Горо дӯндэ бивкӣ ивит.
Бугалавӣ сомат ӯтам,
Бӣ бугалавӣ аяннакта,
Сӯ бугадӯвар эмэнмукэлду.
Кулдюһал кувулгатыл эктын кӗйда,
Тыӈэлкэндук экэлду тыктэ,
Дялалкандук экэлду судурдэ.
Буралия бурасты бигин!» —
Эһит һунат, тыкэн гуниксэ,
Дылача ӣптумэвэн ичэһиниксэ,
Коӈнорӣн туксуӈдувӣ тэгэксэ,

Отец мой — родившийся и выросший
На верхнем небе Аихитмандя-старик.
Имя мое — Мэнгункэн, ездящая
На молодом коне — белой туче *,
Который не оставляет следов
На пушистом, глубиной в три пальца, снегу.
Если спросишь, зачем я пришла,
То [отвечу]: ваше имя *
Прогремело в трех мирах,
Еще дальше распространилась
Ваша богатырская слава.
Поэтому чужих миров
Сильные атаманы,
Хитрые, как уходящая туча,
Коварные, как убегающая туча,
Приблизившись,
Вам угрожают.
Тебе Эден Едяксит
Весть послала *.
Если спросишь, о чем [весть],
То [отвечу]: о том, чтобы с напавшими богатырями
Ты голыми руками не бился —
Иначе порвут они твои сильные жилы;
О том, чтобы ты не бился голыми кулаками —
Иначе они истощат твою силу.
Направь вперед коварное
Смертоносное копье.
Пусть твой дважды восьмисаженный лук
Вдогонку пошлет [стрелы]!
На хитрость [отвечай] хитростью,
На коварство — коварством,
На уловки — уловками», — сказала [девушка].
«Я пришла, принеся эти советы с собой,
Всё! Костный мозг
Двух крыльев крылатой птицы
Превратится в жидкую кровь, пока она доберется до [этой] страны!
Четвероногий даже бы не решился [идти сюда], —
Далекая эта страна, оказывается.
Я очень спешу в свою страну,
В свою страну отправлюсь-ка,
Вы в вашей стране оставайтесь!
Пусть коварные хитрецы [тебя] не одолеют,
Широкогрудые не повалят,
Имеющие крепкие суставы — не столкнут!
Прощайте на долгие годы!» —
Сказав так, эта девушка
Взглянула на восход солнца,
Уселась на черную тучу *

Ңэнэвкэндеһинчэн уһу.
Мит бэеңит
Иһардан-дэвэрдэн тэтылкэн
Дэгилтэр соңку Дэвэлчэн,
Тара долдыксэ, тыкуликсэ,
Игим сэксэн ёһалан истан,
Ниравӣ сэксэн нёвардулан истан,
Уһук сэксэн урлэн тыктэн.
Эр миңэчин бэевэ,
Ама йдук эмэксэл,
Бӣ сумут сумувув мултэвкэнды
Илан Сивӣрдӯ ачин бимчэ бичэн.
Эр ӯгӯ буга аһаканин
Ӯгӯ бугадӯ балдычэ биһим гуннэ
Минэвэ сэнэрин ёдӯ сотаран
Гуннэ тыкулча биңэт.
Де бӣ нуңанман
Илэ-дэ истакин, бокониксэ,
Сэнэкэтнэ эвинэвэн
Бокончудиңав боллага гуннэ
Тулуйдиңан гунчэрӣвӣ сэппӣ тэринилчэ,
Манды гунчэрӣвӣ тэтты тэтылвӣ тэтчэ.
Тар некэксэ тыкэн гуннэ
Тӯрэчӣ-сэһэчӣ одяча уһу:
«Гироканин-гироканин!
Ӯгӯ бугадӯ оскёчэ
Эдён-Ёдяксит энилкэн,
Айһитмандя амилкан
Мэңункэн гунмурӣ киливлӣ,
Ноноптын доровo бигин,
Амаргӯн улгӯр огин!
Ӯгӯ бугадӯ оскёмнил
Ӯгӯ буга маталин,
Ӯгӯ бугадӯ балдычат гуннэл
Сот-та сэнэрил биһис ивит.
Минэвэ ңи, эмэксэ,
Эмник оронмогочин
Улгэр элгурит уһивуксэ,
Иһардан дэвсэлкэн нэмэвэ таниксэ,
Ңӣ курбувчуну эвиксэ,
Минэвэ кёйдиңан гуннэл,
Горо бугадук илдитпэ
Эмувчэл бинэл-бинэл.
Тавар тӯрэнды дюгудӯн
Ңонум удявас удядиңав,
Эмңэ йрвас кэрийдиңэв,
Няңняла дэгиликсэ, этэнды суптыра,
Дӯндэлэ тимириксэ, этэнды сэмдэ!

И умчалась, говорят.
Наш человек,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Услышав это, рассердился:
Горячая кровь ударила в сердце,
Густая кровь хлынула в живот!
«К такому человеку, как я,
Кто сможет прийти!
В трех мирах не найдется никого,
Против кого мои сильные жилы
Оказались бы слабыми!
Эта девушка из Верхнего мира
Думает, что, родившись в Верхнем мире,
Она может сильно унижать меня», —
Говорил он, сердясь.
«Вот я ее догоню,
Куда бы она ни ушла!
За то, что она мной, играючи, пренебрегла,
Я ей отомщу!» —
Думая [так], приготовил снаряжение попрочнее,
Из надеваемой им одежды надел что покрепче.
Сделав это, заговорил,
Такие слова сказал:
«*Гироканин-гироканин!*
Красавица по имени Мэнгункэн,
Родившаяся в Верхнем мире
От матери Эден Едяксит,
От отца Аихитманди!
Сначала привет,
Потом разговор!
Богатыри Верхнего мира,
В Верхнем мире выросшие,
Думают, что, родившись в Верхнем мире,
Они могут быть гордыми.
Кто это задумал прийти,
Чтобы меня победить,
Как необученного оленя,
Обуздать меня плетеной уздечкой,
Натянуть на меня расшитое-разукрашенное седло,
Объездить, играючи?
Кто осмелился принести
Эту весть из далекой страны?
За такие слова
Выслежу тебя по длинным следам,
По широким следам твоим пройду!
Не убежишь от меня, улетев на небо,
Не спрячешься, провалившись под землю!

Де hуркэ̄н-куӈака̄нма баканды бидиӈэ̄н!» —
Гуниттэн.
Тара̄ до̄лдыкса̄,
Егин да̄рилка̄н солкомо нюриктэлкэ̄н
Солкондо̄р гунмурӣ
Мит бэ̄еӈит нэкунин
Акинтыкӣвӣ дюр алтама
Гилдыка̄нначчӣн е̄налдивӣ ичэтчэнэ
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄чӣ-сэ̄hэчӣ о̄дярдага:
«Дэгрӣ-дэгрӣ дэгрӣмо̄й!
Дулин буга букатырин
Иhāрдан-дэвэ̄рдэн тэтылкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н,
Акин гунды акинми,
Е̄кун о̄кса̄, тыкӯлинды?
Тыкӯлдыс е̄дӯ со̄таран,
Сӣ гэрбӣвэс суксатмӣ
Уhо̄мдок эчэ̄н эмэрэ.
Эде̄н-Е̄дяксит hуна̄дин
Мэӈункэ̄н киливлӣ гунмурӣвэ
Е̄кун уhава̄н са̄кса̄,
Тыкэ̄н о̄данды.
Митпэ эвэнкӣ тэкэнин о̄рӣдӯ
Соруян аяла̄ иhивда̄вӣ
Кувулгатылдӯ эктын ке̄иврa
Гуннэ са̄вка̄ндярӣлва
Тыкӯлдыс эhин ситана.
hэргӯ буга ава̄hилин
Арай тавадук тыкӯлда̄тын элэкин.
Улокит эhӣ тӯрэ̄ттэ,
Сӣ акинми бимӣ,
Инэмӈэ̄пты инэӈӣдӯ
Ӣлэ̄-кэт экэл суруру.
Эhит hуна̄т улгучэ̄ннэлин
Со̄ниӈилин инэмӈэ̄птывэ
Энэл ӣлтэнэ эмэдиӈэ̄тын.
Сӣ ӣлэ̄-вэл сурурукис,
Бӣ эмукин дюдӯвӣ бидерэкив,
Эмэксэ̄л, сӣ а̄чиндӯс
hулэптэ̄рвэс hӯвдиӈэ̄тын,
Колумтарвас уркӯдиӈа̄тын.
Балдыдя̄к бугавӣ мула̄нды бимӣ,
Ӣлэ̄-кэт экэл суруру», —
Гуниттэн.
Мит бэеӈит: «Сӯ е̄кунма
Са̄диӈа̄тын — эhим гунэ.
Тавар-да̄ ӯгӯ буга hуна̄тпа̄н

Такой паренек тебе попался!» —
Сказал [Дэвэлчэн].
Услышав это,
Сестра нашего человека
По имени Солкондор
С девятисаженной шелковистой косой,
Посмотрела на брата двумя светлыми как медь,
Похожими на кольца глазами,
Сказав такие слова:
«*Дэгри-дэгри дэгримой!*
Богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Старший брат, родной брат мой!
Что случилось, отчего ты рассердился?
Ты так сильно сердишься,
А она ведь приходила не для того,
Чтобы опорочить твое имя.
Что ты узнал плохого
О дочери Эден Едяксит,
Зовущейся Мэнгункэн-красавицей,
Почему ты так сердишься?
Нас предков эвенков,
Она ведет только к хорошему.
Как не допустить победу коварных,
Она дала нам знать, рассказала,
Нельзя на нее сердиться.
Только *авахи* Нижнего мира
Из-за этого могут сердиться.
Ты, не говорящий неправды
Брат мой,
Сегодня
Не уходи никуда!
Богатыри, о которых
Говорила та девушка, сегодня
Не обойдут нас, придут непременно.
Если ты уйдешь,
А я останусь дома одна,
Они придут без тебя,
Перевернут свой очаг,
Развеют пепел.
Если ты жалеешь родную свою землю,
Не уходи никуда!» - -
Сказала она.
Наш человек [сказал]: «Да что вы знаете?
Не думаю, чтобы
Вы узнали что-то раньше меня!
Если не погонюсь

Эчэлӣвӣ аһара
Дулин бугавӣ гиркучим.
Аһаткарва, сунэвэ, тэдэксэ,
Ӣдук эмэңэтыл огеңалва этэвутчэдиңэв», —
Тыкэн гунэн-дэ
Мэңумэндэ киңлэлбӣ тэттэн,
Мэңумэ панагавӣ инӣһинэн,
Алаңавӣ чаварӣһинан-да,
Адыракӯн гиранӣксэ,
Лайдаңмӣ баргӣлан истан.
Нэкунин, кэңтырэвэн-нӧн ичэксэ, эмэнмурэн.
Де, эр бэе билир билирдук
Гиркудякӣчин дӯндэңин бэйңэн увӣликсэ,
Сӣксэ һактыралдяракин
Мэңумэ панагавӣ дян имэннэдӯн
Дян бэӧнмэ уиксэ, эмэдердэгэ.
Эр эмэдэнэ дювӣ ичэттэкин
Саңнян-кат, ӗ-кат ачин:
«Аһиндын ӗдӯ эрдэтэрэн,
Нонон эвкӣ-дэ ачина биңкин», —
Гунчэнэ дюлавӣ эмэксэ,
Ичэнэн биһэмдэ —
Ӗкун-да девгэ ирӣвнэн ачин.
Нэкунми ичэнэн бичэ,
Нэкунин һаранин дыклэн
Ӯтэнин умун эркинин
Эдерэгэр танмуча,
Нэкунин ӣдӯ-кэт ачин.
Де эр бэе биһэмдэ
Элӣ-талӣ туксаран,
Эду-таду ичэттэн,
Нуңан-да бимӣ,
Долбо ӗкун удяван ичэдиңэн,
Ӗкун-да удян ачин.
Ӗкун эһӣн ичэврэ, эмэксэ,
Тыкэн мунэ тырэрэн гуннэ
Тар долбонӣва дурукка̄н
Энэмэ тэгэмкэнэ туксалӣрдага.
Тар некэксэкэн комойновӣ содӯн:
«Умун умукта ӣдӯ эчэн,
Һучэргэксэ, будэ», — гуннэ
Дюлэвӣ ңэнэвкэндерэн ивит.
Тар-да бичэлӣн гунчэрэн:
«Илӣ-да ңэнэнэвэтын энэ сара
Дюлэкӣвӣ туксарӣдӯв
Эңэт сатана бирдэгэ».
Ӯтэндулэвӣ мучӯксэ,
Ӯр нэкунин һараклан

За этой девушкой Верхнего мира,
По Средней земле похожу.
Не стану же я дожидаться *огенга*,
Поверив вам, девушкам», —
Сказав так,
Он надел серебряные лыжи,
Надел на спину серебряную *понягу*,
Схватил свой лук.
Несколько раз шагнув,
Пересек свою *лайду*,
Сестра только спину его увидела.
Этот человек издавна
Ходил на охоту, и на его земле зверя поубавилось.
К вечеру, когда стало темнеть,
Он вернулся, привязав к десяти серебряным вязкам своей *поняги*
Десять диких оленей.
Подходя к жилищу, увидел:
Ни дыма, ничего нет.
«Спать что ли легла,
Прежде так рано не ложилась», —
Сказав так, он вошел в дом,
Осмотрелся: никакой еды
Не приготовлено.
Поискал сестру:
Над постелью ее
Одна стенка *утэна*
Была сорвана —
Сестры нигде нет.
Тогда этот человек
Забегал туда-сюда,
Здесь и там посмотрел.
Какие следы
Увидит он ночью? —
Никаких следов не было.
«Кто же пришел, невидимый,
И так нас обидел?» — подумал он.
Всю эту ночь
Пробегал он, не присев.
Так пробегав, сильно он огорчился
И направился прочь, сказав:
«Где одно яйцо,
Разбившись, не пропадало?» *
Все же подумал он:
«Куда они скрылись, я не узнал,
Вперед бежать,
Неразумно, наверное».
Вернувшись назад, к своему *утэну*,
К месту, где спала сестра,

Эдерэгэр тāннаватын
Ият сирийнэ ичэнэн:
Илан оһикта удягдан
Биһин ивит тадӯ.
Тарит дюлэвӭн ичэнэн:
Дылачā ӣктэткэкӣн
Дэгилчэ биӈэт нуӈан.
Де тарā ичэксэ:
«Аһāткāр-куӈакāр сāнал улгучэндерӣлвэ
Мэнми урāчā бирдэгим.
Тар-дā бичэлӣн, нуӈартын
Исналāтын исчиӈав гунчэчим», —
Гунэн-дэ эӭнэ бираӈӈӣ
Солōкōкӣ туксадярдага.
Эр туксаксā-туксаксā,
Эр бираӈин нāлдын сигдылэдӯн
Сӣвуктэ-амнӯнна оӈколкōн
Аяма бугалā иһиксā,
Горо гиркундӯ укчалāри укчакин
Мэндукки мэӈумэ нэмэлкэн,
Мэндуккӣ мэӈун улгэр нёгӯлкāн
Мэӈты укчаккӣ дявакса,
Оёлōн капкāн этэкэнчэрэн,
Дылачā ӣктэткэкӣн салайдан.
Мэӈты орон бараксан
Гиркунмар гиркурдакпут гунчэгэчӣн
Гирамдан эюмуликсэ,
Һалганин һӣмāликсā,
Дюлэвӣ ӈэнэвкэндердэгэ.
Дӯр борбуйдукин коӈнорӣн тукала
Һуиһинчэдемэрэн,
Дӯр нёгӯдукин багдарӣн тамнакса
Һӯвуһинчэдемэрэн.
Эр бэе биһэмдэ
Горово-кот сурунувӣ эчэ сāра,
Дагава-кат сурунувӣ эчэ сāра.
Дэрумкӣктэ гуннэ
Эһӣ токтōһина бэе ōдан,
Ӈэнэвкэнмӣ-нӭн ӈэнэвкэндэрдэгэ.
Тар сигдылэдӯн
Бугавӣ манаран бадага,
Һуӈтул бугал огонӣлāтын тāнмуран.
Дюгарвāн бимӣ тыгдэдин сāлдан,
Болорвōн бимӣ бōкталдин сāлдан,
Тугэрвэн бимӣ иманадин сāлдан,
Нэлкирвэн бимӣ лэптэркэндин сāлдан.
Эр ӈэнэдерэкин
Мэӈты укчакин илиһинчаран.

Над сорванной стенкой,
Он внимательно присмотрелся.
Там были только следы
Трех когтей.
Он посмотрел, как они
Располагались: к заходу солнца
Унесли [сестру], оказывается.
Увидев это, он [подумал]:
«Девушки правду сказали,
Я ошибался.
Все же, думаю,
Я их догоню». —
Сказал так
И побежал вверх вдоль своей большой реки.
Бежал, бежал
И между притоками этой реки
Достиг красивого места, где было оленье пастбище,
С травой и хвощом,
Своего верхнего оленя для дальних походов готового,
Родившегося с серебряным седлом,
С витым серебряным поводком,
Своего светло-коричневого оленя он поймал,
Ловко вскочил на него,
Направил в сторону захода солнца *.
Светло-коричневый его олень
Как будто понял, что предстоит поход:
Кости его от радости стали легче,
Ноги стали быстрее,
Он устремился вперед.
Под двумя задними его подколенниками
Вздымалась черная глина,
Под двумя передними его ногами
Клубилось белое облако.
Этот человек
Не знал, долго ли ехал,
Не знал, недолго ли ехал,
Не остановился, думая: «Отдохну-ка», —
Мчался дальше,
[Такой] он был человек.
Между тем,
Достиг он края [своей] страны,
Вступил в чужую страну.
Лето он узнавал по дождю,
Осень узнавал по граду,
Зиму узнавал по снегу,
Весну узнавал по пушистым хлопьям снега.
Ехал он так,
Вдруг встал светло-коричневый его олень.

Дӯр сӗнмӣ эртыкӣ-тартыкӣ
Сэрбэлмӣгдэ ичэһиӈнэрэн,
Тар амардукин
Бэедыт тӯрэчӣ ӧдан:
«Эӈтэвлэнин-эӈтэвлэнин!
Эвэнкӣ бэе иччирэнми,
Иһардан-дэвэрдэн тэтылкэн
Дэгилтэр соӈку Дэвэлчэн,
Бӣ бэеды тӯрэнмэв
Сӗндӯвӣ силдыкал,
Иргэлэвӣ иктэвкэл,
Долавӣ долдыкал!
Умундӯ ӈэнэрӣт этэрӣн эмэрэн,
Миннэчӣн орон соһу
Эрэгэмэ эһӣн гиркура
Эрӯл бугалин эмэрэ.
Эдук дюлэскӣ илэ мэндивӣ
Гиркурӣлавӣ иһирдагиӈ.
Минэвэ эр бугадӯ
Тыниксэ, эмэнэкис,
Оӈковӣ аямат оӈкоксо,
Сӣ бугаткивӣ мучӯрӣдӯс,
Ноноптыгачӣн бургуксо бакалдымӣ,
Бугалавар аят иһимчалты.
Эр бугава йлтэнмурэкис,
Ай бэен соһувэн девдегдэвэр
Курбурӣл соһулкэһэл бидиӈэтын.
Мэнмэс-тэ ичэдэвӣ энэ уларитта
Илэ мэндиви гиркуракис,
Амӈагдатпар тэвэстыл
Атамаһал бидиӈэтын.
Синдӯ сунат улгучэннэн
Турэрвэн энэмэ омӈоро
Соӈкуӈилнюнмӣ суксаматкал,
Атамаһаӈилнюнмӣ анналдыкал!
Дюр мэрдуккэр һуечирдэкпут.
Бӣ айв миндӯ бигин,
Сӣ айс синдӯ бигин!
Тыӈэлкэндук экэл тыктэ,
Дялалкандук экэл судурдэ,
Дӯр һалгалкандӯ дюлэвӣ экэл бӯрэ!» —
Гуниттэн эр орон биһэмдэ.
Тар амардукин мит бэеӈит
Иһардан-дэвэрдэн тэтылкэн
Дэгилтэр соӈку Дэвэлчэн,
Укчактукки тыкиксэ,
Мэнун улгэр нёгуван
Нэмэн оёлон гарадаран,

Осматриваясь, стал двумя ушами прядать,
Туда-сюда прислушиваться.
После этого —
Заговорил по-эвенкийски:
«*Энгтэвлэнин-энгтэвлэнин!*
Хозяин мой, человек-эвенк,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде!
Человеческим языком сказанные слова мои
Вкрути [себе] в уши,
Вбей в мозг,
Учуй нутром!
Вместе нам больше не ехать.
В пределы тех стран, куда мы прибыли,
Такой олень, как я,
Войти не может.
Теперь тебе придется
Идти самому.
Если ты отпустишь меня,
Оставишь в этой стране,
На пастбище я попасусь хорошенько.
Когда будешь ты возвращаться в свою страну,
Встречу тебя, откормившись.
Не заставляй меня
Входить в пределы этой страны,
Там есть скот, поедающий
Скот людей-*аи* *.
Не ходи таким, как ты есть,
Не изменив своего облика, —
Там есть чудовища,
Хватающие на лету разинутой пастью.
Сказанных тебе девушкой
Слов не забывай,
С богатырями бейся,
С чудовищами померяйся силами!
Мы с тобой расстаемся,
Моя судьба пусть со мной будет,
Твоя судьба пусть с тобой будет!
Пусть широкогрудые тебя не повалят,
Имеющие крепкие суставы — не столкнут,
Двуногие не одолеют!» —
Сказал этот олень.
После этого наш человек,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Спрыгнул с верхового оленя,
На седло бросил
Плетеный серебряный поводок,

Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄чӣ о̄ран:
«Гиро̄-гиро̄ гиро̄ка̄нин!
Мэӈтыкэ̄мэ укчакив,
Эр бугала̄ иһивдала̄вӣ
Минэвэ со̄т дэрумкӣвкэ̄нинды.
Тэдемэ бӣ гиркунма гиркурӣдӯв
Анал укчакив бирдэгиӈ.
Ноноптын баһӣва бигин,
Амаргӯптын алгис о̄гин!
Е̄кума-кат йӣлтэндӹ туксугучӣн албаһилка̄н
Эгин синэ бакара,
Суптырӣ туксугучӣн кувулгатылка̄н
Эгин синэ кэ̄йда.
Оӈковӣ оӈкокол,
Аят дэрумкӣкэл!
Минэвэ со̄ӈку бэе бинэ
Са̄ма тӯрэ̄нмэ эчэ тӯрэ̄ттэ гундиӈэ̄с.
Бӣ синдӯ эрбэлдэли эмэдиӈэ̄в гуннэ
Болдёрӣвӣ эчэв са̄ра.
Илан тугурук анӈанӣлӣ
Е̄ми-кат са̄вка̄ндиӈа̄в!
Тадук ча̄гӯва̄н гиркудянал
Будэрӣӈӈи инэӈӣӈӈӣ эмэрэкин,
Иччилэ̄к тӯрэ̄нмӣ эдындӯ уӈиӈнэкэл.
Йдӯ-дэ̄ бимӣ этэ̄м йӣлтэнмурэ.
Бӣ нӈян синдӯ
Будӹв эмэрэкин са̄вка̄ндиӈа̄в», —
Гуниттэн эр орон һунӈира̄нин.
Тыкэ̄н гуниксэ̄, бэеӈку бэе
Дюлэвӣ ӈэнэвкэ̄ндерэн.
Орон со̄һун биһэмдэ
Оӈковӣ оӈконо эмэ̄нмурдэгэ.
Эр мит бэеӈит биһэмдэ,
Де эргӯ бугатын
Он биргӯн гуннэ
Чӯкава̄н-мо̄ва̄н ичэттэкин,
Дурукин того дэпнэгэчӣнин
Дӯндэлдулэ̄ иһиксэ̄,
Ӈэнэвкэ̄нмӣ-нӈон ӈэнэвкэ̄ндердэгэ.
Дылача̄н бимӣ бе̄га-нӈон ӈэриливкэ̄ндӹнин
Буга ивит тар бугатын,
Е̄кун-да һактыра бугалдула̄ истан,
Йду-дэ̄
Олго̄кин дӯндэ а̄чин
Дурукин лэвэ̄ буга бивкӣ ивит.
Эһилэ эр ӈэнэдерэкин,
Эргӣт-таргӣт һоктол
Эмэнэл-эмэнэл колбосчо̄л ивит.

Сказав такие слова:
«*Гиро-гиро гироканин!*
Мой светло-коричневый олень,
Ты донес меня до этих мест,
Я хорошо отдохнул.
И вправду ты можешь быть
Моим верховым походным оленем,
Сначала „спасибо“ * тебе,
Потом — *алгыс*!
Пусть не найдут тебя
Хитрые, как уходящая туча!
Пусть не одолеют тебя
Коварные, как убегающая туча!
Пасись на пастбище,
Отдыхай хорошенько!
Обо мне, сильном человеке, не скажешь:
«Прощальных слов не произнес».
Я не могу назвать тебе срока
Своего возвращения.
Но через три полных года
Обязательно дам о себе знать,
Что будет дальше, увидим.
Если придет день твоей смерти,
Вещие слова свои отправь с ветром,
Где бы я ни был, не пропущу их.
Тебе я тоже дам знать
О наступлении моей смерти», —
Сказал хозяин оленя.
Сказав так, человек-человечище
Пошел вперед.
Его верховой олень
Остался пастись на пастбище.
Наш человек
О чужой стране
Думая, какая она,
Шел и шел.
Добрался он до земли,
Где увидел
Деревья и травы, будто сожженные огнем.
Солнце светило как луна, —
Такой страной была та страна, оказывается.
Очень темных земель он достиг,
Куда ни ступи,
Нигде нет сухого места,
Сплошным болотом была та страна, оказывается.
Когда он шел [вперед],
Тропы с разных сторон
Стали сходиться, сходиться и слились.

Эр эмэксэ̄л син умун
Дылача̄ ӣктэткӣн сурувкӣ ивит.
Де тар һоктолӣ ӈэнэрэкин
Эрэгэмэ эмӈэливкӣ ивит ча̄скӣ.
Эр ма̄та̄ биһэмдэ
Эр ӈэнэдемнӣн умун
Ла̄мдула̄ истан ивит.
Тариӈин биһэмдэ
Е̄ва-да̄ эвкӣ ичэвкэ̄нэ
Тамнаксалка̄н о̄дан.
«Де ӣлтэнды̄ туксугучӣн албаһилкаһа̄л
Ле̄һэй * улӯһин буган гукӣчитын
Де эр эмэрдэгэ», — гунчэнэ-гунчэнэ,
«Суптырӣ туксугучӣн кулдюмал кувулгатыл
Бугатын одярдага», гуннэ
Дялдӯвӣ тыкэ̄н сэрэйнэ
Ӈэнэдерэн ивит арай.
Эр ӈэнэденэ уйде̄нэ ичэнэн,
Де е̄кун-да̄ гунды̄дӯ коловурйа а̄чин
Нуӈанма̄н дэптыкэ̄кӣ
Һукэлчэденэ эмэдерэн ивит.
Со̄ӈку Дэвэлчэ̄н аят ичэнэн —
Нуӈан иланды̄нин һэгдыӈэ ивит,
Тар некэксэ̄ амӈавӣ а̄ӈа̄ча̄,
Ӣктэнде̄лвӣ бэлэкэчэ̄
Нуӈанма̄н амӈа̄һинда̄вӣ
Эмэдерэн ивит арай.
Мит бэеӈит биһэмдэ
Илан да̄рикталка̄н унигдама гидатпӣ
Энэ һэгдыӈэт бе̄ска̄тчара *
Дэ̄птыкӣ туксана эмэрэн-дэ
Гидави о̄лукмадӯн тыкиврэн.
Аркандя̄лӣн гидан дугэ̄н
Илан ӈа̄ла юһинчэкнэн гидала̄ран.
Һокто а̄нӈида̄ткӣн
А̄нӈу нюӈӣтпӣ эриһинэн,
Дюлэвӣ ӈэнэһинэн.
Тара̄ ӣлтэниксэ̄,
Горово-кот сурунувӣ
Энэ са̄ра,
Дагава-кат сурунувӣ
Энэ са̄ра
Һэргӯ буга ава̄һилтын
Билир-билиргидук каравулва нэ̄нэтын
Дю̄р я̄ӈ сигдылэ̄дӯн
Дыгиндя̄р дыгин һалгалка̄н
Дэлкэнмэ о̄кса̄л, нэ̄нэтын оёдӯн
Илан дыличӣ оксоку а̄деран ивит.

Слившись, все так же
Вели к заходу солнца.
Пошел он по той тропе,
Она становилась все шире.
Наш *мата*,
Продвигаясь вперед,
До моря добрался, оказывается.
Вокруг него
Из-за тумана
Ничего не было видно.
«Наверное, в этой стране живут
Одни племена чудовищ,
Хитрых, как уходящие тучи,
Очень коварных, —
Как убегающие тучи». —
Так размышляя, догадываясь,
Шел он.
Шел он, внимательно всматриваясь:
Ему навстречу
Катилось что-то
Ни на что не похожее.
Храбрый Дэвэлчэн внимательно присмотрелся:
Оно было втрое больше [него],
Да еще разинуло пасть,
Выставило клыки,
Сожрать его собираясь,
Приближалось, оказывается.
Наш человек
Не очень испугался,
Со смертоносным трехсаженным копьем
Побежал ему навстречу
И вонзил копье ему в грудь,
Так что кончик вышел из спины
На три пальца *,
Он спихнул его правой ногой
С тропы направо
И вперед двинулся.
Уйдя оттуда,
Долго ли шел —
Не знал,
Недолго ли шел —
Не знал.
Авахи Нижнего мира
Давно-давно охрану поставили:
Между двумя гольцами,
На сорока четырех сваях
Сделав настил, на нем посадили
Трехглавого спящего орла.

Мит бэеӈит талā туксана истан-дā
Алаӈандявӣ мӣрэдуккӣ тыкиврэн,
Нюӈун кирӣлкāн нӣорвӣ нэрэн,
Чāгӯ сēмāктӯвӣ тāнӣна-тāнӣна
Тыкэн гуннэ тӯрэлкэн ōдан:
«Гирō-гирō гирōкāнин!
Илан дылилкāн оксокундē,
Эр бугалā ēкун нāдалкāн ōксā,
Элэ эмэксэ, hуклэденды?
Ноноптын дорōво бигин,
Амаргӯптын улгӯр ōгин!
Минэ ӣргӣт тэкэлкэн-сэксэлкэн
Мāтā ōданды гунэкис,
Дулин буга букатырин
Иhāрдан-дэвэрдэн тэтылкэн
Дэгилтэр сōӈку Дэвэлчэн эмэм.
Инэмӈэпты инэӈидӯ
Будэрӣӈис инэнӣӈис эмэрэн.
Би hоктодӯв ēкун синэвэ
Минэ мэhэйдэнэ нэчэн?
Эhиткэн эделивӣ будэ,
Кэрēс тӯрэнмӣ тӯрэткэл!» —
Гунэн.
Тар тӯрэндулэн
Илан дыличӣ оксокундē
Илан дылвӣ илан муhэт угирдерэн.
Мит бэеӈит тӯрэчивдерэ-дэ энэ
hуругучōнин ӯрэhинэн,
Чимиткичāнин чипчӣhинан,
Бэрин игды ӣгин
Дӯндэлэ ниргииhинчэрэн,
Няӈнялā ӯhӯтāhинчаран.
Илан дыличӣ оксоку илан дылин
Илан муhэт hэтэкэнчэрэн.
Оксоку тар-дā бинэ
Тыкэн гуннэ тӯрэчӣ ōдан:
«Дуӈир-дуӈир!
Дулин буга букатырин
Иhāрдан-дэвэрдэн тэтылкэн
Дэгилтэр сōӈку Дэвэлчэн,
Ай эвэнкӣ букатырин,
Дулин бугадӯ эмукин сōӈку балдыксā,
Минэвэ эрэйдук бӣhāнды.
hэргӯ буга авāhилин
Илтэнды туксугучӣн албаhитпар,
Суптырӣ туксугучӣн кувулгатытпар
Эр бугалā минэвэ эмувнэтын
Барāн сō анӈанӣ ōдан.

Наш человек подбежал к нему,
Снял с плеча свой лучище,
Вставил шестигранную стрелу *
И, оттянув [тетиву] до уха,
Сказал такие слова:
«*Гиро-гиро гироканин!*
Трехглавый орлище,
Зачем ты в эту страну
Явился и лежишь здесь?
Сначала прими привет,
Потом начнем разговор!
Если спросишь меня:
„Кто ты, *мата*, по роду-крови?“ —
То [отвечу]: я богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде.
Пришедший день —
День твоей смерти!
Кто положил тебя на моей тропе,
Загородив ее?
Перед смертью
Говори предсмертные свои слова!» —
Сказал [Дэвэлчэн].
В ответ на это трехглавый орлище
Стал в три стороны поднимать
Три свои головы.
Наш человек не дал ему сказать:
Его большой палец взревел,
Мизинец взвизгнул,
Громовой раскат выстрела
Прогремел по земле,
Ухнул в небе *,
Три головы трехглавого орла
Разлетелись в разные стороны.
Все же орел
Сказал такие слова:
«*Дунгир-дунгир!*
Богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Эвенк-*аи*, богатырь!
Один ты сильный родился на Средней земле
Чтобы избавить меня от беды!
Авахи Нижнего мира
Хитростью, подобной уходящей туче,
Коварством, подобным убегающей туче,
Привели меня в эту страну
Много лет назад.

Тар барāн анңанī устадӯн
Эр мō дэлкэн оёдӯн
Сунңэчӣн сōңкулва этэевчэнэл,
Эр эдӯ муңнāдячāтын.
Ёма-дā бугадук эмэчэ̄ сōниң
Минэвэ эчэ̄н ноноро.
Оһикталкāн сōңкуңин
Бӣ бичэ̄в,
Тарā биһэмдэ сӣ, эмэксэ̄, вāлтанды.
Сōңку ōна балдынавӣ гэрбӣдӯн,
Бӯкив инңактавāн иһиксā,
Тадӯ илан долбонӣлкāн
Инэңидӯ һуклэ̄кэл.
Де тар амардукин
Илан Сивӣрвэ ситэри гиркудиңāс.
Би тэкэнми аӣ дэгӣн бичэн,
Сӣ тэкэнни аӣ бэен биһинды.
Һэргӯ буга сōниңилнюнтын
Де гиркумкāкал.
Дюр һалгалкандӯ дюлэвӣ экэл бӯрэ.
Дялалкāндук экэл судурдэ,
Тыңэлкэ̄ндук экэл тыктэ!
Буралия бурастӹ!» —
Гундерэн эр дэгӣ биһэмдэ.
Мит бэеңит дэлкэн
Оёлō̄н һэтэкэнчэрэн-дэ̄
Оксоку бӯкин инңактадӯн
Илан долбонӣлкāн инэңидӯ
Āксā, илдан.
Эр иликсāкāн, мэ̄ндӯн элэкинди ōвчā
Иһāрдан-дэвэ̄рдэн тэтӹн
Дурукин нуңандӯн тыёлчэ̄,
Улдэдӯн улдэ һāвупчā,
Сумудӯн сумун һāвупчā,
Ноноптыдуккӣ дюрдӹн эңэ̄нӣлчэ̄,
Тар некэксэ̄, эр мāтā
Иһардан-дэвэ̄рдэн тэтӹлкэ̄н
Дэгилтэр сōңку Дэвэлчэ̄н
Дюлэвӣ ңэнэвкэ̄ндердэгэ.
Де эр һэргӯ буга
Яңин гуннэ яңиңин манавчāлāн
Чāгӯлāн иһиксā, ичэнэн —
Син дулин бугагачӣн
Ңэрӣһӣ дӯндэ эмэрэн.
Тала иһиксāкāн,
Дуюдӹ дундэңдӯн
Ңуңанмāн ёрчэклӣн ōчā,
Маңадӹ дӯндэңдӯн

В течение многих лет
Они меня мучили здесь,
Заставляя на этом настиле подстерегать
Богатырей, подобных тебе.
Еще ни один богатырь из другого мира
Не мог опередить меня.
Я был сильнейшим
Из когтистых,
Но ты пришел и убил меня.
Раз ты родился силачом,
Выщипай мои пух и перья,
Полежи на них
Три дня и три ночи.
После этого тебе будет под силу
Пройти все три мира *.
Я родом из птиц-*аи*,
Ты родом из людей-*аи*.
С богатырями Нижнего мира
Сразись!
Двуногому не поддавайся,
Имеющему суставы не дай себя задержать,
Широкогрудому не дай свалить!
Прощай на долгие годы!» —
Сказала птица, оказывается.
Наш человек
Вскочил на настил,
Три дня и три ночи проспал
На орлином пуху и перьях
И встал.
Когда встал, вся его
Расшитая-разукрашенная одежда
Стала ему тесна.
К мясу его мясо прибавилось,
К жилам его жилы прибавились.
Стал он вдвое сильнее, чем прежде.
Став таким, этот *мата*,
Богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Вперед направился.
Когда он прошел гольцы,
Гольцы этого Нижнего мира,
Увидел: оказалась за ними
Светлая страна, подобная Средней земле.
Пока он до нее добирался,
Пришлось ему идти
По такой тропе,
Где в мягкой земле он
По бедра проваливался

Нуңанмāн hэнңэклӣн ōчā
hоктоӗлӣ ңэнэвкэндердэгэ.
Эhилэ тар суруксōкōн,
Илан тэрэн, hэгдыңэл
Яңилдулā иhиксā,
Чāгӱя мӣкэндӯн
Ōкин-кат эчӣн hокоргоро
Чӱкалкāн бугалā иhиксā,
Илэ мэнин ōксā, ңэнэвкэндердэгэ.
Эhилэ тар ңэнэвкэнденэ
Аят ичэнэн биhэмдэ —
Дыгин кирӣлкāн
Багдарӣн дёло ёдук-кат ая лāйда
Дӯннэдӯ бэе ңэнэгэчӣнин бидерэн ивит.
Эр дёлово ичэксэ,
Сōңку Дэвэлчэн аят ичэнэн —
Де бэе ōнагачӣнин кулӯhилкэн * ивит.
Кулӯстукин дяваран-да
Дулйāклāн дэлпэрэгэр тāндяран.
Эр дэлпэрэгэр тāниксā,
Аят ичэнэн биhэмдэ —
Нуңан орондӯн
Сō аял онӗл нōмарил бичэл.
Тарилба бимӣ
Мит бэеңит
Копконо-копконо,
Сēптӱвӣ дынэ-дынэ
Комуйдярдага.
Тар некэдерэкин ӱгӣт
Илан гаhал, дэгнэ эмэксэл,
Нуңанмāн иларā пэрӣhиннэ hариктаксāл,
Тыкэн гуннэ тӯрэчӣл ōдярдактара:
«Кимэ-кимэ кимэнин!
Нэкун гунды нэкнӣлби,
Эр-кэ ēкун авāhин, эмэксэ,
Кāрēн мулāнē-вал онēнилбат
Дёромӣдяран, гадяран!
Тыкӯнē-тэлбэнē!
Сōт hӣмāт укунюрдōн мӯлкэн
Амуткāңлāвар тыкмэлчэгэт!
Талӣ бугалāвар суптыгāт!
Илан сивӣр сиктырдӯн
Ңӣ таваргичӣн мāтā бичэн биден.
Билир арай дулин бугадӯ
Инāрдан-дэвэрдэн тэтылкэн
Дэгилтэр сōңку Дэвэлчэн
Гунмурӣ букатыр биhин, гуңнэрэ.
Тар бимӣ митпэ йлэ-дэ

В твердой земле
По колени проваливался,
Шел он так
И достиг
Трех одинаковых гольцов.
На вершине дальнего
Он достиг места
Где никто еще никогда не мял травы.
Превратился в себя самого * и пошел дальше.
Шел он так
И ясно увидел:
Четырехугольный
Белый камень, будто бы принесенный человеком,
Лежал на красивой *лайде*.
Увидев этот камень,
Богатырь Дэвэлчэн хорошо его рассмотрел.
На нем был замок, будто бы сделанный человеком.
Схватил он за замок, потянул, —
Посередине треснуло.
Когда от рывка треснуло,
Он ясно увидел:
Для оленя его
Удивительно красивые узорчатые накладки * нашлись.
Наш человек
Стал их
Мало-помалу отрывать,
Класть
В карман.
Когда он это делал,
Прилетели три стерха,
Три раза над ним покружили,
Послышались такие слова:
« *Кимэ-кимэ кимэнин!*
Сестры, родные сестры мои,
Что это за *авахи* пришел,
Наши узоры заветные
Забирает, ворует!
Какая обида, досада!
Поскорее опустимся на наше
Молочное озеро,
По нему скроемся в нашу страну!
Ни в одном из трех миров
Нет другого такого богатыря, как
Богатырь Средней земли по имени
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде:
О нем говорили еще в старину.
Если это он,

Эһӣ некэрэ мӑтӑ бидиӈэн.
Сӧт сэрэнкэлду!» — гуниттэн.
Тар амардукин гаһаткӑр,
Укунюрдӧн мӯлкэн амуткӑндӯвар тыкиксэл,
Иларӑкӑн кӧлэһиксэл,
Корголдюкӑр ӧксӑл,
Амуткӑндулӣ колугуркӑн тыктэ.
Мит бэеӈит тарӑ ичэрэн-дэ
Нуӈан нӭн били бӯктӯ ӑчӑ бэе,
Арӑһинай албаспа сӑрӣ ӧксӑ,
Иларӑкӑн кӧлэһиксэ,
Илан кирӣлкӑн сэлэкэн ӧран-дӑ
Һэргискэкӣ килигирӑдяһинан.
«Ӭкундулӑ тыким?» — гуннэ
Уйдэнэ ичэнэн биһэмдэ —
Нюӈучӣ атӯр мурин кавкаван
Һэргиски дявавчӑгачӣн
Һэргискэкӣ тыкрӣ һоктотын ивит.
Тар дӧялӣн мит бэеӈит
Дюлэскивӣ ӈэнэвкэндердэгэ.
Нуӈан биксэ удадиӈӑн дӧ —
Дыгин дӯр дыгин бӯгунай кӑртыва
Нэвчэгэчӣн эмӈэ урӣкиттулэ тыкрэн.
Эр тыкиксэ, нуӈан
Эртыкӣ-тартыкӣ ичэттэкин
Эр дӭлдук дуруктукитын
Һэгдыгӯмэтын сэлэмэ дӭ биһин ивит.
Эр дӭлӑ эмэксэ,
Эрэли гиркуна уркэен ичэттэкин —
Дегинӈидэдуккӣ калгачӣ,
Ӯһикин туннукичӣ,
Ай бэен дӭдукин
Адяс һуӈту ӧнӣчӣ ӧдан.
Тар дӭ умун муннуклӑн
Эмэксэ, мит бэеӈит илитчардага.
Де эр дӭ дӧдӯн
Барӑн бэе тӯрэнин
Дяпкая ӑчин дӧлдывуттан.
Тар-дӑ бинэ ӧн-дӑ гундытин
Ает эһин дӧлдывра.
Соӈорӣтын-да, инерӣтын-да
Эһин тадӯ сӑвра.
«Эр ӭкудӹ тэгэлдулэ
Иссӑ бирдэгим?» — гуннэ
Мит бэеӈит дӧлчатна илиттар ӧрдага.
Эр илитчана дӧлдыракин,
Арай умун бэе тӯрэнин
Нуӈан аран дӧлдырӣдӯн

От него никуда не скрыться,
Будьте настороже», — говорили.
После этого стерхи
На молочное озерко опустились,
Три раза перевернулись,
Став оловяшками,
Со звоном погрузились на дно.
Увидев это, наш человек,
Который, поспав в пухе орла,
Разным хитростям научился,
Тоже трижды перевернулся,
Превратился в трехгранную железку
Со звоном вниз опустился.
«Куда я упал?» — подумал он,
Хорошенько оглядываясь вокруг.
Оказывается, там была вниз ведущая тропа,
Подобная вытянутому горлу
Шестилетнего жеребца.
По этой тропе наш человек
Пустился вперед.
Не задержавшись,
Опустился он на большое стойбище,
Словно из сорока четырех бубновых карт! *
Спустившись туда,
Посмотрел во все стороны.
Из всех чумов
Самым большим был железный чум,
Он подошел к тому чуму,
Обходя вокруг, поискал дверь.
Дверь открывалась слева,
Окно было поставлено наоборот *,
В сравнении с чумом человека-*аи*
Совсем по-другому было сделано.
К одному из углов этого чума
Подошел наш человек и остановился.
Внутри чума
Слышался неумолчный разговор
Многих людей.
В том разговоре
Ничего нельзя было разобрать.
То ли плакали, то ли смеялись, —
Понять нельзя было.
«К каким племенам
Я попал!» — подумал
Наш человек, прислушиваясь.
Тут он услышал
Человеческий голос,
Говоривший

Тыкэн гуннэ тӯрэлкэн ӧдяран:
«Ловир-ловир ловирдӧн!
Эһилэ-вэл, гиркиндёл,
Эмэкэлду эһилэ!
Ёдук эри ӈэлэнэл
Эвӣнмэр-дэ омӈороп.
Ниһайданнё, ниһайдён
Делэдыннё, делэйдӹн!
Эдэ̄ил, эдэил, эмэкэлду, эвӣгэ̄т!
Ӈӣдук-ӈӣдук ӈэлэрэс?
Дулин буга бӧюнин
Инӑрдан-дэвэ̄рдэн тэтӹлкэн
Дэгилтэр сӧӈку Дэвэлчэн,
Ёма кувулгатитпӣ ӧксӑ,
Ёма албаһитпӣ ӧксӑ,
Эр бугалӑ эмэмсэк ӧдиӈэн гуннэл
Эһис элэ̄ умӣпта?
Сӧт-сӧт эмэксэ̄л,
Егин дӑрилкӑн солкомо нюриктэлкэн
Солкондӑр киливлӣвар эрӣкэлду!
Няргул бэ̄ӧн укчакилкӑн
Сӧниӈ Няргӯчӑн гунмурӣ
Авӑһи атамӑнин акинмав
Сӧт-сӧт эмувмэлчэкэлду!
Нуӈартын ӑһиптӹн маладаһунтын *
Ирӣвуксэ этэрэн,
Сӧт-сӧт умӣпмалчакалду!
Оннӧгор ӯгӯ буга
Аимӈӯткар аһӑткӑртын
Эмэксэ̄л, эдӯ бидерэ.
Мит-пэл ӧн этэ̄п умунуптэ!
Дулин буга букатӹрин
Элэ̄ истӹ ёкун-кат
Албасйа адяс ӑчин,
Сӧӈку Дэвэлчэн этэ̄н эмэрэ.
Эвӣгэ̄т, эвӣгэ̄т!» — гуннэ
Эр урӣкӣт дӧдӯн биһӣ
Авӑһилва упкатватын
Э̄рӣрдэгэ эр авӑһил атамӑнтын
Дегэ Бӑбэ, гунмурӣ.
Эрэ̄ дӧлдыксӑл, авӑһил,
Эргӣт-таргӣт умӣвуксӑл,
Бэгинмэр Няргул сӧниӈӈа
Дӣор ӈӑладукин элгэнэ
Дӣор авӑһи букатырин
Тэ̄рӣндукин туктывдерэ
Эр сэлэмэ дӣолӑ.
Мит бэеӈит биһэмдэ

Такие слова:
«*Ловир-ловир ловирдон!*
А ну-ка, друзья,
Теперь подойдите!
Чего мы так испугались,
Даже игры свои забыли?
Нихайданне, нихайден,
Делэдынне, делэйдын!
Сестры, сестры, идите играть!
Кого, кого вы испугались?
Какими уловками,
Какой хитростью
Богатырь Среднего мира
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде
В этот мир прийти сможет?
Почему вы не идете?
Быстрее, быстрее идите,
Позовите красавицу Солкондор
С девятисаженной шелковистой косой!
Быстрее, быстрее ведите
Атамана *авахи*, брата моего,
Богатыря, зовущегося Няргучаном,
Ездящим на молодом лосе.
В честь их свадьбы
Приготовлено угощение!
Быстрее, быстрее все собирайтесь!
Даже девушки-*аи*
Верхнего мира
Прибыли и находятся здесь.
Как же нам не собраться?
У богатыря Среднего мира
Храброго Дэвэлчэна
Нет таких хитростей,
Чтобы добраться сюда!
Поиграем мы, поиграем!» —
Говорила, созывая всех *авахи*
Того стойбища
Атаман *авахи* по имени
Дегэ Бабэ.
Услышав это,
Собрались отовсюду *авахи.*
Два богатыря-*авахи*
Господина своего Няргул-богатыря
За обе руки взяв *,
С двух сторон привели
В тот железный чум.
Наш человек

Нуӈартын дюлэдӯтын
Адяс улӧр улдэтпӣ,
Адяс илэ мӭндивӣ
Илиһинчаран ивит арай.
Бэгинмэр элгэдерӣл
Букатӹрил, олоксӧл,
Чӑскӑкӣ һукэлтӹрэ.
Няргӯчӑн сӧниӈ
«Татат! Татат!» — гуниксэ,
Нилбэкилкэн дувукӣвӣ
Сэлэмэ кӧлӧлгочӣн санӈатпӣ
Тапканна-тапканна
Илан бӗрэстэмэклэ
Амаргидӑтпӣ тэмтэрнэ суруксӧ,
Тыкэн гуннэ тӯрэлкэн ӧдяча yhy:
«Ловир-ловир ловирдӧн!
Дулин буга букатӹрин
Иһӑрдан-дэвэрдэн тэтӹлкэн
Дэгилтэр сӧӈку Дэвэлчэн,
Ӗкун-ӗкун албаһитпӣ
Илэ мӭндивӣ эмэркэс?
Авӑһил атамӑндӯтын,
Миндӯ аналичӣ бирдэгиӈ!
Урӧ-вонӈон урӧвов!
Дёлив-соргув ӧдан-ӈан!
Синӈэчӣн ая, дялум ичэдэчӣ
Айткӑндӯ эрэгэмэ ачин!
Егин дӭн егин букатӹрва
Илэ мэнми бӑлтачав,
Нямӑвӣ дялупрӣдӯв
Де тэде сӧӈку мӑтӑ
Илэ мӭндивӣ эмэнды.
Нэкун гундӹ нэкунмӣ
Ӯникин удяван удяна
Эмэчэс бидиӈэн-дэ
Тариӈис бимӣ миндӯ
Илачӣдуккӣ аналлакив,
Дӧчидуккӣ дӧвчавӈӯв,
Умучӣдуккӣ улдымӈӯв!
Мэндиви эмэчэкӯн,
Бӯрӣвӣ-эһӣвӣ улбӯтӹкэн улгӯркэл!
Бӯрэкис-кэт гачим,
Эһикис-кэт гачим!» —
Гуниттэн авӑһи омолгин.
Мит бэеӈит нуӈанмӑн ичэтчэнэ
Тыкэн гуннэ тӯрэлкэн ӧдяча yhy:
«Гирӧ-гирӧ гирӧканин!
Һэргӯ буга авӑһилин атамӑнтын

Перед ними
В настоящем своем облике,
Сам собой
Предстал, оказывается.
Богатыри, которые вели
Своего господина, испугавшись,
Прочь отскочили.
Няргучан-*сонинг*
Закричал: «*Татат-татат*!» —
И ладонью своей, подобной железной лопате,
По коленям и бедрам
Стал себя похлопывать.
На три версты
Назад попятился,
Такие слова сказав, говорят:
«*Ловир-ловир ловирдон*!
Богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Какими хитростями ты
Проник сюда в своем собственном облике?
Ты достался мне
На съедение!
Вот радость мне, радость-то!
Счастье, удача мне!
Такого, как ты, жирного
Среди людишек-*аи* не бывало!
Девяносто девять богатырей
Я сам убил.
Чтобы стать сотым,
Настоящий, сильный *мата*
Сам явился.
Ты, наверно, пришел
Выслеживая по свежим следам
Младшую сестру, родную сестру свою?
Ей же
С трех лет суждено стать мне невестой,
С двух лет — хозяйкой моего чума,
С одного года — моей швеей!
Если ты сам пришел,
Скажи сразу, отдашь ее или нет?
Отдашь — возьму,
Не отдашь — возьму!» —
Говорил сын *авахи*.
Наш человек, взглянув на него,
Такими словами отвечал, говорят:
«*Гиро-гиро гироканин*!
Атаман *авахи* Нижнего мира,

Няргул бэюн укчакилкан
Соониң Няргучан,
Ноноптын дорово бигин,
Амаргун улгур бигин!
Минэвэ йргит тэкэлкэн
Мата гуннэ эчэс мискэттэ,
Онавй буруйвй мэнды санды.
Тар некэксэ
Мэндивй эмэнды гуннэ
Амңалкан йктэтпй тэвэһинды.
Тадў бй бидиңэв до —
Бй нян син букатыр
Гэрбйлкэн мата бичэв.
Дёрсо синңэчйн авааһи
Атаманин сатан эһйн тырэрэ
Эвэнкйткэн бичэв бидиңэн.
Ката сй, авааһи гунмурй,
Аи бэен һунатпан
Аһйявй гаксакан,
Аһўн авдўва иргинэвэн ичэксэ,
Аһўн һутэвэ балдывуксэ,
Олоккй онаван ичэксэ,
Дёрсо дёромоксо эмувуксэ
Бинэ-бинэ, тўрэлкэн оданды!
Эһиткэн тавар илитчарй
Дўндэңдуккй йлэ-дэ
Экэл сй һаваһина!
Нонон алтамандя алаңандятпй
Гарпана порговайдадиңав *.
Тар амардукин
Дагат дяварй гидалдивар
Коңнорйн һакиндўвар тыкилдыдиңэт,
Тарил манавчалатын
Де дюлакин колтолдивар
Улдэлкэн-сэксэлдуккэр коталаматчиңат.
Илан сивйрдў дюр тэрэңил
Эһилэ бакалдырап бидиңэн.
Дюрдук гё эрйксэт
Этыргэрэкин-нйон этэрйл
Матал одап бидиңэн», —
Гуниттэн эр соңку Дэвэлчэн.
Тыкэн гуниксэ, мит бэеңит
Аңңў сёптуккй маннёт карчива
Сот һймат гамалчаран-да:
«Дюлэдўв мэңумэ урэ окал!» —
Гуниксэ, гарадаран.
Тариңин биһэмдэ
Мэңумэ урэндё оран.

Богатырь Няргучан, ездящий
На молодом лосе!
Сначала привет
Потом — разговор!
Ты ведь догадался
Откуда я родом,
И знаешь свою вину!
Зная это,
Все же думаешь
Поймать меня клыкастой пастью.
Разве я это снесу —
Я ведь тоже
Мата — богатырь!
Может и тебе, такому атаману *авахи*,
Меня, человека-эвенка,
Не одолеть!
Где ты видел, чтобы *авахи*
Взял в жены
Девушку людей-*аи*,
Развел скот,
Родил детей,
Стал жить?
Ты, как вор, похитил [сестру]
И смеешь еще разговаривать!
Теперь стой
На том же месте,
Не двигайся!
Сначала я испытаю тебя
Выстрелом из медного лука.
После этого —
Крепко держа копья,
Вонзим их друг другу в черные печени *!
Когда с этим покончим,
Голыми кулаками
Взыщем друг с друга крови и мяса!
Двое равных в трех мирах,
Мы встретились,
Чтобы прервалось
Дыхание одного из нас —
Такие мы богатыри!» —
Сказал богатырь Дэвэлчэн.
Сказав так, наш человек
Мигом вытащил из правого кармана
Серебряную монету
И бросил ее, сказав:
«Стань серебряной горой!»
Стала она
Серебряной горой.

Чāгӯ бэе мōра баргӯдукин
Умун илӣкачāнма
Тоӈӈорогор тāниксā,
«Сэлэмэ урэ ōкал!» — гуниксэ,
Дюлэдӯвӣ гарадāран,
Тариӈин сэлэмэ урэ ōран.
Тар амардукин мит бэеӈит:
«Куһӣн тэкэнмэн ōчā
Бугачӣвӣ биһӣдин де
Сӣ минэ нонон гарпакал!» — гуниттэн.
Аваһимӈӯ биһэмдэ
Егин дя̄р бӯтылкāн
Сэлэмэндē алаӈандя̄вӣ
Аркандуккӣ тыкиврэн,
Егин кирӣлкāн
Чугӯма нюриндя̄вӣ нэ̄рэн,
Чугӯма урэӈӈӣ чолпорогор,
Мэӈумэ урэӈмэн чолпорогор
Мит бэеӈэт иткӯчадяна
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄тчэрдэгэ:
«Ловир-ловир ловирдōн!
Егин дя̄р бӯтылкāн
Сэлэмэ алаӈандя̄в,
Дёлодук экэл дюлайда,
Мэӈундук экэл мучӯра!
Дулин буга букатырин
Сōниӈ мāтā Дэвэлчэ̄н
Коӈнорӣкāн һāкинин
Дулкāкинмāн бакакал!
Бӣ гэрбӣвэв экэл тыкиврэ,
Сураккав экэл сӯһарда!
Сōӈку мāтā Дэвэлчэ̄н,
Сӣ-дэ̄ бимӣ бэлэкэкэл,
Сэп сурурун — сэрэнкэл!» —
Гуниттэн.
Тыкэ̄н гуниксэкэ̄н,
Чугӯма урэнюнди мэӈумэ урэвэ
Чолпорогор гарпаран.
Мит бэеӈит
Сōӈку мāтā Дэвэлчэ̄н
Нуӈан бэрдӯн эчэ нāвра —
Сōт нимсат адагаксōран.
Нуӈан бэрдукин адаганна̄я
Сэлэмэ кāйдӯ кāйнаватын
Нэкунмӣ кāйдук ювумдэк,
Кāй калтака эркинмэн
Эдерэгэр һэкиһиниксэ̄,
Нэкунмӣ чāварӣһиниксā,

Враг его за морем
Целую скалу
Своротил *.
«Стань железной горой!» — сказал,
Бросив ее перед собой.
Стала она железной горой.
После этого наш человек сказал:
«Из-за тебя началась наша битва,
Ты владеешь этой страной,
Поэтому стреляй в меня первым!»
Тогда *авахи*
Свой девяностопудовый
Железный огромный лук
Спустил с плеча,
Вложил девятигранную
Чугунную огромную стрелу,
Прицелился в нашего человека
Сквозь свою чугунную гору
Сквозь серебряную гору [Дэвэлчэна],
Так говоря:
«*Ловир-ловир ловирдон!*
Девяностопудовый
Железный мой лучище!
Пусть твоя стрела не страшится камня,
Не отскочит от серебра! *
Попади в середину
Черной печени
Богатыря Среднего мира,
Сильного богатыря Дэвэлчэна,
Не урони моего имени,
Не омрачи моей славы!
Сильный богатырь Дэвэлчэн!
Хоть ты такой [сильный], держись!
Летит стрела — берегись!» —
Сказал [*авахи*].
Сказав так,
Пробил он насквозь
Чугунную и серебряную горы.
Наш человек,
Сильный богатырь Дэвэлчэн,
Не попался его стреле,
Очень ловко он увернулся.
Увертываясь от стрелы,
Он отломил
Половину стенки железной темницы.
Из нее вышла его сестра.
Схватив сестру,
Он засунул ее

Ӑнӈӯ сӗптӯвӣ ды̄рэн.
Тадук пэрӣһиниксэ̄, эмэксэ̄,
Де алтама алаӈандя̄тпӣ
Чӑгӯ сӗмӑктӯвӣ тӑнӣна-тӑнӣна
Тыкэн гуннэ турэ̄тчэрэн:
«Гирō-гирō гирōкӑнин!
Һэргӯ буга авӑһин,
Няргул бэю̄н укчакилкӑн
Няргӯчӑн сōниӈ букаты̄р,
Сӣ егин кирӣлкӑн
Чугӯмандя̄ нюрбас адагам,
Би-кэнэ̄ гарпарӣв ōдан.
Городы̄вӑн эмэчэ̄т, дагады̄н
Эмэ̄нмуксэ̄ бидерэн бидиӈэ̄н
Сэп сурурун — сэрэнкэл!
Сōӈку бэевэ энэ сӑвкӑна
Бӑлтаран гундиӈэ̄с!
Тар амардукин
Алтама алаӈав,
Бӣ итчилэ̄к тӯрэ̄нмэв
Дōлӑвӣ дōлдыкал,
Сӗндӯвӣ силдыкал,
Иргэлэ̄вӣ иктэвкэл,
Илбиспэ инӣһикэл,
Дёлодук экэл дюлайда,
Чугӯндук экэл чугуйда,
Һэргӯ огӗӈӑ омолгивӑн
Коӈнорӣн һӑкинмӑн коӈдорогор ӈэнэкэл,
Адярай омолгивӑн экэл адагавкӑна!» —
Гуниттэн эр мит бэеӈит.
Тыкэн гуниксэ̄, сōӈку Дэвэлчэ̄н
Һуругучōнин ӯрэ̄һинэн,
Чимиткӣчӑнин чипчӣһинан,
Бэр ӣгин ниргииһинчэрэн.
Авӑһи омолгин
Угискэ̄кӣ адагакта гундерэкин
Нюӈун кирӣлкӑн нюр, эмэксэ̄,
Һэнӈэмиӗвэ̄н дэлпэрэгэр ӈэнэрэн.
Авӑһи омолгин биһэмдэ
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄чӣ ōдяран:
«Ловир-ловир!
Дулин буга бōюнин,
Иһӑрдан-дэвэ̄рдэн тэты́лкэ̄н дэгилтэр сōӈку Дэвэлчэ̄н
Ӣлтэнды̄ туксугучӣн
Деӈкир дивилгэт ивит,
Суптырӣ туксугучӣн
Кулдюн кувулгат ивит.

В правый карман.
Потом повернулся, подскочил,
Свой медный огромный лук
Растягивая до самого уха,
Сказал такие слова:
«*Гиро-гиро гироканин!*
Авахи Нижнего мира,
Богатырь Няргучан-*сонинг*, ездящий
На молодом лосе!
Я увернулся от твоей
Чугунной девятигранной стрелы,
Теперь сам выстрелю!
Мы прошли [в поединке] больше,
Чем нам осталось!
Летит стрела — берегись!
Ты не скажешь, что я напал
На сильного человека без предупреждения!»
После этого —
«Мой медный лук,
Мои вещие слова,
Учуй нутром,
Вкрути [себе] в уши,
Вбей в мозг!
Не знай жалости!
Пусть твоя стрела не страшится камня,
Не отскочит от серебра!
Пронзи, пробей черную печень
Сына *огенга* Нижнего мира,
Не дай увернуться сыну *адярая*!» —
Сказал наш человек,
Сказал сильный Дэвэлчэн.
Его указательный палец взревел,
Мизинец взвизгнул —
Раздался грохот выстрела.
Когда сын *авахи*
Собирался отпрыгнуть —
Шестигранная стрела долетела,
Раздробила ему колено.
Тогда сын *авахи*
Сказал такие слова:
«*Ловир-ловир*!
Богатырь Средней земли
Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде,
Как уходящая туча,
Неуловимый и хитрый, оказывается,
Как убегающая туча,
Очень коварный, оказывается.

Гарпарӣн-дā ēдӯ эӈэһӣтэрэн
Тӯрэ̄нин-дэ̄ ēдӯ сэттэ̄ктэрэн * !
Минэвэ ичэтчэнэ
Кāрēн мулāнē-вал һалгандя̄вав
Дэлпэрэгэр гарпаран!
Соӈомō-вал сорулви!
Тыкӯнē-тэлбэ̄нē биргэндēв!
Де, тар-дā бичэ̄лӣн,
«„һуркэ̄н-куӈāкāн дялин
Дёлодук-дā, чугӯндук-тā
Эгин бēлда гуннэл
Билир угэ ōчāн,“ — гуӈкитын.
Де тарит бимӣ
Энэ эгин-дюһун ōра
Илэ мэ̄ндивӣ эмэкэл!
Коӈнорин улдэ колтолдивар
Ӣлдымкэ̄гэ̄т!» — гуннэ
Тэпкэдердэгэ.
Мит бэеӈит,
Мэӈумэ урэӈӈӣ гаксā,
Маннēт карчи ōвкāниксā,
Сēптӯвӣ ды̄ннэ̄ē,
Де бэеӈлэ̄вӣ иһирдага.
Де эр бакалдыксāл,
Егин дя̄н бӯтылкāн тыевурдивэр
Һорōн һорōндулāвар иктэлдынэл
Илкидердэктэрэ * эр мāтāл.
Тариӈитын-кат илалдадӯ-нӣон ӈэнэксэ̄,
Капурагар сурурун.
Ӣлӣ-талӣ дэлпэлмӣгдэ иктӯмэ̄ттэ.
Тариӈилвар гарачиксāл,
Онӣгдама гидалвар чāварӣра.
Коӈнорӣкāн һāкинты
Дулкāкинтын гуннэ-гуннэ
Дэ̄птыкӣмэ тыкилдыдерэ.
Тариӈитын-да бимӣ
Дӣор доӈото калан
Эделӣн-кэт ирдэ
Ēкун-да уян сэлэкэ̄нӈэчӣн
Токчоконовотын угискэ̄кӣ гаратта.
Тар амардукин
Дя̄н чараткӣлкāн колтолдивар
Де тыкилдырэ.
Де тэпкэнэл-тэпкэнэл,
Букталдакāн иктэлдынэл
Бучӯкин мōва буктарагар,
Нӣ̄ликин мōва нялбурагар
Иедэ̄ктэмэ̄тнэл тэрэ̄ӈкэ̄кӣ куһӣдердэктэрэ.

С какой силой он стреляет,
Слова же его несут несчастье!
Глядя на меня,
Не побоялся он раздробить выстрелом
Мою бедную ногу!
Слезы и горе мне,
Обидно-досадно мне!
Все же
Издавна говорится,
Что паренек в мыслях своих
Не должен бояться
Ни камня, ни чугуна.
Поэтому ты,
Не хитря,
Подойди сюда.
Попробуем биться
Голыми кулаками!» —
Кричал [*авахи*].
Наш человек
Серебряную гору убрал,
Превратил ее в монету,
Сунул в карман,
Подошел к противнику.
Они сошлись,
Стали биться,
Колотить друг друга по макушке
Девяностопудовыми посохами.
Посохов хватило всего на три дня —
Разбились они в щепки,
От ударов раскололись,
Посохи они бросили,
Смертоносные свои копья схватили,
Ринулись навстречу друг другу,
Нацеливаясь в середину
Черной печени.
Копья эти —
И двум котлам мерзлого [мяса]
Не успеть бы свариться * —
Погнулись, словно незакаленные железки,
И они их отбросили.
После этого —
Сжатыми в кулаки десятью пальцами
Стали они биться,
С криком-ревом
Избивая друг друга,
Сухие деревья дробя в щепки,
Растущие деревья валя на землю.
Равные по силам, бились, словно рогами.

Аһӯнма-да̄ бо̄юнда̄снавар
Энэл са̄ра тэрэӈкэкӣ куһӣденэл
Һэ̄ӗ һэ̄ӗлвэр кип-кап на̄лдыра.
Тадӯ илиһинчакса̄,
Эр со̄ӈкӯ Дэвэлчэн
Тыкэн гуннэ тӯрэчӣ о̄дяран:
«Гиро̄-гиро̄ гиро̄ка̄нин!
Һэргӯ буга ава̄һин,
Няргул бэ̄он укчакилка̄н
Няргӯча̄н со̄ниӈ гунмурӣ,
Умун һуӈту буга букаты̄рин гуннэ
Каридӯвӣ, нюӈӣдӯвӣ уӗчомко̄м-дэ
Эһӣлэвӣ тэрэ̄рэ иһинды.
Эһиткэн бӣ илды̄в
Инэӈӣӈив эмэрэн.
Миндук ӗва коргутчанды,
Энэдӯвӣ тэрэ̄рэ мэ̄ндуккӣ коргуткал!
Ноноптыва о̄ча̄ буруилка̄н
Сӣ мэ̄нды бирдэгиӈ,
О̄рбэ һэлэкэ̄н о̄рэгэһин о̄рдагиӈ,
Онӣгдама гида кира̄ска̄н о̄рдагиӈ», —
Гуниттэн эр мит бэеӈит.
Тыкэ гуннэдӯн ча̄гӯ бэе,
Макчас некэксэ̄, кокоскава бӯрэн.
Тара̄ биһэмдэ мит бэеӈит
О̄луктукин дяваран,
Нюркӯнчакнан калбарийдан,
Доӈото тукалава
Егин саһа̄ма̄ктӯ, сиӈнэри гарада̄ран.
А̄ннӯ нюӈӣдӯн умундӯ балдыча̄
Дыгин ӈа̄ла деелкэ̄н
Эмэр котоко̄ндивӣ
Кавкава̄н коӈдорогор та̄нан.
Тариӈин биһэмдэ ава̄һи биксэ̄
Тӯрэ̄нэ а̄чин эмэ̄нмудиӈэ̄н —
Тыкэн гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н о̄ча̄:
«Ловир-ловир ловирдо̄н!
Дулин буга бо̄юнин
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэтылкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н,
Кулдюн кувулгат, дӣкэй дивилгэт,
Эр минэвэ ка̄ре̄н балдыдя̄к бугадукив,
Аймак нэкнӣл бэеӈилдукив
Һуе̄ннӣрэн, ба̄лтаран.
Будэрӣтын, энӯндытын
Маӈа-да̄ бивкӣ ивит.
Эрэ̄ энэ са̄ра
Дулин буга букатырнӯонин

Сколько сражались
В равной схватке, не знали,
Когда сшиблись лбами, —
Остановились.
Храбрый Дэвэлчэн
Сказал такие слова:
«*Гиро-гиро гироканин*!
Авахи Нижнего мира
По имени Няргучан-*сонинг*, ездящий
На молодом лосе!
Тебя, богатыря другого мира,
Я поддержать старался руками и ногами —
Ты не выдержал.
Пришел день,
Когда я против тебя встану.
Не на меня обижайся,
На себя обижайся:
Ты не выдержал!
Ты сам драку затеял —
Теперь ты превратишься в кусочки железа *,
Окрасишь кровью смертоносное мое копье!» —
Сказал наш человек.
Когда это сказал, его противник
Низко присел и показал ему кукиш.
Тогда наш человек
Рванул его за грудки,
Отскочил — тот упал ничком
И в мерзлую землю
На девять саженей был вбит.
Взяв с правого голенища
Свой острый нож *,
С которым родился,
У которого лезвие в четыре пальца,
Дэвэлчэн перерезал врагу горло,
Но *авахи* не промолчал,
Сказал такие слова:
«*Ловир-ловир ловирдон!*
Богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн,
В расшитой-разукрашенной одежде,
Очень хитрый, настоящий оборотень,
Убил меня, вынудил распроститься
Со славной родной страной,
Со своими сородичами.
Умирать
Очень больно, оказывается.
Не зная этого,
С богатырем Среднего мира

Гугиниктэ * гуниксэ, карэн
Балдыдяк энилкэн аминдук,
Балдыдяк дүндэдук
Эр-ты эһит һуечирдэгим!
Буралия бурасты!», — гуниксэ,
Эр-дэт букэкутрэн.
Мит бэеӈит, һэргү буга
Атаманман кэйиксэ,
Чугүма дылван киһэн урэлдү
Һукэлкикэтнэ эвирэн,
Нюӈин гирамдалван
Мора урускалдүн умивран,
Эптылэндэн гирамдадин
Эвэнки дюкчан эр бигин
Гуннэ эвикэттэн.
Атаман биһим гуннэ атырнан
Астыкйа-да ачин ивит,
Соӈку бэе биһим гуннэ сурагирнан
Со-да сивсак * ивит гуннэ
Мит бэеӈит эр аваһи
Урикитын додүн биһи
Боюналватын упкатпатын гиркуран —
Нуӈаннюнин гиркури
Ӈи-кэт ачин оран.
Эр некэксэ, мит бэеӈит
Үгү буга айткар аһаткарватын
Де бакалдынардагим гуннэ
Үр үгү дюдү бидеклэтын эмэнэн —
Нуӈартын биһэмдэ каяһак
Үгү бугалавар дэгдеһинчэл уһу.
Соӈку Дэвэлчэн эһилэ
Айткар букатырила,
Айткар-кана тэгэлэ
Гиркуксэ, ичэрдэгим гуннэ,
Солкондор гунмури нэкунми
Септүви аямат дыксэ,
Үр эмэдек һоктоливи
Угискэки туктыдеһинчэ.
Эмэнэви удяви нуӈан биксэ
Аһүндү исчиӈан —
Һэргү бугала тыккит
Һокто уркэлэн иһиксэ,
Илэ мэнин оксэ,
Нэкунми нян мэндин овканиксэ,
Тыкэн гуннэ түрэчи одярдага:
«Гиро-гиро гироканин!
Егин дарилкан
Солкомо нюриктэлкэн

Вступил я в сражение:
Вот сейчас я расстанусь
С родными матерью и отцом,
С родной землей
Распрощаюсь на долгие годы!» —
Сказал он так и тут же испустил дух.
Наш человек, одолев
Атамана Нижнего мира,
Чугунной его головой поиграл,
Покатав ее по ледяным горам.
Голенные его кости
Свалил на морской плавник,
Из реберных его костей
Поставил эвенкийский чум —
Так ими он поиграл.
Хвалился [Нярgучан], думая: «Я атаман *авахи*», —
Зря хвалился, оказывается!
Думая: «Я славлюсь сильным богатырем», —
Напрасно хвалился, оказывается!
Наш человек со всеми богатырями *авахи*
Того стойбища
Померился силами, —
Не нашлось никого,
Кто бы с ним сравнился.
Потом наш человек
Повидаться задумал
С девушками-*аи* из Верхнего мира.
Пришел к чуму, где они находились —
А они уже улетели
В свой Верхний мир, оказывается.
Тогда храбрый Дэвэлчэн
Решил посмотреть
Богатырей-*аи*,
Племена-*аи* *.
Усадил хорошенько в кармане
Сестру свою по имени Солкондор
И тропою, которой
Спускался вниз, наверх отправился.
Пройденный путь
Разве долго ему снова пройти —
Идя по тропе, он достиг
Отверстия Нижнего мира.
Превратился в себя самого,
Сестре тоже вернул собственный ее облик
И сказал такие слова:
«*Гиро-гиро гироканин!*
Красавица по имени Солкондор
С девятисаженной

Солкондōр гӯнмурӣ киливлӣ,
Нэкун гундӹ нэкунми,
Бӣ, сӣ удявас удяна эмэксэ,
Эмӈэ некэвэс кэрийиксэ,
Синэ hэргӯ бугадук бакаксā,
Эhилэ эр бугалāвӣ мучӯдям.
Тар бинэ дялив аран итэгэс
Тар ēкун гунэкис —
Бӣ, синэ удяна эмэксэ,
Эр бугалā иhиксā,
Дыгин кирӣлкāн дёлово суксанав
Мит орон авдӯдӯт
Сōма элэкир онёлво бакачāв.
Тар онёлво гадяракив,
Ӯгӣт илан гаhа, тыкиксэл,
Эр дулин бугадук
Сōӈку Дэвэлчэн, эмэксэ,
Эр онёлво дёромӣдяран
Гуннэл улгучэмэттэ-кэт энэл
Укунюдōн мӯлкэн амуттӯвар тыкчэтын.
Тарил удялӣтын тыкиксэ,
Нонон истӹдӯв бичэтын.
Эмэдэвӣ бакалдымнак некэнэв
Āчин ōда нуӈартын,
Тарит бӣ нуӈарватын
Ēмӣ-кат бакаракив элэкин.
Онёӈилатын суксачā бимӣ
Аӣ бэелнюнин аӣлдӹт улгучэмэчимчэв.
Сӣ ōн некэчинды:
Бугалāвӣ мучӯчинды-гӯ,
Миннюн гиркулдычинды-гӯ?
Бугалāвӣ нонон исмӣ,
Дюват дювчамчас,
Орорвот ичэчимчэс,
Тарā мэнды сāкал,» — гуниттэн.
Тыкэн гуннэдӯн
Эр егин дāрилкāн
Солкомо нюриктэлкэн
Солкōкчōн гунмурӣ киливлӣ
Дāн чараткивӣ олдю-hолдю дявӯран,
Егин дāрилкāн солкомо нюриктэвӣ
Иларā-дыгрэ игдыhинан,
Ёва-ла уйдэмкэчэ бэегэчин
Акинтыкивӣ ичэтчэнэ
Тыкэн гуннэ тӯрэлкэн ōдяран:
«Дэгрӣ-дэгрӣ дэгрӣмōй!
Иhāрдан-дэвэрдэн тэтылкэн
Дэгилтэр сōӈку Дэвэлчэн,

Шелковистой косой!
Младшая сестра, родная сестра моя!
Я пришел, выследив тебя по твоим следам,
Обошел все места, где ты была,
Нашел тебя в Нижнем мире,
Теперь в свой мир возвращаюсь.
Если спросишь,
Чего я хочу
То [отвечу]: когда я шел по твоим следам
И добрался до этого мира,
Я разбил четырехугольный камень,
На котором нашел накладки —
Очень они подходят нашим оленям.
Когда я собирал эти накладки,
Сверху спустились три стерха [со словами]:
„Это храбрый Дэвэлчэн пришел
Из Среднего мира
И ворует наши накладки".
Не сказав мне ни слова,
Они спустились [на дно] своего молочного озера.
Я спустился по их следам.
Сначала они там были.
Хотел я с ними встретиться,
Но они скрылись.
Поэтому мне
Непременно нужно найти их.
Если я забрал их накладки,
С ними, людьми-*аи*, как *аи* поговорил бы.
А что ты будешь делать, сестра:
Вернешься на нашу землю
Или пойдешь вместе со мной?
Если бы ты пошла сначала на нашу землю,
Стала бы жить в чуме,
Присмотрела бы за оленями.
Решай сама!» — так сказал [Дэвэлчэн].
В ответ на эти слова
Красавица по имени Солкондор
С девятисаженной
Шелковистой косой
Десятью своими пальцами пошевелила,
Три-четыре раза туда и сюда [гребешком] провела
По своей шелковистой косе *.
Как будто о чем-то задумавшись,
Посмотрела на брата
И сказала такие слова:
«*Дэгри-дэгри дэгримой!*
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,

Акин гундӣ акинми,
Бӣ ая тӯрэнмэв
Сӗндӯвӣ силдыкал,
Дӧдӯви дӧлдыкал!
Сӣ тавар гундӣс элэкин —
Бӣ бугалавӣ ӈэнэрэкив,
Ӗмӣ-кат hулэкэ бидиӈэн:
Сӣ мэгдэс ӈэнэмӣ
Гиркунды hималимча,
Ӯгӯ буга бӧюhалтын
Мэртын-да уда бэе
Кӗйан эhилин гиркура
Матал бука бидиӈэтын.
Тавар сӣ улгучэндӣс hунӣӈилды
Ӯгӯ Бӗгандар этыркэн hунилин,
Тар hунил некэечэтын.
Тариӈилдӯс биhэмдэ
Мэнды аналлакис
Умучӣдуккӣ улдымӈӯс,
Дӧчидуккӣ дӧвчамӈӯс,
Килама нӧриктэлкэн
Киладий гунмурӣ киливлӣ
Адяс дёкёргӯтын биhин.
Тар hунил сӣ йлӣ гиркуривас
Сачадярил бидиӈэтын.
Тарит-та синэвэ бодовнол
hэргӯ бугала иhивуктара
Де тар некэксэ акнилтын
Ӗмӣ-кат синдӯ ая эет
Нэкунмэр эhил бӯмӯрэ бидиӈэтын.
Тара аят улгучэмэтчиӈэв
Гунми сӣ ӈэнэмкэкэл.
Бӣ бугалавар ӈэнэктэ.
Сӣ айс синдӯ ӧгин,
Бӣ айв мэндӯв ӧгин!
Акин гундӣ акинмав, синэвэ,
Эмэр тӯрэлкэhэл эктын тэптырэ,
Илбиhилкэн икэлкэhэл эктын кёйда,
Тыӈэлкэндук экэл тыктэ,
Дюр алгалкандӯ дюлэвӣ экэл бӯрэ.
Буралия бурасты!» — гуниттэн.
Тыкэн гуниксэкэн,
Солкомо нӧриктэлкэн
Солкӧкчӧн киливлӣ
Иларакан кӧлэhис некэрэн,
Багдарин дэгиткэн ӧран,
Дулин бугаткакивӣ ӈэнэвкэндеhинэн.
Тар амардукиӈ

Старший брат, родной брат мой!
Слова мои
Вкрути [себе] в уши,
Учуй нутром!
Верно ты сказал:
Конечно, лучше
Вернуться мне на нашу землю.
Если ты пойдешь один,
Быстрее поспеешь.
Нерасторопным богатырям
Не справиться
С богатырями Верхнего мира —
Такие это богатыри.
Девушки, о которых ты говоришь, —
Дочери старика Угу Бегандара,
Эти девушки там были.
Среди них
Твоя суженая.
В первый год [от роду] ей суждено было стать твоей швеей,
В два года — хозяйкой твоего чума.
Имя ее — Киладий-красавица
С шелковистыми волосами,
Самая младшая из сестер.
Эти девушки все твои пути
Знают наверняка.
Поэтому они
Привели тебя в Нижний мир.
Но ее братья
Не отдадут тебе никогда
Свою сестру по-доброму.
Если ты надеешься уговорить их,
К ним отправляйся.
Я же на свою землю вернусь.
Твоя судьба пусть с тобой будет,
Моя судьба пусть со мной будет!
Старший брат, родной брат мой!
Пусть остроязыкие тебя не переспорят,
Пусть поющие проклятие тебя не одолеют!
Широкогрудому не поддавайся,
Двуногому не уступай!
Прощай на долгие годы!» — сказала [Солкондор].
Сказав так,
Красавица Солкондор
С шелковистой косой
Трижды перевернулась,
Превратилась в белую птицу
И к Среднему миру отправилась.
После этого —

Акинин сōӈку Дэвэлчэн
Тыкэн гуннэ тӯрэлкэн ōдярдага:
«Гирō-гирō гирōканин!
Нэкун гундӹ нэкунми,
Егин дāрикталкāн
Солкомо нюриктэлкэн
Солкōкчōн гунмурӣ киливлӣ,
Бӣ тӯрэнмэв
Сēндӯвӣ силдыкал,
Дōдӯвӣ дōлдыкал,
Иргэлэвӣ иктэвкэл!
Ēдук-кат ают бугавӣ искал,
Ēма-дā кувулгат эгин бакара!
Балдыдяк бугалāвӣ иӊиксā,
Алаӊа дювӣ тāникса,
Того эӊэкэвӣ илаксā,
Орон сōӊувӣ камуиксā,
Дулин бугава ӈивэ-кэт
Экэл ātчивкāна!
Миндук экэл ӈэлэрэ:
Бӣ мэнмӣ дюлэдӯвӣ
Омолгичāн куӈакāн гиркунмāн
Дялумит гиркудиӈāв гунчэчим.
Тар ӯгӯ бугадӯ
Тэде аналлāкив биӊикин
Бакаксā, гаксā, эмэдиӈэв.
Ӯгӯ буга бōюӊалин
Аӊӯн-дā сōӈкул бичэлӣтын
Син дяпкава бакана
Тэрэӈкэкӣ гиркудиӈāв!
Сӣ бимӣ сигдылэдӯ
Ӣлтэнды туксугучӣр тōккуӊэл,
Суптырӣ туксугэчӣр кувулгатыл
Ӊоктодӯс бакалдывractын,
Иччилэк тӯрэнмӣ
Эдындӯ уӈиӈнэкэл!
Ӣдӯ-кэт бимӣ этэм эндэйдэ,
Дōлдыксā, эрӣксэвэс эруӊуйдиӈэв.
Бӣ мэнми кэӈтырэв тыēллэкин,
Ӈонум дялив урумӯлдэкин,
Нян иччилэк тӯрэнмӣ
Синтыкӣ эдындӯ уӈдиӈэв.
Иӣмāт гиркумӣ — умун анӈанӣлӣ,
Дулинди гиркумӣ — дюр анӈанӣлӣ,
Ӈонумут гунмӣ — илан анӈанӣлӣ
Бугалāвӣ мучӯдиӈāв.
Тардалāн ēдук-кат ают бикэл!
Буралия бурастӹ!» — гуниттэн.

Ее брат,
Храбрый Дэвэлчэн,
Сказал такие слова:
«*Гиро-гиро гироканин*!
Красавица по имени
Солкондор с девятисаженной
Шелковистой косой!
Мои слова
Вкрути [себе] в уши,
Учуй нутром,
Вбей в мозг!
Счастливо вернуться тебе на свою землю,
Не встретив коварного!
Добравшись до родимой земли,
Поставь чум-жилище,
Разведи огонь-дедушку,
Собери оленей,
Как будто бы я
Не покидал Среднего мира!
За меня не тревожься:
Я думаю, сам за себя постоять,
Путь, предназначенный юноше,
Я пройду как следует.
Если моя суженая
В Верхнем мире,
Найду ее, заберу и привезу.
Как ни сильны богатыри
Верхнего мира,
Я сумею их усмирить,
Побьюсь с ними на равных.
Если на твоем пути
Встретятся тебе
Грабители, хитрые, как уходящая туча,
Оборотни, коварные, как убегающая туча,
Свои вещие слова
Отправь с ветром!
Где бы я ни был, не пропущу их,
Услышу, дыхание твое спасу.
Если же у меня
Сузится широкая спина,
Укоротятся длинные мысли,
Мои вещие слова
Тоже отправлю тебе с ветром.
Если скоро мне суждено вернуться — вернусь через год,
Если не очень скоро — через два года,
Если суждено задержаться — через три года.
До тех же пор живи хорошо,
Прощай на долгие годы», — сказал он.

Тыкэ̄н гуниксэ̄, сōңку Дэвэлчэ̄н
Ӯгӯ бугаткāкӣ
Илан дӯндэлӣ эңэептувчэ̄гэчӣн
Ала дэгӣткэ̄н ōксā,
Угискэ̄кӣ ңэнэвкэ̄ндердэгэ.
Эһилэ дӯндэ богово манаран —
Ӯгӯ гунмурӣ бугатын
Тэде горо бога бивкӣ ивит.
Һāдыл дӯндэлдӯ
Бэе дэ̄птыкӣ эһӣн ичэһинэ
Эңэһӣ эдылкэ̄н, уһа мускāтылкāн
Бугал бивкӣл ивит.
Дӣор ēһадӯвӣ эрэгэмэ
Энэлвӣ ичэрэ дундэлэ̄ иһиксā,
Ңэнэвкэ̄нмӣ-нӣон ңэнэвкэ̄ндердэгэ.
Эһилэ ӯгӯ бугалā иһиксā,
Уйдэ̄нэ ичэнэн биһэмдэ:
Баргӯн эһӣ ичэврэ
Эмңэ-дэлэй бога ōдан
Эр бугатын биһэмдэ.
Ōкин-дā дылачā тогон
Эдēкин горолдо буган ōдан.
Ōкин-дā эһӣ һокоргоро
Чӯкалкāн-мōлкāн ая бога эмэрэн.
Эһилэ эргэчӣн бугалā иһиксā,
Мит бэеңит илэ мэ̄ндивӣ ōксā,
Ӯгӯ бога дулиндулӣн
Эрэгэр дылачā ӣоктэткӣн
Нуңанмāн биһэмдэ
Дую дӯндэдӯ ēрчэклӣн,
Маңа дӯндэдӯ һэнңэклӣн ōчā.
Ōкин-дā эһӣ сэ̄мдэ
Һоктоёлӣ ңэнэвкэ̄ндердэгэ.
Эр ңэнэвкэ̄ндерэкин
Дюлгӣдин эр-ты һоктокōндулӣ
Бугды укчакилкāн,
Бугды āвулкāн,
Бугды коколдолкōн,
Бугды саңиякилкāн
Мāтā чāлбāткāн тыевундивӣ
Мит бэеңлэ̄т иткӯнāннāя
Һуктувнэ эмэдердэгэ,
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄чӣ ōдярдага:
«Лирвē-лирвē лирвēя!
Эр ēма бога баянин
Гулун акталдун бургучō,
Чāлды акталдун каһарбучā,
Коңнорӣн акталдӯн коңнōрбучā

Сказав так, храбрый Дэвэлчэн
Превратился в пегую птицу,
Будто в трех местах опоясанную,
К Верхнему миру,
Вверх направился.
Над многими странами он пролетел.
Страна, Верхней называемая,
Далеко была, оказывается.
В тех краях
Встречались опасные преграды,
Носились такие вихри,
Что человеку не устоять.
Достиг он страны,
Им не виданной,
А сам все летел и летел вперед.
Добрался он до Верхней страны
И стал осматриваться:
Краев не было видно —
Такой обширной-огромной страной
Была эта страна.
Свет солнца
Никогда ее не покидал.
Прибыл [Дэвэлчэн] в красивую страну
С нетронутыми деревьями-травами.
Добравшись до этой страны,
Наш человек стал самим собой.
Прямо к восходу солнца,
Держась середины
Верхнего мира,
Он направился
По торной тропе.
В мягкой земле проваливался по бедра,
В твердой земле — по колена.
Так шел он,
А навстречу ему по той же тропе,
На пестром олене,
В пестрой шапке,
В пестрых рукавицах,
В пестрой дохе
Мчался *мата*, угрожая
Нашему человеку
Березовым посохом,
Говоря такие слова:
«*Лирве-лирве лирвея!*
В какой стране живет тот, богач,
На [мясе] чьих серых оленей ты разъелся,
На [мясе] чьих белых оленей ты отрастил брюхо,
На [мясе] чьих черных оленей ты оброс жиром?

Ӈӣ гунмурӣ турулуе тӧккун,
Баралия баранāк эмэденды?
Ӈӣ-дэ бимӣ һоктово экэл мэһэйдэрэ,
Сӧт тургэнди адагакал!
Эһикис адагара чāлбāткāн тыевундивӣ
Дулиндулӣс дэлпэрэгэр иктэксэ,
Дегинӈидэвэс дегинтыкӣ гарадāдиӈāв,
Āнӈидāвас āнтыкӣ гарадāдиӈāв!
Эмӣ адагара бимӣ
Кэрēс тӯрэнмӣ тӯрэткэл!
Буһӣк тэтывӣ тэткэл!
Колдюга укчаккӣ бакакал!» —
Тыкэн гуниксэкэн,
Чāлбāн тыевундивӣ мит бэеӈнэт
Һорӧмодун иктэдердэгэ.
Тар иктэнэдӯн биһэмдэ
Нуӈан чāлбāн тыевунин
Илан муһэт һокорогор һурурун.
Мит бэеӈит ēра-кат эчэ.
Тар амардукин
Нэяликин ирэктэ калтакадынин
Ургэ һэгды тыевундивӣ
Чāгӯ бэевэ һорӧмодӯн иктэдердэгэ.
Тар иктэнэн чāгӯ бэе
Бугды укчактай, мэтэй
Āнӈидāтпӣ һокто āнӈидāлāн тыктэн
Дегинӈидэтпӣ һокто дегинӈидэлэн тыктэн.
Тар некэксэ, мит бэеӈит
Дюлэвӣ сурудюрдугу.
Нуӈан биксэ удадиӈāн дӧ —
Бēгандāр этыркэн тēргэндēлэн *
Тар-дāт исчаран бадага.
Эр бэе иӈāран гунчэнэлин
Инак сӧһул ӧда,
Умӣвувчā чӯка гунчэнэн
Мурин сӧһу ӧдан,
Чāлбӯг гунчэнэн
Чāлдыл актал ӧда,
Нӣвэг гунчэнэн
Гулур актал ӧда —
Таргачӣн барāн
Илан дэткэн дэлэмӣчэлкэн
Этыркэн ивит эр Бēгандāр.
Де эр нимэрлэ иһиксā,
Мит бэеӈит, дӯр дяпкун кирӣлкāн
Ампāр дюлāн эмэксэ,
Уркэдӯн илитчана тыкэн
Гуннэ тӯрэчӣ-сэһэчӣ ӧдячā:

Что ты за злой грабитель,
Гнусный варнак *?
Кто бы ты ни был, не загораживай мне тропу,
Отойди поживее!
Если не отойдешь, я своим березовым посохом
Пополам тебя расшибу,
Левую половину брошу налево,
Правую половину направо!
Если отойти не захочешь,
Прощальные слова говори,
Погребальную одежду надень,
Погребального оленя найди!» *
Сказав так,
Он ударил нашего человека
Березовым посохом по макушке.
От удара
Березовый посох его
На три части разлетелся
Не ранив нашего человека.
После этого —
С половину растущей лиственницы
Огромным своим посохом
[Дэвэлчэн] ударил противника по макушке.
От удара тот человек [надвое раскололся]
Вместе со своим пестрым оленем.
Правая его [половина] упала справа от тропы,
Левая его [половина] упала слева от тропы.
После этого, наш человек
Устремился вперед.
Нигде не задержавшись,
К обширному двору старика Бегандара
Тут же прибыл.
Ему привиделись камни,
Оказалось — коровы,
Привиделись копны сена,
Оказалось — кони,
Привиделся березняк,
Оказалось — белые холощеные олени,
Привиделись тальники,
Оказалось — серые олени *.
Так много
Оленей, коней и коров
Было у почитаемого старика Бегандара
Наш человек вошел во двор, подошел
К дваждывосьмиугольному
Дому-жилищу *.
Остановился у двери
И стал так говорить-вещать:

«Гирō-гирō гирōканин!
Ӯгӯ бугадӯ балдычā
Ӯгӯ буга бэгинин
Бēгандāр Баян этыркэн,
Сигӯндэр Баян атыркāн,
Эһэлби-гӯ гундем,
Амтылби-гӯ гундем,
Уркэвэр нйксэл,
Дялум ирэндэдӯвэр,
Ая дюлэдӯвэр,
Дорōвоё дявакалду!
Ноноптын дорōво бигин,
Амаргӯптын улгур бигин!
Эр минэвэ йргйт
Тэкэлкэн-сэксэлкэн мāтā, эмэксэ,
Дорōволкōн-улгӯрилкэн ōданды гунэксун,
Дулин бугадӯ ōскēчэ-тывāнчā
Инāрдан-дэвэрдэн тэтылкэн
Дэгилтэр сōңку Дэвэлчэн
Гунмурй дулин буга букатырин
Бй мэндивй эмэм.
Ēкун һэгды нāдалкāн ōксā,
Эр бугалā эмэнэнды
Гуннэл улгумйвкйл ōдаксун,
Сундулэ, сӯ гэрбйлэһун
Мōра эңэһй эдындӯн
Мōйкāн бэюнңэчйн иктэвденэ
Барāн бугава аланна эмэм.
Сундӯ илан киливлйдук дёкēргӯһун
Килāма нюриктэлкэн
Килāдий киливлй гунмурй
Бй илачйдуккй аналлāкив,
Дючйдуккй дювчамңӯв,
Умучйдуккй улдымңӯв уһу
Гуннэ дōлдыксā, соруйама
Горо бугава аяннāна эмэм.
Гэеннймэндē гэрбйлэһун гэгинденэ
Эр илэ мэндивй эмэм.
Мэнды ēкунди иргиврй
Мāтā биңнэнды гунэксун,
Куруң урэлдук коңнорйн
Кою инңакталкāн сатмāр
Эһэткэрвэ бэйңэңнэм,
Оңкой урэл оёлдуктын
Анамкāрва бэйңэнэ амңавй иргиңнэм,
Ирэг урэл йкэрдуктын
Ирэксэмэ нандалкāн
Бургу иркин бэюнди

«*Гиро-гиро гироканин*!
Родившийся в Верхнем мире
Господин Верхнего мира
Старик Баян Бегандар,
Старуха Баян Сигундэр.
Дедушкой-бабушкой вас мне назвать,
Отцом-матерью вас мне назвать *,
Откройте дверь!
Вы с вашими добрыми мыслями,
С вашим приятным обликом,
Привет примите!
Сначала привет,
Потом — разговор!
Если меня спросите: „Откуда, *мата*,
Пришел ты с приветом и разговором,
Кто ты по роду-крови?“ —
[Отвечу]: родившийся и окрепший в Среднем мире,
Богатырь Среднего мира по имени
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Сам я к вам прибыл.
Какая такая нужда
Привела тебя в эту страну? —
Если попросите рассказать,
[Отвечу]: сильный ветер с моря
Пригнал меня к вам, к вашему имени,
Словно годовалого оленя-зверя *.
Я прибыл к вам, пройдя много стран!
Младшей из трех ваших дочерей,
Зовущейся Киладий-красавицей
С блестящими волосами,
С трех лет [от роду] суждено стать моей суженой,
С двух лет — хозяйкой моего чума,
С одного году — моей швеей, говорят.
Услышав об этом, я
Прошел много стран и земель.
К вашей славе, к вашему имени
Сам собой прибыл.
Если меня спросите:
„Чем ты, *мата*, питаешься?“ —
[Отвечу]: в горах, на лесных гарях
Я добываю черных
Густошерстных матерых медведей,
На вершинах сопок
Я добываю жирных лосей и кормлюсь.
В распадках гор, поросших лиственницей,
Жирных оленей,
Покрытых шерстью,

Иргиврӣ эвэнкӣ букатырин ӧдам.
Сӯ нӣдэгӯ hунаттулаhун
Умучӣдуккӣ улдымӈӯевӣ,
Дючӣдуккӣ дювчамӈӯявӣ,
Илачӣдуккӣ аналлакӣавӣ
Улгучэмэтнэде эр эмэм.
Тара сӯ ӧн гуниттэс,
Бӯрӣвэр-гӯ, эhӣвэр-гӯ минэ
Аян бэевэн энэ алачивчара,
Сирӣ бэевэн энэ сирӣчивчара
Улбӯтыкэн улгӯркэлду.
Миндӯ бӯрэксун, сунатпаhун
Амӈадин этэм демӯливкэнэ,
Тэтыдин этэм синӈэвкэнэ», —
Гуниттэн эр матӑ.
Тыкэ гуниксэкэн, уркэ
Нӣврӣен ичэчимкэрэн-да
Бэе тӯрэттэн гуннэл
«Элэкин» гундыӑчин бадага,
Авдӯ эӈтэрэн гуннэл
«hэй!» да гундыӑчин ӧдан.
Бэебиhӣн-да, ачинин-да
Эhӣ савра дю ӧдан.
Тар мит бэеӈит дялван
Сомат нюмукаран.
Эр некэксэ —
Дюрсу гевна
Тӯрэттэвӣ илитчаракин,
Эр буга эмӈэ моран баргӯдукин
Октаг урэ оёгӣдукин
Октаг сигива намчӯлӣкан туксана
Умун матӑ нуӈантыкакӣн эмэлчэ.
Тара аят уйдэнэ ичэнэн:
Илиттыӑмэнин гугдан егин сahан ӈонумулкан,
Дылачаткӣ илдакин
Дылачава липкирӣ дардалама аркалкан
Де букатыр матӑ нуӈанман
Егин дяр бӯтылкан нялыкин ирэктэ
Калтакадынин тыевундэтпӣ
Иткӯнамнӣн туксана эмэдердэгэ.
«Кэ, эмэми багар эмэкэл!» —
Гуннэ мит бэеӈит
Этэвуhинчэнэ илитчаракин,
Эмэдерӣ бэе удадиӈан до —
Эр-дэт туксана эмэрэн-дэ
Тыкэн гуннэ тӯрэлкэн ӧдярдага:
«Линкир-линкир линкирйэ!

Я, богатырь-эвенк, добываю.
О вашей младшей дочери, которой
С одного года [от роду] суждено стать моей швеей,
С двух лет — хозяйкой моего чума,
С трех лет — моей суженой,
Пришел я договориться;
Отвечайте быстрее,
Что вы на это скажете!
Отдадите ее или нет?
Не заставляйте ждать спутника,
Не задерживайте странника!
Если дочь за меня отдадите,
Я ей не дам голодать,
Не оставлю ее без одежды!» —
Сказал этот *мата*.
Сказав так, он подождал,
Не отворится ли дверь.
Никто не ответил ему: «Хорошо»,
Не подумал: «Человек говорит».
Никто не сказал: «*Хэй*»,
Не подумал: «Олень хоркает» *.
Есть в этом доме люди или нет их —
Было не понятно.
Это очень обидело
Нашего человека.
После этого —
Когда он стоял,
Повторяя [те же слова] еще раз,
С другого берега огромного моря той страны,
С вершины тальниковой горы,
Прибивая к земле тальниковую чащу,
К нему стал приближаться один *мата*.
Его [Дэвэлчэн] внимательно рассмотрел:
Тот был девяти саженей росту,
Поворачиваясь к солнцу,
Широкой спиной заслонял его.
Такой богатырь-*мата*
Стремительно приближался,
Угрожая девяностопудовым посохом
С половину могучей лиственницы.
Наш человек,
Ждал его, думая:
«Ну, подойди, если хочешь».
Нападавший человек разве мог задержаться —
Тут же к нему подбежал,
Сказав такие слова:
«*Лингкир-лингкир лингкирйэ!*

Дулин буга букатырин,
Инардан-дэвэрдэн тэтылкэн
Дэгилтэр соӈку Дэвэлчэн,
Ноноптыван доровоё дявакал,
Амаргуптын улгур огин!
Эр минэвэ йргит
Тэкэлкэн-сэксэлкэн мата, эмэксэ,
Доксунди доровонды,
Ургэһнди улгуминды? — гунэкис,
Бегандар Баян амилкан бичэв,
Сигундэр Баян энилкэн бичэв.
Октаг урэ оёгдодун тумнэилкэн
Отани гунмурй букатыр биӈнэм.
Тавар си олус-та
Толос турэлкэн мата
Биһинды ивит.
Йдү-кэ батна гиркурй
Боюн биһинды биргун!
Тавар элэ эмэденэ
Би карен акин гунды акинмав
Бугды орон укчакилкан,
Бугды упкат тэтылкэн
Бокалдын гунмурй матава
Екун буруйва онадун
Дулиндулин доӈото моӈиксa
Дэлпэгэктнэ эвинды?
Дюрсу тавар оёдүви
Нидэгү һунатпавун аһилаксa,
Сурудови биденды до?
Таваргачин бэедү би-лэ мэнми
Тынис нандав эделин тэкэмдэ,
Катан гирамдав эделин һокомдо
Эһим бурэ нэкунми!
Миндү мэндув һулэкэ
Увагас сэксэви уӈкулдыксэ,
Дырам гирамдави һокоголдыксa,
Оӈкой дундэ буксэдин
Оникарбар олдыксал,
Эҙэһитпи тытэксэ,
Эксэрйви эми кэрэйдэ
Эһилэ эмэмкэкэл!» —
Гуниттэн.
Тыкэн гунэн-дэ чагү бэе
Дагая-кат эчэ илиһинчара
Егин дяр бутылкан
Доӈото ирэктэ тыевундиви
Мит бэеӈнэт һоромодун
Эҙэһимэт иктэдерэн.

Богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн,
В расшитой-разукрашенной одежде!
Сначала прими привет,
Потом поведем разговор!
„Откуда ты, *мата*, прибыл,
Кто ты по роду-крови,
Почему с угрозой здороваешься,
Зло разговариваешь?“ —
Если спросишь, —
Тебе [отвечу]: мой отец — Баян Бегандар,
Моя мать — Баян Сигундэр,
Мое имя — богатырь Отани,
Ступающий по вершинам тальниковых гор.
Твои слова, *мата*,
Очень дерзки,
Прийти к нам как посмел
Такой богатырь, как ты?
За какую вину,
Направляясь сюда,
Ты играючи расколол пополам,
Как мерзлое дерево,
Бедного брата, родного брата моего
По имени одетый во все пестрое
Бокалдын-богатырь, ездящий
На пестром олене?
Вдобавок к этому
Ты собрался жениться на нашей младшей сестре
И хочешь с нею уйти!
Такому богатырю, как ты,
По своей воле я сестру не отдам, —
Пока не порвется моя прочная кожа,
Пока не раскрошатся мои крепкие кости!
По мне лучше
Пусть прольется наша жидкая кровь,
Пусть поломаются наши толстые кости!
Давай испытаем судьбу
Тальником из горных распадков.
Не стыдно тебе отбирать сестру?
Если хочешь жениться силой,
Подойди, попробуй!» —
Сказал богатырь.
Сказав так, этот человек
Долго ждать не стал:
Своим девяностопудовым
Посохом из мерзлой лиственницы
Ударил изо всех сил
Нашего человека по макушке.

Мит бэеӈит бимӣ
Нуӈан иктэрэн гуннэ
Дёкет-тӑ эчэ энӯнэ.
Чӑгӯ бэе тадӯ:
«Эр миӈэчӣн бэе иктэнэдӯв
Эр бэеӈив сэ̄н ӑды дӯндэлӣ
Дэлпэргэрэӈ-ӈӯ, чолпоргорн-ӈӯ?» —
Гуннэ аят ӗруктаран-дӑ
Кумкэ̄-дэ̄ кикиһиннадынин
Аһакӑнди-кат эчӣн һуларгара.
Тар амардукин
Дюрсу гӗвумдак дявиндяракин*
Мит бэеӈит эһилэ
Ӧрдӑк сэ̄ксэн ӧлуклӑн ӧдан,
Бӑрдӑк сэ̄ксэн бэ̄лгэлӣн ӧдан,
Ниравӣ сэ̄ксэн нёвандулӣн ӧдан,
Игим сэ̄ксэн ӗһалдулӣн ӧдан;
Тыкӯлнавӣ сӧдӯн
Дырамдулӣвӣ аран эчэ дэлпэргэрэ,
Нэмкӯндулӣвӣ аран эчэ этыргэрэ.
Дя̄н чараткӣдукин
Буюксу сэ̄ксэ чикнӣһинчэрэн,
Дӣор чавургайдукин
Дя̄н сӗрэ того дя̄нӯһинчаран.
Де нуӈанмӑн дэ̄птыкӣ
Егин дя̄н бӯтылкӑн тыевундивӣ
Аямат тыкивтымэ̄чилдэн.
Нуӈартын биһэмдэ эр-дэ̄
Егин дя̄р бӯтылкӑн тыевурвэр
Илан-дӑ доӈото калан
Ирдылэ̄н энэл иһивара элӣ-талӣ
Һоколмӣгда-дэлпэлмӣгдэ иктӯмэ̄ттэ.
Тариӈилвар гарачиксӑл,
Илан тогорикталкӑн онӣгдама гидалдивар
Коӈнорӣн һакимадӯвар тыкилдыдерэ
Тариӈилтын-дӑ биһэмдэ
Надан-дӑ калан иринӈӣлэ̄н
Энэ иста уян сэлэкэ̄н ӧксӑ,
Нялбӯлӣкӑн кокчоргоро.
Тарилба угискэ̄кӣ гарачиксӑл,
Надан дӑрилкӑн уткэ̄ндӗлвэр
Чӑварӣһина-дӑ дэрэлты-ӗһалты
Гуннэл энэл одӗлдыра
Элэмэтпэр алдымачиксӧра.
Тариӈар-да аһӯпчара-кат энэл
Имдэвэ ӣрӣ нӧливунӈэчӣн
Ончокин-нӧн* һулэнэвэ̄н
Ӣлӣ-талӣ гороло̄ гаратта.

Наш человек
От его удара
Не почувствовал даже боли.
Тот человек стал внимательно присматриваться,
Размышляя: «В скольких же местах
Треснул, проломился
Лоб этого человека
От удара такого человека, как я?» —
И не нашел даже красного пятнышка
С укус вши.
После этого —
Он собрался ударить во второй раз.
А у нашего человека
К горлу хлынула свирепая кровь,
К коленям побежала гневная кровь,
В сердце ударила дерзкая кровь,
В глазах блеснула горячая кровь.
От сильного гнева
Он чуть не лопнул в плечах,
Чуть не разорвался в пояснице.
Из десяти пальцев
Забила алая кровь,
С обоих висков полыхнули
Десять снопов искр.
Он принялся
Колотить врага
Своим девяностопудовым посохом.
Но их
Девяностопудовые посохи —
И трем котлам мерзлого [мяса]
Не успеть бы свариться —
От ударов поломались-растрескались.
Побросав посохи,
Они нацелились друг другу в черную печень
Смертоносными копьями [с лезвиями] в три пяди.
Но их копья не выдержали
И времени варки семи котлов мерзлого [мяса],
Погнулись, подобно
Мягким железкам.
Копья они назад, поверху отбросили,
Схватили свои
Семисаженные *уткэны*,
Ни лиц, ни глаз не щадя,
Стали рубить друг друга.
Но и *уткэнов* им ненадолго хватило:
Как от ступившихся скребков для выделки шкур,
Остались от *уткэнов* одни спинки —
И они их прочь отбросили.

Тар амардукин
Коӈнорӣн колтолдивар
Букталдынал иктэлдынэл тэрэӈкэкӣ
Этэк огусмиялгачӣн ӧлдыдярдактара.
Нуӈартын биһэмдэ
Горово-кот бӧюндаснавар
Эчэ сӑра,
Дагава-кат бӧюндаснавар
Эчэ сӑра.
Умун бӗга долбонӣвӑн
Илан дӯр долбонӣдӯ куһӣксэл,
Чагӯ бэе биһэмдэ
Эдӯ-тадӯ һэнӈэктэлӯвкӣ ӧча,
Эдӯ-тадӯ орондыһинчавкӣ ӧча.
Мит бэеӈит биһэмдэ
Һэкиһиндыклэвӣ тэптыдерэн,
Иктэрӣклэвӣ ӗдэтчэрэн.
Тарбӑн ӧвкӑниксӑ, аһӯпчара-кат эчэ —
Сӧӈку Дэвэлчэн бэеӈӣ
Надан саһӑмактӯ чаглая
Дӯндэвэ ливгэрэгэр гарадаран.
Эр гарадаран-да
Нюриктэдукин иларакан учиһинан,
Оӈкой урэлэ ирна сурурун.
Оӈкой урэ буксэткэндин
Онӣканман ӧран,
Гивгӯнай буксэткэндин
Сигдэкэнмэн гивгуран.
Чагӯ бэе ӧн-да эчэ тэрэрэ:
Эмӈэ кэӈтырэн тыӗлдэн,
Ӈонум дялин урумӯлдэн,
Будэрӣ инэӈӣӈин эмэрэн,
Тыкэн гуннэ тӯрэчӣ ӧдан:
«Лиӈкир-лиӈкир лиӈкирӣэ!
Дулин буга букатырин
Иһардан-дэвэрдэн тэтылкэн
Дэгилтэр сӧӈку Дэвэлчэн
Эһилэ минэвэ бӑлтарӣгдан ӧдан,
Будэриӈив инэӈӣӈив эмэрэн.
Ӈӣ, эмэксэ, орунуйден?
Арай мэнми нэкун гунды нэкунми,
Ирэг дӯндэду балдыча
Иркин бэюн авдӯлкан
Ирэвлиндӗ букатыр нэкунми,
Иччилэкмэ тӯрэнмэв
Иргэлэвӣ иктэвкэл,
Сӗнмалавӣ силдыкал,

После этого —
Голыми кулаками
Стали биться,
Дрались на равных, подобно могучим быкам.
Они
Не знали,
Долго ли бились,
Не знали,
Недолго ли бились.
Все ночи целого месяца
Тридцать ночей они бились.
Тут противник [Дэвэлчэна]
То там, то здесь стал припадать на колени,
То там, то здесь стал вставать, как олень, на четвереньки.
А наш человек
С каждым пинком брал верх,
С каждым ударом его добивал.
Одолев, храбрый Дэвэлчэн
Не стал медлить: так швырнул [того] человека,
Что тот врезался в землю
На семь саженей.
Бросив его, он
Трижды намотал его волосы [на руку]
И потащил к горному распадку.
Тальником из горного распадка
Беспощадно его исхлестал,
Красным тальником
Отделил ему мясо [от позвонков].
Тот человек не выдержал.
Широкая его спина сузилась,
Длинные мысли укоротились,
Пришел его смертный день,
Заговорил он такими словами:
«*Лингкир-лингкир лингкирйэ!*
Богатырь Среднего мира
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде
Вот-вот меня прикончит.
Пришел мой смертный день,
Кто же придет спасти меня?
Может, младший брат, родной брат мой?
Родившийся в лиственничном лесу
Богатырь Ирэвлинде,
Младший мой брат,
Вещие мои слова
Вбей [себе] в мозг,
Вкрути в уши,

Дōя̄лāвӣ дōлдыкал!
Эрӣксэвэв эруһуйкэл!
„Сӣ гунмурӣ мāтā бинэ,
Ēкун ōксā, тавар ōданды?“ — гунэкис,
Сōӈку сумут оёлӣн
Сōӈку дулин бугадӯ
Нӣян балдычā ивит.
Сōӈку Дэвэлчэн гунмурӣ
Турулуе тōккун,
Илэ исна эмэксэ̄,
Сӣ дӣор акинмас
Āчинӈӣгдан ōдан.
Сōт тургэнди эмэксэ̄,
Нуӈаннӣонин ӣлдымкэкэл!» — гундерэн,
Тар амардукин
Аһӯна-дā эчэ биһи —
Баргӯ ирэ̄г урэдук
Доӈото ирэ̄ктэ ӣгин
Намчӯлӣма эмэлчэ̄.
Ӯрипты-дā букатӹрдук
Һулэкэмэ букатӹр
Нӣликин мōва нялбурагар,
Бучӯкин мōва буктарагар
Элэмэтпӣ туксана
Нуӈандулāн эмэрэн-дэ̄
Дорōворо-кот энэ,
Улгӯрдерэ-кэт энэ
Егин дӣн бӯтылкāн
Доӈото чāлбāн тыевундивӣ
Мит бэеӈдӯт дагамаксā,
Һорōмодӯн тыкивтӹдекэ̄ттэн.
Эһилэ мит-тэ̄ бэеӈит
Эчэ тадӯ бидерэ —
Тар-дāт дэ̄птӹлдыксōрэн.
Тэпкэнэл-тэпкэнэл иктӯмэ̄чилдэ,
Кӣӈāнал-кӣӈāнал колтӯмāчилда.
Эр ӯгӯ бугадӯ
Бēгандāр Баян тēргэндӯн
Тэнӣнэдӹкэ̄н-кэт дӯндэе
Эрэгэмэ энэл сулāра
Элэмэтпэр ӣлдыдерэ.
Ӯгӯ буга оёдӯн
Балдырӣ чӯкан бучувран,
Илиттӹ мōн моёгонон,
Балдырӣ авдӯн мучӯран,
Ōскēрӣ куӈāкāн куӈ ōран —
Таргачӣн эӈэнӣ иччилэ̄кит
Эр мāтāл ӣлдыдерэ.

Учуй нутром,
Спаси мое дыхание!
Если спросишь: «Что случилось
С таким богатырем, как ты, зачем [мне] приходить?» —
То [отвечу]: сильнее меня силач
В Среднем мире
Родился, оказывается.
Опасный разбойник по имени
Храбрый богатырь Дэвэлчэн,
Добравшись до нас,
Вот-вот убьет
И второго твоего брата!
Приди же быстрее,
Попробуй сразиться с ним!»
После этого —
Сразу же, без задержки
С дальней горы, покрытой лиственницей,
Стал приближаться
Треск ломаемых мерзлых лиственниц.
Сваливая выросшие деревья,
В щепки дробя сухие деревья,
К Дэвэлчэну
Изо всех сил бежал
Богатырь посильнее
Прежнего богатыря.
Даже не поздоровавшись,
Ничего не сказав,
Он подбежал к Дэвэлчэну
И девяностопудовым
Посохом из мерзлой березы
Стал бить его по макушке.
Тут наш человек
Не стал мешкать —
Тоже принялся биться.
Сражались они с криком,
Дрались они с визгом!
В этой Верхней стране,
Во дворе почитаемого Бегандара
Не оставили они нетронутой земли
Даже с меховой коврик —
Так яростно бились.
На Верхней земле
Засохли растущие травы,
Зачахли растущие деревья,
Пропал плодящийся скот,
Перестали рождаться дети —
Так яростно и сильно
Бились эти богатыри.

Егин дя̄р долбонӣдӯ куһӣксэ̄л,
Мит бэеӈит тар-да̄т тэптылчэ̄.
Ча̄гӯ бэе биһэмдэ
О̄н-да̄ эӈэ̄т тэрэ̄рэ о̄ча̄,
Ӈӣвэ-дэ̄ э̄рӣксэ̄, оруһуйдывэ
Эргэмэ эһин са̄ра.
Со̄ӈку Дэвэлчэ̄н ма̄та̄ткан
Тарба̄ тэптычэ̄ бэе —
Нимӈакан биксэ таргачин —
Одёден-ӈӯ, удадян-ӈӯ —
Ча̄гӯ бэевэ дӣор мӣрэдукин
Дӣор ӈа̄латпӣ дяваран,
Доӈото дӯндэвэ егин саһа̄ма̄ктӯ
Ливгэрэгэр гарада̄ран.
Э̄р гарада̄кса̄, били акинма̄н
Он идакача̄н-да̄ таргачӣн
Оӈкой буксэткэ̄ндин
О̄нӣка̄нма̄н о̄дяран,
Ивгӯнай буксэткэ̄ндин
Сигдэндэ̄вэ̄н гувгудяран.
Ча̄гӯ бэе биһэмдэ
Буюксу сэ̄ксэн няӈня
Һуларӣн туксула̄н услӣврэн,
Коӈнорӣн сэ̄ксэн
Коӈнорӣн туксунюн солиптан,
Ӈонум дялин урумӯлдэн,
Эмӈэ кэӈтырэ̄н тыелдэн.
Тар амардукин
Э̄р Ирэвлӣндэ̄ букатыр
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄тчэрдэгэ:
«Э̄рил-дэ̄рил! Э̄рил-дэ̄рил!
Дулин буга букатырин
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэтылкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н,
Бӣ тӯрэ̄нмэв
До̄ла̄вӣ до̄лдыкал,
Иргэлэвӣ иктэвкэл,
Дылдивӣ дялда̄кал!
Би о̄н-ла эмӯһим тэрэ̄ттэ:
Е̄дӯ-ка сӣ дялӯратанды?
Едӯ-ка тыкэ̄н мандытанды?
Гэрбис гэеӈэ̄тпӣ гэенчэ̄,
Суракис суруӈо̄тпӣ суручо̄.
Дӣор алгалка̄н дюлэвэс эӈэ̄т гада,
Дӣор ӈа̄лалка̄н эӈэ̄т синэ кэ̄йда,
Ӈӣ-дэ̄ бимӣ урэ̄т эӈэ̄т гиркулдыра.
Тар-да̄ бинэ нонoптыл
Ӣлтэнчэ̄л анӈанӣлдӯ,

Девяносто ночей они бились,
Опять наш человек стал побеждать.
Его противник
Не выдержал натиска.
Не знал он, кого позвать,
Чтобы спасти свое дыхание.
Храбрый богатырь Дэвэлчэн,
Победив этого человека,
Не стал его щадить, не промедлил —
В сказке так бывает —
Схватил его за плечи
Своими руками
И вбил в мерзлую землю
На девять саженей.
Потом поступил с ним,
Как и со старшим братом, —
Тальником из горного распадка
Беспощадно его исхлестал,
Красным тальником
Отделил ему мясо [от позвонков].
Жидкая кровь
Того человека
Выплеснулась на красные тучи,
Черная кровь его [в небе]
Слилась с черной тучей.
Длинные его мысли укоротились,
Широкая его спина сузилась,
После этого —
Богатырь Ирэвлинде
Сказал такие слова:
«*Эрил дэрил! Эрил дэрил!*
Богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде!
Мои слова
Учуй нутром,
Вбей [себе] в мозг,
Обдумай головой.
Я не смогу устоять против тебя.
До чего же ты умный!
До чего же ты сильный!
Не зря прославилось твое имя,
Разошлась твоя громкая слава.
Двуногому тебя силой не одолеть,
Двурукому тебя силой не победить.
Никто не сможет с тобой биться на равных.
В прежние,
Прошлые годы,

Билирги долбонӣлдӯ
Си ӈонум удявас
Олӧнов буруив ӑчин,
Эмӈэ ӈоктодӯс уӈава ӧнав
Ӈэлумӯӈив нян ӑчин.
Эрӣксэвэв экэл эстэ,
Тар кэрӗтын илан киливлӣдук
Нӣдэгӯ бидиӈэдукин
Авгӯ-да бигин умун аявнавӣ
Умучӣдуккӣ улдымӈӯевӣ,
Дӯчидуккӣ дӯвчамӈӯявӣ
Гадымадӯ гадавӣ.
Эрбэ синэ сӑксӑ,
Эдук эӈӣ мэккустэ
Тӯрэнмӣ бӯчим.
Тара энэ дӧлдыра
Си минэ вӑракис,
Ӈэлумӯӈйе ӑчин гэрбӣвӣ
Мэнды суксадиӈас,
Тар мэндӯс ургэ бидиӈэн», —
Гуӈнэ чагӯ бэе ӑлтачиттан,
Тадӯ биӈэмдэ мит бэеӈит:
«Тэдэмэ-дэ эр бӣ
Ай бэен бинэ-бинэ
Айлва эӈикив мулана
Тэдемэ эӈэт ситана», —
Гуниксэ, ӑлтатчарӣ бэеӈӈӣ
Ӈаладукин таниксӑ, тэгэвкэнэн,
Сэксэвэн-няӈдавӑн дэлбимэ
Мӯдӯ авдан-ирастаран.
Тадӯ чагӯ бэе биӈэмдэ
Сэксэн-ӗӈан ӈэрӣлдэн,
Тыӗлчэ кэӈтырэн эмӈэлдэн,
Урумӯлчэ дялин ӈонумӯлдан —
Сӑлдычӑл гиркӣнэл ӧчӑл бэел,
Эмӈэ лайдаӈлавар суруксӧл,
Куӈӣнди бакалдынавар эмӈӯрнэл,
Уӈава ӧнавар ӈуӈнӯрнэл,
Бэе улгӯрин аяргӯдин
Улгучэмэтнэл сӑлдынал,
Илан долбонӣлкӑн инэӈидӯ
Аямат улгучэмэтнэл
Нуӈартын, эвӣксэл-эвӣксэл,
Бегандар Баян этыркэн
Дёӈуннак дюлан эмэдердэктэрэ.
Этыркэн дюлан эмэксэ,
Соӈку Дэвэлчэн биӈэмдэ
Тыкэн гуннэ тӯрэлкэн ӧдяран:

В давние ночи
Я не ходил по твоим длинным следам,
Не имею перед тобой вины.
Никогда я не стоял
На твоей широкой тропе.
Не прерывай моего дыхания,
Лучше из трех дорогих мне красавиц
Бери любую — не только младшую.
Пусть будет она твоей суженой,
Которой с первого года [от роду] выпало стать твоей швеей,
С двух лет — хозяйкой твоего чума.
Возьми ее по праву.
Узнав тебя близко,
Никогда я с тобой не стану ссориться,
Даю тебе слово.
Если же ты меня не послушаешь,
Убьешь меня,
Свое безвинное имя
Сам же и опорочишь,
Самому тебе станет тяжко!» —
Умолял тот человек [Дэвэлчэна].
Тогда наш человек [сказал]:
«И правда, если я,
Человек-*аи*,
Не пожалею людей-*аи*,
То это и впрямь будет нехорошо», —
Сказав так, он усадил просящего человека,
Потянув его за руки;
Лицо его от крови и грязи
Очистил, отмыл водой.
Тогда у этого человека
Посветлели глаза и кровь в лице,
Расширилась сузившаяся спина,
Удлинились укоротившиеся мысли.
Узнав друг друга и подружившись, эти люди
Отправились на широкую *лайду*
Они изжили прежнюю вражду,
Избавились от сотворенного друг другу зла.
Лучшими словами человеческой речи
Они говорили
За три дня и ночи
Вдоволь наговорившись,
Поиграли, позабавились *
И к дому
Почитаемого старика Баян Бегандара направились.
Подойдя к его дому,
Храбрый Дэвэлчэн
Сказал такие слова:

«Гирō-гирō гирōканин!
Ӯгӯ буга ирāктāгин
Бēгандāр Баян этыркэн
Сигӯрдэн Баян атыркāн,
Ноноптывāн дорōвоё дявакалду,
Амаргӯптын улгӯр бигин!
Минэвэ йргīт эмэчэ
Мāтā тыкэн тӯрэрбунды? —
Гунэксун, дулин буга букатырин
Иһāрдан-дэвэрдэн тэтылкэн
Дэгилтэр сōӈку Дэвэлчэн
Гунмурӣ бӣ биӈнэм.
Тадук эр бугалā эмэксэ,
Ноноптывāн авгāндук
Урāркалбун бōлда —
Сӯ илна һуркэн һутэлнюндун
Дялилвар эксэл нāлдыра
Эр бугалā эмэчэдукив
Сōӈку сумулвур сōмканал,
Букталдакāн иктэлдынэл
Сōт уһат гиркурав.
Эр бугалā нономо эмэдерэкив
Бугды орон укчакилкāн
Бōкāлдын гунмурӣ матā
Ургэ чāлбāн тыевундивӣ
Эделӣв-кэт дорōворо,
Гэрбӣвэн-кэт эделӣв улгумӣрэ
Һорōмодӯв иктэксōчэн.
Тарā бӣ нян дэптыкӣ
Тыевундивӣ иктэнэв
Дулмāклӣвӣ дэлпэргэксōчэн.
Тар амардукин, эмэксэ,
Сундулэ элэ иһиксā,
Улгучэмэчиктэ гуннэв
Ӈй-кэт эчэн сэӈēрдэ,
Бэечӣ-гӯ, āчин-ӈӯ гунчэчэв.
Тар амардукин
Ōктāк урэ тӯмнэлкэн
Ōтāнӣ мата гунмурӣ
Миндӯ ōкиптыдук остонновōн*
Мэнми-дэ эчэв сāра,
Нян минтыкӣ эмэскэ,
Тыевундивӣ буктагаликсōчāн.
Бӣ нян букатыр бинэ
Бэедӯ мэнмӣ һуглэксэ
Эһӣ бӯрэ идэчӣ
Бэе мāтā бирдэгим.
Тар куһӣликсōчэвун,

«*Гиро-гиро гироканин!*
Повелитель Верхнего мира,
Старик Баян Бегандар,
Старуха Баян Сигурдэн!
Сначала примите привет,
Потом поведем разговор.
Если у меня спросите: „Откуда, *мата*, пришел
И так говоришь?“ — [отвечу]:
Богатырь Среднего мира
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде —
Мое имя.
Я пришел в вашу страну,
Но с самого начала
С тремя вашими сыновьями
Мы не поладили,
Не сумели договориться.
Когда я прибыл в эту страну,
Стал испытывать их богатырские жилы,
Беспощадно биться,
Безжалостно враждовать,
Когда я ступил на эту землю,
Богатырь по имени Бокалдын, ездящий
На пестром верховом олене,
Не поздоровавшись и не дав
Спросить свое имя,
Ударил меня по макушке
Тяжелым березовым посохом.
В ответ я тоже
Ударил его своим посохом —
И Бокалдын раскололся надвое.
Потом я пошел,
Явился к вам,
Хотел поговорить,
Но мне никто не ответил,
И я подумал: «Есть ли здесь люди или их нет?»
После этого —
С каких пор затаил на меня вражду
Богатырь по имени Отани,
Ступающий по тальниковым горам —
Сам не знаю.
Он подбежал ко мне
И стал бить меня посохом.
Я тоже ведь богатырь
И никому не даю
Себя обидеть —
Такой я человек-*мата*.
Мы стали биться,

Егин дя̄р долбонӣ устадӯн
Куһӣксэл, бӣ тэптычэ̄в.
Тар амардукин
Ирэ̄к дӯндэдӯ балдыча̄
Иркин бэю̄н авдӯлка̄н
Ирэ̄глиндē букаты̄рва,
Э̄рӣксэ̄, тала̄ эмувчэ̄н.
Тар ма̄та̄ню̄н ня̄н
Егин дя̄р долбонӣ устадӯн
Куһӣксэ̄л, о̄нӣка̄рвар о̄лдыкса̄л,
Бӣ нуӈанма̄н ня̄н тэптым.
Тарит эһилэ элэкин о̄дан гуннэ,
Аналла̄ккӣ эксэкэл гуннэ
Нонопты ура̄навар ӈӯӈнӯриксэ̄,
Эр элэ̄ эмуврэн.
Тара̄ сӯ о̄н гуниттэс,
Дялбар улбӯлӣкэ̄н улгӯркэлду.
Аян бэевэ̄н экэлду ала̄чивчара,
Сирӣ бэевэ̄н экэлду сирӣчивчара.
Аналла̄ккӣ гакса̄, мучӯдиӈа̄в
Гуннэ эмэчэ̄ ма̄та̄ биӈнэм», —
Гуниттэн эр ма̄та̄ биһэмдэ.
Эр гуннэдӯн дю̄ уркэн нӣвдэн.
Умун атырка̄н, эмэксэ̄,
Тӯрэ̄лкэ̄н-сэ̄һэлкэ̄н о̄дяран:
«Кимэ̄-кимэ̄ кимэ̄нин!
Дулин буга бою̄нин
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н,
Дялум ая ирэндэдӯс
Доро̄воё дявакал!
Ноноптын доро̄во бигин,
Амаргӯптын улгӯр о̄гин!
Минэвэ ӣргӣт тэкэлкэ̄н-сэ̄ксэлкэ̄н
Атырка̄н биӈнэнды гунэкис,
Ӯгӯ бугадӯ балдыча̄
Сигӯрдэ̄н Баян атырка̄н
Гӯкӣчитын бӣ биӈнэм.
Тавар сӣ тӯрэ̄нмэс
Бӣ амарӣн-да̄ эчэ̄в сэлдэ,
Эһит-тэ̄ эрэгэр эһим сэлдэ.
Тара̄ биһэмдэ һитэнди
Со̄ӈку сумутыл биһип гуннэл,
Эмӈэ бугадӯ элчэ̄л батта
Бардамул букаты̄рил
Городук эмэ̄ бэе гуннэл,
Мэ̄ртын нонон тыкиксэ̄л,
Куһӣн тэкэнмэ̄н о̄кса̄л,

Девяносто дней бились,
И я одолел.
После этого —
Он позвал
Родившегося в лиственничной стране
Богатыря Ирэглинде, ездящего
На диком осеннем олене.
С тем богатырем
Я тоже девяносто дней бился,
Испытывая судьбу,
И снова я победил.
Тогда он решил, что пришло время
Сказать: „Забирай суженую".
Прежнюю свою вину он загладил,
Привел меня сюда.
Что вы на это ответите,
Скажите, что думаете!
Не заставляйте ждать путника,
Не задерживайте странника!
Я пришел сюда,
Чтобы взять свою суженую и вернуться назад!» —
Сказал этот человек.
При этих словах дверь открылась,
Вышла одна старуха,
Так говоря-вещая:
«*Кимэ-кимэ кимэнин!*
Богатырь Средней земли,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Красивый обликом,
Прими привет!
Сначала привет,
Потом поведем разговор!
Если спросишь меня: «Откуда ты,
Старуха, кто ты по роду и крови?»
[Отвечу]: я зовусь
Родившейся в Верхнем мире
Старухой Баян Сигурдэн.
Твои слова
Тогда мне понравились,
Нравятся и теперь *,
А эти [богатыри] зря
Понадеялись, что они сильные и храбрые,
Зря возомнили,
Что этот мир стал им тесен.
Подумав: «Человек пришел издалека», —
Сами они напали первыми,
Начали битву,

Эр улгӯрвэт удӹра.
Кӯһӣн ӑчин биһикин,
Эһиткэн урӯ сивӑйбан
Девгэн ирӣвчэ бимчэ.
Бӣ мэнми дялдӯв,
Аналлӑк гиркивӣ гадӹыс
Ӗдӑ эмчэ ситана.
Городук эмэчэ ирэмэде,
Дӱолӑв йксэ, дэрумкӣкэл.
Сивӑйва девгэн ирдэлэн,
Эргӣт-таргӣт эмэрӣл
Тэгэлвэр эрӣдэлэвун,
Һуӈту бугадӯ бидерӣл
Һагдӹылватын умӣвдалӑвун
Сӣ аямат дэрумкӣкэл.
Эдӯ дагат бинһӣлвэ
Игдӹы ковот таникпун,
Тадӯ горот бинһӣлвэ
Орон авдӯт эрӣкпун.
Синӈэчӣн соӈку бэе
Килӑма нӱориктэлкэн
Килӑдий киливлӣнӱн
Тэрэӈ илмактал бэел
Ая нимэр орӣдӯһун
Тувэвэ дялум туӈуриӈдэнмэ,
Кочово дялум кодогоилдӑнма
Эдӯ һӣмӑт умӣвукпун.
Туруянтымал омолгил
Дырӑкӗма умӣпчиӈӑтын,
Гаһантымал киливлӣл
Кинтӑкӗма эмэдиӈэтын,
Барӑн эвӣнмэ эвӣдиӈэтын,
Нёрчаһал нёрчадиӈӑтын,
Һӣмӑ һалгачил туксадиӈӑтын,
Игдӹы дылгачӣл икэдиӈэтын,
Эвӣн һэгдыӈӈэн ичэдиӈэт», —
Гуниттэн тар атыркӑн.
Тыкэн гуниксэ, Сигӯрдэн атыркӑн
Омолгилкӑн кӯтэтпӣ
Дӱор ӈаладӯвӣ элгэнэ
Ампӑр дӱолавӣ йврэн.
Тадук дыгин алгалкӑн
Бӧлускай кираваттӯ
Соӈку Дэвэлчэнмэ
«Тэгэкэл!» — гуннэн,
Бэеӈин тэгэктэ гуннэн
Нямчурагар сурурун.
Тӑрӑ чӑскӣ гарадӑксӑ,

Помешали нашему разговору.
Не будь этой битвы,
Свадебное угощение
Было бы уже приготовлено.
Сама я так думаю:
Почему бы тебе
Не забрать свою подругу?
Ты приехал издалека,
Зайди в мой дом, отдохни,
Пока приготовим свадебное угощение,
Пока пригласим отовсюду
Своих родственников,
Пока соберем почитаемых стариков,
Живущих в других странах,
Ты отдохни хорошенько.
Живущих поблизости
Созовем звонким колокольчиком,
Живущих вдалеке
Привезем на оленях.
Ради свадьбы двух молодых людей, равных друг другу,
Тебя, сильного человека,
И Киладий-красавицы
С блестящими волосами,
Ради вашей достойной семьи
Заполним лесные чаши *тунгурами*
Заполним долины рек *кодогоями*,
Мигом всех сюда созовем.
Парни, подобные журавлям длинноногим,
Будут ходить взад-вперед.
Красавицы, подобные стерхам,
Гордо откинувшим головы, прибегут.
Станут играть в разные игры.
Борцы поборются,
Быстроногие побегают вперегонки,
Громкоголосые попоют —
Самые большие игрища мы увидим *», —
Сказала эта старуха.
Сказав так, старуха Сигурдэн
Взяла за руки
Сына и зятя
И ввела их в свой дом.
Храброму Дэвэлчэну
Велела сесть
На блестящую кровать *,
С четырьмя ножками,
Тот сел
И проломил кровать.
Отбросив блестящую кровать,

Нюӈун алгалкāн мэӈун
Кираватпа эмуврэн:
«Эдӯ тэгэкэл!» — гундэн.
Мит бэеӈит тадӯ-дā
Аракӣнкāнди дэгдэвнэ
Сэрэнчэнэ тэгэрэн.
Эһилэ тари биһэмдэ
Тэгэтчэрӣвэн ичэмӣ,
Дʉгāн букатырилва
Эӈэт бэеӈдэ ичэдэлкэн,
Адяс ая ирэндэлкэн,
Тэдемэ сōӈку кēпилкэн
Мāтā ōдан эр бэе.
Тарā ичэнэл, сōһӣнал
Ӯгӯ буга мāтāлин:
«Горо дулин бугадӯ
Ая дялум кēпичӣ
Мāтāл балдывкӣл ивит», —
Гуннэл сōмат сōһӣчāл.
Сōӈку Дэвэлчэн дюлэдӯн
Мэӈун дыгин кирӣлкāн
Остōл сōӈӈāн тāниксāл,
Умун акта āримаӈӈāн,
Кур огус бургуӈӈōн,
Байтаһун бе бастыӈӈāн
Һӣмāт вāксāл, астāксāл,
Остōлдӯвар нэтычэл.
Тар нэвчэ девгэлвэ
Мит бэеӈит биһэмдэ
Дулин бугадук илчāдуккӣ
Девгэвэ эчӣн ичэрэ
Девӯлнэн-дэ со бичэ,
Девгэкэнмэ девулчэ:
Коӈнорӣн улдэвэ
Кара һорокӣдын амӈāһиниксā,
Карāкӣдын ōдяракин
Доскӣ умнэт нимӈэттэн.
Багдарӣкāн имӯксэвэ
Мундукāндын амӈāһиниксā,
Һēлакӣдын ōдяракин
Умнэкэмэ нимӈэттэн.
Эр огус гирамдандялвāн
Эрэгэр энэ маӈāна
Улдэтэй-һумутэй
Кур-кар сēмандāна
Тэпкудӯ чипчичāгачӣн
Тар-дат һӣмāт нимӈӯрэн,
Амӈāһиниктава-кат энэ сулāра

Она принесла серебряную кровать
С шестью ножками и сказала:
«Садись сюда».
Наш человек
Сел осторожно,
Слегка касаясь [кровати].
Если бы посмотреть,
Как он сидел, —
Выглядел он
Гораздо сильнее богатырей — хозяев дома.
Статной своей наружностью,
Своим обликом был он настоящим богатырем —
Такой он был человек-*мата*.
Богатыри Верхнего мира,
Глядя на него, удивлялись:
«В далеком Среднем мире
Такого богатырского облика
Есть *мата*, оказывается», —
Говорили они, восхищаясь.
Перед храбрым Дэвэлчэном
Поставили серебряный четырехугольный
Огромный стол,
Тут же забили и сварили
Крупного холощеного оленя,
Нагулявшего жиру быка,
Отборную яловую кобылу,
Мясо на столе разложили.
Наш человек, который
Не видел еды
С тех пор, как ушел из Среднего мира,
Принялся есть
Поданную еду:
Кусок черного мяса
С черного глухаря он клал в рот
И проглатывал,
Когда тот становился
С черного рябчика.
Положив в рот [кусок] белого сала
С целого зайца,
Он проглатывал его, как только тот
Становился с куропатку *.
Не замечая твердости
Костей быка,
Он разжевывал их с хрустом,
Вместе с мясом и жилами,
Быстро проглатывая,
Будто мешок набивал,
Все он съел до конца,

Бутуннӯвэн манаксā,
Симтӯндēтын силэвэн
Умнэкэмэ урупкӯксэ,
Симтӯндēтын килдӣвāн
Һэēлэвӣ иктэксэ,
Манавнавāн сāрӣ
Мāтā ōдан эр бэе.
Тыкэн дептӹ девгэвӣ
Бутуннӯвэн депчэлэн,
Эр баяһал нимэһэл
Мāтā бэе āһиндӹн
Сэктэвунмэн бэлэннэлчэл:
Екун ая нандалкāн
Дурукидин сэктэвуксэл,
Букатӹр бэе дэрумкӣрӣн
Дую һарāнан ōра.
Тар ая һарāндӯ
Мит бэеӈит āһиниксā,
Илан дя̄р долбонӣ устадӯн
Эрэгэмэ энэ мēлда
Āрӣ бэе ōдан тар.
Эр нуӈан āдалāн
Дага-горо мāтāлва
Сивāйбадӯ умӣвда.
Кочово дялупты кодогоилва комуйда,
Тувэвэ дялупты туӈурилвэр умӣвра.
Эмэчэ бэелвэ дурукāн
Умундӯ умӣвуксāл,
Сивāйва девгэвэн тāниксāл,
Һуēнмурӣ һунāтпар тэтывуксэл,
Кутэт бэевэ иливуксāл,
Дя̄н дю̄р долбонӣдӯ сурурӣ
Урӯ сивāйвавāн ōксāл,
Девдердэктэрэ эр мāтāл.
Девгэтын бимӣ сō барāн, аювугган,
Бэе дялдāрӣн дурукин ōвчā ивит.
Этыркэр де аят улгучэнэ,
Икэлэһэл матал де аят икэрэ,
Эргӣт-таргӣт эмэчэл мāтāл,
Бакалдыксāл, эвӣлчэл:
Ӈӣ нёрчан нёрчаран,
Ӈӣ танчамāчун тāнчамāттан,
Ӈӣ туксāн туксаран,
Ӈӣ килийдӹ килийдан.
Тар мāтāлдӯ эр мит бэеӈит
Сōӈку Дэвэлчэнду ēма-кат
Идэтпэр тэрэттӹ мāтā
Эрэгэмэ āчин ивит.

Не оставив ни одного кусочка.
Навар в огромном котле
Он выпил разом.
Когда стукнулся лбом
О край котла,
Понял, что [навар] кончился.
[Таким] богатырем был этот человек.
Когда он съел
Все угощение,
Эти богатые люди
Постель ему приготовили.
Для сна человека-богатыря
Выстелили постель
Лучшими шкурами;
Для отдыха богатыря
Мягкую постель устроили.
На этой мягкой постели
Наш человек уснул.
Тридцать суток
Спал этот человек,
Ни разу не проснувшись.
Пока он спал,
Пригласили на свадьбу
Ближних и дальних гостей.
Лесные чащи заполнили *тунгурами*,
Речные долины заполнили *кодогоями*,
Всех приехавших
Собрали вместе,
Приготовили свадебное угощение,
Нарядили девушку-невесту,
Разбудили зятя.
Двенадцать ночей
Справляли свадьбу,
Угощались эти богатыри.
Угощение было обильное, сытное,
Было там все, что человеку хочется.
Почтенные старики сказывали,
Гости-певцы красиво пели.
Отовсюду приехавшие богатыри,
Сойдясь, состязались:
Борцы боролись,
Силачи перетягивали друг друга *,
Быстроногие бегали наперегонки,
Прыгуны на одной ноге прыгали.
С нашим человеком,
Храбрым Дэвэлчэном,
Никто из этих богатырей
Ни в чем не мог сравняться.

«Дулин буга букатырилдӯн
Де сōӈку сумут биһин-дā ивит!» —
Сōһинал-сōһинал гуниттэ.
Тар мит бэеӈит ӯгӯ бугадӯ
Тэрэттӹ бэевэ эрэгэмэ эчэ бакара.
Тар амардукин
Дян дюр инэӈйӈитын йлтэнэн,
Девгэӈдӯвэр аюврa, астына,
Дэрдэлэвэр эвйрэ,
Бугачй бугалāвй ӈэнэрйн ōран.
Тадӯ биһэмдэ мит бэеӈит
Киннилвй дэптыкэкй тэгэтчэнэ
Тыкэн гуннэ тӯрэчй ōдяран:
«Гырō-гырō гырōканин!
Ӯгӯ буга бōюһалин,
Эдӯ умйпчал мāтāл дурукмаһун,
Тадук Бēгандāр Баян этыркэн,
Сигӯрдэн Баян атыркāн,
Сӯ нян дōлдыкалду!
Бй бугав сō горо,
Дэгрй дэктэндэлкэн,
Илара умӯксā, истын буга,
Һуктырй һалгалкāн,
Егрэ балдыксā, истын буга,
Бй дулин бугадӯвй
Умукōмō нэкучй бичэв,
Дулин буга биралдӯн эһй батта
Орон сōһулкэн бичэв,
Тарилба умун аһакāн-куӈāкāн
Ōн-дā этэн кейда.
Тадук килāма нōриктэлкэн
Килāдий килившйнюн мэрбун-дэ
Олоккор ōрйвун удадиӈāн.
„Омолгичāн куӈāкāн, оһāткāнма гаксā,
Бугалāвй һуēннйрйн ōвнан оӈорӯн“, —
Һагдыл мāтāл гуӈкитын.
Тарит бӯ бугалāвар ӈэнэрйвун
Элэкин ōдан гунчэчим.
Сӯ тарā ōн гуттэс?» — гуниттэн.
Тадӯ биһйл бэел ōн гундиӈэтын —
«„Билир-билиргидук ай бэен
Аилган таргачйн“, — гуннэдӯс сйһа āчин,
Ӈэнэрйһун элэкин», — гуннэ элэксйрэ.
Тадук эр баяһал һагдыл,
Һунāтпа һуēннйрйл сагдыл
Һунāтпар ӈэнэрйвэн тэриилчэл.
Һунāттӯвар мэндуккй мэӈун нэмэлкэн,
Мэндуккй мэӈун контоһилкэн

«Есть же среди богатырей Среднего мира
Такой сильный и ловкий богатырь!» —
Говорили они с большим восхищением.
Человека, равного нашему человеку,
Не нашлось в Верхнем мире.
После этого —
Прошло двенадцать дней.
Все вдоволь наелись,
До устали наигрались,
Пришло время разъезжаться в свои земли.
Тогда наш человек
Сел напротив родителей жены,
Сказав такие слова:
«*Гиро-гиро гироканин!*
Богатыри Верхнего мира,
Все собравшиеся здесь гости,
И ты, старик Баян Бегандар
Со старухой Баян Сигурдэн,
Выслушайте меня!
Моя страна очень далека.
Крылатая птица
Трижды сносит яйца, пока долетит до нее.
Быстроногий [зверь] до нее добегает,
Девять раз принесла приплод.
На Средней земле
Я оставил единственную сестру.
По рекам Средней земли не хватает места
Для оленного моего скота,
Одной молодой девушке
С ним не справиться.
Зачем откладывать
Начало нашей совместной жизни
С блестящеволосой Киладий-красавицей?
Ведь говорят мудрые старики:
„Молодой человек, взяв в жены девушку,
Должен увезти ее на свою родину".
Вот я и думаю, что пора
Нам отправиться в нашу страну.
„Что вы на это скажете?"» — спросил он.
Что могли те люди на это ответить?
«С давних-давних пор
Таков обычай людей-*аи*,
В твоих словах нет ошибки», — согласились они.
Эти богатые старики,
Старики, отдавшие свою дочь,
Стали готовить ее в дорогу.
Они дали дочери
Пятнистого верхового коня,

Мэрилэ соногоспор
Анал укчакйан бӯксэл,
Кутэтнюнмэр ӈунатпар
Умундӯ угивуксал,
Тэргэнмэр.эрэлӣ дылачава элэткӣ
Иларакан пэрйвчэрэ.
Тар амардукин
Дулин бугаткакӣ соногоспотын салаиксал,
Илан дэткэн дэлэмичэн
Дулйакаклан дявара.
Калтакаван ӈунадилкан кутэтпэр
Амардуктын илбэрэ,
Калтакаван лайдандӯвар удыра.
Мит бэеӈит соӈку Дэвэлчэн
Тыкэн гуннэ тӯрэлкэн одячан уӈу:
«Гиро-гиро гироканин!
Угу бугадӯ оскенӣ-балдынӣ сагдыӈилви,
Бегандар Бэгин этыркэн,
Сигӯрдэн Баян атыркан,
Сӯ эдэн итчатитпар * — дурукиӈун,
Бӣ сурури тӯрэнмэв
Сендӯвар силдыкалду,
Додӯвар долдыкалду,
Иргэлэвэр иктэвкэлду!
Минэвэ соӈку бэе бинэ
Сама тӯрэнэ энэ улгӯрдэ
Бугалавӣ сурурун гундиӈэӈун.
Бӯ, бугалавар суруксол,
Дулин буга нимэӈэлин оксал,
Дулин бугадӯ олокилкаӈал
Эвэнкиткэр одавар ӈэнэрдэкпут.
Окин-да бакалдынарйвӣ, эчэв сара,
Емӣ-кат умнэ некэйэрйвӣ некэйэдиӈэв.
Сунэвэ екун-да мата
Эгин тырэрэ, эгин сэнэрэ.
Нонопты гэлнэрӣ гэрбйӈун,
Солтама суракиӈун
Эрэгэмэ эгин эмэнмурэ,
Эдэр ӈутэлдун упкат
Дюва таннал,
Тогово иланал, соӈувэ иргинэл,
Ӈутэвэ балдывнал дялан-дялан
Эрэгэмэ баралдякалду!
Окир-вал будэрйӈиӈун инэӈйӈиӈун эмэрэкин
Итчилэк тӯрэнмэр эдындӯ уӈиӈнэкэлду!
Йдӯ-дэ бимӣл этэрэв эндэйдэ,
Эмэксэ, эрйнмэӈун бйӈадиӈавун!
Суптырӣ туксугучйн кувулгатыл

Родившегося с серебряным седлом
И с серебряной уздечкой.
Дочь с зятем
Усадив на коня,
Трижды провели его
По двору по ходу солнца *.
После этого —
Повернули коня в сторону Средней земли,
Проведя его через середину стада
Оленей, коней и коров.
Половину стада погнали
Вслед за зятем и дочерью,
Половину оставили на поляне.
Наш человек, богатырь Дэвэлчэн,
Сказал такие слова, говорят:
«*Гиро-гиро гироканин!*
В Верхнем мире родившиеся-выросшие старики,
Почитаемый старик Бегандар,
И старуха Баян Сигурдэн
Со своими молодыми родичами —
Мои прощальные слова
Вкрутите [себе] в уши,
Учуйте нутром,
Вбейте в мозг!
Вы не скажете, что сильный человек
Ушел, не сказав
Прощальных слов!
Мы отправились на свою землю,
Чтобы жить на Средней земле,
Поехали, чтобы на Средней земле
Зажить по-эвенкийски.
Я не знаю, когда навещу вас,
Но хоть раз — навещу.
И пусть никакой *мата*
Не обидит вас, не унизит.
Пусть не забудутся
Ваше прежнее звучное имя,
Ваша громкая слава.
Пусть ваша молодежь
Ставит дома́,
Разводит огонь, держит скот,
Пусть от поколения к поколению
Рождается все больше детей.
Когда же придет день вашей смерти,
Ваши вещие слова отправьте с ветром.
Где бы ни находились,
Мы придем и спасем ваше дыхание!
Пусть вас не обгонят

Сунэ эктын суптыра,
Ӣлтэнды туксугучин албаһилкаһал
Сунэ эктын дерэдэрэ,
Су айһун сундӯ,
Бӯ айвун мундӯ!
Буралия бурасты бигин!» — гуниттэн.
Тыкэн гуниксэл, сурурӣл бэел
Горо аянмар ӈӯӈнэмэрэ.
Амардуктын Сигӯрдэн Баян атыркан
Тыкэн гуннэ тӯрэлкэн одярдага:
«Кимэ-кимэ кимэнин!
Киладима нюриктэлкэн
Киладий киливлӣ
Һутэ гунды һутэв,
Дулин буга букатырин
Иһардан-дэвэрдэн тэтылкэн
Дэгилтэр соӈку Дэвэлчэн
Кутет гунды кутетыв,
Сӯ дюкрэ бӣ чор тӯрэнмэв
Дюр сэтынни бега омактаван
Даран дявавчагачин
Сердӯвар силдыкалду,
Иргэлэвэр иктэвкэлду,
Долавар долдыкалду!
Сӯ нян ӗдук-кат аят аяннанал
Бугалавар ӈэнэкэлду,
Сигдылэдӯ ӗкун-да кувулгатын
Сунэ эгин модалара,
Ӯгӯ няӈнюр няӈнядук-да
Эӈэһӣ эдын эгин иктэрэ,
Һэргӯ уһа морадук-та
Тамнакса эгин тарийда,
Бугавар аят иһиксал,
Дюва такалду, тогово илакалду,
Һутэвэ балдывкалду-бэлӯкэлду
Сонувэ иргикэлду,
Ая нимэр окалду,
Аӈнакӣл бэел гэрбӣлэһун
Ахӯн-да городук аяннанал
Ӈэнэрӣтын аял гэрбӣлкэһэл окалду,
Аймак-тэгэ бэеӈилдун
Аяврӣтын нимэһэл окалду!
Бӣ эр тӯрэнми ая алгис огин!» —
Гуниттэн.
Де эр сурурӣл бэел
Илан дэткэн дэлэмӣчэтын
Мурин сонһу бимӣ
Кинӣяна-кинӣяна бодорон,

Коварные, как убегающая туча,
Пусть вас не тронут
Хитрые, как уходящие тучи!
Ваша судьба с вами,
Наша судьба с нами!
На долгие годы прощайте!» — сказал он.
Попрощавшись, отъезжавшие люди
В свой дальний путь отправились.
А старуха Баян Сигурдэн
Вслед им такие слова сказала:
«*Кимэ-кимэ кимэнин!*
Дочь, родная дочь моя,
Киладий-красавица
С блестящими волосами!
Богатырь Средней земли,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн,
В расшитой-разукрашенной одежде,
Зять, родной зять мой!
Звонкие мои слова
Выслушайте парой своих ушей,
Подобных двум молодым осенним лунам *!
Вкрутите [себе] в уши,
Вбейте в мозг,
Учуйте нутром!
Так же благополучно
Добраться вам до вашей земли!
Пусть вам в пути
Не помешают коварные,
Пусть на вас не обрушатся
Сильные ветры с Верхнего неба,
Пусть вас не тронут
Гибельные туманы Нижнего моря!
Доберитесь благополучно до вашей земли,
Поставьте свой чум, разожгите огонь,
Рожайте, качайте в колыбели детей,
Разводите скот,
Станьте почтенной семьей!
Прославьте свое имя,
Чтобы пришельцы
Из дальних стран
Почитали вас!
Пусть сородичи вас уважают,
Пусть слова мои станут для вас благословением!» —
Сказала она.
За отъезжавшими людьми
Потянулись олени, кони и коровы.
Кони в пути,
Не умолкая, ржали,

Инак соһу бимӣ
Маӈирāна-маӈирāна бодорон,
Орон сōһу бимӣ
Эӈтэнэ-эӈтэнэ бодорон.
Эр мāтāткāр умнэ ӈэнэвкэннэтын
Һоктотын егин дāр-да анӈанӣдӯ
Эһӣ сэмдэ һокто ōдан.
Умун тар ӈэнэдӯтын
Дую дӯннэдӯн бэевэ ёрчэклӣн ōдан,
Маӈа дӯннэдӯ һэнӈэклӣн ōдан.
Горово-кот ӈэнэнэвэр эчэл сāра,
Дагава-кат ӈэнэнэвэр эчэл сāра.
Эркэн-дā таркāн ӈэнэвкэнмӣ-нюн ӈэнэвкэнэ,
Дулин бугатын сō-дā горо бичэ ивит.
Эр бэел биһэмдэ
Дюгарвāн тыгдэкэндин сāна,
Болорвōн боктакāндин сāна,
Тугэрвэн умкактадин сāна,
Нэлкирвэн лэптэркэндин сāна
Дюлэскӣ-нюн ӈэнэвкэндердэктэрэ,
Тар ӈэнэдексэл-ӈэнэдексэл,
Дулин бугадук ӯгӯ буга саган гунмурӣ
Ёкун-дā урӯлкāн, оһикталкāн
Кёйан энэн эврэ — туктырэ
Калдыс кадāр кāйдан.
Талā иһиксā, ӈэнэкӣт дӯннэӈитын
Йлӣ-кэт āчин ōдан.
Эр бэел биһэмдэ
Илан дэткэн дэлэмӣчэвэр
Эр кадāр оёдун иливкāна.
Тар некэксэл, килāдима нюриктэлкэн
Килāдий киливлӣ
Тыкэн гуннэ тӯрэлкэн ōна—ōна
Илан кирӣлкāн солкомо билāтпӣ
Дулиндулӣн тэкэрэгэр тāнан-дā,
Дюр балдыдярӣ чāлбāткāнду
Тэнырэгэр тāнан-да
Калтакадин иларā далбāтāран,
Тыкэн гуннэ тӯрэтчэрдэгэ:
«Гурē-гурē!
Эр ӯгӯ буга дулин буга саган гунмурӣ
Сагды урэ эвэ котун,
Ёкун иччилкэн биркэс бōлла,
Ноноптывāн эмӈэ дэлэй гэрбӣдӯвӣ
Дорōвоё дявакал!
Амаргӯптын эһӣ омӈовро улгӯр ōӈнāн!
Эр минэвэ йргӣт тэкэлкэн-сэксэлкэн
Аһāткāн, эмэксэ, бакалдыдянны

Рогатый скот,
Не умолкая, мычал,
Олени,
Не умолкая, хоркали.
И через девяносто лет
Скотом этих людей
Протоптанная тропа не затерялась.
Там, где они прошли,
В мягкой земле человек проваливался по бедра,
В твердой земле человек застревал по колена.
Долго ли шли, не знали,
Недолго ли шли, не знали.
Шли все вперед и шли.
Средняя земля очень далека была, оказывается.
Эти люди
Лето по дождю узнавали,
Осень по граду узнавали,
Зиму по снегу узнавали,
Весну по мягким хлопьям снега узнавали.
Все вперед ехали.
Вот так следуя,
В отвесную скалу они уперлись,
Зовущуюся границей Верхнего и Среднего миров,
По которой не могли бы подняться-спуститься
Ни копытные, ни когтистые.
Они дошли до скалы, а дальше идти
Было некуда.
Эти люди
Оставили своих оленей, коней и коров
На вершине скалы.
Потом Киладий-красавица
С блестящими волосами
Собралась говорить, перед тем
Разорвав посередине
Треугольный шелковый свой платок.
Одну половину
Набросила она на березу,
Другой половиной трижды взмахнула,
С такими словами:
«*Гуре-гуре!*
Гора-старуха, почитаемая бабушка,
Зовущаяся границей Верхнего и Среднего миров!
Не знаю, кто твой дух-хозяин!
Имя твое далеко славится,
Сначала прими привет,
Потом начнем разговор, который не позабудется!
„Кто ты по роду-крови, откуда
Пришла, девушка, чтобы со мной встретиться?“ —

Гуннэ улгумӣрэкис,
Бӗгандӑр этыркэн амилкӑн бичэв,
Сигӯрдэн Баян энилкэн бичэв,
Килӑдима нюриктэлкэн Килӑдий киливлӣ
Гунмурӣ аи hунӑдин ӧдам.
Екун нӑдадӯ минэвэ бакалдырӣ
Иччилкэн тӯрэнмӣ тулдӯлӣкэн тӯрэрбунды,
Гундэ улгумӣрэкис,
Бӣ дулин тукала бугадӯ
Умун эвэнки букатырин
Бэе ӧрӣ олоктӯн
Дючӣдуккӣ дювчавӈӯн,
Илачӣдуккӣ аналлӑкин
Ӧна балдынавӣ биhӣдин
Дулин бугалӑ ӈэнэксэ,
Дюва танимдак, тогово иламдак,
Сӧhувэ курӗмдэк, hутэвэ балдывумдак,
Дулин бугава аривумдак,
Ӈэнэдерӣ аhӑткӑн ӧдам.
Тарит эр бӯ илан дэткэн дэлэмӣчэвун
Батна эврӣн кӧhак биракӑн
Ӑртыкин ӧксӑ, амаргӯт-тӑ ӧдакин
Айткӑр мӑтӑл мэн сигдылэдӯвэр
Сӑлдымӑттӹ аянмун hоктоён ӧмкӑкал!
Бӣ ноноптыл анӈанӣлдӯ,
Ӣлтэнчэ инэӈӣлдӯ битмӣ уhӧмӣ
Иччилэк тӯрэндивӣ бучувчӑ мӧва
Ниӈтэдукин ая тӯрэндиви
Алгӑна туктывдэкив,
Элэкэс балдыдярӣ ӧлэн
Ирэктэткэн мӧ ӧвкӣ биӈкин,
Нӓликин мӧва дугэдукин
hэргискэкӣ кираракив,
Бучувувсӧвкӣ биӈкин,
Кагдан чӯкава алгӑна тӯрэттэкив,
Балдыдярӣ чӯка ӧвкӣ биӈкин,
Балдыдярӣ чӯкава уhат ӯскӣ тӯрэттэкив,
Бучувувсӧвкӣ биӈкин.
Де тарит бӣ иччилэк тӯрэнмэв
Иргэлэвӣ иктэвуксэ,
Дӧлавӣ дӧлдыксӑ,
Сӗндулавӣ силдыксӑ,
Мундӯ ӑртыкйа бӯкэл,
Котун эвэв!» — гундерэн.
Тыкэн гуниксэ этэмӯрэкин,
Нуӈартын биhӣдуктын ӈэскакӣ
Ӗдук-тӑ ая кӧhак биракӑн ӧдан.

Если меня спросишь, —
[Отвечу]: мой отец старик Бегандар,
Моя мать старуха Баян Сигурдэн,
Я девушка-*аи* по имени
Киладий-красавица с блестящими волосами.
Если спросишь меня: „Из-за какой нужды
Ты обратилась ко мне с вещими,
Мудрыми словами?“ —
[Отвечу]: на Средней глиняной земле
Предстоит жить
Одному эвенку-богатырю.
От рождения мне было суждено стать
С двух лет [от роду] — хозяйкой его чума,
С трех лет — его женой.
На Средней земле
Поставить чум, развести в нем огонь,
Построить загон для скота, родить детей,
Населить людьми Средний мир
Я, девушка, направляюсь.
Сделай для этого речную долину
С дорогой, чтобы прошли
Наши олени, кони и коровы,
И чтобы затем по этой тропе
Сообщались люди-*аи*!
В прежние годы, в прошедшие дни,
Когда я заклинала
Вещими словами засохшее дерево,
Благословляя его от корней
До самой верхушки,
Оно становилось свежей,
Только-только проросшей лиственничкой.
Когда живое дерево
Я проклинала от верхушки до самого низа,
Тут же оно засыхало.
Если я заклинала увядшую траву, —
Она оживала и зеленела.
Если растущую траву я заклинала,
Тут же она засыхала.
Поэтому вещие мои слова
Вбей [себе] в мозг,
Учуй нутром,
Вкрути в уши!
Дай нам дорогу,
Почитаемая моя бабушка!» — сказала [девушка].
Как только она кончила говорить,
От того места, где они стояли,
Пролегла красивая речная долина,

Де тар hоктолӣ илан
Дэткэн дэлэмӣчэвэр бодовнол,
Тар-дат дулин бугавар
Эвгӯ сагалан иhиксал,
Билирги дулин бугалавӣ
Эр соӈку Дэвэлчэн де тӯвкэнэн.
Аhӯн-да эмӈэ буга бичэлӣн
Дювӣ аhӯндӯн исчап гуннэ
Ӈэнэвкэндердэктэрэ нуӈартын биhэмдэ.
Нимӈакан биксэ удадиӈан до —
Тар-дат соӈку Дэвэлчэн
Балдынан эёнэ бираӈлан эӈэhинчэрдэктэрэ *.
Умун бира уставан
Аhӯпчаӈатыл бэел бидиӈэтын.
Тар-дат эр дулин буга Дэвэлчэнин
Билирги мугдэкэӈилвӣ истан.
Орон сохун биhэмдэ
Некэ богон одан.
Де балдыдяк лайдаӈлавӣ иhиксэ,
Билирги ӯтэнмӣ ичэтнэн,
Ён-кат энэ суксавра
Сомат аят бидердэгэ.
Соӈку Дэвэлчэн тар ичэвулмӯрэкин,
Тыкэн гуннэ тӯрэлкэн-сэhэлкэн
Одяча уhу:
«Гыро-гыро гыроканин!
Балдыдяк дулин бугав,
Эмӈэ дэлэй мэндӯвӣ
Доровоё дявакал!
Тар амардукин, нэкун гунды нэкунми
Егин дарикталкан солкомо нюриктэлкэн
Солкондор киливлиткан,
Сӣ нян доровоё дявакал!
Ноноптын доровo бигин,
Амаргӯптын улгӯр огин!
Эр минэвэ йргит тэкэлкэн-сэксэлкэн
Мата эмэнды гунэксун,
Дулин буга букатырин
Иhардан-дэвэрдэн тэтылкэн
Дэгилтэр соӈку Дэвэлчэн
Гунмурӣ сониӈ одам.
Илан сивйр сиктырвэн
Ситэри гиркуксӑ, дялвӣ дялувуксӑ,
Эрэйвӣ аривуксӑ,
Илан дэткэн дэлэмӣчэвэ
Илбэнэ эмувум.
Баран бугава гиркум,
Баран боюнма бакалдым,

И по этой тропе они
Со своим стадом оленей, коров и коней
Достигли ближнего края
Средней земли.
Тут храбрый Дэвэлчэн
Ступил на свою старинную Среднюю землю.
Хоть и была обширной эта страна,
Они думали скоро добраться до дома
И вперед ехали.
В сказке задержки не бывает:
Тут же подъехали к
Родной широкой реке храброго Дэвэлчэна.
Разве эти люди задержатся
В пути вдоль этой реки? —
Тут же доехали они до пней, оставшихся
От деревьев, срубленных когда-то Дэвэлчэном,
Нашли множество
Оленьих следов.
Добрались до родной *лайды*,
Увидели свой старый *утэн*,
Никем не тронутый *,
Очень красивый.
Когда храбрый Дэвэлчэн увидел *утэн*,
Он сказал
Такие слова, говорят:
«*Гиро-гиро гироканин!*
Родная моя Средняя земля,
Всей своей ширью
Прими привет!
И ты, младшая сестра, родная сестра моя,
Солкондор-красавица
С шелковистой косой в девять саженей,
Тоже прими привет!
Сначала — привет,
Потом начнем разговор!
Если меня спросите:
„Откуда ты, *мата*, кто ты по роду-крови?“ —
[Отвечу]: я богатырь Среднего мира,
Сонинг по имени
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде!
Я прошел по всем трем мирам,
Выполнил задуманное,
Попусту не ходил:
Сюда я пригнал-привел
Оленей, коней и коров.
Я обошел много стран,
Встретил много богатырей,

Тарит бӣ гиркунми уһая ӑчин ӧдан.
Сӯ, балдыдя̄к бугав, бӣ ӧнав дӣов,
Нэкун гундӹ нэкунми,
Сӯ он бирэс? — Улбӯтӹкэн улгӯркэлду!» —
Гуниттэн.
Тыкэн гуниксэ̄, мит бэеӈит
Балдыдяк ла̄йдаӈдӯвӣ илбэ̄нэ
Эмувнэн илан дэткэ̄н дэлэмичэ̄нин
Эймэкемэ ӧһинчаран.
Тар амардукин
Солкомо нӣориктэлкэ̄н Солкондӧр киливли
Тала̄ нян эмэрэн.
Де эр дулин бута̄ ма̄та̄лин
Де эдӯ бакалдыра.
Дулин бута̄ ла̄йдадӯн
Бэе бэевэ бакалдыран.
Тар урундӯн балдыдя̄к бугала̄вар
Эр бэел, элгэмэ̄тнэл йксэ̄л,
Де бакалдынавар мала̄һунма̄н
Гуннэл, акта аяргӯва̄н,
Байта̄һун бастыӈма̄н,
Огус һэгдыӈэӈдэ̄н ва̄ксэ̄л,
Дыгин кирӣлка̄н остӧлдӯвар та̄никсэ̄л,
Девдердэктэрэ нуӈартын бинэмдэ.
Илан долбонӣлка̄н инэӈидӯ.
Сӧма бара̄нма эрэгэмэ улгучэ̄мэ̄тнэл,
Эрэ̄-тара̄ бара̄нма сэһэргэстэ.
Тар амардукин
Депты девгэ̄вэр этэксэ̄л,
Кила̄чӣ нандалдук һара̄нмар ӧксэ̄л,
А̄һиндытын долбонӣӈитын эмэрэн.
Эмэчэ̄л бэел егин долбонӣлка̄н
Инэӈидӯ дёке̄т-кат энэл мелва̄тта а̄ра.
Солкондӧр киливлӣ тар устадӯн
Илан дэткэ̄н дэлэмичэ̄вэ
Дыгин дя̄р дыгин нулги тугурумчэлкэ̄н
Дыгин мӧлка̄н куре̄ндедӯ
Инэӈитыкин йвнэ-ювнэ
Бакалдывка̄тна таткактадяча̄.
Тар амардукин
Дюла̄вӣ эмэксэ̄, нян депты девгэ̄вэ
Ирӣнэ, аста̄ктана нэкэедердэгэ.
Эмэ̄л бэел, де меликсэ̄л,
Ӈэрӣһӣ ирэндэвэр ӈӯӈнӯрнэл,
Ичэдэлвэр туксарнал, ӧксэ̄л,
Девгэ аяӈна̄н девуксэ̄л,
Нян эгин-эгин ара̄һинай
Бара̄н улгӯрвэ улгучэ̄мэ̄тнэл,

Мой поход оказался удачным.
А вы, моя родная земля, мой чум,
Младшая сестра, родная сестра моя,
Как вы жили? Расскажите толково!» —
Сказал он.
После этих слов
Его родную поляну заполнило
Стадо оленей, коней и коров.
Скот забегал в разные стороны.
После этого —
Пришла туда
Солкондор-красавица с шелковистой косой.
Люди Среднего мира
Так встретились.
На *лайде* Среднего мира
Люди с людьми встретились.
Придя на свою землю, эти люди,
Радуясь, взялись за руки.
Задумав попировать в честь встречи,
Они забили лучшего холощеного оленя,
Самую жирную яловую кобылицу,
Самого крупного быка.
Положили [еду] на свой четырехугольный стол
И стали они есть.
Три дня и ночи
Не умолкая говорили о многом.
О том и о сем многое порассказали.
После этого —
Наевшись-насытившись,
С приходом ночи легли спать.
Постелив постель из дорогих мехов,
Девять дней и ночей, не просыпаясь,
Спали приехавшие люди.
Между тем Солкондор-красавица
Приучала оленей, коней и коров вместе держаться.
То загоняла их в свой загон
В сорок четыре кочевки окружностью,
В четыре жерди по высоте,
То их выгоняла.
После этого —
Вошла в чум и снова
Стала варить-готовить.
Приехавшие люди проснулись,
Умыли свои светлые лица,
Почистили одежду,
Хорошенько пищей насытились,
Обо всем
Поговорив-побеседовав,

Дептӣ девгӭвэр этэксӭл,
Нуӈартын биһэмдэл эр мит
Дӯр мӭнты балдынат дӯт тыӗлдэн,
Гороптыран гуннэл
Ӧмакта дыгин кирӣлкӓн
Ампӓр дӯявӣ эр бэе ӧдярдага.
Эр эмэчӭ аһӓткӓн биһэмдэ
Солкомо сунмӣ дӯр сӭптукин
Арӓһинай гириптылӓлва гана-гана
Илан муһӭдӯ умӣвнан
Илан унӈӯр таһагас ӧдан.
Тар дӧдӯн ӓһун-дӓ тэты,
Идэгэ биһӣн эвкӣ сӓвра.
Эр бэел таргачӣн ают
Баян богово баяннал
Эмӈэ дэлэй богот бидечӭтын уһу.
Нуӈартын барӓн анӈанӣва
Сӓра-кат энэл бидерэ.
Эр биденэл, килӓдима нӯриктэлкӭн
Килӓдий киливлӣ,
Илалдава биксӭ,
Илан бӭгаӈичӣ ӧдан,
Нюӈулдэвэ биксӭ
Нюӈун бӭгаӈичӣ одан,
Егилдэвэ биксӭ,
Егин бега дӧчӣ ӧчӓ ивит.
Егӣтын тыманӣдӯӈ Килӓдий киливлӣ
Сӧӈку Дэвэлчӭн гунмурӣ бэеӈтыкӣвӣ
Тыкӭн гуннэ тӯрӭлкӭн ӧдяран:
«Кимӭ-кимӭ кимӭнин!
Дулин бута букатырин
Инӓрдан-дэвӭрдэн тэтылкӭн
Сӧӈку Дэвэлчӭн гунмурӣ
Гурки гунды гиркив!
Бэгин гунды бэгинми!
Бӣ иӈама йктэтэив,
Мэӈумэкӭн мӭватаив,
Коӈнорӣкӓн һӓкитаив
Эӈэнӣмэ иксӓран,
Ӈонум дялив урумӯлдэн,
Эмӈэ кэӈтырӭв тыӗлдэн.
Тар ӗдӓ гунмӣ,
Муттӯ нономо умун һуркӭн-куӈакӓн
Балдырӣ болдёкин одан.
Тарит сэрэнкэл-сэрбэнкэл!
Сӧ бэе һутэн
Сӧӈку сумут бивкӣ гуӈнэрэ.
Супыдӓвӣ некэлдиӈэн.

Есть закончили.
Решили они, что чум,
Где родились двое наших [брат и сестра],
Стал тесным и старым.
Тогда Дэвэлчэн начал строить
Четырехугольный дом-жилище,
Приехавшая же девушка стала вытаскивать
Из двух карманов верхней своей шелковой одежды
Лоскутки пушнины и складывать их
В три кучи,
Которые в три ряда вьючных сум превратились.
Сколько там было вещей и одежды —
Не сосчитать.
Стали все больше богатеть
Эти люди,
Всего у них стало вдоволь, говорят.
Не знали они,
Сколько так прошло лет.
Так они жили, и Киладий-красавица
С блестящими волосами забеременела, оказывается.
После трех суток
Была уже на третьем месяце,
После шести суток —
Уже на шестом месяце,
После девяти суток —
Уже на девятом месяце.
На девятое утро Киладий-красавица
Мужу своему, храброму Дэвэлчэну,
Сказала такие слова:
«*Кимэ-кимэ кимэнин!*
Богатырь Среднего мира
По имени храбрый Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Другом зовущийся друг мой,
Господином зовущийся господин мой!
Зубы мои, подобные камню,
Серебряное мое сердце,
Черная моя печень —
Все разболелось!
Мои длинные мысли укоротились,
Моя широкая спина сузилась.
Если спросишь: „Почему?“ —
[Отвечу]: пришел срок рождения
Нашего ребенка-мальчика.
Поэтому приготовься, будь начеку!
Сын храброго богатыря,
Говорят, бывает сильным и жилистым.
Если он постарается убежать,

Тарā эруһуйиксэ̄л,
Бӣ мэӈумэ дя̄һиктӯв
Мэӈумэ чивкāчāн дэктылэ̄лкэ̄н иргин
Энэ һигивра бутунди һигивнэн
Нандан биһин бидиӈэ̄н,
Тар дōдӯн балдыдя̄к
Аналлāк омӣн биһин бидиӈэ̄н.
Тарā нуӈандӯн һоривуксāл,
Мэӈун чивкāчāн нандадин чакилимчалты.
Ēдā тыкэ̄н гунэкис,
Ӯгӯ буга ирāктāгин
Бēгандāр Баян этыркэ̄н,
Сигӯрдэ̄н Баян атыркāн
Сагды̄л бэел аналлāкитын
Һуркэ̄н-һутэтын нуӈан бидиӈэ̄н.
Де тарит бэевӣ бэекэксэ̄,
Сумувӣ сумукуксō,
Уркэдӯвӣ этэвкэл.
Тар дюлэдӯн катанчарӣ
Кулӯс биһикин нӣкэл.
Уйчэрӣ уһӣкэ̄н биһикин гурэкэл.
Эр би дагадӯв илан чāлбāткāна
Һогиксā, тоһогоё иливкал,
Умун уваһаткāна вāксā,
Нандавāн бутэйди һигиксэ̄,
Сумувōн энэ һогра
Дяландулӣн һуēнӈӣксэ̄,
Нандавāн лāйдаӈлāвӣ эксэксэ̄,
Илан лавāчӣ ōл чāлбāткāндӯ
Тэтывуксэ̄, нандавāн олгӣкал.
Тар дюлэдӯн надан ōл чāлбāна
Сēлидин, иргидин симэ̄кэл.
Де, аһӯн бичэ̄с, дуруккāн
Сōмат һӣмāт дялувмалчакал,
Дуруккан эр-ты этэвмэлчэкэл!
Эр-ты эһӣт һуркэ̄н-куӈāкāн
Һэтэкэндыгдэн ōдан!» — гуниттэн.
Тарā тадӯ биһэмдэ
Иһāрдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Дэгилтэр сōӈку Дэвэлчэ̄н
Сōӈкума мāтā элӣ-талӣ туксана,
Элӣ-талӣ чāварӣна
Он гунмунэвӣ дуруккāн
Гунмунэгэчӣнин этэнэгдэн биһин.
Тар некэксэ̄, уркэдӯвӣ этэвдердэгэ.
Куӈāкāн биһэмдэ:
Аминми бэлэм биһинды дō гунчэ̄гэчӣн
Чӯтурин солко чӯкава

Спаси его!
Есть у меня серебряный ящик,
В котором находятся
Крылья, хвост
И оперение серебряной птички.
В них —
Душа нашего сына *.
Положите все это рядом с сыном,
Заверните в оперенье птички.
Если спросишь: „Зачем?“ —
[Отвечу]: он внук
Повелителей Верхнего мира,
Старых людей —
Старика Баян Бегандара,
Старухи Баян Сигурдэн.
Теперь мужайся как подобает мужчине,
Соберись с силами,
Жди у дверей.
Но сначала открой
Все закрытые замки,
Развяжи все завязанные узлы *.
Сруби три березки,
Вбей колышки *.
Забей молодого коня *,
Не разрезая жил,
Сними целиком шкуру,
Тушу раздели по суставам,
Потом шкуру отнеси на *лайду*,
Набрось на вершины трех березок
И высуши,
Пучками конского хвоста и гривы
Укрась семь соседних березок.
Все это исполни,
Как можно быстрее
Все закончи!
Вот-вот мальчик
Выскочит и побежит!» — сказала она.
Вслед за этим
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде
Забегал туда-сюда,
Стал хватать то одно, то другое,
Все сделал,
Как было сказано.
Потом встал у дверей в ожидании.
А ребенок, будто
Задумав проверить отца,
На подстилку из шелковой зеленой травы

Гиркэнэдӯтын дылвӣ һорӧндин
Лис ӧһикнакнан тыктэн;
Ирак-тырак һэкинтӯрэн,
Ӈӣ-дэ эһӣдин дявара
Дяландӯвӣ илмалчаран,
Тулискэкӣ һэтэкэнчэрэн.
Уркэветын исчана, аминдулавӣ исчана
Оһокпӣ чагидалӣн аминдукки һэтэкэлдэн.
Аминин биһэмдэ сумут мата
Нуӈанман сувтывнат бидиӈэн дӧ —
Оһоккӣ иларакан пэрӣһинмукэниксэ,
Куӈаканма аракӯкан дявакса,
Аран эчэ мултувра.
Тадук дявӯчамнӣн пэрӣктэксэ,
Дулиндукин кумнэксэ,
Һарандӯ тырӯчэрдэгэ.
Тар тырӯчэдерэкин Солкондӧр киливлӣ
Мэӈумэ чивкачан омӣлкан нандаван
Эмувуксэ, куӈаканма чакилдан
Тар амардукин
Аят бинэвэр малаһинман
Нян актавар аяргӯдин,
Бӗӈмэр бастыӈидин,
Огуһиӈмар һэгдыгӯдин
Астаксал, аӣһитыт инэӈӣӈин гуннэл
Девгэ богово таниксал,
Аямат девдердэктэрэ.
Тар амардукин
Нуӈартын, илалдадӯ биксэл,
Илӣтын тыманӣдӯ эр Килаадий киливлӣ
Бэеӈмӣ дэптыкӣ тэгэксэ,
Тыкэн гуннэ тӯрэлкэн-сэһэлкэн ӧдячаа:
«Кимэ-кимэ кимэнин!
Дулин бура букатырин
Инардан-дэвэрдэн тэтылкэн
Соӈку мата Дэвэлчэн,
Гирки гунды гиркив,
Бӣ тӯрэнмэв
Дӧр сендӯвӣ силдыкал,
Эмӈэ дӧдӯвӣ дӧлдыкал!
Мит Бегандар Баян аминдуккар,
Сигӯрдэн Баян эниндуккэр
Эр бугала илнат
Илан тугурук аннани ӧдан.
Тар усталкан тӧрадӯн
Ёкун-кат уһа ачин.
Нонопты омолгичан һутэвэр
Нуӈардӯтын анаӈатыт бичэн.

Прямо темечком упав,
Громко стукнувшись головой *,
Подергал ногами
И, не давая себя схватить,
Вскочил, чтобы
Бежать наружу.
Добежав до дверей, столкнулся с отцом,
От отца бежать вокруг печки бросился.
Но отец, сильный *mana*,
Разве даст ему ускользнуть?
Трижды пробежав за ним вокруг печки,
Осторожненько ухватил ребенка,
Едва удержав.
Потом покружил его,
Схватил поперек в охапку,
И прижал своим телом.
Пока он сына удерживал, Солкондор-красавица
Принесла оперенье серебряной птички с душой [сына]
И завернула ребенка.
После этого —
Для пира в честь благополучных родов,
В честь своего духа-покровителя,
Забили лучшего холощеного оленя,
Лучшую кобылицу,
Самого крупного быка,
Наготовили много еды,
Обильно поели.
После этого —
Прошло три дня.
На третье утро Киладий-красавица
Села напротив своего мужа
И стала так говорить-вещать:
«*Кимэ-кимэ кимэнин!*
Богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Другом зовущийся друг мой,
Мои слова
Вкрути [себе] в уши,
Учуй огромным нутром!
Прошло полных три года
Как мы приехали в эту страну
От отца Баян Бегандара,
От матери, старухи Баян Сигурдэн.
За это время
Худого ничего не случилось.
Следует нам
Отвезти им нашего сына-первенца *.

Гэ̄лнэ̄рӣ гэрбӣен, со̄лтама суракӣан
Сагды̄л мэ̄ртын бӯдиӈэ̄тын.
Бакалдына та̄рия һӣма̄ гиркучӣ бэе
Сӣ мэ̄нды эксэксэ̄ бӯрӣдӯс
О̄н биһин? Дялвӣ са̄вка̄кал!» —
Гуниттэн.
Тадӯ со̄ӈку Дэвэлчэ̄н:
«Амин о̄кса̄, бидиӈэ̄в до̄ —
Бӣ суручим!» — гуниттэн.
Тыкэ̄н гунэн-дэ̄ со̄ӈку Дэвэлчэ̄н
Тулискӣ һэтэкэнчэрэн,
Бирака̄ӈӈӣ дурукка̄н туксаран.
Аналла̄к мэ̄нин мэӈумэ урэӈилвӣ
Энэ сула̄ра туксаран.
Эр туксакса̄,
Мэ̄ндуккӣ мэӈумэ нэ̄мэлкэ̄н,
Мэ̄ндуккӣ мэӈун улгэ̄р нё̄гӯлкан
Мэрилэ̄ орон укчаккӣ бакакса̄,
Эмуврэн-дэ һутэвӣ биһэмдэ,
Мэӈун коро̄пкака̄нма о̄кса̄,
Тар до̄дӯн чивка̄ча̄ӈин
Нандадӯн чакиликса̄, ды̄рэн,
Тариӈӈӣ се̄птӯвӣ ды̄рэн,
Мэ̄нин мэрилэ орон укчактӯвӣ
Кара һорокитка̄нӈачӣн
Капка̄н һэтэкэнэн,
Бе̄ганда̄р Баянтыка̄кӣ һэтэкэнмукэ̄нэн.
Эр ӈэнэвкэ̄нденэ кила̄дима нӯриктэлкэ̄н
Кила̄дий гунмурӣ гиркиткӣвӣ
Этэ̄һиниксэ̄, тыкэ̄н гуннэ
Тӯрэ̄чӣ о̄дяча̄ уһу:
«Гиро̄-гиро̄ гиро̄ка̄нин!
Кила̄дима нӯриктэлкэ̄н
Кила̄дий киливлӣ,
Гирки гунды̄ гиркив,
Бӣ эр эһилэ сурум,
Бе̄ганда̄р Баян этыркэ̄н
Сигӯрдэ̄н Баян атыркэ̄н
Сагды̄ӈилвар са̄на̄рдагим
Бӣ этэ̄м удара, сурурӣдӯвӣ
Егин долбонӣлка̄н инэӈӣлӣ исчиӈа̄в,
Эмэрӣдӯвӣ, багдарӣн дэгӣкэ̄н о̄кса̄,
Тар до̄гида̄лӣн эмэдиӈэ̄в.
Мэрилэ̄ орон нонопты һутэт
Анал укчакин биӈнэ̄н.
Тар оронди гэрбӣен бӯдиӈэ̄вун.
Тадук о̄дакин бӣ эмэдэлэ̄в
Сӯ аят бикэлду,

Звонкое имя и громкую славу
Старики сами дадут ему.
Ты, человек, умеющий быстро ездить,
Смог бы его отвезти и навестить их.
Скажи, что ты об этом думаешь?» —
Сказала она.
Храбрый Дэвэлчэн на это [ответил]:
«Став отцом, я не буду медлить,
Поеду!» — сказал он.
Так сказав, храбрый Дэвэлчэн
Тотчас наружу выскочил,
Пробежал по всем своим речкам,
Пробежал по своим серебряным горам,
Не пропустив ни одной.
Все обежав, нашел
И привел
Своего пестрого
Верхового оленя,
Родившегося с серебряным седлом,
Серебряным витым поводком.
Сделал серебряную коробку,
Завернутого в птичье оперенье [сына]
Положил в нее,
Сам ловко,
Как чёрный глухарь,
Вскочил на своего верхового оленя
И помчался в сторону старика Бегандара.
Отправляясь, своей подруге по имени
Киладий-красавица
С блестящими волосами
Сказал такие слова, говорят:
«*Гиро-гиро гироканин!*
Киладий-красавица
С блестящими волосами,
Подругой зовущаяся подруга моя!
Я теперь отправляюсь
Повидаться с нашими стариками,
Стариком Баян Бегандаром и
Старухой Баян Сигурдэн.
В пути я не задержусь,
Через девять дней и ночей прибуду.
Возвращаясь, превращусь в белую птицу
И буду еще быстрее.
Наш пестрый олень
Станет верховым оленем нашего сына-первенца.
По этому оленю мы дадим [сыну] имя *.
А вы спокойно живите
До моего возвращения.

Һэргӯ-дэ̄ бугадук эктын эмэрэ,
Ӯгӯ-дэ̄ бугадук эктын ичэврэ.
Илан дэткэ̄н дэлэмӣчэвэр
Инэӈӣтыкин һа̄внал-балдывдянал бикэлду!
Минэвэ биһэмдэ
Дӯор егин долбонӣлка̄н
Инэӈивэ ӣлтэнэкив,
Кулдюһал кувулгатылнӯон,
Ара̄һинай албаһилка̄лнӯон
Нӯян тувэһиксэ̄, бакалдырдага гундэвэт.
Таргачӣрдӯ эмӣ тувэстэ, этэ̄м удара.
Буралия бурасты!» — гуниксэ̄,
Мэрилэ̄ орон укчакпӣ
Нёгӯва̄н де дявардага.
Мэрилэ̄ орон бараксан
Тэнӣнэгэчӣкэр дӯндэлвэ
Нэптэлмӣгдэ тэвиннэ,
Томтор дуннэвэ тонӈорогор тӯнэ,
Оӈкучак дӯннэвэ омчорогор тӯнэ,
Нӯяликин мӧва нялбурагар,
Бучӯкин мӧва буктарагар
Ӈэнэвкэ̄нмӣ-нӯон ӈэнэвкэ̄ндерэн.
Эр сурудюрукин кила̄дима нюриктэлкэ̄н
Кила̄дий киливли биһэмдэ
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н
Ӧна эмэ̄нмудерэн:
«Кимэ̄-кимэ̄ кимэ̄нин!
Дулин буга букатырин
Ина̄рдан-дэвэ̄рдэн тэтылкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н,
Гирки гунэрӣ гиркив,
Бӣ нӯян тӯрэ̄нмэв
Сёндӯвӣ силдыкал,
Иргэлэвӣ иктэвкэл,
До̄дӯвӣ до̄лдыкал!
Сӣ ёдук-кат аят
Аяннана̄ искал,
Ёма-да̄ бугадук кулдюн
Кувулгат эгин мэһэйдэрэ,
Ара̄һинай албаһилка̄н
Эгин синэ дерэ̄дэрэ,
Ӈӣ-дэ̄ синэ эгин илэчэрэ,
Мит мэ̄рты гиркунты о̄дан,
Ёма-да̄ со̄ниӈ на̄дан-да а̄чин.
Мит мэ̄рвэр дюлэдӯвэр
Гиркурӣт мэ̄рты о̄нӣт о̄ча̄.
Тадӯ о̄дакин бӣ амилка̄н
Эниндулэ̄в илдитйэ иһивкал:

Пусть из Нижнего мира никто не придет,
Пусть из Верхнего мира никто не нагрянет!
Пусть наши олени, кони и коровы
Каждый день прибавляются-умножаются!
Если же я
Не вернусь через
Дважды девять дней и ночей,
Вы поймете, что мне встретились
Коварные оборотни,
На разные хитрости способные.
Если они мне не помешают, я не задержусь.
На долгие годы прощайте!»
Так сказав, он ухватил поводок
Своего пестрого верхового оленя.
Славный верховой олень
Мчался и мчался вперед,
Срывая с земли
Куски с меховой коврик.
Холмы он растаптывал,
Низины он заваливал,
Растущие деревья сваливал,
Сухие деревья дробил в щепки.
Когда [Дэвэлчэн] отъезжал, Киладий-красавица
С блестящими волосами
Стала говорить
Такие слова:
«*Кимэ-кимэ кимэнин!*
Богатырь Средней земли,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Другом зовущийся друг мой!
Мои слова тоже
Вкрути [себе] в уши,
Вбей в мозг,
Учуй нутром!
Свой путь
Пройди хорошо!
Пусть ни в одной стране
Тебе не помешают коварные оборотни,
Не досаждают
На разные хитрости пускающиеся!
Пусть никто тебя не тронет!
Этот поход нам совершить предназначено.
Никакой другой богатырь не должен вмешиваться.
Только нам предстоит
Совершить этот поход!
Еще, передай
Отцу и матери мою просьбу.

Билир нуңартын егин бинэл
Балдычāт гуниңкитын.
Тарилдук умун эвэкэев
Эр бугалā уңиңнэтын.
Дулин буга мэнин дōдӯн
Ёма-дā сагды гунмурӣ āчин.
Тарит сагды нāдан эмэдиңэн:
Ңутэвэ син балдывдиңāт,
Сōңувэ син иргивдиңэт.
Тар дуруктӯн омолгичāн
Куңаканма ōлгарӣн нāда,
Илан дэткэн дэлэмӣчэвэ
Ичэттын нян нāда.
Мундӯ умун нэкулкэңэл биңип,
Эдэр бэе мит дюлэдӯт
Этэн сагдана, мэнин дюлэдӯвӣ
Оңорӯвӣ ōрӣн аналлāкин
Ӣр-дэ бугадӯ нюңнивнэвэн
Ңӣ-кэт эңин сāра.
Багар тымӣ сурудиңэн,
Багар инэңмэн ңэнэдиңэн,
Тарā сӣ-дэ, бӣ-дэ
Эңип сāра, эңип кайда.
Аңāткāн куңакāн мэнин-дэ
Аңнакӣ бэе аналин гуннэл
Улгӯривкӣл гуниңкитын.
Тарит эдэр бэе олоккōн
Ичэтнэ бэлэтты сагды
Эвэкэе уңиңнэтын!» — гуниттэн.
Де эр сурурӣ бэеңитын
Тар сурурдугу.
Аңакāр куңакāр, бугадӯвар
Мэгдэлтын эмэнмуксэл,
Илан дэткэн дэлэмӣчэвэр
Курēвэн-тēргэнмэн ōнал,
Мэрдӯвэр элэкин ңавāва ңавалнал,
Авдӯлвар аят ичэтнэл
Едук-кат аят бидердэктэрэ.
Тар сōңултын ōн бидерэ гунмӣ —
Орон сōңудук эңнэкэн гукӣт
Эңтэнэ-эңтэнэ балдыран,
Инак сōңудук торбос гукӣт
Маңирāна-маңирāна балдыран,
Мурин сōңудук кулун гукӣт
Кӣняна-кӣняна балдыран.
Тадук биңэмдэ дулин бугатын лāйдан
Инэңӣтыкин эмңэлдэн,
Лāйдаңитын ōкин-дā эчӣн

Они говорили, что в старину
Было у них по девять братьев и сестер.
Пусть одну старуху
Отправят в эту страну,
Ведь на Средней земле
Совсем нет старых людей.
А старуха понадобится:
У нас родится сын,
Мы будем держать скот.
Надо будет возиться
С ребенком-сыном,
Надо будет
Присмотреть за оленями, конями и коровами.
А у нас только сестра [Солкондор],
Она молодая девушка,
Она не состарится раньше нас.
Никто не знает,
В какой стране
Найдется для нее суженый.
Может, завтра она уедет,
Может, сегодня отправится,
Ни тебе, ни мне
Ей этого не запретить.
Молодая девушка
Принадлежит человеку чужого рода,
Так говорится.
Поэтому пусть отправят к нам
Старую бабушку,
Помогать семье молодых!» —
Сказала она.
И вот, отъезжающий человек уехал.
Оставшись одни
На своей земле,
Девушки подправляли загон-двор
Для оленей, коней и коров,
Вовремя работу выполняли,
Старательно за скотом ходили,
Все у них хорошо было.
Если спросить, как жил их скот,
То, оказывается, от оленей их,
Хоркая, рождались оленята:
От коров их,
Мыча, рождались телята,
От кобыл их
Рождались ржущие жеребята.
Лайда Средней земли
С каждым днем становилась все шире,
Вечнозеленая

Һокоргоро чӯт чӯкан
Анҥанӣтыкин аялдан.
Авдӯлтын оҥкорӣ конӯлтын
Анҥатыкин кӗркэйдэн.
Тарит биһэмдэ
Һуркэн-куҥакан аилган
Аһаткаанди калтакачӣ овча
Гуннэтын инэҥитыкин
Ичэвнэ балдыдярдага.
Соҥку мата Дэвэлчэн
Эмукин биҥэһивӣ
Ёкунма-да эһивӣ эһӣ туркэврэ бинэ
Нуҥан бинӣдӯн эргэчин
Илан дэткэн дэлэмичэ
Иргит-да эмэксэ балдырин
Аилган ачин бичэн.
Нуҥан эмукин аилган бимӣ
Дулин бугавӣ бэйҥэвэн
Аят кэйна бэйҥэвкӣ бичэн.
Амҥатпӣ энэ демӯрэ,
Тэтытпӣ энэ синҥэрэ
Тыкэн-нюн бидечэн.
Эһит ичэрэктын калтакатпӣ
Нуҥан дэлэй дӯндэҥтэин,
Эмҥэ тергэнтэин, дютай-тоготой
Тувусна баянин баралдан,
Дулин буга овнан
Оҥорӯн олокин овран
Гуннэл (олоҥко-до бичэлин)
Эр-тар балдыдяк тэкэһэлтын,
Сарил сагдыҥилтын
Сот аят сэҥердыдитын
Соҥку Дэвэлчэн олокин ӈӯҥнэрэн.
Горово-кот бинэвэр эчэ сара,
Дагава-кат бинэвэр эчэ сара,
Инэҥитыкин эётнэл-эётнэл баяна,
Синалаанал-синалаанал аювда.
Тар амардукин бимӣ
Дюр егин долбонӣ аһӯндӯн дялупчиҥан —
Болдёк долбонин бокончо ивит,
Эмэрӣ инэҥӣ эмэчэ ивит.
Дулин буга букатырин
Соҥку Дэвэлчэнмэ нуҥанман ичэтчэнэ
Аянин дулиндукин ема-вал
Албаһилкан-кувулгатылкан
Илэчэҥэт бэен бидиҥэн —
Аяндӯвӣ ёдӯ-кат энэ танмура
Чаган бэеҥилдукпӣ ият пэрӣһиниксэ,

Нетронутая трава
С каждым годом становилась все красивее.
Долины, где пасся скот,
С каждым годом становились все зеленее.
Поэтому
Поговорка: «судьба парня
Наполовину зависит
От девушки» — каждый день
Оправдывалась.
Когда храбрый богатырь Дэвэлчэн
Жил один,
Все ему было под силу,
Но не случалось,
Чтобы к нему одному
Откуда-то пришли и расплодились
Олени, кони и коровы.
Когда он жил без жены, только и знал,
На зверей Среднего мира
Ходить-охотиться.
Не голодал,
Не мерз без одежды —
Так жил.
А теперь, как посмотришь,
Огромная его страна
Широкий двор, дом с очагом,
Стали вдвое больше, богаче.
Родившийся для жизни на Средней земле
Стал он жить с семьей —
Ведь это [происходит] в сказке.
Многочисленные родственники
И мудрые старики
Очень радовались,
Что жизнь храброго Дэвэлчэна так устроилась.
Долго ли жили, не знали,
Недолго ли жили, не знали,
Изо дня в день богатели все больше,
Ели до отвала.
После этого —
Дважды по девять ночей много ли?
Ночь назначенного срока пришла,
День приезда настал.
Разве кто-нибудь
Коварный и хитрый,
Увидев богатыря Среднего мира
Храброго Дэвэлчэна,
Остановит его на середине пути?
Дэвэлчэн нигде не задержался в пути.
Повернув домой от дальних родственников,

Илан муһэлӣ багдарӣн билāт
Эңэептут тāнмучāгачӣн
Ала котой ōксā, аяннāна
Дʉ̄рмэн дюптӹ сирэкэвӣ
Нюмунтыкнан далкина
Аяннāна эмэксэ, лāйдаңмӣ дулиндʉ̄н
Эмңэ тӗргэндʉ̄вӣ тыкиксэ,
Мэнин мэндивӣ ōксā,
Аһāткар-куңāкāр ōнатын
Олокпотын ичэксэ,
Урундуккӣ инемнэрэн.
Тар амардукин
Дʉ̄лāвӣ эмэксэ, тыкэн гуннэ
Тʉ̄рэлкэн-сэһэлкэн ōдан:
«Гирō-гирō гирōкāнин!
Гирки гундӹ гиркив,
Килāдима нʉ̄риктэлкэн
Килāдий киливлӣ,
Нэкун гундӹ нэкунми,
Солкомо нʉ̄риктэлкэн
Солкондʉ̄р гунмурӣ!
Ноноптывāн дорōвоё дявакалду,
Амаргʉптын улгʉ̄р ōгин!
Би гиркунмав улгумӣрэксун —
Би гиркуңāт гиркунмӣ
Дурукқāн дялувуксā, эмэм.
Бӗгандāр Баян этыркэн,
Сигʉ̄рдэн Баян атыркāн сагдӹл
Бӣ эмэрӣвэв илан долбонӣ
Дюлэдʉ̄н сāксāл, ʉ̄гʉ̄ сивӣр
Чʉ̄турӣн солкомо чʉ̄кадин
Сэктэвунмэ сэктэвчэл,
Тар оёлӣн нондо
Толбочӣңин сэктэвунмэ нэчэл,
Инңактачӣ дурукин аяргʉ̄дин
Кӗргэтнэл мит һутэт
Аналлāк һарāнан ōчāл.
Тадук биһэмдэ тӗргэнмэр дулиндʉ̄н
Бӗга дяпкадʉ̄н һактыраһӣ долбонӣва
Ңэрӣнмурӣ багдарӣн мэңун
Сэргэвэ ōксāл иливчāл.
Тар сэргэ мит һуркэн-һутэт
Аналлāк укчаккӣ уйивунин уһу.
Тар амардукин
Этыркэлкэн атыркāн
Мэндуккӣ мэңун нэмэлкэн,
Мэндуккӣ мэңун улгэр нёгʉ̄лкāн
Мэрилэ укчак оронмōн

Обернувшись полосатым орлом,
Словно белым платком
В трех местах опоясанным,
Он летел, так сильно махая крыльями,
Что двойным костям
Его крыльев было щекотно.
На середине своей *лайды*,
На широком дворе он опустился,
Обернулся самим собой,
Посмотрел, как хозяйничали девушки,
От радости улыбнулся.
После этого —
Подошел он к дому
И стал так говорить-вещать:
«*Гиро-гиро гироканин!*
Подругой зовущаяся подруга моя,
Киладий-красавица
С блестящими волосами!
Младшая сестра, родная сестра моя
По имени Солкондор
С шелковистой косой!
Сначала примите привет,
Потом начнем разговор!
Если спросите, как я съездил,
[Отвечу]: я вернулся, исполнив все,
Ради чего ездил.
Старик Баян Бегандар и
Старуха Баян Сигурдэн,
О моем приезде за три ночи
Загодя узнав,
Постелили постель
Из вечнозеленой шелковой травы Верхнего мира.
Сверху постелили
Рысью шкуру,
Сделали для нашего сына
Подстилку из одних
Лучших, переливающихся мехов,
Потом посреди своего двора
Светящуюся в темноте безлунных ночей
Серебряную белую
Коновязь поставили.
Коновязь эта
Для верхового оленя нашего сына, оказывается.
После этого —
Старик со старухой
Приведи к этой коновязи
Пестрого верхового оленя,
Родившегося с серебряным седлом,

Эр сэргэдӯ тōмтāксāл,
Тар орон ичэдэдин
Һутэвэр гэрбӣен бӯрэ.
Гэ̄лнэ̄ри гэрбӣн, сōлтама суракин
Ӈӣ ōдан гунэксун —
Егин инэӈӣлги дӯндэвэ
Умнэ̄ улгӯнчана ӈэнэрӣ
Мэ̄ндукки мэӈун нэ̄мэлкэн,
Мэ̄ндуккӣ мэӈун улгэ̄р нӗгӯлкāн
Мэрилэ̄ орон укчакилкāн
Ӯгу буга Хуркōкчōнин
Гунмурӣ ōдан.
Тар амардукин
Сӣ илдитпэс сō элэкин
Гуннэл эдукипты эмэрӣ һутэһун
Балдырӣдӯн иссиӈāн гуннэл илдиттēрэ.
Гэ̄лнэ̄рӣ гэрбӣвэ̄н, сōлтама суракка̄н
Эр-тар гуннэл эчэ улгучэ̄нэ.
Митпэ мэ̄нин бодомӯрӣва бакаксāл,
Уӈдиӈэ̄вун гуннэл илдиттēрэ», —
Гуниттэн.
Тар амардукин
Дю̄лāвāр ӣксэ̄л, ноноптыгачӣнмар
Аӣ девгэ̄вэр астāксāл,
Нӣн барāн сō бэегэчӣн
Егин долбонӣлкāн инэӈӣдӯ
Улгучэ̄мэ̄тнэл—эвӣнэл
Инэӈӣвэ-долбонӣва энэл
Сāра бидердэктэрэ.
Эр некэксэ̄л, сӣксэӈитын ōксā,
Āһиндӹтын эмэрэн.
Нуӈартын биһэмдэ
Чӯкалкāн һарāнмар ōксāл,
Аямат āһинирдактара.
Эр бэел, āрӣ āмӣвар мēликсāл,
Депты̄ девгэ̄вэр ирӣнэл, деврэ,
Тулгӯ һавāвар һавалмандāра.
Эр некэксэ̄л, нӣн аһӯнма-дā
Бинэвэр энэл сāра
Инэӈӣ-долбонӣ ӣлтэндексōрэн,
Анӈанӣ аланмудяксōран,
Аһӯнма-дā бинэвэр эчэл сāра.
Тар амардукин
Эр килāдима ню̄риктэлкэ̄н
Килāдий киливлӣ
Нӣн ноноптыгачӣнмӣ
Егин бēгалкāн дōчӣ ōчā ивит.
Эр дōчӣ ōмӯракин

С серебряным плетеным поводком,
И по облику оленя
Дали имя сыну.
Если спросите
О его звонком имени, громкой славе,
[Отвечу]: Хуркокчон Верхнего мира, ездящий
На пестром верховом олене,
В один прыжок покрывающем
Путь девяти дней,
Родившийся с серебряным седлом,
С серебряным плетеным поводком —
Имя его.
После этого —
О просьбе твоей сказали они,
Что очень она разумная.
К рождению [второго] ребенка прибудет [сестра-старуха].
О ее звонком имени, громкой славе
Не сказали, просив передать,
Что пошлют ту,
Которая сама захочет за нами последовать», —
Сказал [Дэвэлчэн].
После этого —
Они вошли в дом,
Как раньше, приготовили еду-*аи*.
Разговоры и игры
Длились девять дней и ночей,
Словно было там много-много людей.
Жили они, не зная,
Ночь была или день.
Живя так, как-то вечером
Стали спать укладываться.
Они
Из травы постель себе сделали
И крепко уснули.
Выспавшись, эти люди проснулись,
Приготовили пищу, поели,
Быстро по хозяйству управились,
После этого опять жили,
Не зная сколько.
Дни и ночи уходили,
Годы друг с другом сливались,
А они не знали, сколько прожили.
После этого —
Киладий-красавица,
С блестящими волосами,
Как и в прошлый раз,
Оказалась на девятом месяце беременности.
Когда срок [беременности] кончился,

Ӯгӣт коӈнорӣр туксул коюна,
Багдарӣр туксул барāлда,
һуларӣр туксул һуктырэ.
Эргӣт-таргӣт
Нямаһӣ салгин иктэлдэн,
Эдын-эдын һӯвулдэн,
Тыгдэ-тыгдэ тыкилдэн,
Агды̄-агды̄ нирилэ̄лдэн,
Талуна-һӗрки гилбэнэрэн,
Эӈэһӣ һигин эмэрэн.
Тар амардукин
Эһит тыгдэчӣ агды̄
Дылачā ӣптуткэ̄кӣн нирилэ̄деһинэн.
Эр амардукин сōма
Ая неӈдэлэ ōһинчаран.
Тадук ӯгӣт умун
Багдарӣн дэгӣткэ̄н, эмэксэ̄,
Нуӈарватын дылачāва элэ̄ткӣ
Иларāкāн пэрӣһиниксэ̄,
Дю̄тын уркэдӯн лаглас дōһинчаран.
Иларāкāн кōлэһийдэн,
Дылдукин һалгамāктӯн дурукин
Кāрис солко тэты̄лкэ̄н
Атыркāн аһӣ ōдан.
Тар некэксэ̄, тыкэ̄н гуннэ
Тӯрэ̄лкэ̄н-сэһэлкэ̄н ōдярдага:
«Һэ̄де-лōгэй, һэ̄де-лōгэй!
Дулин буга бōюнин
Иһāрдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Дэгилтэр сōӈку Дэвэлчэ̄н,
Кутэ̄т гунды̄ кутэ̄тыв,
Ая дялум ирэндэдӯс,
Сōӈку илэ мэ̄ндӯс
Егин дёһун дорōво!
Тар амардукин
Килāдима ню̄риктэлкэ̄н
Килāдий киливлӣ,
Нэкун гунды̄ нэкунми,
Сӣ ня̄н ая дялум ирэндэдӯс
Нономо дорōво бигин,
Амаргӯптын улгӯр бигин!
Эр минэвэ ӈӣ гунмурӣ
Сагды̄ эмэнды гунэксун —
Ӯгӯ бугадӯ балдычā
Бӗгандāр Баян этыркэ̄н
Адяс нӣдэгӯмэ нэкунин
Унякандивӣ унякалкāнма эчӣн бакара
Онёдор атыркāн ōдам.

Сверху сгустились черные тучи,
Умножились белые тучи,
Сбежались красные тучи.
Оттуда-отсюда
Сильно теплом подуло,
Налетели ветры,
Полили дожди,
Засверкали молнии,
Загрохотали громы,
Поднялись вихри.
После этого —
Грозовой ливень
Ушел к закату солнца,
После того —
Засверкало ясное небо.
Потом сверху
Появилась одна белая птица,
Трижды пролетела над ними
По ходу солнца
И величаво села у двери.
Трижды перевернулась
И от головы до пят
В гарус и шелк разодетой
Старой женщиной стала.
Вслед за этим
Стала она говорить-вещать такие слова:
«*Хэде-логэй, хэде-логэй!*
Богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Зятем зовущийся зять мой!
Твою красоту,
Твою силу
Девять раз приветствую!
После этого —
Младшая сестра, родная сестра моя *,
Киладий-красавица
С блестящими волосами!
Сначала тоже привет
Твоему славному облику,
Потом начнем разговор!
Если меня спросите:
„Как имя твое, почтенная?“ —
[Отвечу]: я родившаяся в Верхнем мире
Самая младшая сестра
Старика Баян Бегандара,
Старуха Онёдор,
Которой нет равных по силе.

Тар амардукин
Ēкун нāдалкан эмэнды гунэксун —
Килāдима нюриктэлкэн
Килāдий киливлī нэкундулэвī эмэм.
Ēдук-тā аят аяннāм.
Кутэт гунды кутэтыв
Сōңку Дэвэлчэн
Умнэ ңэнэнэн удян
Егин-да дян анңанīдӯ эңэт сэмдэ.
Ай бэен āртыкин ōчā,
Тарит сōмат аят эмэм.
Эhиткэн, hутэл,
Сōт hимāт дювар карайгāт:
Сундук умун омолгичāн-куңакāн
Эвэвī бакалдымнин балдырī
Аналилкāн инэңиңин эмэрэн.
Тара аят бакалдыксāл этэксэл,
Аят билдиңэт.
Сōңку Дэвэлчэн, нонон оңорӯвар
Ōн ōксāл, бакалдыркалдун бōлла,
Таргачин дурукка̄н ōмалчакал!
Эр бī балдычā куңакāнма
Аят ичэрīдӯ ая идэлкэн бичэв.
Тарит ēкунма ōрīвар
Дурукка̄н бэлэннēкэлду!» —
Гуниттэн.
Тыкэн гуннэдӯн
Сōңку Дэвэлчэн, юмэлчэксэ,
Ңāладукин дорōвомнин
Дюлāвī элгэнэ ивуксэ,
Килāдима нюриктэлкэн
Килāдий киливлī дагадӯн
Атыркāнма тэгэвкэмэлчэрэн.
Нонопты hутэвэр балдырīдӯн
Ōн ōнавар дурукка̄н дялувукса, —
Тар этэмӯрэкин Килāдий киливлī
Тыкэн гуннэ тӯрэчī ōдярдага:
«Кимэ-кимэ кимэнин!
Ӯгӯ бугадӯ ōскēчэ
Унякандивī ēва-кат эчин бакара,
Онēдор атыркāн,
Экин гунды экинми,
Нономо дорōвоё дявакал,
Амаргӯптын улгӯр бигин!
Тадук ōдакин
Сōңку Дэвэлчэн гунмурī
Гирки гунды гиркив,
Нонон этэвнэгэчинми

После этого —
Если спросите: „С какой нуждой ты пришла?“ —
[Отвечу]: я пришла к сестре моей,
Киладий-красавице с блестящими волосами,
Я добралась хорошо.
Где зятем зовущийся зять мой
Храбрый Дэвэлчэн проехал,
Остался широкий след,
Который не исчезнет и через девяносто лет.
Он стал дорогой людей-*аи*,
Поэтому я добралась хорошо.
А теперь, дети,
Быстренько в доме приберите.
Ведь настал тот день,
Когда после приезда бабушки,
Ребенок-мальчик родится.
Его мы как следует встретим-примем,
Хорошо станем жить.
Храбрый Дэвэлчэн! Как раньше
Вы к родам готовились,
Сделай все так же!
Я люблю нянчиться
С новорожденным!
Ты же приготовь все,
Что понадобится!» —
Сказала [Онёдор].
В ответ на это
Храбрый Дэвэлчэн вышел,
За руку с ней поздоровался,
Ввел в дом,
Усадил старуху рядом
С Киладий-красавицей
С блестящими волосами.
Все сделали так же, как перед
Рождением [первого] сына.
Вслед за этим Киладий-красавица
Сказала такие слова:
«*Кимэ-кимэ кимэнин!*
Родившаяся в Верхнем мире
Старуха Онёдор,
Которой по силе нет равных,
Старшая сестра, родная сестра моя,
Сначала прими привет,
Потом начнем разговор!
Затем,
Храбрый Дэвэлчэн,
Другом зовущийся друг мой,
Как и в прошлый раз,

Уркэдӯвӣ илиткал!
Эҥиткэ̄н умун омолги куҥака̄н
Эмэрӣн кэмин о̄дан.
Тадук би дя̄ҥиктукив
Илан колӧ̄пка некэ̄
Нандалан бэлэннэ̄кэлду.
Тадук умун дя̄ҥиктӯ
Дёломо эмкэ бидиҥэ̄н.
Тара̄ эмувуксэ̄л, энин о̄рӣ
Атыркандӯ дявавка̄калду.
Тадук тар эмкэ
Нямагда̄нин дяпкадӯн
Алтама алагака̄нма лапкукалду,
Гёгӯ олдо̄ндӯн
Унигдама гидака̄нма лапкукалду.
Тадук о̄дакин соногос мурин
Нэ̄мэн бӯтаян
Эмкэ ҥэрэдӯн сэктэвкэлду.
Мэҥун контосйон
Омолгича̄н дылгида̄дӯн нэкэлду.
Мерилэ̄ соногос инҥактадин
Мэ̄чикйэ о̄ксэ̄л, тырӯдӯн нэкэлду.
Тар амардукин
Куҥака̄н балдыракин-нӣон
Со̄т мандӯвуксэ̄л, дявада̄ват!» — гуниттэн.
Тыкэ̄н гуннэдӯн, ҥӣ ёва
Бэлэннэ̄рӣвӣ дурукка̄н бэлэннэ̄рэ.
Тар бэлэннёксэ̄л этэмӯрэктын,
Де бэлэн о̄дан до̄ гунчэ̄гэчӣн
Омолгича̄н куҥака̄н умнэкэмэ
Тар-да̄т тылигирэ̄ҥинчэрэн.
Тара̄ энин о̄рӣ атыркан
Илан колӧ̄пка некэ̄ҥӈӣ
Наннадин чакилиҥиптыкӣ
Куҥака̄н оёло̄н тыктэн.
Куҥака̄н тара̄ эрэгэмэ энэ са̄ра
Атыркана̄нма инӣҥинимнӣн
Уркэткэкӣ ҥэтэкэнэн.
Тара̄ биҥэмдэ со̄ҥку Дэвэлчэ̄н
Тоҥуйчадяна оёло̄н тыкиксэ̄,
Оҥок ча̄гида̄лӣн эксэксэ̄,
Умун ҥара̄ндӯ тырэрэн.
Тара̄ биҥэмдэ били
Дёломо эмкэвэр эмувуксэ̄л,
Тар до̄дӯн о̄н гунмунэвэ̄н
Дурукка̄н нэ̄ксэ̄л,
Куҥака̄нма эмкэдӯ дыксэ̄л,
Эмкэвэ даста-да̄ кулӯстэрэ.

Жди у двери!
Пришло время
Родиться ребенку-мальчику.
Достаньте из моего ящика
Три отборные
Собольи шкурки.
В другом ящике
Находится каменная колыбелька,
Достаньте ее и отдайте
Старухе-повитухе.
Потом в ту колыбель
По одну сторону *нямагдана*
Медный лук положите,
По другую сторону
Обоюдоострое копье положите,
Потник из-под седла
Молодого коня
На дне колыбели расстелите.
У головы ребенка
Пусть будет серебряная узда *.
Из шерсти пятнистого коня
Скатайте мяч * и положите.
После этого, как только ребенок родится,
Изо всех сил ловите его!» —
Сказала [Киладий].
После этих слов все знали,
Кому что делать.
Когда приготовления закончили,
Ребенок-мальчик, будто поняв,
Что все готово, тут же
Упал с грохотом.
Старуха повитуха
Набросила на него
Три отборные соболиные шкурки,
И прижала его.
А ребенок, не замечая ее,
Со старухой на спине
Понесся к двери.
Храбрый Дэвэлчэн,
Бросившись, поймал его,
Пронес его за очаг
И прижал на постели [своим телом].
Тогда принесли
Каменную колыбель,
Все в нее положили,
Как было сказано,
Сына засунули в колыбель,
Закрыли ее на замок.

Де эр кулӯhилкэ̄н эмкэчӣ
Ӧран эр куӈа̄ка̄н.
Де тар амардукин
Илан няма̄ илан дя̄р
Актадук hэгдэгӯвэ̄н,
Егин дя̄н егин
Огустук hэгдэгӯвэ̄н,
Дяпкун дя̄р дяпкун
Байтаhун бе бастыӈӈа̄н,
Ба̄кса̄л, аста̄кса̄л,
Куӈа̄ка̄н балдынан мала̄hунин гуннэл
Егин долбонӣлка̄н инэӈӣдӯ
Энэл а̄hина умун тэгинди
Аядук аят улгучэ̄мэ̄тнэл
Ӗдук-кат ая мала̄hунма ӧра.
Тар амардукин
Бэедӯ бэе hа̄вуптан,
Авдӯдӯ авдӯ hа̄вуптан.
Эмэрӣ инэӈӣ, эмэксэ̄, ӣлтэнэн,
Аланды̄ анӈанӣ, аланикса̄, ӣлтэнэн.
Эр бэел горово-кот, дагава-кат
Бинэвэр энэл са̄ра,
Нӣн ноноптыгачӣн
Баян богово баяннал,
Аюв богово аювнал,
Ноноптыдӯ ӈэнэмӣ
Энин ӧрӣ экинтын дӗн,
Балдывча̄ hутэтын дӗн,
Илан дэткэ̄н дэлэмӣчэ̄тын дӗн
Дулин буга бараксан
Эрэгэмэ hуӈтут ичэвулчэ̄.
Эр аӈадяка̄н со̄ӈку Дэвэлчэ̄н
Нимэ̄р нимэ̄ритпӣ, баян баяндивӣ ӧкса̄,
Ӗдук-кат аят бидердэгэ.
Ӯр балдывнатын hутэтын
У мулдуву биксэ̄, умучӣды̄н ӧча̄,
Дӭолдэвэ биксэ̄, дӭочӣды̄н ӧча̄,
Илалдава биксэ̄, илачӣды̄н ӧча̄.
Дыгилдэвэ биксэ̄, дыгичӣды̄н ӧча̄.
Дӭови дӧва̄н, тӗргэнмӣ
Эрэгэмэ энэ сула̄ра
Эрэ̄лӣ туксактадяна
Эвӣктэрӣ куӈа̄ка̄н ӧча̄.
Эр куӈа̄ка̄н инэӈӣтыкин
hа̄вупмӣ-нӭон hа̄вуптан,
Ӗдук-та̄ боӈнӧн, угунӈа
Куӈа̄ка̄н ӧдан эhилэ.
Дэгрӣнӭон-hуктырӣнӭон

Вот ребенок остался
В запертой колыбели лежать.
После этого —
Самого крупного
Из трехсот тридцати холощеных оленей,
Самого жирного из
Из девяноста девяти откормленных быков,
Самую лучшую
Из восьмидесяти восьми яловых кобылиц
Забили и сварили они.
В честь рождения ребенка
Пировали девять дней и ночей.
Не ложась спать, сидели,
Приятно беседуя.
Пировали лучше некуда.
После этого —
К скоту скот прибавился,
К людям люди прибавились.
Идущие дни пришли и ушли,
Годы, будто через горы переваливая, прошли и ушли,
Эти люди не знали,
Долго ли, недолго ли они жили.
Как и прежде,
Все больше они богатели,
До отвала ели.
Не в пример тому, что было раньше,
Появилось у них много старух повитух,
Много детей родилось,
Много стало оленей, коней и коров.
Славная Средняя земля
Стала выглядеть совсем по-другому.
Сирота храбрый Дэвэлчэн
Стал жить с семьей, богатства имел в изобилии.
Жили они как нельзя лучше,
А родившийся их ребенок *
Через сутки стал как годовалый,
Через двое суток — как двухгодовалый,
Через трое суток — как трехгодовалый,
Через четверо суток — как четырехгодовалый.
В доме и во дворе —
Всюду он бегал,
Не пропустив ничего, —
Такой резвый ребенок.
С каждым днем этот ребенок
Все рос и рос.
Был он неугомонным шалуном, —
Такой был ребенок.
Гонялся он

Тэрэӈит аһамāчимнӣн
Тымāтна эрдэ суруксō,
Сӣксэ һактыралдакин
Эмэрӣ куӈакāн ōдан.
Эр некэксэ оёлӣвӣ
Дэгрӣ дэктэндэлкэнмэ
Эрэгэмэ элчэ ӣлтэнмурэ,
Дюлэлӣвӣ һуктырӣ һалгалкāнма
Эрэгэмэ элчэ һуптывра.
Сōӈку Дэвэлчэн: «Де эр бӣ
Таваргачӣн бичэ бинэ
Син илан сивӣрдӯ батна
Некэедердэгим», — гуннэ
Сутэвӣ ичэнэ-ичэнэ
Мэнин-дэ сōһӣттан.
Эһит ичэрэкин баргӯ
Урэӈин оёдӯн туксадявкӣ,
Тадук ичэрэкин миткӯ
Урэӈин оёдӯн туксадявкӣ
Куӈакāн ōдан.
Эр некэеденэ эр куӈакāн
Дыгичӣ сатмāр эһэвэ
Дӭр нёгӣдукин инӣһиниксэ,
Дӭлāвӣ туксана эмэрэн-дэ
Ивэктувӣ чэӈкэрэгэр гарадāран.
Тар амардукин
Калтакан тулӣлэ, калтакан дōлā
Биденэ тыкэн гуннэ
Турэлкэн ōдярдага эр куӈакāн:
«Гунгир-гунгир гунгирōй!
Дулин буга букатырин
Инāрдан-дэвэрдэн тэтылкэн
Дэгилтэр соӈку Дэвэлчэн,
Амин гундӹ аминми,
Килāдима нӭриктэлкэн
Килāдий киливлӣ,
Энин гундӹ энинми,
Би тӯрэнмэв дōлчӯмкāвкӣл ōкалду!
Бӣ барāн дӯндэвэ гиркум,
Барāн бэйӈэвэ ичэм-бāлтам,
Тарилдук инэмӈэптын инэӈидӯ
Умун авāһива-гӯ, бэйӈэвэ-гӯ
Бакаксā, вāлтакса, эмэм.
Бэйӈэ бимӣ нуӈан ēкун
Гунмурӣ бэйӈэӈиһун биргӯн,
Ёма-ла бугадук эмэчэ
Кувулгат-кӯ биргӯн,
Сōт сӣмāт ӭксэл, ичэмэлчэкэлду!

За зверями и птицами.
Уйдя рано утром,
С вечерней темнотой
Возвращался этот ребенок.
Он так наловчился,
Что ни одна крылатая птица
Не могла от него улететь,
Ни один быстроногий [зверь]
Не мог от него убежать.
Храбрый Дэвэлчэн [думал]:
«И я был таким, как он,
Теперь, достойно пройдя три мира,
Вот живу», — думал он.
Подолгу смотрел он на сына
И удивлялся.
Посмотрит — тот бежит
По дальней горе,
Еще раз посмотрит — тот бежит
Уже по ближней горе, —
Такой был ребенок.
Однажды этот ребенок
Четырехгодовалого матерого медведя
Взвалил себе на спину, ухватив за передние лапы,
Прибежал к дому
И швырнул тушу у места, где рубят дрова.
После этого —
Стоя одной ногой в чуме, другой — снаружи,
Этот ребенок заговорил,
Сказал такие слова:
«*Гунгир-гунгир гунгирой!*
Богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Отец, родной отец мой!
Киладий-красавица
С блестящими волосами,
Мать, родная мать моя!
К моим словам прислушайтесь-ка!
Много я по земле бегал,
Многих зверей видел и убивал,
А сегодня
То ли *авахи*, то ли зверь
Мне попался, я его убил и принес.
Если это зверь, то
Как зовут этого зверя?
Или это из другого мира пришедший
Коварный оборотень?
Поскорее выйдите, посмотрите!

Нуӈанмāн бӣ, удяв̄н удяксā,
Амардукин боконим-дā
Һуӈтул бэйӈэлгэчӣн эчэ туксāна,
Куһӣнэде эмэнды дō гунчэгэчӣн
Ката дэптыкӣ эмэрэн.
Де эр бакалдыксāл,
Дю̄р-илан калан ирилӈӣдӯн
Тэрэнэкӣ куһӣксэл,
Бӣ нуӈанман тыкивкэним,
Тар амардукин
Вāдāвӣ некэденэ:
«„Кэрēспӣ тӯрэткэл!“ — гуннэв,
Гэрбӣе āчинтыкӣ эһим
Тӯрэттэ!“ — гунчэгэчӣн
Оӈоктовӣ-нӣюн инӈӯвчэрэн.
Де тарит, амтӹлви,
Миндӯ гэлнэрӣ гэрбӣев,
Сōлтама суракйав бӯкэлду!
Тавадук бидиӈэ
Илан сивир сиктӹрвэн
Ситэримэ гиркумӣ,
Һэгдыӈэл сōниӈилва бакалдымӣ,
Гэрбӣе āчин этэ̄н ситана.
Тарит сōт һӣмāт
Гэрбӣев бӯкэлду!» — гуниттэн.
Тыкэ̄н гуннэдӯн
Йр авāһиӈӈӣ йдӯ гарадāнды
Гуннэл де суруксōл,
Ичэнэтын биһэмдэ
Дыгичӣ дӹлтэр эһэ ōдан.
«Эриӈис авāһи эчэ бирэ,
Эр эһэ бэйӈэ̄ бивкӣ», — гунэ.
Дю̄лāвар йксэл, энинин:
«Илан сибӣр сиктӹрвэ̄н
Ситэри гиркучā
Аминды гэрбӣгин», — гуниттэн.
«Баран бэедӯ оскēчэ̄ бэе
Энинды мэ̄нин гэрбӣгин.
Бӣ бэ̄ондук һуӈтуву
Эчэ сāра этэ̄м гэрбӣрэ», —
Гуниттэн аминин.
Тар некэксэ̄:
«Сāмӣ-кат, эмӣ-кэт бӣ
Гэрбӣдэгим», — гуниттэн энинин.
Тыкэ̄н гуниксэ̄,
Һутэвӣ дэптыкӣ тэгэксэ̄,
Тыкэ̄н гуннэ турэ̄тчэрдэгэ:
«Кимэ̄-кимэ̄ кимэ̄нин!

Я пошел за ним,
Его по следам выследив.
Он же не стал убегать, как другие звери,
Будто бы говоря: „Давай подеремся“, —
Пошел на меня.
Мы с ним сошлись,
Дрались на равных
Не дольше, чем варятся два-три котла [мерзлого мяса],
Я свалил его.
После этого —
Прежде чем убить,
Дал ему сказать прощальное слово.
„Безымянному ничего не скажу“, —
Как будто бы говоря,
Он фыркнул носом.
Поэтому, мои родители,
Дайте мне звонкое имя,
Громкую славу!
Ведь мне
Еще предстоит обойти
Три мира,
Сойтись с могучими богатырями.
Без имени мне нельзя.
Поэтому поскорее
Дайте мне имя!» — сказал он.
После этих слов
Пошли посмотреть,
Куда он бросил
Того *авахи*.
Это четырехгодовалый медведь оказался.
«Это не *авахи*,
Это медведь-зверь», — сказали.
Когда они вошли в дом, мать сказала:
«Все края трех миров
Исходивший, пусть отец
Даст имя тебе».
Отец ответил:
«Пусть мать, выросшая среди
Людей, даст имя.
Кроме охоты, я ничего не знаю
И не смогу этого сделать».
Вслед за тем
Мать сказала: «Хорошее ли, плохое ли,
Но попробую дать тебе имя».
Так сказав,
Она села напротив сына
И заговорила:
«*Кимэ-кимэ кимэнин!*

Ḥуркэ̄н ḥутэв,
Де бӣ са̄мӣ-кат, эмӣ-кэт
Гэрбӣес бӯрдэгим.
Элэкин биḥикин, элэкин гундэвӣ,
Эмӣ элэксӣрэ, эḥин гундэвӣ,
Аминды со̄ӈку Дэвэлчэ̄н гэрбӣдиӈэ̄н.
Бӣ синэ тыкэ̄н гэрбӣӈнэм:
Дулин буга букатырин
Иḥа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэтылкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н амилка̄н,
Кила̄дима нӣориктэлкэ̄н
Кила̄дий Киливлӣ энилкэ̄н,
Мэ̄ндукки мэӈумэ нэ̄мэлкэ̄н,
Мэ̄ндуккӣ мэӈумэ контоḥилкэ̄н
Мэрилэ̄ соногоḥилка̄н
Дулин буга букатырин
Дугуйча̄н-Дэлэйчэ̄н букатыр
Гунмурӣ букатыр о̄кал.
Тадук о̄дакин
Илан сибӣр сиктырвэ̄н
Ситэримэ гиркурӣс
Инэӈӣӈис-анӈанӣӈис эмэрэкин,
Мэ̄нды аналла̄к алаӈас
Мэ̄ндӯс синнӣон биḥин,
Дурукин синдӯ биḥин.
Тадук синдӯ гундем:
Дулин буга гэрбӣвэ̄н
Эḥӣ сэ̄мӈӣрэ ма̄та̄ о̄да̄вӣ,
Аминды дӣордын со̄ӈку
Букатыр бэе о̄да̄вӣ,
Тыӈэлкэ̄ндук эḥӣ тыктэ,
Дялалка̄ндук эḥӣ судурдэ,
Дӣор ḥалгалка̄нма дюлэдӯвӣ эḥӣ нэ̄рэ
Дулин буга
Со̄ниӈ букатырин
Дугуйча̄н-Дэлэйчэ̄н букатыр
Гунмурӣ гэрбӣс гэенигин,
Суракис суругин!
Тавар гэрбӣвэ сэлмӣ,
Сӣнманавӣ гэрбӣтэнэ гиркуда̄вӣ!» —
Гуниттэн.
Эрэ̄ до̄лдыкса̄, уруниксэ̄,
Эр куӈака̄н эниндӯвӣ:
«Энин гунды энинми,
Эдук ḥулэкэ гэрбӣвэ
Йдук бакакса̄, бӯдэ̄с,
Бӣ тара̄ сэлдиӈэ̄в!
Со̄ма ая гэрбӣлкэ̄н

Мальчик, сын мой!
Хорошее ли, плохое ли,
Вот попробую дать тебе имя.
Если хорошее, скажи „хорошо".
Если тебе не понравится — скажи „нет".
Пусть тогда имя тебе даст твой отец, храбрый Дэвэлчэн.
Я назову тебя так:
Сын богатыря Среднего мира,
Всесильного богатыря Дэвэлчэна
В расшитой-разукрашенной одежде
И Киладий-красавицы
С блестящими волосами,
Ездящий на пятнистом молодом коне,
Родившемся с серебряным седлом,
С серебряной уздечкой,
Богатырь Среднего мира
По имени
Богатырь Дугуйчан Дэлэйчэн!
И еще:
Когда придет год и день
Пройти все края
Трех миров,
У тебя будет
Свой собственный лук,
Будет и все остальное.
Скажу еще:
Стань богатырем, не забывающим,
Какое у него имя в Среднем мире.
Стань человеком — богатырем
Вдвое более сильным, чем твой отец.
Сонинг-богатырь
Среднего мира,
Богатырь Дугуйчан Дэлэйчэн,
Которого не свалит имеющий крепкую грудь,
Суставы имеющий не остановит,
Двуногий не одолеет.
Пусть прославится твое имя,
Распространится твоя слава!
Если это имя тебе не нравится,
Возьми другое!» —
Сказала [мать].
Услышав это,
Ребенок обрадовался:
«Мать, родная мать моя!
Где же найти мне
Лучшее имя, почему же мне
Не понравится это?
Теперь у меня такое славное имя:

Мэндуккӣ мэӈумэ нэмэлкэн,
Мэндуккӣ мэӈумэ контоһилкэн
Мэрилэ соногос укчакилкан
Дугуйчан-Дэлэйчэн букатыр
Гунмурӣ мата ордагим!» —
Гуннэ сомат соканан.
Тар амардукин
Ӯр бэйӈэксэ, эмувнэн
Бэйӈэвэн аминин, юксэ,
Эли-талӣ һигмэлдэксэ,
Һутэв дёһуннак бэйӈэвэ
Бэйӈэнэн малаһунман ордагим
Гуннэ эһэ-бэйӈэ
Һэриндэн имӯксэвэн астаран,
Актавӣ аяргӯван варан,
Байтаһун бастыӈман варан.
Нуӈартын нян умӣвуксал,
Һутэвэр бэйӈэнэн гэрбӣдӯн
Урундюну малаһуннадярдактара.
Эр матал илан долбонӣлкан инэӈӣдӯ
Эһӣ манавра девгэвэ
Аямат астаксал, девдердэктэрэ.
Де тар тарит йлтэнэн.
Эр дэлэй дулин буга
Инэӈӣтыкин илна-илна
Иһэвдердэгэ-балдыдярдага.
Дулин буга Дэвэлчэнин
Ноноптыдӯн ӈэнэмӣ,
Ёкун дявалин дурукин дялупчаран.
Баянин биһэмдэ инэӈӣлвэ-долбонӣлва
Эёнӈэчӣн эмэдерэн, баралдяран.
Тыкэн аят биденэл
Горово-кот бинэвэр эчэл сара,
Дагава-кат бинэвэр эчэл сара.
Эр инэӈӣдук тыкиндэлэн
Дулин буга бараксан
Гэлнэрӣ гэрбӣн гэендемэрэн,
Сӧлтама суракин сунтадямаран.
Дялан дяландӯ балдыксал,
Эр мит гиркудярдакпут
Эр мит эһиткэндэлэ.

Мата по имени
Богатырь Дугуйчан Дэлэйчэн, ездящий
На пятнистом молодом коне,
Родившемся с серебряным седлом,
С серебряным поводком!» —
Так он сказал, очень гордясь.
После этого —
Зверя, [сыном] принесенного,
Отец, выйдя,
Проворно освежевал, думая:
«В честь добытого сыном зверя
Достойный пир надо устроить».
Срезал он сало
С загривка медведя-зверя,
Забил лучшего холощеного оленя,
Забил самую лучшую яловую важенку.
Все они снова уселись
И в честь добычи сына
Стали с радостью пировать.
Эти люди так много всего наварили,
Что не могли съесть
Своей еды за три дня и три ночи.
Все это прошло.
Широкая Средняя земля,
С каждым днем ширясь и ширясь,
Росла-процветала
Лучше, чем прежде.
У Дэвэлчэна Среднего мира
Всего стало еще больше.
Богатства его прибывали днем и ночью,
Словно течение полноводной реки.
Хорошо они жили.
Долго ли жили, не знали,
Недолго ли жили, не знали.
С тех дней до сих пор
Звонкое имя
Милой Средней земли гремит,
Громкая слава ее распространяется.
От поколения к поколению мы на ней умножаемся,
Живем на ней
И поныне.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

СŌ БЭЕ СŌДĀНӢ МĀТĀ — ХРАБРЫЙ СОДАНИ-БОГАТЫРЬ

Записано в 1971 г. исполнителем сказания Николаем Гермогеновичем Трофимовым (1915—1971) в пос. Кутана Алданского района Якутской АССР. Текстологическая работа и перевод А. Н. Мыреевой. — Архив ЯНЦ СО АН СССР, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 143.

Нимнгакан Н. Г. Трофимов записывал, работая пастухом в оленеводческой бригаде на р. Учур. Записывать приходилось при свече, в палатке, после тяжелого трудового дня пастуха-оленевода, исходив за день не один десяток километров по глубокому снегу. Сказитель был тяжело болен. Он понимал, что является одним из последних эвенков, хранящих в памяти традиционный эпос, и что с его смертью это богатство родного народа будет утеряно навсегда. Сознание своей ответственности помогло ему выполнить неимоверно трудную задачу.

Когда наступил очередной приступ болезни, Николай Гермогенович поймал оленей, запряг в нарты и в полубессознательном состоянии приехал в медпункт в пос. Кутана. По рации срочно вызвали вертолет, доставивший больного в районную больницу г. Алдан. Здесь на операционном столе сказитель скончался. В его вещмешке была найдена тетрадь с текстом сказания, которое публикуется в данном томе. Из больницы эти записи переслали в Якутск на наш адрес, который был предварительно написан на обложке тетради.

ПРИМЕЧАНИЯ К ЭВЕНКИЙСКОМУ ТЕКСТУ

4 — *үһү* як. < *үһү* «говорят».

9 — *ивит* < як. *эбит* «оказывается».

291 — *дипкилдэн* — форма от основы *дипки-* «уплотниться, укрепиться».

468 — *мол-мол* < як. *мөл-мөл тус-* «капать крупными каплями».

577 — *уксукиндē* — образовано от як. *өксөкү* с помощью увеличительного суффикса — *-ндē*.

580 — *ēватадӯн* — малоупотребительное слово. Образовано от *ē-* «делать что-либо, производить какое-либо действие».

877 — *буикэксэ̄* — видимо, описка сказителя. Здесь ожидалась бы форма *буксэ̄* «умерев» от глагола *бу-* «умереть».

1080 — *дю̄личӣ* < як. *дьүүл* «смысл, порядок; рассуждение, решение» [28, стлб. 871].

1155 — *бāлтаран* — эпическая формула от глагола *бā-* «убить», с усилительным значением.

1183 — *бурастӣкал* < рус. *прощаться*.

1320 — *унңэтлӯрэн* — деноминатив от *унңӯ* «запах».

1341 — умутōгивчэнэ — форма от основы *умутог-* «бежать галопом». Далее связано с *умун* «один» (при беге галопом от передних и задних ног остается один след).

1426 — *сэрибēив* < як. *сэрибиэй*, рус. *жребий*.

1468 — *мунакаңңāн* — форма от *мунака* «огромный, безмерно большой; разжиревший» (диалектное слово).

1480 — *сэрӯнтэрэн* < як. *сөрүүн* «прохлада».

1504 — *ōл* < як. *уөл* «сырой, влажный; растущий (о дереве)».
1539 — *тэвинмукэ̄нинды* < як. *тэбин-* «бежать быстро».
1704 — *тӈ̄снэ* < як. *тиис* «биться, добиваться, стараться».
1719 — *бэрэмэдэйбӣ* як. *бэрэмэдэй* «переметная сума» рус.
1736 — *контосвӧн* як. *көнтөс* «лошадиный повод, ремень, которым привязывают лошадь или за который ее водят» [28, стлб. 1147].
1983 — *эймэгдерӣлдулэ* < як. *эймэҥэлээ-* «суетиться, мельтешить».
2072 — *дёргойро* < як. дьоруой- «быть бойким, отважным, удалым, не стесняться» [28, стлб. 843].
2145 — *сӧмканикта* — глагольная основа *сӧмкан-* «испытывать силу», образована от *сӧ* «сильный».
2155 — *горулиндалмӣ* — глагол *горулиндал-* «затягивать какое-либо действие, продолжать что-либо делать», образованный от *горо* «далеко, долго», в данном случае имеет значение «продолжать биться».
2379 — *горонден* — редко употребляемая форма от основы *горон-* «не бояться дальнего расстояния» < *горо* «даль, далеко, долго».
2518 — *томковлӧндӈ̄* — от слова *томко* «сученная из оленьих жил нитка».
2597 — *нилба ӈунӓ̄т* — ср. як. *ньылба* «выкидыш, преждевременно родившийся теленок или жеребенок; только что родившийся теленок или жеребенок» [28, стлб. 1743].

КОММЕНТАРИИ К ПЕРЕВОДУ

2 — *. . .эти три мира* (Эр илан Сивӣр. . .) — букв.: «эти три Сибири». Эвенкийское *Сивӣр*, заимствованное из русского «Сибирь» (возможно, через якутское посредство), в данном случае является обозначением одной из трех основных частей («миров») вселенной. По отразившимся в эпосе традиционным представлениям эвенков, находящим прямые аналогии в мифологических представлениях многих сибирских народов, вселенная состоит из трех миров — Верхнего (небесный), Среднего (земной) и Нижнего (подземный). Эти три мира в эпосе часто соединяются «мировым деревом», крона которого достигает Верхнего мира, ствол находится в Среднем мире, а корни — в Нижнем.

Верхний мир — место обитания небожителей, к которым, в частности, относятся благожелательные к обитателям Среднего мира божества — *аи*; происхождение их, как правило, связывается с небесными объектами — солнцем, луной, созвездиями и др. В то же время в Верхнем мире живут и племена злых духов. Средний мир населен эпическими предками эвенков. Нижний мир — средоточие злых сил, врагов людей-*аи*. В эпическом изображении Нижний мир и его обитатели по существу выглядят как уродливые или искаженные подобия их аналогов в Среднем мире.

5 — *После этого. . .*(10 — Тар амардукин. . .) — конструкция, используемая сказителем в качестве связки между отдельными эпизодами повествования.

8 — *небо-мать* — (Ня̄ӈняр энӣ. . .) — Интересно осмысление неба как некоего женского начала (ср. типологически широко известное представление о небе как о «мужском» компоненте универсума). Такое осмысление, быть может, обусловлено значительной активностью в языке эвенкийского эпоса слова «мать», как бы маркирующего некоторые значимые для этого эпоса объекты (небо-мать, земля-мать, душа-мать и т. п.).

9 — *. . .берестяного короба* (ӈагачӓ̄н). — В прошлом эвенки пользовались в основном берестяной утварью: из бересты делали сосуды, коробки, колыбели, покрышки для чумов. Коробы *ӈагачӓ̄н* служили в качестве посуды. В меньших коробах (*авса*) хранили мелкие предметы — иголки, нитки, наперстки, лоскутки тканей, кож и проч.

16—19. . .*восемь стерхов-птиц. . . Десять серых журавлей. . .* — Здесь и далее числительные «восемь», «девять» и др. выражают общую идею множественности.

87 — . . .*С текучей душой-матерью. . .* (85 — Эӗнэ̄мэ энӣн ӧ̄мӣлкӓ̄н. . .). — Согласно представлениям эвенков, у каждого человека было несколько душ [3, с. 57]. Здесь речь идет о душе (обозначаемой словом *ӧ̄мӣ*), способной как бы течь (эвенк. *эӗ̄н-*«течь, литься, протекать» [6, с. 549]), находясь в воздухе рядом с человеком, которому она принадлежит. «Текучая» душа может и отдалиться от человека, например во время сна, с чем связано представление о том, что внезапно будить спящего человека опасно, — это чревато для него болезнью или даже смертью.

99—101 — . . .*в четыре жерди* [по высоте], *В четыре кочевки по окружности. Вокруг*

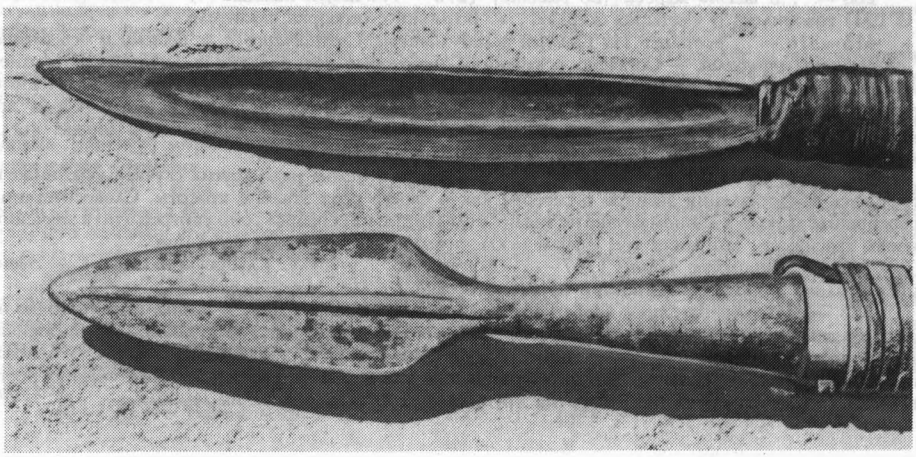
Берестяной короб.

него изгородь. — Весной или осенью при продолжительной стоянке на одном месте оленные эвенки обычно строили вокруг жилища изгородь. Для этого вбивали колья-опоры, к которых горизонтально крепились жерди, располагавшиеся на некотором расстоянии друг от друга. Высота изгороди определялась количеством горизонтальных жердей (обычно две, три или четыре).

114 — . . .*В семьдесят семь пудов*. . . (113 — . . .Надан дя̄н надан бӯтылка̄н. . .) — эвенк. бӯт — слово заимствованное (от рус. «пуд»).

120 — . . .*Роговой лук* (. . .Иэмэ алаӈа биӈин ивит). — «Роговым» назывался лук с накладками из мамонтовой кости. Это связано с тем, что эвенки считали бивни мамонтов рогами мифического подземного быка. Такой лук использовался на охоте и во время межродовых столкновений, как боевое оружие.

126 — . . .*С семидесятисаженной выемкой*. . . — Выемка вдоль середины лезвия ножа или *уткэна* (см. словарь непереведенных слов) служила для стока крови убитого зверя.



Уткэны.

130 — . . .*Каменное ядро*. . .(. . .дёлӧмо мэ̄чик. . . — букв.: «каменный мячик», эвенк. *мэ̄чик* <рус. *мячик*) — разновидность боевого оружия (только в эпосе).

135—137 — . . .*По жидкой его крови было суждено*. . . *По крепкой родовой крови его предназначено*. . . — Судьба человека, его жизненное предназначение, по древним представлениям эвенков, как бы содержатся от рождения в его крови.

139 — . . .*огонь-дедушку* (137 — Того эӈэкэ̄вэ. . .). — Эвенки считали огонь хранителем семейного благополучия, с чем связаны обряды угощения духа огня лучшими кусочками пищи (позднее — первой рюмкой вина), обращение к нему с разными просьбами и т. п. [8, с. 221—222]. Дух огня обычно представлялся эвенкам в образе старухи, «бабушки» (эвенк. *эӈэкэ, эвэкэ̄*), редко, как в данном эпосе, — мудрого старика. У тунгусов известен целый ряд связанных с огнем оберегов. Нельзя было задевать огонь острым предметом, чтобы не поранить «бабушку», бросать в огонь еловые, сосновые и кедровые шишки, чтобы «не залепить бабушке смолой глаза», и т. п. [Там же].

145 — *И по наружности, и по крови*. . . — букв.: «И внешне — по облику, и внутренне — по крови».

164 — *Осеннего дикого оленя*. . . (Иркин бэ̄ӈнмэ бимэ̄. . .). — Характерное для эвенкийского эпоса использование образа осеннего оленя объясняется тем, что именно в пору ранней осени (эвенк. *иркин* «период обдирания оленями кожицы с рогов — сентябрь» [6, с. 176]) северный олень достигает наилучшей, чем в другие времена года, физической формы.

170 — . . .*Смазка подошвы этого богатыря*. — Эвенки-охотники смызывали подошву обуви жиром, чтобы она меньше промокала и дольше служила. Смазанные жиром подошвы становились более гибкими, это необходимо для того, чтобы на охоте можно было без шума подкрадываться к зверю.

172 — . . .*родился в мукукэ*. . .(*мукукэ* — см. словарь непереведенных слов). — В эвенкийском эпосе герои нередко изображаются родившимися на свет в «готовом» виде (в одежде, с оружием), подобно тому как их верховые олени или кони — родившимися со всем необходимым снаряжением (седлом, поводком и т. п.).

194—195 — . . .*гололицего, Поперечноглазого*. . . — эпитеты человека как существа, отличающегося от зверей и птиц.

219 — . . .*Верхний почитаемый старик-аи*. . .(. . .Ӯгӯ ай бэгин этыркэ̄н. . .) — Эвенкийское слово *этыркэ̄н* «старик» в данном случае, по-видимому, выступает в качестве синонима эвенк. *амака* (букв.: «дед») в значении «хозяин Верхнего мира, дух неба, верховное божество».

230—232 — *Доху свою На солнечный свет Никогда она не выставляла*. — Одежду из ценных мехов эвенки носили с наступления холодов до ранней весны. В теплое время года ее берегли от солнца, так как мех на солнце теряет блеск, желтеет и портится, а его ворс становится ломким.

265—266 — . . .*олени-самцы Гремели оголенными острыми рогами*. — Осенью олени-самцы сдирают о деревья кожицу с рогов (см. коммент. к С 164), готовясь к бою с самцами-соперниками. Рога они трут о молодые лиственницы, отчего те покрываются смолой и становятся крепче.

275 — *По-оленьи хоркала раз-другой* — издавала горловые звуки, имитирующие «*хорканье*» оленя. Таким способом эвенки подзывали оленей, пасущихся недалеко от жилища.

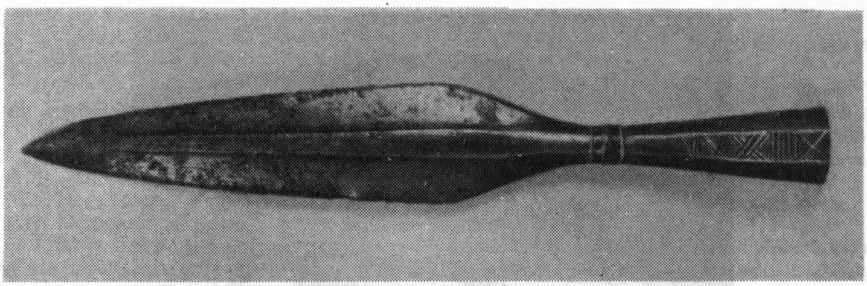
280 — . . .*В шесть жердей* [*по высоте*] (276 — . . .Нюӈун мӧлкэ̄н. . .) — выше (коммент. к С 100) говорилось о «четырех жердях. . .». Возможно, оговорка сказителя.

313—316 — . . .*родились На Средней земле-матери, Смешавшись с ее водами и деревьями, С ее сочными травами*. — Согласно воззрениям некоторых групп эвенков (например, верхнезейских и чумиканских на востоке, сымских на западе), человек произошел от дерева. Сходные представления проявлялись, по-видимому, в обычае захоронения умерших в дупле. Сюда же следует отнести поверье, согласно которому души эвенков-шаманов находились в дереве: когда шаман умирал, дерево с его душой должно было упасть [8, с. 215].

364 — *Он надел серебряные лыжи*. — Здесь, как и в целом ряде других случаев (см. ниже), отразились представления эвенков о серебре как о своего рода эталоне красоты. Словосочетание «серебряные лыжи» в данном случае не значит «сделанные из серебра», оно употреблено в значении «очень красивые», выполняя тем самым исключительно эстетическую функцию.

366 — . . .*огромную палицу* (367 — . . .Догӧвай мӧ. . . — букв.: «дубовую палицу»). — Эвенкийское слово *догӧвай* заимствовано из рус. *дубовый*.

368 — *Взял обоюдоострое копье* (369 — Унигдама гидавӣ гаран). — Копье-гида состояло из палки-древка и двусторонне-острого, листовидной формы наконечника со втулкой. Она насаживалась на заостренный конец древка и закреплялась деревянным штырем (позднее гвоздем) и полосами бересты, а также клеем из рыбьего пузыря или кожи. Длина копья достигала обычно роста человека. Им пользовались для охоты на крупных зверей, в основном на медведя.



Наконечник копья.

387 — *Старший брат, родной брат мой!* — букв.: «старшим братом называемый старший брат мой!»

484 — *Выслушай мою серебряную речь!.* — Об эстетической значимости эпитета «серебряный» см. коммент. к С 364.

533 — *в чум* (чӯла̄ндула̄н) — букв.: «в чулан» (эвенк. *чӯлан* <рус. *чулан*).

541—543 — *. . .построил навес, И олени его. . . Приходили туда отдыхать. . .* — Летом эвенки строили для оленей навесы из деревьев и под навесами разводили дымокуры. Олени отдыхали там от гнуса и жары.

550—552 — *Оттуда-отсюда появились белые тучи. . . Сбежались красные тучи.* — В эпосе подобные атмосферные явления — верные предвестия надвигающейся опасности, в данном случае — враждебных существ Нижнего мира.

556 — *. . .К верхушке опрокинутого неба. . .* — Эвенки представляли себе небо в виде купола, подобного опрокинутому вверх дном котлу.

560—561 — *В сказке ничто не задерживается, Все быстро делается* — ремарка сказителя, смысл которой состоит, по существу, в напоминании о неадекватности эпического времени реальному (ср. в русском фольклоре: Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается).

581—582 — *Трехвершинное Священное огромное дерево* (см. коммент. к С 2). — С первого момента прибытия «орлище» посягает на священное дерево, растущее у жилища Содани и его сестры. По мифологии эвенков гибель священного дерева ведет к гибели пользующихся его покровительством людей.

607 — *Вот это и вот это* — образчик «бестолковой» речи *адярая* (см. словарь непереведенных слов).

616—617 — *Вы двое, привет примите, А потом будет разговор!* — Общение обитателей разных миров независимо от их намерений в эпосе регулируется весьма строгим этикетом. От «гостя» из другого мира требовалось, в частности, чтобы он произнес принятое в такой ситуации приветствие, «представился», указав в соответствующей форме свое имя и происхождение. Эвенкийское *дорово* (<рус. *здорово*) мы переводим русским словом «привет».

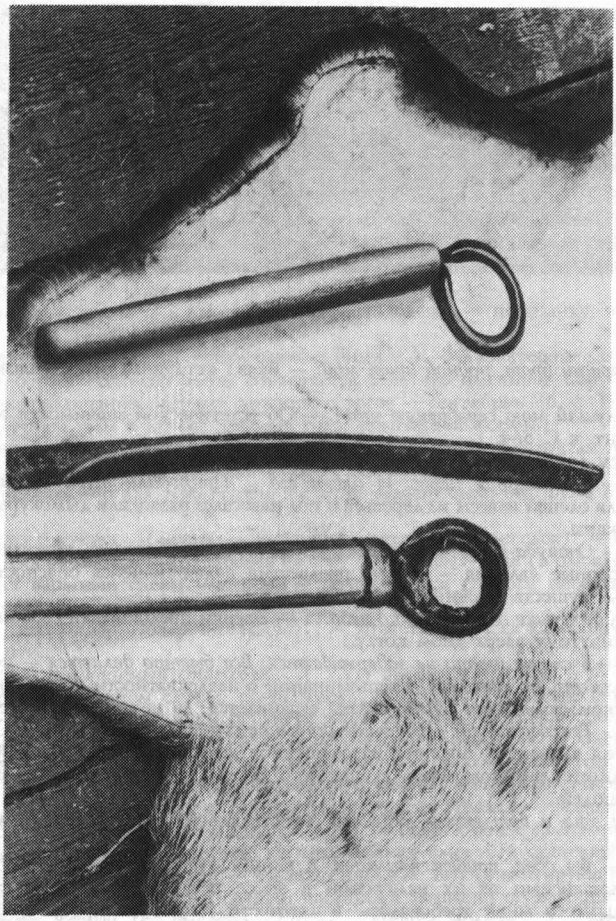
624—625 — *. . .четырехгранный Сэлэмэ Дэвиндэр. . .* — Эпитет указывает на внешний облик железного богатыря, но вместе с тем, по-видимому, и на некую его исключительность, «неординарность».

626 — *Атаман Нижнего мира.* — Для обозначения представителей «иерархической верхушки» Нижнего мира сказитель здесь и далее нередко использует заимствованное из русского языка слово «атаман».

637—639 — *В год* [*от роду*] *ей суждено было стать моей невестой. . . В три года — моей женой* — эпическая формула, связанная с представлением о том, что суженая от рождения предопределена человеку его судьбой. Узурпируя ту формулу (правомерную по отношению к женщине-*аи* лишь в устах человека-*аи*), наглый *авахи* претендует на законность своих требований.

651—652 — *Наряди, чтобы стала похожа на лесного оленя, Укрась, чтобы стала похожа на священного оленя.* — Лесной, т. е. дикий олень, крупнее, красивее и сильнее домашнего. Священный олень — тот, которого эвенки ради семейного благополучия посвящали духу — хозяину Верхнего мира. Как правило, это был олень белой масти или с белыми пятнами на голове. Его использовали для перевозки деревянных божков, для чего готовили украшенную узду, седло, вьючные сумы, *кумалан.*

660 — *Десять снопов искр. . .* (Дя̄н сёрэ того. . .) — букв.: «Десять серных огней».



Скребки для выделки оленьих шкур.

741—742 — *Очень ловко, словно дикий олень Со свежеоголенными рогами* — см. коммент. к С 265—266.

755—756 — *Как скребки старухи мастерицы, Уткэны их затупились.* — Речь идет о скребках для выделки шкур. У старухи мастерицы, постоянно занимающейся соскабливанием мездры с высушенных шкур, скребки быстро тупятся.

766—768 — *. . .копья их Стали как кривое острие ножа Старика кузнеца.* — Нож с кривым острием использовался кузнецами для орнаментирования деревянных изделий.

779 — *« Ну, теперь, по-эвенкийски!»* — т. е. в рукопашную, без оружия.

814 — *. . .Я увидел. . .* (Бӣ ичэрэкив. . .). — Сказитель создает иллюзию того, что он является прямым свидетелем событий, о которых повествуется в эпосе.

819 — *. . .Голым кулаком. . .* (818—819 — *. . .конӈорӣн улдэ Колтотпӣ. . .*) — букв.: «черномясым человеческим кулаком».

963—964 — *Храбрый Содани-богатырь — мой старший брат, Красивая девушка Аякчан Ивекчан — моя сестра.* — Выясняется, что у Содани и Аякчан есть родственники, но брат с сестрой не знали их, считали себя одинокими (см. С 186 и далее).

990—991 — *Твою становую жилу Вырву указательным пальцем!* — Иркиничэн грозит *авахи*, что умертвит его тем же способом, каким эвенки в быту умерщвляли (до недавнего прош-

лого) оленя. Оленю связывали ноги, валили его на спину, разрезали брюшину и разрывали рукой становую жилу.

1005—1009 — *Испытаем судьбу Тальником из распадка, Похлещем друг другу спины Тальником с горы, покрытой гарью*! — призыв к беспощадному бою. В поединках богатырей эвенкийского эпоса тальник используется обычно как средство расправы победителя над побежденными.

1167—1168 — *Хватит мне Поддерживать тебя руками и ногами.* — До того момента, как были произнесены эти слова, Иркиничэн бился не в полную силу.

1176 — *Надень погребальную одежду...* — На случай смерти эвенки заранее готовили себе одежду. Погребальную одежду имели все эвенки преклонного возраста.

1180 — *Позови погребального оленя...* — У эвенков известен погребальный обычай, по которому умерщвлялся верховой олень умершего. Оленя убивали, отрубали ему голову и подвешивали ее около могилы, там же подвешивали седло, подпругу, узду и другие вещи, по представлениям эвенков, необходимые умершему. Мясо убитого оленя варили, ели, устраивали поминки. Олень предназначался для поездок покойника в мире мертвых. Аналогичные представления существовали у тюрко- и монголоязычных народов Сибири.

1193—1194 — *...хотел сунуть... кукиш...* — отыменный глагол *кокōска* «сунуть кукиш» образован от существительного, заимствованного из рус. «кукиш».

1219—1220 — *Если трижды меня победишь, [Тогда] скажешь, что победил.* — Эвенки считали злых духов исключительно живучими.

1236—1237 — «*Решит судьба, Упавшая на зеленую траву*». — По представлениям эвенков, вместе с ребенком рождалась и его судьба. Перед родами для роженицы стелили зеленую траву, полагая, что на ней вместе с ребенком окажется его судьба (эвенкийки рожали, сидя на корточках, см. коммент. — Д 2404—2405).

1331—1335 — У *него от рождения были Серебряное седло... Витой серебряный поводок* — см. коммент. к С 172.

Поводок верхового оленя.

1342 — *. . .Засунул кости брата в карман.* — Карман на одежде эпического героя нередко мыслится как очень емкое вместилище, с помощью которого герою легко удается перевозить, например, кости брата или сестры (см. С 2082), т. е. объекты, вполне соотносительные с героем по величине.

1437—1442 — *Сверху ни одной ниточкой Не закрепленного. . . Шелкового чума-жилища Дверь открылась.* — Смысл описания состоит в том, чтобы подчеркнуть необычайную красоту, «воздушность» жилища, как бы «парящего» в воздухе.

1455 — *. . .И олени, кони, коровы. . .* (. . .Илан дэткэ̄н дэлэмӣчэ̄н. . .) — букв.: «животные трех пород».

1577—1579 — *. . .Хитрость убегающей тучи. . . Коварство уходящей тучи!* — Туча выступает как своего рода воплощение коварства, возможно, из-за таких ее реальных свойств, как недосягаемость, способность растекаться, расплываться и т. п.

1647—1648 — *Не дай себя толкнуть тому, у кого в суставах вода, Не дай свалить тому, у кого костистая грудь!* — Имеются в виду потенциальные противники Иркиничэна.

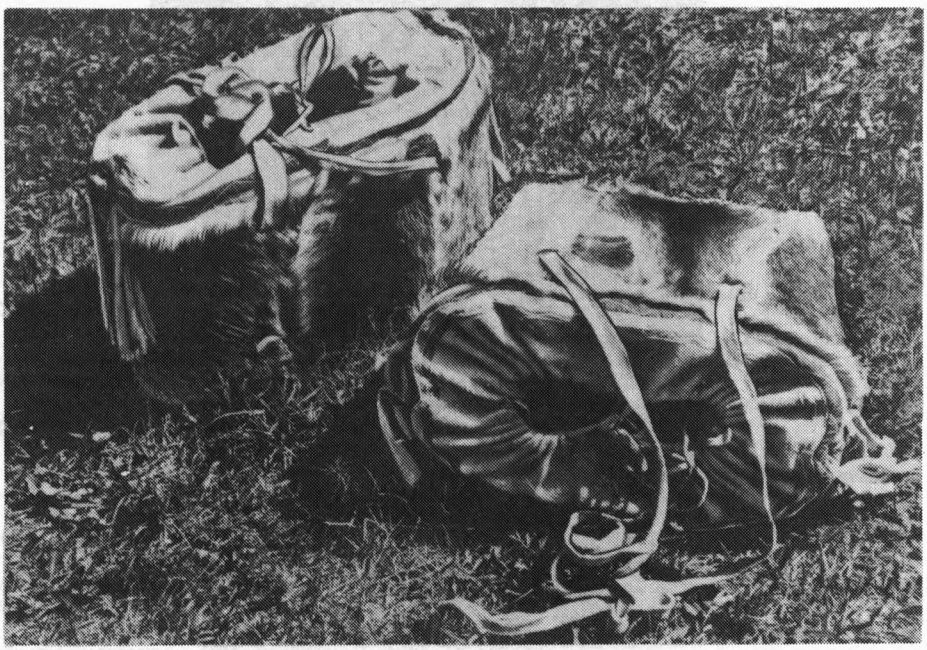
1678—1679 — *Богатыри, смотревшие со стороны На езду нашего паренька. . .* — Речь идет, очевидно, о богатырях Верхнего мира.

1687—1688 — *Ни разу не шевельнул ногой, Ни разу не моргнул глазом* — букв.: «один раз уперся, Глазом раз посмотрел». Богатырь очень долго ехал без остановки.

1715—1717 — *Внутри черной тучи Была красная туча, Внутри нее был молодой конь-радуга.* — Иркиничэну встретился богатырь Верхнего мира. Учитывая связь жителей Верхнего мира с небесными объектами (см. коммент. к С 2), нетрудно понять, почему «конем» этого богатыря оказывается радуга (см. упоминаемую в С 1751 «радугу-тучу» — коня).

1720 — *переметные сумы.* — Эвенки шьют переметные сумы из камусов оленя, лося. Вовнутрь вставляют берестяной ящик — каркас. Верх покрывается ровдугой, расшитой полосами разноцветной ткани или подшейным волосом оленя. Сумы украшают спереди и сзади клиновидной замшевой вставкой, ровдужными полосками — бахромой. Вьючные сумы имеют по четыре вязки-тесемки из хорошо выделанной лосиной ровдуги.

1751—1755 — *. . .старшей радуге-туче. . . младшей радуге. . .* — Кони богатырей Верхнего мира различаются по возрасту (см. коммент. к С 1715—1717).



Переметные сумы.

1762—1763 — *. . .ездящий На медной нарте-таратайке. . .* — Употребляя заимствованное из русского языка слово «таратайка», сказитель, по-видимому, ощущает его экспрессивный характер, но недостаточно точно понимает смысл.

1850—1851 — *. . .Светлая, восьмиободная Таежная земля-мать. . .* — Определение «восьмиободная» подразумевает цепи холмов («восемь» — условное обозначение множественности, см. коммент. к С 16—19), как бы скрепляющих землю, подобно тому как обручи скрепляют бочку.

1859—1860 — *. . .матери-покровительницы . . .отца-аи.* — Имеются в виду светлые, доброжелательные божества Верхнего мира.

1931—1932 — *. . .*[*дверь*] *открывалась Против хода солнца* — т. е. не так, как в жилище человека-*аи*. Уже на подступах к Нижнему миру Иркиничэн может видеть, что его реалии устроены по принципу искажения соответствующих реалий Среднего мира (см. коммент. к С 2).

2063—2065 — *. . .Схватил шестую позвоночную кость И костью играючи отколотил. . .* — Шестая позвоночная кость оленя имеет длинные выступы, что делает удобным ее использование в качестве своего рода кастета.

2172 — *Вспыльчивая кровь выплеснулась из колен* (Бāрдāк сэксэн бэлгэлйн бēлкивран). — Выбор формы *бēлкивран* «выплеснулась» определяется стремлением к аллитерации (*б-б-б*), а также к гиперболизации в описании гнева богатыря.

2184—2186 — *Все поле тогда заполнилось Множеством снующих жуков, Множеством ускользающих ящериц* — т. е. *авахи* начинен разными мерзкими тварями.

2264 — *. . .Приняв свой собственный облик. . .* — оговорка сказителя. Иркиничэн принял собственный облик еще до выхода из Нижнего мира (см. С 2078).

2386 — *. . .У основания серебряной коновязи. . .* (2385 — Мэнумэ сэргэвй тэкэндун. . .). — Слово *сэргэ* «коновязь» вместе с реалией заимствовано эвенками (не знавшими коновязи) от якутов. Обзаведясь семьей, герой сказания строит рядом со своим *утэном* дом-сруб или *чорама дю* («многоугольный дом, юрта»), во дворе которого и ставится *сэргэ*, выступающее в качестве признака семейного благополучия (об эпитете «серебряный» см. коммент. к С 484).

2526—2527 — *. . .серебряный бубен С шестью выступами. . .* — букв.: шестисосковый бубен». Бубен эвенкийского шамана состоит из деревянного тонкого обода шириной от 5 до 15 см, обтянутого тонкой выделанной лосиной или оленьей ровдугой, и крестовины-ручки. Бубен обычно имел яйцевидную форму. У разных групп эвенков бубны различались размером, рисунками и дополнительными устройствами — резонаторами («сосками»), приподнимающими обтяжку на обечайке.

2530—2531 — *Подобная восьми ребрам И лопаточной кости лосихи шаманская колотушка.* — В описании колотушки подчеркиваются ее необычайные размеры.

2600—2602 — [*Того, кто*] *семьдесят семь лет назад Умер, мне оживить Суждено. . .* — Девушка говорит о своей способности оживлять мертвых, имея в виду и Содани. Число семьдесят семь условно (см. коммент. к С 16—19).

2608—2610 — *Я пойду к свету, давно указанному мне Почитаемым дедушкой-аи, Почитаемой бабушкой-аи.* — По представлениям эвенков, шаманский дар передавался по наследству. Человек, которого «избрали» духи-предки шамана, мог быть любого возраста, в отдельных случаях — даже детского [8, с. 250—251].

ИӇĀРДАН-ДЭВЭ̄РДЭН ТЭТЫ̄ЛКЭ̄Н ДЭГИЛТЭР СО̄ӉКУ ДЭВЭЛЧЭ̄Н — ВСЕСИЛЬНЫЙ БОГАТЫРЬ ДЭВЭЛЧЭН В РАСШИТОЙ-РАЗУКРАШЕННОЙ ОДЕЖДЕ

Записано под диктовку в 1960 г. в пос. Кутана Алданского района Якутской АССР А. Н. Мыреевой. Исполнитель Н. Г. Трофимов. Фонетическая транскрипция. Текстологическая работа и перевод А. Н. Мыреевой.— Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 143.

ПРИМЕЧАНИЯ К ЭВЕНКИЙСКОМУ ТЕКСТУ

84 — *кӯла* <як. *куула* «северный склон» [28, стб. 1201].

127 — *кивиӈимкāра-кат* — от як. кыбыӈын- «стесняться».

526 — *лē̄ӈэй* <рус. *леший.*

554 — *энэ бēскāтчара* — диалектный вариант глагола *бēл-* «затрудняться, опешить от неожиданности, испугаться».

675 — *кулӯӈилкэ̄н* <*рус. ключ.*

779 — *малаӈаӈунтын* <як. *малааӈын* «пир, угощение, обрядовое угощение».

879 — *порӧвайдаӈав* <рус. *пробовать.*

995 — *сэттэ̄ктэрэн* < як. *сэттээх* «влекущий за собой кару, имеющий худые последствия» [28, стб. 2182].

1020 — *илкидердэктэрэ* — диалектный глагол *илки* «колотить, бить беспощадно, яростно».

1090 — *гугиниктэ* — форма от малоупотребительного глагола *гугин* «равняться, соревноваться».

1108 — *сивсак* <як. *сымсах* «невкусный, непитательный».

1360 — *тэ̄ргэндēлэ̄н* <як. *тиэргэн* «двор, ограда; скотный двор летом, загон» [28, стб. 2656].

1532 — *дявиндяракин* — форма от малоупотребительного глагола *дявин-* «собраться что-либо сделать, совершить какое-либо действие».

1567 — *оӈюкин-нӧн* <як. *өҥөх* «обух (топора, ножа); тупая сторона ножа, пальмы».

1799 — *остонновӧ̄н* <як. *өстөн-* «озлобиться, злобствовать, злиться, затаить вражду».

2067 — *эдэр итчатитпар* <як. *эдэр ытчан* «молодое поколение, молодежь».

2250 — *эӈэ̄ӈичэрдэктэрэ* — диалектный глагол *эӈэ̄ӈичэ-* «подъехать к обрыву, к спуску».

КОММЕНТАРИИ К ПЕРЕВОДУ

28 — *Марниковые березы-деревья. . .* — березы, растущие на марях, болотистых, торфяных местах.

58 — *. . .Чем питались богатыри. . .* — имеются в виду Дэвэлчэн и его сестра.

166 — *. . .по пояс. . .* (. . .hāкинмӣ дулмāктулāн. . .) — букв.: «по середину печени».

182 — *. . .белой туче. . .* (183 — Багдарин тӯксу. . .). — Выше, в Д 135, говорилось о том, что девушка «высунулась» из «черной тучи». Не исключено, что сказитель допустил противоречие.

186 — . . .*ваше имя*. . . (. . .су гэрбӣһун. . .) — Обращаясь к Дэвэлчэну на «вы», девушка имеет в виду не только его самого, но и его сестру.

196—197 — *Тебе Эден-Едяксит Весть послала* — пример покровительственного отношения божества Верхнего мира к обитателям Среднего мира.

226 — . . .*на черну тучу*. . . (. . .Коӈнорӣн туксуӈдӯвӣ. . .) — см. коммент. к Д 182.

363—364 — «*Где одно яйцо, разбившись, не пропадало?*» — поговорка, сходная с якутским «Одно яичко где не гниет?» (Биир сымыыт ханна сытыйбатай?) [28, т. 2, стб. 2505]. Смысл примерно тот же, что и у встречающейся в русских сказках поговорки «Двум смертям не бывать, а одной не миновать».

394 — . . .*Направил в сторону захода солнца*. — В эвенкийском эпосе путь к месту обитания врагов племен-*аи* всегда ведет на запад, к заходу солнца.

443—444. — . . .*скот, поедающий Скот людей-аи*. — По мифологическим представлениям эвенков, скот Нижнего мира питается не травой, а мясом.

474 — *Сначала «спасибо»*. . . (Ноноптын баһӣва. . .). — Сказитель употребляет заимствованное из русского языка слово *баһӣва* (<рус. *спасибо*), проникшее в его говор, вероятно, через якутское посредство, ср.: як. *баһыыба*.

548 — . . .*На три пальца*. . . (. . .Илан ӈала. . .) — букв.: «На три руки». Имеется в виду традиционная мера длины у эвенков.

565 — . . .Вставил шестигранную стрелу. . . (. . .Нюӈун кирӣлкӑн нӧрвӣ нэрэн. . .). — Стрелы у эвенков различались наконечниками, которые в зависимости от назначения могли быть вилкообразными, шилообразными, раздвоенными или гранеными. Например, гранеными и раздвоенными охотились на гусей. Использование слова, уточняющего тип стрелы, в данном случае, по-видимому, объясняется стремлением к аллитерации (*н. . .н. . .н*. . .).

590—594 — *Его большой палец взревел, Мизинец взвизгнул, Громовой раскат выстрела Прогремел по земле, Ухнул в небе* — тетива богатырского лука при спуске стрелы издает страшный грохот.

621—625 — *Выщипай мой пух и перья*. . . *После этого тебе будет под силу Пройти все три мира*. — Пух и перья орла, встретившегося Дэвэлчэну, обладают волшебной силой.

667 — *Превратился в себя самого*. . . (. . .Илэ мэ̄нин ӧксӑ. . .). — Выше не говорилось о том, что Дэвэлчэн менял свой облик. Видимо, неточность сказителя.

680—681 — . . .*Для оленя его Удивительно красивые узорчатые накладки*. . . — Эвенки украшали оленью упряжь костяными накладками, покрытыми узорами.

728—729 — *Опустился он на большое стойбище, Словно из сорока четырех бубновых карт!* — Имеются в виду стоящие друг за другом жилища *авахи*. Образ «сорока четырех бубновых карт» (*бӯгунай* «бубновый», *кӑрты* «карты» <рус.) призван передать представление о многочисленности этих жилищ (см. коммент. к С 16—19).

736—737 — *Дверь открывалась слева, Окно было поставлено наоборот*. . . — см. коммент. к С 1931—1932.

798—799 — . . .*Господина своего Няргул-богатыря За обе руки взяв*. . . — Сказитель, по-видимому, упустил из виду, что *авахи* — существа однорукие.

880—881 — . . .*крепко держа копья, Вонзим их друг другу в черные печени*. . . — Каждый из противников стремится прежде всего поразить печень другого: по представлениям эвенков, этот орган считался наиболее важным и уязвимым.

899—901 — *Враг его за морем Целую скалу Своротил* — образ «моря» соответствует эпическому размаху поединка.

920—923 — *Девяностопудовый Железный мой лучище! Пусть твоя стрела не страшится камня, Не отскочит от серебра!* — *Авахи* заговаривает свою стрелу, подобно тому как это делают богатыри Среднего мира (например, Дэвэлчэн — см. Д 965—975).

1030—1031 — *И двум котлам мерзлого* [*мяса*] *Не успеть бы свариться* — одно из поэтических средств воплощения в эпосе народных представлений о скоротечности времени, опирающееся на этнобытовые реалии: эвенки мясо никогда не переваривали, продолжительность варки одного котла мерзлого мяса не превышала получаса.

1061 — *Теперь ты превратишься в кусочки железа*. . . — под ударами Дэвэлчэна его железный противник дробится на куски.

1071—1072 — *Взяв с правой голени Свой острый нож*. . . — Обычай носить нож на правой голени, известный с глубокой древности [9, с. 7], до сих пор сохранился у эвенков, живущих между Леной и Енисеем. Этот же способ ношения ножа бытует у энцев и кетов [Там же].

1121—1123 — *Решил посмотреть Богатырей-аи, Племена-аи*. . . — Речь идет о племенах-*аи* Верхнего мира.

1177—1179 — *Десятью своими пальцами пошевелила, Три-четыре раза туда и сюда* [*гре-*

бешком] *провела По своей шелковистой косе* — искусно применяемый сказителем поэтический прием замедления действия: Солкондор, прежде чем дать ответ, тщательно его обдумывает.

1331 — *варнак* (баранāк) — эвенк. *баранāк* происходит от устарелого рус. *варнак* 'каторжник'.

1340—1341 — *Погребальную одежду надень, Погребального оленя найди!* — см. коммент. к С 1176, 1180.

1362—1369 — *Ему привиделись камни... Оказалось — серые олени.* — Сравнение камней и растительности со скотом призвано показать его неисчислимость, в которой эвенки видели максимум богатства.

1373—1374 — *...дваждывосьмиугольному Дому-жилищу.* — Жители Верхнего мира обитают в жилищах с четырьмя, восемью или шестнадцатью углами. Количество углов дома соответствует геометрической эмблеме земли, состоящей, согласно древним представлениям многих народов мира, из четырех, восьми и т. д. углов (сторон света).

1383—1384 — *Дедушкой-бабушкой вас мне назвать, Отцом-матерью вас мне назвать...* — традиционное обращение богатыря к родителям будущей жены, выдержанное в духе почтительности и уважения.

1402—1404 — *...сильный ветер с моря Пригнал меня к вам, к вашему имени, Словно годовалого оленя-зверя.* — Дэвэлчэн, очевидно, имеет в виду, что его прибытию в Верхний мир способствовал попутный ветер. Говоря об «имени» собеседников (...к вашему имени), Дэвэлчэн подчеркивает, что оно пользуется широкой известностью и почетом.

1443—1446 — *Никто не ответил ему: «Хорошо» ...Не подумал: «Олень хоркает»* — эпическая формула такого рода выражает невнимание, пренебрежение. В данном случае, однако, может подразумеваться выжидание, своего рода «пауза», выдерживаемая знающими себе цену хозяевами (ср. Д 1846—1848).

1754 — *...Поиграли, позабавлялись...* (...эвӣксэл-эвӣксэл... — букв.: «поиграв-поиграв»). — В эвенкийском фольклоре глагол *эвӣ-* «играть» включает в себя и значение «состязаться (в стрельбе, в борьбе)» [6, с. 543].

1846—1848 — *Твои слова Тогда мне понравились, Нравятся и теперь...* — Становится ясно, что при первой попытке Дэвэлчэна поговорить с родителями жены (см. Д 1378—1442) его слова не остались неуслышанными.

1891 — *...Самые большие игрища мы увидим.* — Свадебные «игрища» включали пение, танцы, состязания в борьбе и стрельбе из лука.

1899 — *...На блестящую кровать...* (1898 — ...Бōлускай кира-вāттӯ... — букв.: «На польскую кровать»). — С приходом русских в Сибирь в быту эвенков и якутов появилось много новых предметов домашнего обихода. Эвенкийское *болӯскай* происходит от як. *болуускай* (< рус. *польский*, т. е., очевидно, «использовавшийся политическими ссыльными поляками»), употреблявшегося в словосочетаниях типа *болуускай сылаабаар* «польский самовар», т. е. «самовар из бледно-желтого сплава с небольшой прибавкой из серебра» [28, стб. 496, 996]. В более позднее время эвенки называли «польскими» кровати, спинки которых были сделаны из хромированной нержавеющей стали.

1936—1944 — *Кусок черного мяса... становился с куропатку.* — Дэвэлчэн отправляет в рот крупные куски мяса и проглатывает, слегка разжевав (отчего те уменьшаются: рябчик меньше глухаря, а куропатка меньше зайца). Богатырская мощь Дэвэлчэна проявляется не только в бою, но и во время еды.

1993 — *Силачи перетягивали друг друга* — вид состязания (известный также у якутов), когда двое его участников, сидя на земле напротив друг друга, держатся за палку и тянут ее на себя, стараясь поднять соперника с места.

2051—2053 — *...Усадив на коня, Трижды провели его По двору по ходу солнца* — отражение обряда перевозки женщины из рода родителей в род мужа.

2116 — *...двум молодым осенним лунам* — на фоне осеннего неба луна кажется особенно красивой.

2258—2259 — *...свой старый утэн. Никем не тронутый...* — Выше (Д 349—350) говорилось о том, что «Одна стенка *утэна*» Дэвэлчэна «была сорвана». В тексте, очевидно, подразумевается, что Дэвэлчэн нашел свой *утэн* в том же состоянии, в каком оставил его, отправляясь на поиски сестры.

2384—2389 — *Есть у меня серебряный ящик, В котором находятся Крылья, хвост И оперение серебряной птички. В них — Душа нашего сына.* — По представлениям эвенков, души еще не родившихся детей жили в виде птичек в местности, называемой *нектар* (слово, имеющее общий корень с эвенк. *нэви* «покойник» или «дух умершего предка» [8, с. 225—226]). В фольклоре восточных эвенков словом *бӣми*, обозначающим душу (см. коммент. к С 87), называют также синицу,

поскольку считается, что в ней заключена душа ребенка. В силу этого представления у эвенков существует запрет убивать маленьких птичек. В комментируемом тексте, по-видимому, отражается какой-то предродовой обряд с использованием чучела птички — «хранилища» души ребенка, которому предстоит появиться на свет.

2401—2403 — *Но сначала открой Все закрытые замки, Развяжи все завязанные узлы.* — В суровых условиях кочевой жизни эвенков нередки были случаи патологических родов женщин, когда роженица долго мучилась, умирала или рожала мертвого ребенка. По отношению к роженице существовало много запретов и оберегов. При трудных родах прибегали к различным магическим действиям. Одним из них было развязывание всех имеющихся в хозяйстве узлов, после появления в быту замков — их размыкание. Считалось, что без этого благополучный исход родов был невозможен.

2404—2405 — *Сруби три березки, Вбей колышки.* — В старину женщины рожали в построенных специально для родов чуме, палатке или пологе. Роженица стояла на коленях, опираясь подмышками на «козлы», крепившиеся на колышках, о которых и идет речь в тексте.

2406 — *Забей молодого коня.* — После благополучных родов эвенки обычно закалывали молодого оленя и кормили мать новорожденного свежим мясом, поили ее свежим отваром, чтобы появилось молоко. Киладий просит забить не оленя, а коня, вероятно, потому, что она — пришелица из Верхнего мира.

2430—2432 — *. . .На подстилку из шелковой зеленой травы Прямо темечком упав, Громко, стукнувшись головой. . .* — В летнее время роженицам подстилали молодую, мягкую траву, в другое время — оленью шкуру или шерсть, соскобленную со шкуры лося или оленя. Сын Киладий падает «на темечко» потому, что мать рожает, стоя на коленях (см. коммент. к Д 2404—2405). «Громкий» стук при падении новорожденного — эпический мотив, указывающий на появление на свет будущего богатыря.

2478 — *. . .Отвезти им нашего сына-первенца* — возможно, отражение какого-то обычая, по которому ушедшая при замужестве из своего рода женщина должна была отдать первого сына своим родителям на воспитание.

2524 — *По этому оленю мы дадим* [*сыну*] *имя.* — Ребенку подбирали верхового оленя и одежду, давая ему имя по связанному с ними признаку (масть оленя, цвет одежды и т. п.).

2802 — *Младшая сестра, родная сестра моя* — гостья Дэвэлчэна и Киладий — сестра отца Киладий (см. Д 2812), т. е. ее тетя. В соответствии с эвенкийской терминологией родства, тетя называет племянницу младшей сестрой. В свою очередь, Киладий называет тетю старшей сестрой (Д 2856).

2873—2882 — *. . .в ту колыбель. . . Медный лук . . . Обоюдоострое копье положите, Потник . . . расстелите. У головы . . . Пусть будет серебряная узда* — отражение одного из эвенкийских обычаев, связанных с рождением ребенка. В колыбель к новорожденному мальчику клали предметы, которые соответствовали его жизненному предназначению охотника и воина и, как предполагалось, еще в младенчестве способствовали формированию у него соответствующих качеств [8, с. 170—171]. Лук, копье, потник и узда, которые Киладий просит положить в колыбельку сына, необходимы для того, чтобы он вырос метким, сильным богатырем, умелым наездником.

2884 — *. . .Скатайте мяч. . .* (. . .Мэчикйэ ōксāл. . . — букв.: «Сделав мячик. . .»; эвенк. *мэ̄чик* < рус., см. коммент. к С 130). — Речь идет об игрушке.

2945 — *А родившийся их ребенок* — имеется в виду ребенок, к рождению которого приехала старуха Онедор.

СЛОВАРЬ НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ

Авахи (*авāһи* < як. *абааһы*) — злой дух, злое начало; все вредное, враждебное человеку; обитатель Нижнего мира.

Адярай (*адярай* < як. *адьарай*) — дьявол, черт, чудовище — то же самое, что *авахи*.

Аи (*аӣ* < як. *айыы*) — доброе начало; доброе божество, добрый дух — существо, заключающее в себе доброе начало; обитатель Среднего или Верхнего мира, богатырь, сражающийся с *авахи*.

Алгыс (*алгис* < як. *алгыс*) — благословение, хвала, мольба, благопожелание.

Араки (*аракӣ* < тюрк.) — вино, водка.

Гиро-гиро гироканин (гирō-гирō гирōканин), *гироканин-гироканин* (гирōканин-гирōканин) — запевное слово Содани (С) и Дэвэлчэна (Д).

Гуре-гуре (гурē-гурē) — запевное слово Киладий-красавицы (Д).

Гунгир-гунгир гунгирой (гуӈир-гуӈир-гуӈирой) — запевное слово богатыря Дугуйчана Дэлэйчэна (Д).

Дею-дею деюкэнин (деӣ-деӣ-деӣкэ̄нин) — запевное слово Солкондор (С), связано с основой *деӣ-* «наточить, заострить».

Дунгир-дунгир (дуӈир-дуӈир) — запевное слово орла (Д).

Дэвэ-дэвэ дэвэнин (дэвэ̄-дэвэ̄ дэвэ̄нин) — запевное слово Аякчан Ивекчан (С). Связано со словом *дэвэ̄* «сурик (минеральная краска)».

Дэгри-дэгри дэгримой (дэгрӣ-дэгрӣ дэгрӣмой) — запевное слово Солкондор (Д). Связано с основой *дэг-* «летать».

Кимэ-кимэ кимэнин (кимэ̄-кимэ̄ кимэ̄нин) — запевное слово Мэнгункэн-красавицы и старухи Баян Сигундэр (Д).

Кингир-кингир кингирдэнин (киӈир-киӈир киӈирдэ̄нин) — запевное слово богатыря-*авахи* (С). Эвенкийское *киӈир-киӈир* значит «невнятно, гнусаво, ворчливо».

Кодогой (< як. *ходоҕой* «всякая представительница женского пола на свадьбе со стороны невесты по отношению к стороне жениха и со стороны жениха по отношению к стороне невесты» [28, стб. 3435]) — сватья.

Кумалан (*кумалāн*) — коврик из шкур с головы оленя.

Лайда (*лāйда*) — поле, поляна, открытое ровное место.

Лавир-лавир лавирдан, ловир-ловир, ловир-ловир ловирдон — запевные слова *авахи* (Д).

Лингкир-лингкир лингкирйэ (лиӈкир-лиӈкир лиӈкирйэ) — запев богатыря Отани (Д). Связан со словом *лиӈкир* «крупный, высокий (обычно о деревьях, людях, оленьих рогах)». Указывает на высокий рост богатыря.

Лирве-лирве лирвея (лирвē-лирвē лирвея̄) — запевное слово богатыря Бокалдына (Д). Связан со словом *лирвирӣн* «косматый, свисающий бахромой, кистями».

Малу (*малӯ*) — место в чуме против входа, за очагом, самое почетное.

Мата — богатырь.

Мукукэ (*мукукэ̄*) — охотничья одежда из оленьей шкуры, ниже колен.

Нихайданне, нихайден, делэдынне, делэйдын (Ниһайданнē, ниһайдēн, делэдыннē, делэйдын!) — запевное слово «атамана» *авахи* Дегэ Бабэ (Д).

Нямагдан — хорошо выделанная шкура, в которую завертывали ребенка в люльке.

Огенга (*огēӈа̄*) — то же, что *авахи*.

Поняга (*пōнāгэ*) — наспинная доска для ношения тяжестей.

Сангияк (*саңияк* < як. *саңыйах* «доха») — шуба из дорогих мехов.

Сонинг (*сӧниң*) — богатырь, вождь (во время войны).

Татат-татат — междометие, выражающее сильный испуг.

Тунгур (< як. *тунур* «родственник через женитьбу детей, братьев, сестер») — родня по свойству.

Угэлэ-угэлэ угэндэр (угэлӭ-угэлӭ угэндэр) — запевное слово богатыря Иркиничэна (С).

Улыр-улыр улырой (ӯлыр-ӯлыр ӯлырӧй) — запевное слово богатыря Олингачана (С).

Уранкай (*ураңгай* < як., ср. як. *киһи ураанхай* «человек», *саха ураанхай* «якут») — синоним слов «человек», «эвенк».

Уруй (*уруй* < як. *уруй* «возглас, выражающий мольбу о благополучии, заклинание против зла» [28, стб. 3070]) — благопожелание.

Уткэн (*уткӭн*) — большой ножевидный тесак, насаженный на палку-древко. В эпосе упоминается как колющее, режущее оружие богатыря.

Утэн, утэнчик (*ӯтӭн*) — жилище эвенка, богатыря-*аи*, род чума, укрываемого на зиму землей, летом — корой хвойных деревьев.

Хэй (*һэй*) — окрик, которым погоняют оленей.

Энгтэвлэнин-энгтэвлэнин (эңтэвлӭнин-эңтэвлӭнин) — запевное слово верхового оленя (С и Д). происходит от основы *эңтэ-* «хоркать, издавать трубные звуки».

Эрил дэрил (*ӭрил дэрил*) — запевное слово богатыря Ирэвлинде (Д).

Юкир-юкир юкирмой (юкир-юкир-юкирмой) — запевное слово богатыря Херкининди (С).

СЛОВАРЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Аи Бэгин (Аӣ Бэгин, букв.: «Аи-господин»; *аи* — см. словарь непереведенных слов, *бэгин* «господин») — верховный небожитель, отец Содани, Аякчан и Иркиничэна (С).

Аихитмандя (Аӣhитмандӣ, букв.: «Большой творец, создатель», ср.: як. айыыһыт «творец, создатель») — верховный небожитель, отец Мэнгункэн (Д).

Аякчан Ивекчан (Аякчӣн Ивекчӣн, букв.: «Хорошенькая стыдливенькая», ср.: *ая* «хороший, добрый, славный, красивый», *ивдя-* «смущаться, быть скромной») — жительница Среднего мира, младшая сестра Содани и Иркиничэна (С).

Баян Бегандар (Баян Бегандар этыркӣн, букв.: «Богатый лунный старик», ср.: эвенк. *баян* «богатый», *бӣга* «луна», *этыркӣн* «старик») — верховный небожитель, отец Киладий (Д).

Бокалдын (Бӧкӣлдын мата, букв.: «Слуга-богатырь», ср.: *бокан* «слуга, раб», *мата* «богатырь») — *богатырь Верхнего мира (Д).*

Баян Сигундэр, Баян Сигурдэн (Сигундэр Баян атыркӣн, букв.: «Солнечная богатая старуха», ср. эвенк. *сигун* «солнце», *атыркӣн* «старуха») — верховная небожительница, мать Киладий (Д).

Бултэрикэн (Бултэрикӣн, букв.: «Кругленький», от як. *бултэгэр* «выпуклый, надутый, шарообразный») — имя Иркиничэна во время его пребывания в Нижнем мире (С).

Дугуйчан-Дэлэйчэн (Дугуйчан-Дэлэйчӣн; ср.: як. *дугуй-* «иметь легкую походку, ходить легко», як. *дэлэй* «вдоволь, в изобилии; вольготный, привольный, свободный») — юный богатырь Среднего мира, сын Дэвэлчэна и Киладий (Д).

Дегэ Бабэ (Дегэ Бӣбэ, от рус. Яга-Баба) — «атаман» Нижнего мира (Д).

Дэвэлчэн (Дэвэлчӣн, от *дэвэ-, дэвэр-* «разукрасить минеральными красками») — богатырь Среднего мира, главный герой (Д).

Иркиничэн (Иркиничӣн, от *иркин* «самец дикого оленя в осеннюю пору, перед гоном») — богатырь Среднего мира, один из главных героев (С).

Ирэглинде, Ирэвлинде (Ирӭглинде, Ирӭвлинде, букв.: «Большой лиственничный лес», ср.: *ирӭг* «лиственничник», ирӭгли «лиственничный») — богатырь Верхнего мира, один из братьев Киладий (Д).

Киладий (Килӣдий, от як. *кылаан* «лезвие, острие, ость меха», переносно «лучший, отборный») — девушка из Верхнего мира, жена Дэвэлчэна (Д).

Мэнгункэн (Мэӈункӣн, букв.: «Серебрянка», ср.: *мэӈун* «серебро») — девушка из верхнего мира (Д).

Няргучан, Няргул (Няргучӣн, Няргул, ср.: *няргу* «двухлетний лось-самец») — богатырь Нижнего мира, противник Дэвэлчэна (Д).

Олингачан (Ӧлиӈачӣн, букв.: «Вороненок», ср.: *ӧлӣ* «ворон») — богатырь Верхнего мира, брат Херкининди (С).

Онёдор (Онёдор, от *онё-* «рисовать, вышивать») — «старуха» из Верхнего мира, тетя Киладий (Д).

Отани (Ӧтанӣ, от *ӧта, ӧкта* «тальник, полярная береза») — богатырь Верхнего мира, один из братьев Киладий (Д).

Содани (Содӣнӣ, от *сӧ* «сильный, храбрый») — богатырь Среднего мира, один из главных героев (С).

Солкондор (Солкондӧр, от *солко* «шелк», як. *солко* < рус.) — имя жительницы Среднего мира, жены Иркиничэна (С) и сестры Дэвэлчэна (Д).

Сэлэмэ Дыгияндя (Сэлэмэ Дыгиянда̄, ср.: *сэлэмэ* «железный», як. *дыгый-* «ходить, слегка касаясь ногами земли», здесь, возможно, «передвигаться на одной ноге») — железный богатырь Нижнего мира, противник Содани и Иркиничэна (С).

Сэлэмэ Дэвиндэр (Сэлэмэ Девинда̄р, букв.: «Ржавчина на железе», ср.: *сэлэ* «железо», як. *дьэбин* «ржавчина») — железный богатырь Нижнего мира, противник Содани и Иркиничэна (С).

Тукала Маҥи (Тукала Маҥи, букв.: «Глиняный великан», ср.: *тукала* «глина, земля», *маҥи* «сказочный богатырь, великан», «черт», «дух земли» и др.) — «атаман» Нижнего мира (С).

Туливчан (Туливча̄н, от *тули-, тулимка-* «измерять глубину» [в поэтической речи]) — шаманка Среднего мира, дочь Иркиничэна и Солкондор (С).

Угу Бегандар (Ӯгӯ Бе̄ганда̄р этыркэ̄н, букв.: «Верхний лунный старик») — верховный небожитель, отец Киладий (Д), см. Баян Бегандар.

Угу Бегин (Ӯгӯ Бэгин, букв.: «Верхний господин») — верховный небожитель, отец Солкондор (С).

Угу Катун (Ӯгӯ Катун, букв.: «Верхняя госпожа»; ср.: як. хотун «госпожа») — верховная небожительница, мать Солкондор (С).

Угу Улгэр Бэгин (Ӯгӯ Улгэ̄р Бэгин, букв., «Верхний господин созвездия Плеяды») — верховный небожитель, отец Херкининди и Олингачана (С).

Угу Онёдор Катун (Ӯгӯ Онёдор Катун, букв.: «Верхняя мастерица-госпожа») — верховная небожительница, мать Херкининди и Олингачана (С).

Угу Херкининдя, Херкининдя (Ӯгӯ hёркининда̄, букв.: «Верхний Херкининдя»; *ӯгӯ* — см. Угу Бэгин; hёркининда̄, букв.: «Огромная молния», ср.: *hёркин* «молния») — богатырь Верхнего мира, брат Олингачана (С).

Хуркокчон (hуркокчон, от *hуркэ̄н* «мальчик, юноша») — сын-первенец Дэвэлчэна и Киладий (Д).

Эден Едяксит (Эдё̄н Ёдяксит, ср.: *эдё̄н* «хозяйка», як. *иэйиэхсит*, название богинь, покровительствующих людям, лошадям и рогатому скоту) — верховная небожительница, мать Мэнгункэн (Д).

Эден Еексит (Эдё̄н Ёёксит; см.: Эден Едяксит) — верховная небожительница, мать Содани, Аякчан и Иркинчэна (С).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айзенштадт А. М.* Вопросы ладообразования в эвенкийской народной музыке // Проблемы музыкального фольклора народов СССР. — М., 1973. — С. 212—225.

2. *Айзенштадт А. М.* Жанровая типология эвенкийского речитатива // Актуальные проблемы изучения музыкального фольклора. — Ростов н/Д, 1983. — С. 40—53.

3. *Анисимов А. Ф.* Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. — М.; Л., 1958. — 235 с.

4. *Булатова Н. Я.* Говоры эвенков Амурской области. — Л., 1987. — 168 с.

5. *Василевич Г. М.* Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. — Л., 1936. — 290 с.

6. *Василевич Г. М.* Эвенкийско-русский словарь. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. — 802 с.

7. *Василевич Г. М.* Исторический фольклор эвенков (сказания и предания). — М.; Л., 1966. — 399 с.

8. *Василевич Г. М.* Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII—начало XX в.). — Л., 1969. — 304 с.

9. *Василевич Г. М.* От редактора // Романова А. В., Мыреева А. Н. Фольклор эвенков Якутии. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. — С. 3—7.

10. *Воробьев М. В.* Культура чжурчжэней и государство Цзинь (X в.—1234 г.). — М., 1983. — 448 с.

11. *Воскобойников М. Г.* Фольклор эвенков Бурятии. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. — 156 с.

12. *Воскобойников М. Г.* Эвенкийский фольклор. — Л., 1960. — 339 с.

13. *Воскобойников М. Г.* Фольклор эвенков Прибайкалья. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. — 183 с.

14. *Гурвич И. С.* Культура северных якутов-оленеводов. К вопросу о поздних этапах формирования эвенкийского народа. — М., 1977. — 248 с.

15. *Жорницкая М. Я.* Народные танцы Якутии. — М., 1969. — 167 с.

16. *Карабанова С. Ф.* Танцы малых народов юга Дальнего Востока СССР как исторический источник. — М., 1979. — 161 с.

17. *Квитка К. В.* Избранные труды: В 2 т. — М., 1971. — Т. 1. — 384 с.

18. *Кривошапко Г. М.* Музыкальная культура якутского народа. — Якутск: Кн. изд-во, 1982. — 184 с.

19. *Ксенофонтов Г. В.* Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. — Иркутск, 1937. — Т. 1. — 578 с.

20. *Матусевич М. И.* Введение в общую фонетику. — Л., 1948. — 135 с.

21. *Мыреева А. Н.* Н. Г. Трофимов (Бута) — эвенкийский сказитель // Тезисы докладов конференции фольклористов Сибири и Дальнего Востока. — Улан-Удэ, 1966. — С. 59—61.

22. *Мыреева А. Н.* Сказительство в условиях якутско-эвенкийского двуязычия // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. — Якутск, 1978. — С. 190—201.

23. *Мыреева А. Н.* О запевах эвенкийских сказаний // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. — Якутск, 1980. — С. 93—103.

24. *Мыреева А. Н.* Поэтические особенности эвенкийских сказаний // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. — Горно-Алтайск, 1986. — С. 177—182.

25. *Мыреева А. Н.* Семантическая и морфологическая характеристика собственных имен эвенкийских сказаний // Актуальные вопросы языков народностей Севера. — Якутск, 1986. — С. 77—88.

26. *Новикова К. А., Савельева В. Г.* К вопросу о языках коренных народностей Сахалина // Языки и история народностей Крайнего Севера СССР. — Л., 1953. — С. 84—134.

27. *Образцы* народной словесности монгольских племен. — Спб., 1918. — Т. 1, вып. 300. — С. 504—648.

28. *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. — Б. м., 1958. — Т. 2, 3.

29. *Путилов Б. Н.* Типология фольклорного историзма // Типология народного эпоса. — М., 1975. — С. 164—182.

30. *Пухов И. В.* Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходство, различия // Типология народного эпоса. — М., 1975. — С. 12—63.

31. *Пухов И. В.* Фольклорные связи народов Севера. (Эпические жанры у эвенков и якутов) // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. — М., 1980. — С. 264—282.

32. *Романова А. В., Мыреева А. Н.* Фольклор эвенков Якутии. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. — 211 с.

33. *Романова А. В., Мыреева А. Н., Барашков П. П.* Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. — 211 с.

34. *Сравнительный* словарь тунгусо-манчжурских языков. — Л., 1975. — Т. 1. — 672 с.; 1977. — Т. 2. — 992 с.

35. *Стешенко-Куфтина В. Н.* Элементы музыкальной культуры палеоазиатов и тунгусов // Этнография. — 1930. — № 3.

36. *Чекановска А.* Музыкальная этнография: Методология и методика. — М., 1983. — 190 с.

37. *Шаракшинова Н.* Героический эпос бурят. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. — 160 с.

38. *Шейкин Ю. И.* Допесенное и песенное в фольклоре удэ // Народная песня: Проблемы изучения. — Л., 1983. — С. 79—93.

39. *Якутско-русский словарь.* — М., 1972. — 606 с.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

алт.	— алтайский	ороч.	— орочский
бур.	— бурятский	тув.	— тувинский
долг.	— долганский	тюрк.	— тюркский
калм.	— калмыцкий	ульч.	— ульчский
монг.	— монгольский	хант.	— хантыйский
монг.-ойр.	— монгольско-ойратский	эвен.	— эвенский
нег.	— негидальский	эвенк.	— эвенкийский
нен.	— ненецкий	як.	— якутский
орок.	— орокский		

SUMMARY

The present book opens a bilingual (an original text and a Russian translation) academic series «The Folk-lore Monuments of the Peoples of Siberia and the Far East» in 63 volumes which will be coming out over a long period of time.

This series is prefaced with an introductory article defining its conception, structure, scientific-historical context and novelty.

Two unique Evenk heroic poems «Brave Sodani-hero» and «All-powerful Develchen in the Embroidered and Decorated Clothes» performed by the famous narrator N. G. Trofimov (1915—1971) are published for the first time. Two stories are based on the myths about the Evenks living in the Middle (Terrestrial) world and fighting against evil hostile forces on the Low and Upper World.

The characters of these legends struggle for their right to live and prosper on their native land. They win and give a start to ancestors of the Evenks.

The Evenk epos emphasizes the unity of men and nature reminding of the «roots» of human existence. Both male and female images are wonderful.

The introductory articles reveal originality of these narrations, their misical harmony and style, historical and ethnographical details. Musicological and other explanations as well as an enclosed gramophone record with the characters' songs make the edition highly valuable.

The book is intended for experts as well as for all the interested readers.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии 7

Фольклор народов Сибири и Дальнего Востока: истоки и традиции. *В. М. Гацак, А. П. Деревянко, А. Б. Соктоев* 10

Эвенкийские героические сказания. *А. Н. Мыреева* 72

Музыка эвенкийских сказаний. *А. М. Айзенштадт, Ю. И. Шейкин* 89

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ

Сō бэе Сōданӣ мāтā 126

Храбрый Содани-богатырь 127

Инāрдан-дэвэрдэн тэтӹлкэн дэгилтэр сōӈку Дэвэлчэн 238

Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде 239

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Сō бэе Сōданӣ мāтā — Храбрый Содани-богатырь 371

Инāрдан-дэвэрдэн тэтӹлкэн дэгилтэр сōӈку Дэвэлчэн — Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде 380

Словарь непереведенных слов 384

Словарь собственных имен 386

Список литературы 388

Условные сокращения 389

Summary 390

Научное издание

ЭВЕНКИЙСКИЕ
ГЕРОИЧЕСКИЕ
СКАЗАНИЯ

Редактор издательства *М. А. Лапшина*
Художественный редактор *В. И. Шумаков*
Технический редактор *С. А. Смородинова*
Корректоры *Е. Н. Зимина, Л. Л. Михайлова*

ИБ № 34997

Сдано в набор 15.01.90. Подписано к печати 22.06.90. Формат 75×90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Лазурского. Фотонабор. Усл. печ. л. 31.9. Усл. кр.-отт. 31.9. Уч.-изд. л. 28.8. Тираж 16 100 экз. Заказ № 56. Цена 7 р. 50 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука», Сибирское отделение.
630099 Новосибирск, ул. Советская, 18

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука».
199034 Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

7 р. 50 к.

«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ЭВЕНКИЙСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

МЕЛОДИЯ

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ЭВЕНКИЙСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР. СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
ЯКУТСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК

МОНО М92 49355 002

ЭВЕНКИЙСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ

Сторона 1

Напев Хуркокчона — богатыря Верхнего мира — 2.30

Напев девушки Секак — 3.30

Напев верхового оленя — 3.00

Сторона 2

Напев Деге Бабэ — богатырки Нижнего мира — 0.50

Напев Сэлэргуна Сэвэндя — богатыря Нижнего мира — 1.26

Напев слуги-пастуха Бокалдына — 2.05

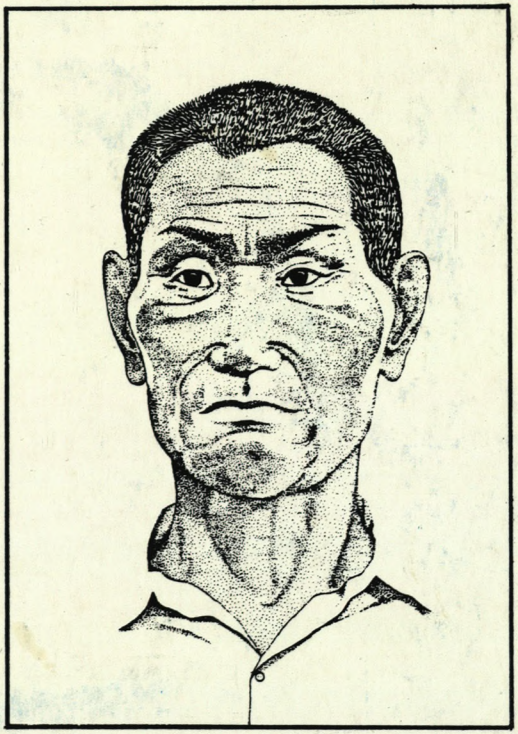
Напев девушки Солкондор — 4.02

На эвенкийском языке

Н. Г. ТРОФИМОВ

Составитель Ю. Шейкин

Звукорежиссер М. Дидык. Редактор К. Симонян
Художники: А. Рюмин, В. Шумаков



Звучит голос замечательного эвенкийского сказителя Н. Г. Трофимова (1915 — 1971).

Исполнявшиеся им сказания «Храбрый Содани-богатырь» и «Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде», к сожалению, зафиксированы лишь в письменной записи, осуществленной благодаря подвижническому труду самого Н. Г. Трофимова и исследовательницы эвенкийского языка и фольклора А. Н. Мыреевой.

На пластинке представлены семь фрагментов сказания «Иркисмондя-богатырь», записанного А. Н. Мыреевой от Н. Г. Трофимова в 1964 году на магнитную ленту. Они не только демонстрируют его исполнительскую манеру и фоническую природу продолженной им эпической традиции, но и позволяют представить музыкальную характеристику персонажей в оставшихся для нас «немыми» сказаниях «Содани-богатырь» и «Всесильный богатырь Дэвэлчэн...».

Е. Аникин

© ВТПО «ФИРМА МЕЛОДИЯ», 1990
Всесоюзная студия грамзаписи
Экспедиционные записи 1964 г.
Ленинградский завод грампластинок
31.08.90. Тип. завода З.2254-о- 25000
АРТ. 10-3. ЦЕНА 70 КОП.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ВТПО „ФИРМА
МЕЛОДИЯ“
МОНО ▽ 33
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЗАВОД
ГОСТ 5289-88
М92-49355
Гр. 2. 0-55
1
ЭВЕНКИЙСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ
Напев Хуркокчона—богатыря
Верхнего мира
Напев девушки Секак
Напев верхового оленя
На эвенкийском языке
Н. Г. Трофимов
Запись 1964 г.
ГОД ВЫПУСКА 1990

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ВТПО „ФИРМА
МЕЛОДИЯ“
МОНО ▽ 33
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЗАВОД
ГОСТ 5289-88
Гр. 2. 0-55
2
М92-49356
ЭВЕНКИЙСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ
Напев Деге Бабэ—богатырки
Нижнего мира. Напев Сэлэргуна Сэвэндя—богатыря
Нижнего мира. Напев слуги-пастуха Бокалдына
Напев девушки Солкондор
На эвенкийском языке
Н. Г. Трофимов
Запись 1964 г.
ГОД ВЫПУСКА 1990